

Грандиозные битвы ближайшего будущего
от лучших российских фантастов!

WARFIST

• ЮРИЙ БУРНОСОВ •
ПИКВИДАТОР

Annotation

Эхо войны между Легионом Свободы и Синдикатом донеслось в самые далекие уголки планеты. Не прав тот, кто думает, что война идет только на экранах телевизоров и в Интернете. В тех местах, которые не всегда показывают на картах, свистят пули и гремят взрывы, гибнут люди и обращаются в руины целые города. Сергей Мамонтов, ликвидатор Легиона Свободы, прибывает в Кувейт, дабы выполнить опаснейшее задание командования. Мамонт хитер, решителен и смертоносен. Но чем дальше, тем больше он убеждается, что в большой игре между Легионом и Синдикатом ему отведена роль разменной монеты. С этого момента ликвидатор может доверять только себе. Единственный друг — верный пистолет, единственное желание — дожить до завтрашнего утра. Единственная цель — не дать себя ликвидировать.

- [Юрий Бурносков](#)
    -
    -
    - [Часть 1. Рикошет](#)
      - [Глава 1. На крючке](#)
      - [Глава 2. Погорельцы](#)
      - [Глава 3. Улей](#)
      - [Глава 4. Резонанс](#)
    - [Часть 2. Русская рулетка](#)
      - [Глава 1. На волоске](#)
      - [Глава 2. Палки в колесах](#)
      - [Глава 3. Впотьмах](#)
    - [Эпилог](#)
-

Юрий Бурносов

Ликвидатор

Тот, кто выигрывает войну, никогда не перестанет воевать.

Э. Хемингуэй, «Прощай, оружие!»

Часть 1. Рикошет

Глава 1. На крючке

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я медленно бреду к двухэтажному зданию почты, где находится временный штаб Синдиката. Лоб мой блестит от пота, но виной тому не волнение и тем более не страх, а засушливый климат Эль-Бургана, города, выросшего вокруг крупного нефтяного месторождения в Кувейте около десяти лет назад.

— Твоя цель — подполковник Роберт Огден, — вещал генерал Джон Тейлор с экрана мобильного во время вчерашнего сеанса связи. Картинка слегка подрагивала и время от времени зависала: Интернет в этих краях был явно далек от идеала. — Ты ведь справишься, Мамонт?

Я пожал плечами:

— Должен.

«Должен»... Вся идея Легиона построена вокруг этого самого слова. «Мы должны...», «Долг превыше всего», «На нас рассчитывают...». Джон Тейлор повторял подобные фразочки изо дня в день, и в его исполнении они звучали, как древние заклятья, которые действительно способны зажечь сердца единомышленников.

Двое солдат, едва меня завидев, вытянулись в струнку и отдали под козырек. Я нехотя остановился, ответил им тем же и с каменным выражением лица продолжил свой путь.

— Это Харрис, что ли? — услышал я за спиной заговорщицкий шепот.

— С ума сошел? — фыркнул второй голос. — Харрис же майор, а это — капитан.

— Вот черт, и правда. А это тогда кто?

— Твое какое дело? Погнали уже, пока нас опять не припахали.

Я улыбнулся самыми уголками рта, слыша их удаляющиеся шаги. Форма офицера Синдиката не только служила пропуском во временный штаб, но и избавляла облаченного в нее человека от неуместных вопросов сержантов, капралов и прочей шушеры рангом ниже. И то, что на форме этой имелись грязные пятна, что она слегка пованивала, только добавляло мне вистов в глазах простого солдата — они видели в безымянном капитане настоящего мужика, который не боится запачкать руки. Готов спорить, никто не догадается, что воняет от меня треклятой эль-бурганской

канализацией, через которую я и проник на территорию Синдиката. Вони, подобной той, что царила внизу, мне прежде вдыхать не доводилось. Как меня не вывернуло наизнанку, ума не приложу.

Я утер пальцем проступившую слезу: накладные усы щекотали нос. Удивительно, насколько они меняют человека. Многие считают, что изменить внешность не так-то просто, но на самом деле мне для этого нужно всего три вещи — накладные усы (или бородка), линзы (чтобы сменить цвет глаз), головной убор (чтобы скрыть волосы) и выработанное годами хладнокровие. Вы можете изменить внешность до неузнаваемости, но выдать себя одним мимолетным движением. Или же надеть линзы с бородкой и спокойно продефилировать через вражеский лагерь прямо к цели — если у вас достаточно выдержки и самообладания. Был, конечно, и более любопытный способ, чем «костюмированная вечеринка», но я, как обычно, старался не усложнять там, где это не требуется, и потому обошелся самым примитивным гримом.

Дежурившие у входа в штаб рядовые отдали мне воинское приветствие. Я на сей раз ограничился лишь сдержанным кивком и, толкнув дверь, вошел внутрь.

Внутри царил могильный холод: кондиционеры на стенах работали на полную катушку. Я невольно вспомнил детство: за окном снег метет вовсю, мороз минус двадцать, а у нас в малосемейке на окраине Подольска батареи буквально ледяные... Поежившись, я отогнал прочь неуместные воспоминания и сосредоточился на задании.

Слева от входа несколько офицеров толпились у закрепленной на стене сенсорной панели, видимо обсуждая грядущее наступление; справа двое, первый лейтенант и тучный сержант, пили кофе, о чем-то негромко переговариваясь. Не задумываясь, я шагнул к этой парочке и спросил:

— Где я могу найти майора Харриса?

— Должен быть наверху, в архиве, — ответил лейтенант. Сержант рядом с ним на всякий случай отставил кружку в сторону и выпрямил спину. — Не желаете кофе, сэр?

— Благодарю, но нет. — Я уже спешил к лестнице, ведущей на второй этаж.

Однако стоило мне ступить на первую ступеньку, как Харрис сам вышел мне навстречу — он с беззаботным видом спускался вниз, когда наткнулся на меня.

— Это я, Сэм, — прошептал я, посмотрев на него в упор.

— Мамонт? — после непродолжительной паузы спросил он одними губами.

Я взглядом указал наверх, а вслух сказал:

— Срочное сообщение, сэр. Мы могли бы поговорить с глазу на глаз?

— Конечно. — Он затравленно покосился на пьющих кофе, затем — на толкущихся у панели офицеров. — Конечно... капитан. Пройдемте наверх.

Он развернулся и устремился обратно на второй этаж. Я пустился следом, спиной чувствуя задумчивые взгляды лейтенанта и сержанта. Сомневаюсь, что они меня в чем-то заподозрили, но каждый из них наверняка подумал: «Почему я совсем не помню этого парня?»

Если все сложится удачно, мы больше никогда не увидимся и они не спросят напрямик, кто я и как здесь оказался.

Едва мы вошли в комнату Харриса, он закрыл дверь и набросился на меня с вопросами:

— Что ты здесь забыл? Это часть новой миссии? Почему мне не сообщили? Генерал Тейлор в курсе?

— Вообще-то он меня сюда и направил, — пожал я плечами.

— Зачем? — Майор глупо захлопал глазами.

— Чтобы я устранил Огдена.

Харрис побледнел, закусил нижнюю губу и покачал головой.

— Почему же он меня в известность не поставил? — хриплым от волнения голосом спросил наш добрый «крот». — Еще слишком рано...

— В самом деле? — усмехнулся я. — А вот генерал считает иначе.

— Генерал... Он в десятках тысяч миль отсюда, а мы — здесь, мы все видим... — Харрис быстрым шагом прошел через комнату к окну, выглянул наружу, словно опасаясь, что ошивающиеся поблизости солдаты каким-то образом смогут подслушать, о чем мы тут болтаем.

— Нам нельзя... — начал было он, однако я не дал ему закончить.

Шприц с ядом вонзился в незащищенную шею «крота», и Харрис вздрогнул всем телом.

— Что... что ты... — слабым голосом пробормотал он, пытаясь ухватиться за меня, чтобы не упасть.

Однако я безучастно отступил в сторону, позволив ему рухнуть на колени, а потом для верности толкнул его ногой. Когда затылок коснулся пола, он уже был мертв. Яд торикабуто, столь почитаемый японскими ниндзя, как обычно, не подвел.

За спиной скрипнули дверные петли. Я оглянулся через плечо и увидел бледное лицо давешнего лейтенанта.

— Что встал?! — рявкнул я, опережая любые вопросы. — Не видишь, человеку плохо?! Врача, бегом!

Мой крик живо вывел его из ступора: отрывисто кивнув, парень бросился вниз, перепрыгивая через несколько ступенек за раз. Я же, не медля, резко поднял оконную раму и выглянул наружу. Высота смешная, конечно, но подвернуть ногу можно запросто, а с вывихом попробуй убеги от разъяренных солдат Синдиката!..

Впрочем, иного пути для отступления у меня все равно не было, и потому я споро выбрался наружу, ухватился за подоконник и повис на руках. Посмотрев вниз и убедившись, что ничего опасного подо мной нет, я мысленно сосчитал до трех и разжал пальцы.

Приземление нельзя было назвать мягким — все-таки армейские ботинки для подобного «паркура» обувь не самая подходящая, — однако обошлось без травм. Оправив растрепавшуюся форму, я устремился к ближайшей подворотне, намереваясь отыскать канализационный люк и благополучно скрыться, как вдруг меня нагнал до боли знакомый голос:

— Стоять.

Я замер. Медленно, стараясь не провоцировать «невидимку», повернул голову на голос и увидел достопамятного лейтенанта. С каменным выражением лица он направлял на меня пистолет.

— Вы нашли врача? — нахмутив брови, строго поинтересовался я.

Мой вопрос его заметно удивил. Он ведь до конца не понимал, что происходит. Станный, незнакомый ему капитан появляется в штабе, поднимается вверх, чтобы встретиться с майором, потом требует вызвать для этого майора лекаря, а сам благополучно покидает здание через окно... Чертовщина какая-то, не иначе. Но, так как, по сути, никаких доказательств против меня нет, а безосновательно обвинять старшего по званию — идея не самая лучшая, лейтенант просто переминается с ноги на ногу, на всякий случай держа меня на мушке.

— Нет, но... — попытался оправдаться парень, однако я свирепо воскликнул:

— И почему?! Майор Харрис при смерти, а вы за мной гоняетесь?!

Возмущаясь, я мимоходом сумел повернуться к нему лицом и даже сделать махонький шагжок навстречу. Увлеченный моей пламенной речью, он то ли ничего не заметил, то ли не придавал своим телодвижениям особого значения.

Зря.

— Вы... вы только что выпрыгнули из окна второго этажа! — дрожащим от волнения голосом напомнил он, не опуская пистолет. — Потрудитесь объясниться... сэр!

— Почему я должен объясняться перед младшим по званию, скажите-

ка мне, лейтенант?! — рывкнул я, продолжая корчить злобные рожи и семенить к моему пленителю.

Нас разделяло всего два шага.

Я резко задрал голову и, глядя на окно, через которое вылез, радостно воскликнул:

— Харрис, старина! Слава богу, вы живы!..

Лейтенант инстинктивно повернулся, чтобы лично взглянуть на ожившего майора, а мне только это и нужно было: резко подступив к нему, я безжалостно выдрал пистолет из рук лейтенанта и огрел его по голове рукоятью. Он рухнул без чувств — удар пришелся в височную долю, — а я метнулся к ближайшей подворотне. Скрывшись за огромным мусорным контейнером, чудом уцелевшим во время недавней бойни за восточный Эль-Бурган, я споро стянул походный китель, обтер его краем пистолет и вместе с кепкой и надоевшими усами отправил все это богатство в помойку. Блестя наголо бритой головой, я в сине-черной футболке Синдиката неспешно устремился к виднеющемуся неподалеку канализационному люку. Шел я вразвалочку, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания. Я практически не сомневался, что лейтенант находится в отключке и что с затылка меня не так-то просто опознать, однако рисковать не стоило.

По-хорошему, мне бы убраться из проклятого Эль-Бургана, пока собраты по оружию из Легиона не прознали о моем неожиданном предательстве. Но, как назло, на вечер у меня была запланирована крайне важная встреча в городской черте, пропустить которую я никак не мог.

К счастью, стычкой с чересчур любопытным лейтенантом мои похождения на территории Синдиката и закончились: беспрепятственно достигнув люка, я опустил на корточки рядом с чугунной крышкой.

Канализация встречала меня знакомой вонью.

2031 г., ранчо «Эстрелла», Финикс, Аризона

Когда ноутбук разразился характерным звуковым сигналом, Джон Тейлор находился в кухне на втором этаже, где варганил нехитрый завтрак из трех яиц и пары сосисок. Нахмурившись, он выключил плиту и прошел в кабинет мимо дежурившего у входа солдата.

Увидев, кто именно его вызывает, генерал помрачнел еще больше.

«Ричард, Э-Б».

— Принять, — прогремел Тейлор.

На экране возникла обеспокоенная физиономия старого знакомого Тейлора — полковника Ричарда Уайлдера. Джон познакомился с Ричардом во время первой Афганской кампании, когда тот еще не обзавелся тяжелыми, как у откормленного кота, щеками, а густые брови и коротко стриженные волосы не выбелила ранняя седина.

— Что-то экстренное, Дик? — спросил Джон, облокотившись на столешницу.

— Можно сказать и так, сэр, — ответил полковник с экрана ноутбука.

Он замялся — видимо, отчаянно подбирая слова.

— Что случилось? — спросил Джон.

Ричард поднял голову и, вздохнув, сообщил:

— Мамонт пропал, сэр. Он должен был выйти на связь два часа назад, но до сих пор этого не сделал. Я взял на себя смелость лично связаться с ним, однако его мобильник вроде как... отключен.

На некоторое время воцарилась тишина. Закатив глаза к потолку, Джон жевал нижнюю губу, а Ричард на экране терпеливо ждал, пока генерал все обмозгует.

— Что ж, пожалуй, нам остается только ждать, — наконец произнес Тейлор. — Возможно, у него возникли какие-то сложности и он выйдет на связь попозже.

— А что, если он прокололся, сэр? — откашлявшись, спросил полковник.

— Пока что просто ждем, Дик, — с нажимом повторил Тейлор. — Если Сэм выйдет на связь, звони в любое время дня и ночи. Если же нет... — Джон бросил взгляд на наручные часы. — Дадим ему время до утра. Потом набери меня, будем что-то решать.

— Вас понял, сэр, — кивнул Ричард.

— Конец связи, — сказал Джон и нажал отбой.

После он вернулся на кухню и снова включил плиту.

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я сидел за стойкой в занюханном баре на западной окраине Эль-Бургана, вертел в руках стакан с водой и хмуро рассматривал в треснувшем зеркале на стене собственное отражение. Тринадцать лет назад это лицо еще не было изрезано морщинами да шрамами, а его обладатель мог похвастаться пышной пепельной шевелюрой и лучшим хуком с правой среди студентов университета Северной Каролины. Его, к слову, когда-то

окончил небезызвестный Майкл Джордан и многие другие выдающиеся спортсмены. К сожалению или к счастью, учеба давалась мне куда труднее, чем бокс, и со второго курса меня отчислили за неуспеваемость. Затем была армия, пламенные речи генерала Джона Тейлора, участие в его Иранской кампании...

И памятная Сирджанская Мясорубка.

Я сжал стакан так, что он едва не лопнул. Опомившись, я спешно опустил его на стойку и сплел пальцы рук перед собой. Прошло без малого десять лет, но те события свежи в памяти, как будто это случилось только вчера. Боюсь, я уже никогда не забуду рокот сотни автоматов, замечательного Винни Коэна, моего друга, умершего прямо у меня на руках, и первую личную встречу с генералом Тейлором, которая состоялась через день после моего чудесного возвращения в Бендер-Аббас.

Я бросил взгляд на часы, чертыхнулся и оглянулся через плечо. Большая часть столиков в мрачном зале бара пустовала. Лишь за двумя из них восседали солдаты Легиона, находящиеся то ли в увольнении, то ли в самоволке. Как и положено обычным рядовым, не обременяющим себя лишними мыслями, они шутили, ржали, как кони, и пили дрянную местную водку. Мне жутко хотелось покинуть это богом забытое место, однако я вынужден был ждать связного.

— Еще воды, не? — предложил бармен на ломаном английском и осклабился, довольный собственной остротой. Был он тощий араб с черными волосами и вытянутым треугольным подбородком.

— Нет, — бросил я без тени улыбки.

— А ты не с ними, не? — Бармен кивком указал на развлекающихся солдат.

— Нет.

Он покивал и, поняв, что я не настроен развлекать его беседой, разочарованно отвернулся к кассе.

По счастью, связной прибыл точно в срок, не заставив меня ждать ни одной лишней минуты.

— Мистер Сэм, — с донельзя фальшивой улыбкой произнес тощий мужчина, опускаясь на табурет рядом со мной. — Как я рад вас видеть!

— Не поверите, мистер Жук, но сегодня я даже готов ответить вам взаимностью, — сказал я, с ненавистью глядя поверх стекол моих «хамелеонов», как он усаживается и поправляет растрепавшиеся волосы.

Даже второсортные шмотки, которые связной, кажется, отобрал у кого-то из местных нищевродов, не могли скрыть его слащавого лоска. Подобная омерзительная «вылизанность», к сожалению, была присуща

большинству современных американцев, которые с чего-то решили, что в сине-черном движении Синдиката — их спасение от докучливой бедноты. Жук в этом обветшалом баре казался неуместным, словно улыбчивый коммивояжер на похоронах.

«Кому еще карманную библию? Только сегодня за девять девяносто пять!..»

— До чего приятно слышать! — продолжая улыбаться во все тридцать два, соврал он.

Щелчком пальцев обратив на себя внимание бармена, Жук заказал себе виски.

— Итак, дело сделано, — сказал я, не без удовольствия глядя на его скривившуюся после первого же глотка физиономию: как и следовало ожидать, поило в этом месте явно было хуже некуда. — На этом, надеюсь, все? Мы свободны?

Он не ответил. Я хотел повторить вопрос, когда на мой телефон, как по заказу, пришло сообщение. Жук использовал простую, но изящную схему пересылки информации: все необходимые материалы, включая фото и видео, он пересылал по ИК-порт через специальное приложение, что практически исключало возможность перехвата. Схожим приложением пользовался, к слову, и Легион, когда речь шла о сверхсекретных стратегических данных: на Синдикат работало немало «продвинутых» хакеров, способных в два счета расшифровать канал (или как там правильно называется подобный взлом на сленге программистов?..).

— Взгляните-взгляните, — сказал Жук, когда я вопросительно посмотрел на него.

Прочитав письмо, я недоуменно нахмурился.

— Это какая-то шутка? — спросил, покосившись в сторону давящегося отвратным вискарем Жука.

— А разве прежде мы с вами шутили, мистер Сэм? — откашлявшись, спросил он.

— Судя по всему, никогда не поздно начинать. Я одного не пойму: почему вы засуетились только сейчас, почему не раньше? Ну, когда я еще был по... нужную сторону баррикад?

— Не я выбираю для вас цели, мистер Сэм, — пожал плечами Жук. — Если шеф рассудил, что сейчас — самый подходящий момент, значит, прежде эта миссия и вовсе была невозможна.

— Хотел бы я знать, почему, — пробормотал я еле слышно.

Таинственный шеф Жука, скрывающийся под псевдонимом Гарри Гопкинс, отчего-то решил, что мне рано покидать Эль-Бурган. Более того

— он, по сути, хотел, чтобы я нагрязнел в осиное гнездо, отыскал там некоего капитана по имени Джеральд Грин и, прихватив его с собой, свалил прежде, чем нас обоих наспигуют свинцом. С одной стороны, получать подобное задание вроде как даже лестно: заказчик явно считает меня профессионалом экстра-класса. С другой стороны, истинный профессионал экстра-класса ни за что не полезет в подобную передрагу.

Но у меня были чертовы «особые обстоятельства». И хитрый Гарри Гопкинс, благополучно мне их создавший, теперь распоряжался мной, как вздумается.

— Пришлите мне список того, что вам понадобится для выполнения задания, — сказал связной, наблюдая, как я, хмурясь, перечитываю письмо снова и снова. — И приступайте как можно скорее. Вам ведь, надеюсь, не надо напоминать, что задержка может быть расценена как отказ, а его мы не приемлем.

Он мерзко улыбнулся, и я лишь с превеликим трудом сдержался, чтобы не врезать ему по морде прямо здесь и сейчас. Но то, чем они меня шантажировали, вынудило снова подавить это желание.

— Всю дополнительную информацию, — с гаденькой улыбкой продолжил Жук, — вы получите на ящик чуть...

Громкий хохот из глубины зала вынудил связного замолкнуть. Я оглянулся через плечо и увидел стройную темноволосую официантку, которая стояла, уперев руки в боки, возле столика с квартетом пьяных солдат.

— Что вы себе позволяете? — воскликнула девушка с нетипичным для здешних мест русским акцентом.

Во второй раз я оглядел ее куда более тщательно. Черт возьми, неужели это моя соотечественница? Но какого лешего она забыла в Кувейте?..

— Послушай, милая... — Один из солдат, веснушчатый и рыжий здоровяк с детским лицом, протянул к официантке руку, намереваясь, судя по всему, обхватить ее за осиную талию и притянуть к себе, однако девушка ловко отступила в сторону, и легионовец едва не сверзился со стула.

Я едва сдержал смешок. Грязные тупорылые свиньи. Видел бы их сейчас Джон Тейлор!.. Думаю, он был бы до того зол, что самолично выбил дурь из всей четверки.

— Ты че творишь, сука? — разозлился Рыжик.

Я напрягся и инстинктивно повернулся к разбушевавшимся воякам. Агрессивно настроенный солдат оперся обеими руками на столешницу и

грустно поднялся. Девушка заметно побледнела, шагнула было назад, однако на сей раз Рыжик проявил чудеса прыткости и умудрился схватить ее за запястье. Он размахнулся свободной рукой, явно намереваясь отвесить ей звонкую пощечину...

— Эй!

Мой голос перекрыл пьяное бормотание пьянчуг, и все обратились ко мне, разом замолкнув, — официантка, Рыжик, его дружки, парни за соседним столиком... Затылком я чувствовал взгляды бармена и Жука.

Я ощутил себя экспонатом в музее, вокруг которого столпилась толпа зевак, и это ощущение нельзя было назвать приятным. И хотя в детстве я любил находиться в центре внимания, армия сделала меня нелюдимым и скрытным.

Но сейчас я просто не мог молчать.

У любого есть собственный кодекс чести. Иные не гнушаются колотить жен и детей (нередко — не только своих), для меня же проще отправить на тот свет взрослого мужика, чем поднять руку на женщину или ребенка. Эль-Бурган — зона боевых действий, мы здесь воюем, убиваем друг друга ради целей, которые преследуют наши полководцы Эдвард Уоррен и Джон Тейлор. Но мы не должны вовлекать в наши распри невинных жителей.

Чтобы развеять последние сомнения, я спрыгнул с табурета и вразвалочку направился к Рыжику, беззастенчиво глядя ему прямо в зеленые глаза через тонированные стекла очков. Он невольно сглотнул набежавший в горле ком, а потом, по-прежнему сжимая запястье официантки, прошипел:

— Тебе чего, мужик?

— Убери руки от дамы, пьянь, — сказал я негромко, но твердо. — Не видишь, ей больно?

— Это ее проблемы, — пожал плечами Рыжик. — Нечего разговаривать в таком тоне с осло... освободителями!

— Какого дьявола ты перед ним оправдываешься, Марк? — подал голос еще один верзила, утерев с квадратной челюсти капли водки. — Врежь мудаку как следует!

Рыжик на секунду замер, точно статуя, видимо пытаясь сообразить, как ему, не выпустив норовистую официантку, врезать дородному хаму в щегольских «хамелеонах». Мне оставалось только подбросить угля в топку; замерев в двух шагах от него, я расплылся в наглой улыбке и поманил его к себе обеими руками со словами:

— Смелей, цыплята. Врежьте мудаку... если сможете.

Словечки типа «цыпленок» всегда будят внутренних демонов, которые живут в головах подобных дерзких типов. Вчерашний тинэйджер, морда до того глупая и наивная, что, кажется, он поменял джойстик своей любимой «плейстейшен» на автомат только сегодня утром. По крайней мере, мне проще было представить этого идиота на очередном заседании «братства» в студенческой общаге, чем посреди раздираемого боями города в богом забытой стране.

— Как ты нас назвал, мужик? — просипел Рыжик.

Он наконец-то выпустил запястье официантки, и она поспешила было к дверям кухни, когда на пути вырос еще один «герой» — ушастый тип, черные волосы которого были стрижены «площадкой».

— Не спеши, милая, — ощерился он.

Его слова послужили отправной точкой.

Ребром ладони Рыжику в кадык, легким толчком отправляю его на стол к приятелям — главное блюдо, ребятки! Его дружок с квадратной челюстью пытается возмутиться, но я ломаю ему нос беззлобным, выверенным ударом, и он снова падает на стул.

Официантка, по счастью, оказывается расторопнее пьяных вояк и догадывается уйти с «линии огня». А вот Ушастый почему-то решил, что даже несколько рюмок не помешают ему одолеть абсолютно трезвого ликвидатора, который в будничном темпе уже вырубил двоих. Досадная ошибка, очень досадная. Пока он замахивался, намереваясь сокрушить меня мощным хуком, я успел бы выпить пару кружек кофе, но не стал превращать потасовку в цирк и всего лишь пробил ему в «солнышко» с ноги, буквально опрокинув на пол.

Рыча, ко мне бросились двое дружков Ушастого, а сзади, я уже слышал, бежали мстить за Квадратную Челюсть и Рыжика. Я улыбнулся самыми уголками рта: потрясения службы, в частности — Сирджан, сделали меня немножко безумным.

А потом мы немного потанцевали.

Челюсть, кадык, локтем назад в переносицу, этому под правую «чашечку», потом ему же, согнувшемуся, коленом в лицо со всего размаха, поворот и — к тому, что обеими руками схватился за горло. Ногой в солнечное сплетение — и бедолага отправляется к корчащемуся на полу Ушастому. Довершаю дело, элегантно «па» опрокидывая на пол Квадратную Челюсть, который решил, что достаточно отошел от первого удара. Напрасно, лучше б остался за столом, танцоров и без него хватало.

В итоге он падает мордой в лужу пива на полу.

Я поворачиваюсь к стойке. С лица бармена наконец-то сползла

надоедливая улыбка, Жук пропал, а официантка стоит, закрыв рот ладонью, и ошарашенно смотрит на разбросанные по полу тела. Солдаты стонут, но подняться не могут — вероятно, это их первый серьезный танцевальный конкурс.

Я поправляю очки, подхожу к стойке, допиваю воду из стакана и, повернувшись к девушке, спрашиваю на чистом русском:

— Мне показалось или вы из России?

— Так ты земляк, мать твою?! — восклицает она в ответ с радостной улыбкой.

* * *

— Охрана у вас тут, конечно, те еще ротозеи, — заметил я, провожая скептическим взглядом двух верзил, волокущих к выходу поверженных солдат. — Если бы я не вмешался...

— То ничего бы нового не случилось, — презрительно фыркнула девушка. — Я, конечно, тебе благодарна и все такое, но, думаю, ты и сам понимаешь, что подобные дуболомы сюда заходят нередко.

Мы сидели за столиком в дальнем углу помещения, подальше от докучливого бармена и еще не вышвырнутых из бара мордovorотов Легиона. Жук как отчалил, так больше и не возвращался, однако в те мгновения я думал вовсе не о треклятом наглеце. С глупой полуулыбкой я смотрел на курносый нос официантки, на темно-русые волосы, спадающие на ее плечи, на покусанные губы, пухлые щечки и голубые, цвета июньского неба, глаза. Она то ли не признавала, то ли просто не могла позволить себе никакой косметики, но это — удивительно! — нисколько ее не портило. Бывает ведь естественная красота такой силы, что ее ничем подчеркивать не надо...

А еще она безумно напоминала мою первую школьную любовь. Ту девочку звали Марина Синякина. Она сидела на первой парте и много умничала, но была чертовски красивой, а я пребывал в том возрасте, когда ты любишь женщину не за совокупность качеств, а просто за смазливое лицо.

— Понимаю, — отозвался я. — Но мне другое неясно: куда в такие моменты смотрят дуболомы, которые вас охраняют?

— Они за баром приглядывают, а не за теми, кто в нем работает, — пожала плечами девушка. — Тем более, я чужая. — Она изобразила пальцами кавычки. — «Какая-то заблудшая русская».

— То есть, русских они не очень-то жалуют? — выгнул бровь я.

— Да не то чтобы именно русских... Им тут просто любые чужаки сугубо параллельны.

— Ну, это во всем Кувейте так, — пожал плечами я.

— Да, так, — закивала девушка. — Я тоже успела заметить — за два-то года.

Мы помолчали. Я вертел в руках новый стакан с водой, она наблюдала за тем, как вытаскивают из бара Рыжика — главного «затейника», из-за которого потасовка, собственно, и началась.

— Тебя как зовут, кстати? — спросил я, решив нарушить эту неловкую тишину.

— Марина, — не поворачивая головы, бросила она.

— А фамилия, часом, не Синякина? — вырвалось у меня.

Марина одарила меня удивленным взглядом из-под длиннющих ресниц и проронила:

— Нет. Семейное положение и количество детей интересует? Может, загранпаспорт показать?

— Ладно тебе, проехали. — Я отвернулся, хлебнул из стакана.

— Ну тогда, может, свое имя назовешь? Ну, хотя бы из вежливости? — спросила она с плохо прикрытым сарказмом.

Я открыл было рот, намереваясь представиться настоящим именем, но тут же себя одернул. Что еще за глупая сентиментальность? Встретил землячку — и сразу перед ней душу нараспашку? Где твой профессионализм, Мамонт? Куда он вдруг улетучился?

— Сэм, — прокашлявшись, сказал я. — Сэм... Хэйз, если тебе интересно.

— Что-то не больно ты... не больно-то похож, честно сказать, — скептически отметила Марина. — На Сэма-то Хэйза.

— Ты про мой русский? — Я снова поднес стакан к губам. — Моя мать оттуда, из Петербурга, а вот отец — американец. Мама потом рассказывала, что изначально хотела назвать меня Сергеем, но отец настоял на имени Сэм: он с самого начала не собирался надолго задерживаться в России. Собственно, так и вышло: мы переехали в Штаты, когда мне было пять лет и я уже неплохо так болтал по-русски. Ну а потом волей-неволей пришлось учить английский... хотя мать и русский не давала забыть. Для нее это была такая... отдушина — поговорить с кем-то на родном языке о том, о сем.

Удивительно, но в этой истории лжи было не очень много: пусть на самом деле мой биологический папаша исчез с радаров, едва узнал о

беременности матери, но приемный отец действительно перевез нас в Америку. Мне, конечно, было уже не пять, а все десять, и я успел немало перенять у ребят из Подольска, таких же неблагополучных обитателей «хрущевок», как и мы с мамой. Но факт оставался фактом: вырослел я уже в США, и поначалу мне там, мягко говоря, были не слишком рады — отчасти из-за того, что по паспорту меня звали Сергей.

— Не поверишь, но судьба твоей матери удивительно похожа на мою, — произнесла Марина, рассеянным взглядом уткнувшись в стул, стоящий напротив. — Правда, детей у меня не было, да и замуж я вышла не за американца, а за англичанина... но от этого, поверь, с кем-то из наших пообщаться хотелось не меньше.

— Так ты жила в Англии? И каким тогда ветром тебя занесло сюда?

— Ветром «Справедливости». — Выражение ее лица мгновенно ожесточилось. — Стоило им прийти к власти, и я тут же овдовела, а еще чуть позже лишилась крыши над головой. Тогда и решила, что дольше оставаться на этом тонущем судне под гордым названием «Великобритания» мне недосуг.

— Но почему ты не вернулась в Россию?

— А ты? — Она пристально посмотрела мне прямо в глаза, надеясь, видимо, смутить, но я был тертый калач и не поддался на эту уловку. — Сам-то зачем поехал в Кувейт?

— Прости, но это не та информация, которой я готов поделиться. — Я изобразил виноватую улыбку.

— Ну вот и я не готова, — слегка раздраженно сказала она. — Надеюсь, с обоюдным пониманием?

— Разумеется.

В этот момент в зал из кухни нагрянул, как я понял, хозяин бара. По крайней мере, его насупленная круглая физиономия и уверенная походка наводили на мысль, что он в этих стенах чувствует себя, как дома.

— Марин, что опять случилось? — Подступив к нам, толстяк махнул рукой в сторону вытирающего пол бармена — после потасовки на полу оказалось немало водки и пива.

— Вояки хамят, — с непередаваемым акцентом ответила девушка.

— Ох уж мне эти американцы... — проворчал хозяин. Лоб его блестел от пота, как и волосатые руки, которые он упер в бока, оставив на потасканной футболке сальные пятна. — Думают, им везде рады, думают, что они такие влиятельные...

Выудив из кармана мешковатых шорт мятый платок, толстяк протер им лицо и, окинув Марину придирчивым взглядом, сказал:

— Ты вот тоже, хватит прохлаждаться, лучше помоги Ибрагиму убрать за этими свиньями.

— Хорошо, сэр, — кивнула девушка и, шепнув мне: «Труба зовет», выпорхнула из-за стола.

— Пока, — бросил я, задумчиво глядя ей вслед.

Она не ответила. Подойдя к Ибрагиму, остановилась в метре от него и стала что-то рассказывать — судя по его хмурой мине, нечто не слишком увлекательное. Допив воду, я кивнул хозяину, он с явной неохотой кивнул в ответ.

— Вы тоже из этих? — спросил он, когда я уже был на полпути к двери.

Остановившись, я оглянулся через плечо.

— Из Легиона? — уточнил на всякий случай, хотя и так прекрасно понял, о чем речь.

— Ну... да. — Он, видно, обычно звал нас «эти американцы» и «те», не забывая голову глупыми названиями, поэтому и растерялся немного.

— Нет, — сказал я.

«Уже нет» — добавил про себя и снова потопал к двери, провожаемый пристальным взглядом толстяка.

Не скажу, что решение предать Джона Тейлора далось мне просто. С другой стороны, он-то предал меня и еще две сотни человек давным-давно, просто оправдал это благородными побуждениями. Но в тот злополучный день, в Сирджане, моя вера в благородство могущественного полководца взяла и сдохла. С тех пор я не то чтобы просто отбывал номер, но точно не следовал зову сердца, как прежде. Кто-то скажет, что мне следовало просто уйти из вооруженных сил сразу после Мясорубки, кто-то — что не стоило пополнять ряды новоиспеченной армии генерала, решившего на старости лет бросить вызов модному Синдикату...

А кто-то считает, что месть — это блюдо, которое следует подавать холодным. И потому ни в чем меня не осуждает.

Так можно ли считать благородным мое многолетнее выжидание? Нисколько. И, более того, не возникни особые обстоятельства, я бы, возможно, никогда и не решился на это предательство.

Но случилось то, что случилось. Появился Гопкинс и подцепил меня на крючок.

Уже открыв дверь, я остановился и повернулся, чтобы еще раз взглянуть на Марину, но ее уже и след простыл. Лишь бармен Ибрагим скучал, опершись на швабру.

— До встречи? — снова осклабился он, поймав мой взгляд.

— Пожалуй, — после секундной заминки бросил я и вышел в солнечный Эль-Бурган.

2031 г., Вашингтон, США

— Это еще что за щегол? — буркнул пожилой автомеханик, покосившись на стоящего за правым плечом напарника.

— Да я откуда знаю? — фыркнул второй, проследив взгляд приятеля. Он казался чуток помоложе: хотя волосы его также покрывала седина, морщин на широком лице практически не было. — Я тут и работаю-то всего пару месяцев. Это ты у нас за старожила.

— Нашел старожила!.. — усмехнулся пожилой. — За год всю клиентуру не изучишь, тем более тут все меняется каждый день.

Он смерил приближающегося к автосервису мужчину оценивающим взглядом. Каждая деталь его гардероба казалась и, бесспорно, являлась дорогой: белоснежная приталенная сорочка, брюки угольно-черного цвета и туфли им в тон, ну и конечно же часы — статусные «ролексы», явно не какая-нибудь дешевая реплика. Глядя на перемазанных маслом вонючих механиков через стекла роскошных «рэй-бэнов», он, вероятно, чувствовал себя еще круче.

— А, да это ж этот... как его... мистер Джонсон! — припомнил Остин. — Из «Джеймисон Групп», банкиром там работает, кажется.

— Что-то я его не припомню... — хмуро заметил Джек.

— Да его ж по телеку показывают периодически, ты чего? Его сам Эдвард Уоррен хвалит, ага, говорит, за ним будущее наше, сечешь, стало быть? Ну и с хозяином он нашим вроде как дружит, заезжает иногда, на моей памяти, раза три сюда заскакивал, и вот — опять.

— День добрый, — остановившись метрах в трех от входа в автосервис, бросил Джонсон. — Я пришел забрать свой «альфа-ромео». Он готов?

— Думаю, да, сэр... — неуверенно ответил пожилой. — Напомнили бы только, кто ею занимался?

— Курт ее вел, — подсказал второй автомеханик. — Так ведь, сэр?

— Ну да, наверное, — отмахнулся Щегол. — Так этот... Курт... он починил мою машину или нет? Он вообще где, здесь?

— Да... да, починил! — закивал пожилой. — А вот сам приболел...

— Я надеюсь, это не помешает мне забрать мою малышку? — с до омерзения фальшивой улыбкой процедил Джонсон.

— Конечно нет, — отмахнулся пожилой. — Вам вот сейчас в окошко надо, сэр. Курт, стало быть, продиктовал Мелиссе, что там почем, оплатите и возвращайтесь, а Джек пока выкатит вашу малышку. Ты ведь выкатишь, Джек?

— Да без проблем! — просиял второй.

Джонсон окинул его пропитанный маслом комбинезон брезгливым взглядом и возразил, снова повернувшись к пожилому:

— Э, нет, лучше я сам ее... выкачу. Просто отдадите мне тогда ключи и проводите к ней, о'кей?

— Как скажете, — пожал плечами пожилой, не без удовольствия глядя, как сползает улыбка с лица его более молодого товарища: он-то мечтал хоть с полминуты посидеть за рулем дорогущего «альфа-ромео», а хозяин тачки его так лихо обломал.

— Так где у вас это окошко, говорите? — уточнил банкир, озираясь по сторонам.

— За угол сворачиваете. — Пожилой махнул рукой влево. — А там увидите, оно у нас тут одно.

— Понял. Пошел. Ключи готовьте, — бросил Джонсон через плечо и устремился в указанном направлении.

— Черт бы побрал этого треклятого сноба, — буркнул Джек, провожая вальяжно бредущего к углу богатея. — Думал, наверну кружок, пока он там с Мелиссой воркует, а он весь кайф обломал...

— Готов поспорить, он просто представил, как ты садишься на его бежевые сиденья в своей грязной робе, и ужаснулся, — фыркнул пожилой.

— Грязной робе... — Джек сплюнул себе под ноги и пошел к верстаку. — Да для него, Остин, полную химчистку салона оплатить — это ж такая мелочь! Ну, как мне жвачку купить в автомате. Мог бы и промолчать, в конце концов, мы ему тачку сделали, должна ж быть какая-то благодарность?

— Ну, допустим, в тачке его Курт ковырялся, а не ты, — напомнил Остин. — Ну и опять же — какая вообще благодарность, если он за ремонт платит?

— Платит... Надо было у Курта ключ выпросить, пока он с болячками не слег...

Джек выудил из кармана связку разноцветных ключей. Отыскав нужный, он вставил его в замочную скважину верхнего ящика верстака и повернул против часовой стрелки до характерного щелчка. Внутри обнаружилась целая гора различных брелоков. На каждом, чтобы не путаться, имелась картонная бирка с пояснением.

— Ну и почерк у Курта... — покачал головой Джек. Он вытащил из ящика брелок с пометкой «альфа-ромео 32С» и снова подошел к Остину. — Я еле разобрал, что тут написано.

— Ты сегодня как будто не в духе, — заметил пожилой. — Дома чего-то стряслось? Или просто встал не с той ноги?

— Да черт его знает, — пожал плечами Джек. — Вроде с утра был нормальный...

Пожилой хотел сказать что-то еще, когда из-за угла появился Джонсон, с ходу бросивший:

— Ну, что там, готовы мои ключи?

— Вот они, сэр. — Джек помахал в воздухе брелоком. — Давайте чек, и я вас к машине провожу.

— Держи. — Богатей вручил квиток автомеханику и, забрав брелок, придирчиво его осмотрел — видно, искал масляные пятна. — И где ж стоит моя малышка?

— Пройдемте. — Джек махнул рукой, увлекая банкира за собой.

Пожилой остался стоять у входа — руки в карманах, лоб блестит от пота: лето в этом году выдалось немыслимо жарким, будто Вашингтон по мановению волшебной палочки моментально перенесся в Калифорнию или Флориду. И как Курт вообще умудрился заболеть, подивился Остин, наблюдая за одиноким велосипедистом, чья майка была насквозь мокрой от пота. Кажется, что даже ледяные ванны под полной луной не смогут ничего поделать с этой беспощадной духотой.

Металлический скрежет за спиной привлек внимание Остина, и он оглянулся: позади Джек с пультом в руках наблюдал, как ворота гаража заползают под потолок, открывая чудесный вид — «альфа-ромео» последней модели, белоснежная, как сорочка ее обладателя. Пожилой невольно залюбовался роскошной машиной. Да уж, обычному механику такую не видать, как своих ушей.

«А ведь такая не только у него одного, — подумал Остин, наблюдая, как автомобиль бесшумно проплывает мимо. — Даже в какой-нибудь затрапезной по здешним меркам «Гловерс Глобакс» подобных дорогуших тачек — как муравьев в муравейнике!»

Чудесная машина остановилась рядом с Остином. Тонированное стекло медленно спряталось в дверь, и богатей, высунув голову, сказал:

— Передайте Курту, что я доволен.

Остин открыл было рот для ответа, но стекло уже вернулось на место, и белый «альфа-ромео» пулей вылетел из гаража. Не прошло и пяти секунд, как он шустро влился в поток машин, спешащих в центр.

— Что он тебе сказал? — спросил Джек, подходя к пожилому соратнику.

— Сказал, чтоб я Курту передал, что он доволен, — бросил Остин, завороченно глядя на уносящуюся вдаль белоснежную красотку. — Ремонтом.

— А что у него вообще могло случиться с тачкой? — задумчиво произнес Джек. — По виду — так она новехонькая, ни царапин, ни вмятин...

— Были б деньги, а умельцы найдутся, — фыркнул пожилой. — И вмятины исчезнут, и царапины, и коррозия... А вообще он на ходовую, кажется, жаловался. Курт два дня с ней возился за закрытыми дверями — видно, боялся кузов повредить.

— Дотошный он какой-то, этот Курт, — покачал головой Джек. — Пойдем по кофе, пока людей нет?

— А пойдем.

Спрятав чек для Курта в ящик верстака, механики закрыли его на ключ и отправились к кофейному автомату.

«Альфа-ромео» тем временем на всех порах неслась по солнечному Вашингтону, обгоняя не в меру медлительных тихоходов. Кто-то сигналил ему вслед, кто-то даже пытался орать, но мистер Джонсон не обращал внимания на подобных наглецов. С давних пор он усвоил: все, кто позади тебя, не имеют никакого значения, ведь они уже в роли отстающих. А потому концентрироваться следует лишь на тех, кого ты еще не обогнал.

Едва увидел коридор — газ в пол! И снова — сигналият... Но ведь сигналият *в спину*!

В этой роскошной машине заключена была странная, непонятная банкиру магия: у водителя, сидящего за рулем белоснежной «красотки», невольно возникало страстное желание опередить всех и каждого, кто на свою беду оказался с ним на одной дороге. «Азарт уличного гонщика» — наверное, подобное чувство должно называться как-то так.

Бросив взгляд в зеркало заднего вида, Джонсон увидел, что к нему пристроилась зеленая «акура». Банкир свернул влево, обогнав бирюзовый «ниссан», — «акура» шмыгнула следом. Тогда Джонсон вернулся в правый ряд и усмехнулся, когда водитель зеленого авто повторил его трюк.

— Куда ты лезешь, парень? — пробормотал банкир, сочувственно качая головой. — Тебе ли со мной тягаться?..

Однако он зря иронизировал: «акура», уступающая белоснежному «альфа-ромео» практически по всем параметрам, тем не менее буквально приклеилась к нему. Человек, сидящий за рулем дорогушного «японца», явно

был виртуозом вождения.

В другой день Джонсон наверняка поддался бы соблазну проучить этого самоуверенного типа, однако сегодня ему позарез нужно было прибыть в офис не позже десяти. И потому он трусливо включил сигнал поворота и резко ушел вправо, покидая оживленный поток машин. Джонсон успел заметить, как юркая «акура» просвистела мимо и, лавируя между другими авто, унеслась на запад.

«Гляди, какой шустрый!» — отметил банкир не без уважения.

«Альфа-ромео» нырнул в продолговатую тень, отбрасываемую небоскребом корпорации «Джеймисон Групп», и устремился к спуску на подземную парковку. Правда, у шлагбаума пришлось затормозить: он отчего-то не спешил подниматься, хотя Джонсон подъехал практически вплотную.

— В чем дело, Гувер? — с плохо прикрытым недовольством осведомился банкир у пузатого охранника, показавшегося из будки.

— Какие-то неполадки с электроникой, сэр, — виновато улыбаясь, пояснил толстяк.

Подойдя к преграде, он утопил черную кнопку в панель, однако шлагбаум остался на прежнем месте. Тогда, нахмурившись, охранник ухватился за него обеими руками и потянул вверх. Это сработало: раздался звуковой сигнал, и шлагбаум резво поехал вверх — Гувер едва успел убрать руки.

— Уже, стало быть, четвертый раз за два дня, — повернувшись к банкиру, сообщил охранник.

— Ну так вызови электриков! Или ты ждешь, что оно само починится? — саркастически спросил Джонсон.

Гувер лишь неопределенно пожал плечами.

— Давай, займись! — прикрикнул на него банкир. — Хотя, если тебе нравится постоянно выбегать и дергать его вручную...

— Нет, сэр. — Охранник мотнул головой. — Не нравится.

Джонсон закатил глаза и, подняв стекло, утопил педаль газа в пол. Авто пронеслось мимо недотепы-охранника, обдав его потоком раскаленного воздуха. Поправляя растрепавшиеся волосы, Гувер с завистью смотрел уносящейся красотке вслед.

— Зверь-машина... — пробормотал толстяк, машинально запустив руку в карман брюк, дабы убедиться, на месте ли проездной билет.

«Неудачник, — думал банкир, наблюдая в зеркало заднего вида за тем, как охранник, понурившись, бредет в свою крохотную будку. — Интересно, каково это — каждый день ехать на работу в душном вагоне электропоезда,

а потом до самого позднего вечера наблюдать, как куда более успешные и талантливые люди проносятся мимо тебя на таких вот автомобилях? Я на его месте, надо думать, давно бы застрелился — от безысходности. Впрочем, уже скоро мистер Уоррен все равно передавит вас, бездарей, сидящих на наших шеях, словно жалких клопов!»

Припарковавшись неподалеку от лифта, Джонсон заглушил мотор.

И в тот же миг шикарный белоснежный «альфа-ромео» вместе с сидящим внутри банкиром просто разорвало на части мощнейшим взрывом.

2021 г., Сирджан, Иран

Я стою на коленях в луже его крови, смотрю на его бледное лицо. Дождь в Сирджане — довольно редкое явление, но сейчас у неба есть повод для плача: десятки сынов Ирана погибли, унеся за собой жизни двух сотен американских солдат.

Дождь промочил меня до нитки, но я не обращаю на это никакого внимания. Я продолжаю смотреть на Винни, стараясь убедить себя, что он просто притворяется мертвым, а на самом деле жив. Винни любит всевозможные розыгрыши, он вообще веселый чувак...

Не верится, что теперь придется говорить о нем в прошедшем времени.

— Нет, черт возьми, нет... — шепчу я на родном русском. — Меня ты не обдуришь...

Но он очень убедительный в своей нынешней роли мертвеца — лежит, не дышит, не шевелится. Невольно начинаешь задумываться — а может, и вправду не врет, не притворяется? Тогда это хреново, чертовски хреново...

— Серега! Мамонт! — слышу из-за спины.

Оглянувшись, вижу, как ко мне ползет раненый капрал Бронс по прозвищу Банни. Его знаменитые «кроличьи» зубы теперь, наверное, уже не сыщешь среди фарша, в который превратили нашу доблестную роту пулеметы иранцев. Когда мы вернемся в Штаты, он, надо думать, непременно озолотит какого-нибудь ушлого стоматолога, ведь Банни без фирменной улыбки — уже не Банни, так же?

«А мы вернемся?» — усмехается внутренний голос у меня в голове.

— Жив, Крольчатина? — спрашиваю я, нарочито весело улыбаясь.

Однако приободрить его не выходит: напротив, при виде моей лыбы он тут же начинает плакать. Слезы текут по грязным щекам капрала, оставляя

белые полосы на коричневом фоне, прямо ко рту, красному от крови.

— Чего ты ноешь? — ору я, стараясь на него не смотреть, — сам ведь едва сдерживаюсь, чтобы не разреветься. — Соберись!

— Гас... Ворон... Торпеда... — шепчет треклятый Бронс, мотая головой из стороны в сторону.

— И Медведь, — мрачно добавляю я.

Медведь — это Винни. По понятным причинам.

— Он... тоже? — упавшим голосом уточняет Банни.

Мне хочется врезать капралу со всей дури, ногой прямо в его перекошенное плачем лицо. Черт, если бы ему уже не выбил зубы кто-то из иранцев, это обязательно сделал бы я — до того он выводит из себя своим надоедливым скулежом.

— Заткнись... — сквозь зубы выдавливаю я. — Без тебя тошно...

Я на всякий случай еще раз проверяю пульс Винни и, снова убедившись, что он не притворяется, наконец-то решаюсь встать. Мои раны еще не ноют, но я понимаю, что вполне могу умереть от потери крови, а потому медленно бреду к лежащему неподалеку вещмешку. Он кажется на удивление... целым. Словно его сбросили сюда с неба уже после окончания боя наши с Крольчатиной ангелы-хранители. Я наклоняюсь к нему, хватаю за лямку, пытаюсь поднять. Руку пронзает боль — то ли перелом, то ли вывих, пока неясно. Да и наплевать, сказать по правде. Сейчас мне надо чем-то заткнуть лишние дырки в моем теле, если я, конечно, не хочу отправиться на тот свет вслед за остальными парнями.

— Мамонт... — снова зовет меня Банни. — Серега...

— Иду, Крольчатина... — отзываюсь я.

Волоча к нему найденный вещмешок, я озираюсь по сторонам. В душе я по-прежнему верю, что будут еще выжившие, кроме нас двоих. Но реальность не спешит меня радовать.

Трупы, трупы, кругом одни лишь трупы...

В этот момент мне безумно хочется единения с моими погибшими братьями по оружию. В голову закрадывается странная, сумасбродная мысль: «Вот бы сейчас кто-то из иранцев пристрелил нас с Крольчатиной!..» И только треклятый инстинкт самосохранения отдается пульсом в висках и торопит меня к лежащему на пузе Бронсу.

— Что с твоими ногами, старик? — спрашиваю я, усаживаясь на землю рядом с ним.

— Я их не чувствую... — шепчет капрал и закусывает нижнюю губу, чтобы не разрыдаться вновь.

И это, черт побери, совсем неудивительно: ведь его ноги посекло

осколками гранаты. Чувствую, как глаза мои начинают блестеть. В худшем случае Банни лишится обеих ног, в лучшем очень скоро отправится на тот свет.

Я нахмурился. Ничего не перепутал? Да нет, все правильно: куда лучше помереть, чем остаток жизни прожить безногим инвалидом.

Но ему ведь я так не скажу?!

И потому я с невозмутимой миной расстегиваю вещмешок и заглядываю внутрь. Там немного снеди, немного бинтов и, словно вишенка на торте, рулончик туалетной бумаги. Флягу хозяин мешка, возможно, носил в кармане или на поясе, по крайней мере, в рюкзаке я ее не наблюдаю. Вытащив бинты, я пододвигаюсь к скулящему Бронсу и рассматриваю его ноги вблизи. Даже мне, далекому от медицины человеку, понятно, что все очень и очень плохо. Чертыхаясь, я начинаю бинтовать его раны.

Когда я заканчиваю с одной ногой, приходит запоздалое осознание: мы еще живы.

Уже давно не рокочат автоматы иранцев, не лают их пистолеты. Нас с Банни слепой снимет, если захочет, — сидим себе, безмятежные, как на каком-нибудь калифорнийском пляже, — но никто не стреляет, не бежит к нам, скаля зубы или выкрикивая ругательства на местном диалекте. Ощущение, что Сирджан попросту вымер; собрал всех своих жителей, разом бросил их в бой с ненавистным американским агрессором... и проиграл.

«Все на красное».

Да, уж красного вокруг нас с Бронсом хватает.

— Ничего, Крольчатина... — шепчу я. — Ты у меня еще станешь олимпийским чемпионом в стометровке...

— Не трави душу, Мамонт, — качает головой Банни, не в силах, однако, сдержать слез благодарности.

Мы оба знаем, что его деньки сочтены.

Но говорить об этом как-то не хочется.

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я открыл глаза и уставился в грязный потолок. Простыня подо мной была мокрой от пота, дышал я тяжело и часто, будто только что вынырнул с глубины.

Воспоминания о Сирджанской Мясорубке преследовали меня с того самого дня, как я обнаружил убитого друга Винни, который лежал в луже

собственной крови посреди улицы этого проклятого городка. Память — мой враг и союзник. Стоит воспоминаниям немного поблукнуть, и она следующей же ночью заставляет заново пережить этот кошмар. После таких снов я не сплю по три дня — боюсь, что, едва закрою веки, снова увижу заваленную телами улочку и ползущего ко мне капрала Банни.

Но, несмотря на этот ужас, я одновременно благодарен памяти за то, что до сих пор помню всех виновных в той бессмысленной, глупой бойне.

Будьте вы прокляты, мрази.

Поднявшись с кровати, я отправился в ванную комнату, где умылся и хлебнул воды прямо с крана (паршивая, но мне не привыкать). Когда я поднял голову и наткнулся взглядом на собственное отражение, захотелось плюнуть себе в лицо. Что это? Игры разума? Дурацкая привычка искать изъяны прежде всего в себе самом? Джон Тейлор, вероятно, прямо сейчас пасет коров на своем ранчо в Аризоне. Возможно, он даже напевает под нос любимую песенку и ждет вестей из Эль-Бургана. Что для него этот город? Готов спорить, он знает лишь, что здесь есть нефть и что Синдикат тоже хочет завладеть этим местом. Как это по-американски: вторгаться куда-то, прикрывая свое желание нажиться благими намерениями!.. И никого не волнует, что местные жители совершенно не рады вооруженным солдафонам, которые безжалостно разрушают дома и убивают друг друга, дабы водрузить флаг своей коалиции на вершину крупнейшей нефтяной вышки.

И я — один из этих «солдафонов». Ничем не лучше, а, пожалуй, даже и хуже — ведь я, в отличие от них, сначала воевал за одних, а теперь за других. Вежливо таких людей называют наемниками, грубо — проститутками.

Я вернулся в комнату, плюхнулся на кровать. Увы, сон не шел. И дело было не в том, что я снял самую дешевую комнату в самом дешевом мотеле, а от матраса воняло пивом и мочой: при необходимости я мог спать на голой земле. Проблема заключалась в том, что стоило мне смежить веки, и я снова видел Сирджан и лицо убитых Винни и Крола. Когда же открывал глаза, не мог не думать о Джоне Тейлоре. Ирония заключалась в том, что я не был за Синдикат — я всего лишь был *не за* Легион. Но в наши дни именно это желание быть *не за кого-то конкретного* привлекает к тебе куда больше внимания, чем банальная солидарность с одной из сторон.

Жук вышел на меня месяц назад. Тогда я еще не знал, когда и под каким соусом подам мою месть: Джон Тейлор был недоступен, да и убить легендарного старика у меня бы рука не поднялась. И Жук поначалу тоже не смог спровоцировать меня на решительные действия...

А потом я пришел домой, открыл почтовый клиент и обнаружил там письмо от связного с пометкой «Секрет». К сообщению были прикреплены три фотографии с симпатичной блондинкой. На первом снимке девушка обедала в закусочной, на втором выбиралась из машины, припаркованной у бутика, а на третьем нежилась в кровати, натянув одеяло до подбородка и «забыв» выключить ночник.

Она всегда «забывала» об этом, ибо с детства боялась засыпать в темноте.

Помню, я пролистывал эти фотографии снова и снова. Когда я делал это впервые, сердце мое сжалось в комок, а во рту пересохло. Она покрасила волосы, а на втором снимке у нее были темные очки, но я узнал бы ее из миллионов других девушек, даже если бы над ней полгода колдовали пластические хирурги, — ведь привычки человека куда сложнее изменить, чем его внешность.

Моя сводная сестра Джулия. На пять лет младше, в сто раз порядочнее, и я говорю так не просто на правах любящего брата — я действительно знаю, о чем толкую, ведь мы выросли с ней бок о бок. Притом Джулия еще и очень сильная, нестигаемая: если мать мы хоронили всем скопом, еще будучи детьми, то провожать отца ей пришлось в одиночку, ведь к тому времени я уже стал ликвидатором Легиона и приложил все усилия, чтобы никто никогда не смог связать меня с последним членом моей семьи. Когда ты специализируешься на убийстве людей, твое прошлое висит над тобой, словно мифический Дамоклов меч. Любая привязанность лишает тебя маневра. Именно поэтому я осознанно вычеркнул Джулию из жизни, решив, что так она будет в безопасности, а меня никто не сможет шантажировать.

И вот, спустя два дня, я снова смотрел на эти снимки и думал: черт побери, да как этот говнюк вообще умудрился ее найти? О том, что Сергей Мамонтов и Джулия Милтон — родственники, знал только я один, сестра же считала, что я погиб в Иране. Жестоко, но иначе было нельзя: то, во что посвящены двое, известно всем, и потому я был единственным хранителем нашего секрета... до того, как на меня вышел Жук и его треклятый шеф Гарри Гопкинс.

Правда, напрямик сказать мне, что моя сестра у них на мушке, связному не хватило духу — ведь я, разозлившись, мог свернуть ему шею прямо на месте. Нет, он поступил хитрее и коварнее: прислал мне письмо, уже растворившись в воздухе, и потребовал убить Харриса. А когда я сделал это для него, отправил меня спасать капитана Грина.

Я зажмурился и потер двумя пальцами переносицу.

И как работать с таким грузом на плечах?..

Я не жалел о том, что предал Тейлора. В конце концов, я давно собирался разорвать нашу связь и выйти из дела. Заказ Гопкинса показался мне не идеальным, но вполне уместным решением, чтобы удовлетворить мою жажду мести и, одновременно, спасти сестру.

Мы с Джулией не виделись более десяти лет. Последняя встреча состоялась аккурат накануне вылета в Иран. Помню, она пыталась отговорить меня, упирала на то, что я последняя родная душа у нее на всем белом свете... но я был ослеплен желанием воевать под началом легендарного генерала Тейлора и мечтал самолично поучаствовать в «казни экстремистского государства», коим в те дни именовали Иран все без исключения (кроме, разве что, самих иранцев). Кто знает, как сложилась бы моя жизнь, если бы я не заболел армией, если бы остался на гражданке и нашел для себя занятие куда более безобидное, чем стрельба по живым мишеням? Моя сестра вряд ли была бы сейчас в смертельной опасности, а сам бы я совершенно точно не стал марионеткой в руках некоего влиятельного типа, который, судя по всему, готов на любую подлость, лишь бы я помог треклятому Синдикату выдворить Легион из Эль-Бургана.

Я отшвырнул телефон в сторону, и он, плюхнувшись на пол, укатился к чулану. Закинув руки за голову, я уставился в потолок.

Мне нужно выбросить из головы Сирджан и Тейлора. Нужно забыть, что сестра в опасности, и сосредоточиться на успешном выполнении задания. Убедить себя, что этот заказ ничем не отличается от десятка предыдущих, иначе нервяк приведет в могилу и меня, и Джулию.

Итак, что мы имеем?

Я сполз с кровати и подхватил с пола отброшенный мобильник. Скрепя сердце, закрыл старое письмо со снимками Джулии и развернул сегодняшнее, с инструкциями к текущей миссии. Снова пробежал текст глазами. Если информация в письме достоверна, Грин должен находиться в Эль-Вафре — городе в ста километрах к югу от Эль-Бургана, куда после вторжения Синдиката прихвостни Тейлора свозят пленных, раненых и беженцев. Как попасть туда человеку пришлому, вроде меня, беглого дезертира, я пока что придумать не мог.

Ну не сдаваться же мне в плен, в самом деле?..

За обдумыванием грядущей операции я в итоге и заснул.

Плевков на зеркале в ванной к тому времени, наверное, уже высох.

— Ну, он подъехал, а шлагбаум не открылся, — вещал Гувер, глядя на офицера полиции с электронной записной книжкой в руках. — Ну я и потянул его вверх, чтобы, значит, мистер Джонсон мог проехать. И сработало...

На подземной парковке «Джеймисон Групп» хватало людей. Были тут и полицейские, и «скорая», и, разумеется, сотрудники корпорации, которые столпились возле заградительной ленты и, щурясь, пытались отыскать взглядами все части тела почившего водителя. Даже многоопытный детектив Ларри Тернер, который немало повидал за годы службы в местном управлении, невольно занялся этим странным, но до жути любопытным анатомическим пазлом.

Вот его правая. А это... кажется, левая. Ну а там у нас что, рядом с тучным мистером с пышными бакенбардами, не ухо ли? Отсюда и не разглядишь...

— Детектив, сэр!

Голос офицера отвлек Тернера от увлекательной игры. Он с неохотой оторвал взгляд от предполагаемого уха и повернулся к вновь прибывшему.

— Я допросил охранника, который обычно дежурит у въезда на парковку. — Офицер махнул записной книжкой в сторону Гувера, который с грустной миной прогуливался вдоль шлагбаума. — Говорит, этого погибшего сотрудника звали Аарон Джонсон. По словам охранника, он приехал на парковку около десяти, шлагбаум заело, и охранник вышел, чтобы открыть его вручную. Затем машина мистера Джонсона — белый «альфа-ромео» модели «тридцать два с» — заехала на парковку, остановилась на двадцать пятом месте ряда «А»... и взорвалась.

— Больше ничего интересного? — выгнул бровь Тернер.

— Увы, нет, сэр.

— Ты зря связался с этим шарообразным типом, — заметил детектив, кивнув в сторону Гувера. — Лучше пообщайся с кем-то из коллег этого... Аарона. Уверен, они знают куда больше обычного охранника.

— Я как раз собирался этим заняться, сэр. Просто нас вызвал именно охранник, он был единственным свидетелем взрыва.

— Я понял. — Ларри почесал щетинистый подбородок. — Ну, дерзай. Пройдись по коллегам этого типа. Как что узнаешь, сразу сообщай мне.

Офицер кивнул и устремился к сборищу «белых воротничков». Детектив проводил полицейского рассеянным взглядом и, развернувшись на каблуках туфель, неспешно побрел к обгоревшему кузову автомобиля.

Несмотря на солидный стаж, ничего подобного Тернер прежде не видел. Выгорело все, что только может гореть. По сути, от машины-то и

остался один кузов да четыре оплавленных овала, некогда бывших дисками колес. Судя по характерным звукам, кого-то из зевак все-таки стошнило; Ларри улыбнулся самыми уголками рта, вспомнив свои первые дни в отделе убийств.

Вой сирен отвлек детектива от созерцания раскуроченного «альфа-ромео». Повернувшись на звук, он увидел, как на парковку въезжают один за другим два черных «доджа». Ларри нахмурился. Он уже знал, кто сидит внутри.

«Доджи» остановилась чуть в сторонке от места происшествия. Двери их открылись практически синхронно, и наружу показались...

«Клоны».

Да, пожалуй, их можно было так назвать — несмотря на различия в цвете волос, вновь прибывшие походили друг на друга, как братья: подтянутые, среднего роста, даже, скорее, высокие, гладко выбритые, в темных очках, черных костюмах-тройках и черных же туфлях. Ларри невольно вспомнил древний фильм «Матрица»; сотрудники ФБР всегда напоминали ему двойников агента Смита. Благо хотя бы двигались эти типы не синхронно, иначе Тернер бы определенно сошел с ума. Глядя, как «клоны» подныривают под заградительную ленту, как, выпрямившись, оправляют наряды и быстрым шагом приближаются к месту трагедии, он думал, что его участие в расследовании заканчивается, даже не успев толком начаться. Смешно, но слово «взрыв» в рапорте автоматически переводит дело в юрисдикцию «федералов» — будь то «взрыв торгового центра» или «взрыв фейерверка».

Впрочем, сегодняшний инцидент вряд ли можно было счесть несчастным случаем: без солидного количества пластида тут явно не обошлось.

— Здравствуйте, сэр, — сдвинув очки на лоб, поздоровался с детективом один из агентов. — С кем имею честь?

Глаза у него были небесно-голубого цвета, будто у героя очередного романтического фильма для подростков.

«Наверное, это их главный!» — решил полицейский, а вслух сказал:

— Детектив Ларри Тернер, убойный. И вам не хворать. Чем обязан, агент...

— Паттерсон. — Вновь прибывший постучал указательным пальцем по бейджу на груди и продемонстрировал Ларри удостоверение с позолоченной бляхой и заветной аббревиатурой. — Стэн Паттерсон, ФБР.

— Так что привело вас сюда, агент Паттерсон? — перефразировал вопрос детектив. — Неужели вы думаете, что это теракт?

— Да, именно так. — Уперев руки в боки, «федерал» повернулся к обгоревшему кузову. — Или, по-вашему, это мелкое хулиганство?

— Какие версии? Кто в этом замешан? Иранские экстремисты? — не в силах сдержать рвущийся наружу сарказм, поинтересовался Ларри.

Взгляд, которым его удостоил агент Паттерсон, казалось, мог обращать в пыль горы.

— На дворе две тысячи тридцать первый год, — презрительно процедил «федерал». — Кроме проблем стран третьего мира, у нас хватает агрессоров и внутри государства.

— Вы о ком?

— Убитый был банкиром, — принялся загибать пальцы «федерал». — Работал на одну из крупнейших столичных корпораций. Вдобавок ему благоволил сам Эдвард Уоррен. В одном из интервью, помнится, он называл Джонсона «гениальным финансистом». Соответственно, убийство можно рассматривать как теракт против Синдиката. А кто у нас терпеть не может мистера Уоррена и его детище?

— Вы что же, намекаете, что Джонсона подорвали люди Тейлора? — недоверчиво спросил детектив. — Не слишком ли для них... нетипично? В столице, на парковке одной из крупнейших корпораций...

— А вы так хорошо знаете, что на уме у лидера Легиона? — «Федерал» в упор посмотрел на собеседника. — Общеизвестно, что Джон Тейлор — крайне неуравновешенный субъект. В пользу этого говорит хотя бы его отстранение от командования прямо по ходу Иранской кампании, которую он начинал в статусе генерала ВВС.

— Там не все было так однозначно, — возразил детектив. — Правительству просто не понравились его методы...

— Вот именно — методы, — перебил его Паттерсон. — Слишком много необоснованной жестокости. Сколько солдат погибло? А колоссальные потери среди мирного населения? Был ли еще подобный прецедент в истории? И что же, по-вашему, этот человек не способен организовать взрыв в столице? Да он не побоялся стать настоящим мясником на глазах у всего мира. А это для него... — «Федерал» махнул рукой в сторону обгоревшего кузова. — Так, пустяк.

Детектив счел за лучшее промолчать. Паттерсон был явно из той породы людей, которые признают только одну точку зрения — свою собственную. Тех же, кто придерживается иного мнения, они готовы с пеной у рта переубеждать сутки напролет. А Ларри был слишком ленив, чтобы ввязываться в подобную перепалку, — тем более что беседовали они не за кружечкой пива в баре, а возле взорванного автомобиля и его

водителя, конечности которого санитары разложат по трем пакетам, чтобы доставить покойного в морг.

— Детектив, сэр! — услышал Тернер знакомый голос офицера.

Обернувшись, он увидел, что полицейский со всех ног спешит к нему. Скосив глаза в сторону «федерала», который тоже повернулся на голос, детектив произнес:

— Узнал что-то?

— Да, сэр.

— Ну, выкладывай. Это, кстати, агент Паттерсон, ФБР. — Тернер кивком указал на «федерала». — Они забирают дело, поскольку считают, что это теракт.

— Теракт? — выгнул бровь полицейский.

— Просто примите это как должное, офицер. — В голосе Паттерсона послышались стальные нотки. — У меня нет времени объяснять всем и каждому, почему любой взрыв в столице потенциально является терактом. А теперь сообщите мне, что вам удалось выяснить?

— Ну... — Полицейский покосился на Тернера, и тот с обреченным видом кивнул: мол, говори уже, не тяни. — Его секретарша, мисс Лейк, упомянула, что погибший должен был с утра забрать свою машину из автомастерской. Вроде как, три дня назад у него что-то там поломалось — это я мисс Лейк цитирую, — на всякий случай уточнил офицер, — и он ее там оставил на диагностику, а потом и на ремонт.

Детектив и агент Паттерсон переглянулись.

— Что говорят эксперты насчет взрыва? — спросил «федерал». — Они уже исключили внешнее воздействие?

— Да, судя по всему, бомба находилась в салоне автомобиля, — кивнул детектив.

— Ладно, хорошо, — кивнул агент Паттерсон, задумчиво покусывая губу. — Теперь это наша головная боль. Офицер!

— Да, сэр? — отозвался полицейский.

— Эта секретарша, мисс... неважно. Она, случайно, не упомянула, в какую мастерскую обращался мистер Джонсон?

— Да, у нее в ежедневнике была пометка по этому поводу. — Офицер разблокировал экран записной книжки и, прищурившись, прочел:

— Угол Девятнадцатой и Мэрилэнд-авеню... миль двадцать к северо-востоку отсюда.

— Отличная работа, офицер, — поблагодарил юнца Паттерсон. — Детектив.

Он кивнул Тернеру и, моментально забыв о полицейских, направился к

своим собратьям-«клонам», которые ошивались возле останков «альфа-ромео».

— Неужели мы так просто уедем, сэр? — вскинув брови, спросил офицер.

Детектив смерил его завистливым взглядом — сам был таким поначалу, все время рвался в бой — и сказал:

— Ну а что мы можем поделаться? Эти ребята специализируются на взрывах, я их в подобных местах встречаю чаще, чем саперов. Поехали в управление. Мы свою работу сделали.

— Обидно, — заметил офицер.

— Ты просто еще слишком молод, — усмехнулся Ларри. — Не понимаешь, что чем меньше забот, тем лучше.

Подойдя к заградительной ленте, он задрал ее вверх и махнул рукой:

— Давай, помчали.

Офицер с тоской оглянулся на агентов ФБР, облепивших место преступления, словно пчелы соты. Вдохнул горестно, но спорить не стал. Пропустив юнца вперед, Ларри последовал за ним, на ходу оправляя растрепавшуюся куртку.

Уже подойдя к автомобилю и взявшись за дверную ручку, он снова обернулся к месту преступления.

«Неужели Легион действительно имеет отношение к этому взрыву?» — наблюдая за перемещениями агентов, невольно задался вопросом он.

Если люди Тейлора действительно причастны к взрыву, это вполне можно считать полноценным объявлением войны. Соперничество легендарного генерала и Эдварда Уоррена, лидера частной армии Синдиката, в странах третьего мира давно стало общеизвестным фактом, но правительство США закрывало на это глаза. Однако новая гражданская война Штатам была не нужна, и потому Ларри не сомневался: если «федералам» удастся доказать причастность Тейлора к случившемуся на подземной парковке, государство открыто поддержит мистера Уоррена и поможет ей в кратчайшие сроки стереть с лица Земли армию Легиона.

Правда, сама мысль о подобном развитии событий вызывала у Тернера неподдельную грусть.

Ведь втайне он симпатизировал не «защитнику банкиров», а прямому, как палка, Тейлору — старому вояке, у которого слова не расходятся с делом.

— Гляди-ка, еще один... — пробормотал Остин, глядя, как из черного «доджа» выбирается мужчина в черном деловом костюме.

Вытерев руки замызганной тряпкой, он швырнул ее на колченогий табурет у стены и шагнул навстречу незнакомцу.

— Чем могу... — начал было пожилой автомеханик, однако мигом умолк, едва мужчина продемонстрировал ему удостоверение агента ФБР.

«Федерал? — мелькнуло в седой голове. — Им-то тут что понадобилось?»

Он оглянулся назад, ища взглядом Джека, однако тот, видимо, свалил на обед, предоставив Остину возможность самолично заняться карбюратором старенького «опеля».

— Агент Паттерсон, ФБР, — представился нежданный гость. Его изучающий взгляд скользил по механику вверх-вниз, что немало нервировало старика.

— Остин Краст, — пробормотал он. — Чем... чем могу помочь, агент Паттерсон?

Почему-то, даже не имея за душой особых прегрешений, человек все равно начинает копаться в свалке памяти, когда перед ним вырастает такой вот мрачный и строгий тип с позолоченной бляхой. Полицейские в автосервис заходили довольно часто — как правило, они разыскивали тачки, свалившие с места аварии до приезда патрульной машины. Это работало: только при Остине подобных безответственных гадов находили уже четырежды. Но «федералы»... Этих-то каким ветром сюда занесло?

— Мне известно, что сегодня утром из вашего сервиса забирали белоснежный «альфа-ромео», — сказал агент Паттерсон, продолжая рассматривать стоящего перед ним механика.

— Да, это так, — кивнул Остин. — А она, стало быть... в угоне числилась?

— Не имею ни малейшего представления, — признался «федерал».

— Если вы хотите знать, куда она поехала, так это вопрос не по адресу. Мы ключи отдали мужику, который за ней приехал, он ремонт оплатил в кассе, все законно...

— Куда она поехала, я и так знаю. Меня интересует, кто ею занимался? Вопрос немного удивил Остина.

— А что, с ней что-то... не так? — осторожно спросил он.

— Так это вы ее ремонтировали? — нахмурился агент Паттерсон.

— Нет, не я, — поспешно выпалил Остин. — Курт ее курочил... но я просто не понимаю...

Паттерсон запустил руку в карман, и механик буквально оцепенел на

пару мгновений, ожидая увидеть пистолет. Но «федерал» вытащил наружу самый обыкновенный диктофон и, поднеся его к губам, произнес:

— Курт... А фамилия у этого Курта имеется?

— Шервуд, стало быть, — припомнил автомеханик.

— Курт Шервуд, — продиктовал Паттерсон. — Автомеханик. Он сейчас здесь?

— Нет, он больным сказался, потому сегодня не вышел.

— Ну, конечно... Я бы на его месте тоже заболел! — недобро ухмыльнулся агент. — Где я могу найти адрес этого вашего Курта Шервуда?

— Это вам в кассу надо обратиться, я думаю. Мы с Куртом не особо близки, знаете ли, он тут всего недели три работает...

— А вы, Остин? — Снова этот треклятый пристальный взгляд, от которого по коже мурашки!..

— А что я? — хрипло уточнил автомеханик и закашлялся.

— Вы давно тут работаете?

— Да с год где-то. Может, чуть больше.

— Стало быть, тоже не старожил?

— Ну, нет... наверное. Автомеханик — он постоянно в поиске. Там поработаешь, сям поработаешь...

— Можете продиктовать номер вашего мобильного и адрес? — попросил Паттерсон и вытянул руку с диктофоном так, что микрофон оказался на уровне Остинского рта.

Механик вздрогнул, но подчинился.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул агент Паттерсон. — Покажете, где касса?

— Да... Да, конечно, пойдемте. — Остин спешно устремился к углу здания, обрадованный возможностью наконец сбавить надоедливую «федерала».

Во что же, интересно, вляпался Курт, думал старик, спиной продолжая ощущать подозрительный взгляд гостя. Наверняка, во что-то крайне серьезное, раз по его душу приехали из самого федерального бюро.

— Ну вот, стало быть, сюда вам, — указав на окошко, сказал Остин. — Там девушка, зовут Мелисса. Она вам все расскажет.

— Благодарю, — кивнул агент.

Когда он уже подходил к окошку, Остин не сдержался.

— Так, а почему вы, стало быть, Курта разыскиваете? — облизав пересохшие губы, спросил он.

Агент Паттерсон оглянулся на него и внимательно посмотрел прямо в

глаза.

— Потому что «альфа-ромео», который он чинил, взорвался, — ответил «федерал» после небольшой паузы, — причем вместе с сидящим внутри владельцем. И, мне кажется, это не просто трагическая случайность.

Сказав это, Паттерсон отвернулся к окошку, а Остин так и остался стоять с открытым ртом. Только огромным усилием воли он заставил себя вернуться в гараж. Уже там старый механик почувствовал небывалую усталость и без сил опустился на колченогий табурет. По счастью, на пол он не сверзился, хотя и мог, запросто. Впрочем, даже падение не отвлекло бы его от мрачных мыслей.

«Пожалуй, пора на пенсию, — подумал Остин, глядя на «опель» с открытым капотом. — Слишком я стар для всего этого дерьма!»

* * *

Сидя на балконе в удобном кресле, Джон Тейлор курил сигару и смотрел на экран ноутбука, стоящего на столе перед ним. Странно, но Ричард не спешил выходить на связь. Возможно, конечно, сейчас ему было просто не до этого: Тейлор не понаслышке знал, как стремительно может измениться ситуация в зоне боевых действий. Только что ты контролируешь южную часть города, стоишь с чашкой кофе у окна и обдумываешь грядущее наступление, а уже в следующий миг тебя накрывает свинцовым дождем. И хорошо, если в ход идет один только свинец...

Джон безумно хотел оказаться рядом со своими людьми, разделить с ними все тяготы и лишения, но он был уже слишком стар для подобных вылазок. Куда больше пользы генерал мог принести, руководя действиями войск с безопасного расстояния (допустим, как сейчас, — с ранчо в Аризоне). Однако убедить в этом легенду трех Афганских кампаний оказалось не так-то просто: ветеран рвался на поле боя, стремясь доказать всем и каждому, что он «вовсе не тыловая крыса» и что «в пороховницах еще предостаточно пороху». Только незаурядные дипломатические способности Ричарда Уайлдера и прочих членов командования помогли отговорить Тейлора от визита в Кувейт. Впрочем, даже находясь в Аризоне, генерал, по сути, влиял на каждое тактическое решение своих войск.

Но сегодня что-то пошло не так: уже шестая кряду попытка дозвона закончилась ничем. Джон Тейлор с безучастным видом жевал сигару,

размышляя, предпринять ли седьмую попытку дозвона или все же подождать, пока Уайлдер сам выйдет на связь? По счастью, Ричард избавил генерала от сомнений: на экране появилась надпись «Вас вызывает абонент Ричард Э-Б». Тейлор опустил сигару в пепельницу и, облокотившись на столешницу, щелкнул пальцем по зеленому значку в форме телефонной трубки.

— Генерал, сэр! — воскликнула появившаяся на экране физиономия полковника. Она показалась Тейлору куда более красной, чем обычно, хотя, возможно, дело было в сбившихся настройках контрастности и цвета.

— Приветствую тебя, Дик, — сказал Тейлор. — Что-то случилось? Ты долго не отвечал.

— Случилось многое, сэр, — облизав губы, проронил Уайлдер. — Только ничего хорошего, увы.

— Докладывай обстановку, — откинувшись на спинку кресла, сказал генерал.

Ричард откашлялся и произнес:

— Самая главная новость на данный момент: Синдикат начал новое наступление. Они теснят нас к южной границе Эль-Бургана и делают это крайне быстро и эффективно. Мы огрызаемся, но постепенно сдаем позиции.

— Твое мнение, Дик? — Генерал пристально посмотрел на собеседника голубыми глазами. Из-за коронного прищура его взгляд мог показаться саркастическим, даже надменным, но на самом деле это было всего лишь следствием жизни на «Диком Западе» с его пыльными суховеями и раскаленным жарким воздухом. — Судя по тому, что ты рассказал, город отстоять не удастся?

Уайлдер закусил губу и покачал головой.

— Мне кажется, в нынешней ситуации нам это не по силам, — сказал он. — Наши силы рассредоточены, ведь, помимо Эль-Бургана, есть еще Эль-Вафра, куда мы периодически вывозим людей...

— Я считаю, мы должны сопротивляться до последнего, — веско произнес Тейлор. — Пусть город они отберут, но их потери должны быть максимальными, иначе одним Эль-Бурганом Эдвард не удовлетворится. Appetit-то приходит во время еды, а у Уоррена он и без того гигантский...

— Мы ни в коем случае не собираемся отдавать город без боя, сэр, — кивнул Ричард. — Можете не сомневаться.

— А что же Мамонт? — спросил генерал, перебирая пальцами рук по столешнице. — Вышел на связь?

— А Мамонт, увы, это еще одна проблема, сэр.

— Вот как? — выгнул бровь генерал. — Его что же, взяли в плен? Или, того хуже, убили?

— Лучше б уж убили, сэр, — пожевав нижнюю губу, нехотя признался Уайлдер.

— Поясни, Пат.

— На связь он так и не вышел, но это не главная беда. Буквально два часа назад я получил информацию от одного из наших осведомителей, что подполковник Огден жив-здоров, а вот майор Харрис погиб, и при его смерти присутствовал некий капитан, имени которого никто не знает...

— Мамонт... — пробормотал генерал, рассеянно глядя сквозь экран.

— Похоже на то, сэр.

— Продался, значит... — Желваки на лице Тейлора заходили ходуном, что случалось не так часто — лишь когда генерал был вне себя от гнева. — Что ж, ладно. Не знаю, что стало причиной, да и неважно это теперь. Главное, что мы не можем подарить такого опытного ликвидатора Синдикату. Согласен, Пат?

— Я-то согласен, сэр. Но он ведь профи, настоящий призрак во плоти. Кто сможет его разыскать?

— Другой призрак, — задумчиво проронил Тейлор.

Ричард нахмурился, явно не понимая, куда клонит Джон. Прошло секунд двадцать, не меньше, прежде чем до него дошло, о ком идет речь.

— Гэб? — одними губами произнес полковник.

— Именно, Дик.

— То есть, вы хотите...

— Да, Дик.

— Но, сэр... не слишком ли... поспешно?

— А ты что предлагаешь? Сидеть и ждать, когда он придет с повинной, и провести с ним воспитательную беседу? — хмыкнул Тейлор. — Предавший раз предаст снова, Дик. Это война. Дезертиров казнят, невзирая на былые заслуги.

Полковник кивнул, хотя по выражению лица видно было, что ему подобный расклад совершенно не нравится.

— Я сам отправлю ему весточку, — добавил генерал. — Так что не забивай себе голову, думай о том, как потрепать Синдикат. А Мамонт... Теперь это проблема Гэба.

Ричард шумно сглотнул набежавший в горле ком.

В Кувейте, и без того добела раскаленном боями за каждый квадратный метр, обещало стать еще жарче.

— Ты-то что тут забыл в конце рабочего дня? — проворчал Тернер себе под нос, глядя, как из лифта выходит достопамятный агент Паттерсон с черной папкой под мышкой.

Ларри до последнего надеялся, что «федерал» прибыл не по его душу, однако тот, поймав взгляд детектива, приветливо ему улыбнулся и ускорил шаг, чем окончательно развеял все сомнения.

— Доброе утро, детектив, — поздоровался Паттерсон, подойдя к столу Тернера.

— Доброе. — Ларри указал на свободный стул. — Присядете?

— Нет, мы... — Паттерсон огляделся по сторонам, будто боялся, что их могут подслушать. — Мы могли бы побеседовать с глазу на глаз?

— Я... — Тернер слегка растерялся. — А почему нельзя поговорить прямо здесь? Тут, вроде как, мое рабочее место...

— Я настаиваю, детектив, — с нажимом произнес агент Харрис.

— Ну что ж, если настаиваете...

Ларри нехотя поднялся из-за стола и, мотнув головой в сторону комнаты отдыха, первым устремился к двери.

Убедившись, что, кроме Тернера, никто в допросную не сунулся, «федерал» бросил папку на стол со словами:

— Взгляните-ка. Мне требуется ваше мнение.

— Что там? — буркнул Тернер, подходя и открывая папку.

— Увидите. — Агент замер у окна — руки в карманах, глаза прищурены, лоб прорезает длинная горизонтальная морщина.

С первого листа на Тернера взирал незнакомый мужчина. Детектив пробежал лист глазами. Это было досье некоего Курта Шервуда, инженера-биолога по образованию, который погиб в аварии полгода назад.

— И кто он такой? — спросил Ларри, покосившись на «федерала».

— Если данные верны, то это — наш убийца, — прочистив горло, отозвался агент Паттерсон.

Тернер еще раз перечитал последние строчки — «погиб в аварии 17.12.2030 года».

— Но тут ведь сказано... — начал было Ларри, но «федерал» перебил его:

— Я знаю, что там сказано. Именно поэтому я здесь. Уберите досье в сторону и посмотрите следующий лист.

Это оказалась личная карточка из автосервиса. Еще один «Курт

Шервуд», вот только на фото — совершенно другой человек.

— Дата рождения идентична, — заметил Тернер, скользя взглядом по тексту.

— Угу. Такое ощущение, что кто-то хочет, чтобы мы подняли дело настоящего Курта Шервуда... вот только зачем?

— Постойте секунду, — попросил Ларри. — Я ведь, если вы забыли, с вами в автосервис не ездил. С чего вы вообще взяли, что нашего убийцу зовут Курт Шервуд?

— С того, что именно этот парень, — «федерал» шагнул к столу и ткнул пальцем в карточку «фальшивого» Шервуда, — занимался машиной погибшего банкира. А теперь уберите оба досье в сторону и взгляните на следующий лист.

И снова Тернер не спорил. Под личной карточкой автомеханика обнаружилась распечатка статьи с весьма авторитетного новостного ресурса. Заголовок при этом был на удивление идиотский: «Инженер-лихач». Продолжив чтение, Ларри с удивлением обнаружил, что безработный биолог Шервуд погиб, столкнувшись как раз с машиной мистера Джонсона. Причем, если верить автору (и Джонсону), виновен во всем был сам почивший Шервуд.

— Что скажете? — спросил «федерал», когда Тернер медленно вернул распечатку на стол.

— Скажу, что автор статьи — большой поклонник Эдварда Уоррена и его друзей.

— Именно. «Все беды от безработных», — процитировав духовного лидера Синдиката, кивнул агент. — Причем Джонсон не потерял ни цента — согласно заключению дорожной автоинспекции, вина целиком и полностью лежала на Шервуде.

— Хотел бы я побывать на месте той аварии... — мрачно протянул детектив.

— Прекрасно вас понимаю. Но сейчас мы говорим о взрыве, инициатором которого, если я верно все понимаю, выступил некто, задавшийся целью отомстить за погибшего биолога Шервуда.

— Мне кажется, вы все верно понимаете, — согласился Тернер. — Вот только я никак не пойму, почему вы пришли с этим ко мне?

— Все очень просто, детектив, — грустно улыбнулся Паттерсон. — Теперь, когда нам известно, что политическая подоплека у данного взрыва отсутствует, бюро попросило меня передать дело обратно в полицейское управление. — Он кивнул в сторону лежащих на столе материалов. — То есть, видимо, конкретно вам.

— И что же мне теперь со всем этим делать? — озадаченно пробормотал детектив. — Поднять дело настоящего Шервуда и попытаться доказать его невиновность?

— Не думаю, что вам дадут развернуться в этом направлении, увы. Поэтому советую сосредоточиться на поимке нашего «подрывника», — пожал плечами агент. — Правда, не думаю, что из этого что-то выйдет. Мы, конечно, объявили его в федеральный розыск, но, если он такой мастер перевоплощения, перехватить его удастся вряд ли.

— И как прикажете его искать? Даже несмотря на кучу совпадений, он вряд ли живет в той же квартире, что и покойный инженер.

— Я бы на вашем месте первым делом запросил данные с уличных камер. Думаю, за те недели, что убийца проработал в сервисе, он волей-неволей засветился.

— Это же уйма материала!..

— Вы правы, — кивнул агент Паттерсон. — Времени на это уйдет порядком. Но других ниточек у нас, к сожалению, нет. Совпадения в базе отсутствуют: парень явно прятался за гримом.

Детектив с мрачным видом кивнул и спросил:

— Мое начальство, надо полагать, уже в курсе, что вы снова повесили все это на меня?

— Да, мне велели позвонить вашему боссу еще утром.

— Вы так любезны... — пробормотал Тернер без малейшего намека на благодарность.

Ему совсем не улыбалось задерживать допоздна для просмотра видео с уличных камер, ведь сегодня по телеку должны были показать первый матч финала НБА, который детектив с нетерпением ждал полторы недели. Однако нынешнему шефу полиции, увы, было наплевать на спорт. Звали его Рональд Барнс, и был он тощим, седовласым занудой, у которого странностей было больше, чем звезд на американском флаге.

Подхватив папку с материалами, Тернер пошел к выходу из комнаты. Вместе с Паттерсоном они дошли до лифтов, и агент нажал кнопку «вниз».

— А почему вы хотели поговорить наедине? — спросил Тернер.

— Потому что это дело слишком непростое, детектив. Мое начальство сделало вид, что никакого отношения к политике оно не имеет, но на самом деле, думаю, вы, как и я, понимаете, что это не так.

— Вы об Эдварде? — тихо уточнил Ларри.

— И не только. — «Федерал» воровато огляделся по сторонам и, склонившись к уху детектива, прошептал:

— То, что банкиру все сошло с рук, — это полбеды. Куда как хуже, что

объявился... мститель. Опять же, если мы имеем дело с родственником погибшего Шервуда, это не вызовет такого уж резонанса. Но если выяснится, что в происходящем замешан Джон Тейлор или его ближний круг... вот тогда у нас в городе такое веселье начнется!..

Металлические створки разъехались в стороны, и агент Паттерсон шагнул в кабину.

— Если быть откровенным, больше всего я сожалею об одном, — вновь повернувшись к детективу лицом, с грустной улыбкой произнес «федерал».

— О чем же?

Улыбка «федерала» стала еще шире и горче.

— Что этот банкир, мистер Джонсон, не умер одновременно с инженером, — ответил он, рассеянно глядя перед собой. — Это, по крайней мере, могло бы избавить нас от многих и многих хлопот.

Глава 2. Погорельцы

2031 г., Вашингтон, США

Наутро детектив Тернер, с красными глазами и папкой под мышкой, нетвердой походкой преодолел расстояние до кабинета шефа от допросной. В ней он провел минувшую ночь за просмотром видеозаписей с уличных камер, утешая себя обещанием обязательно посмотреть матч в повторе, однако, шагая по офису, невольно услышал:

— Чертовы «Уизардс»! Как можно было так безвольно отдать первый домашний матч? «Минус двадцать»... Кошмар!

Взгляд, которым Тернер одарил разоряющегося сержанта Коула, казалось, мог испепелить блондинистого сержанта на месте.

— Что? — удивленно спросил полицейский, не понимая, чем заслужил такую враждебность.

Однако Ларри не удостоил его ответом. Скрипнув зубами, он раздраженно постучал в дверь шефского кабинета и заглянул внутрь.

— Детектив Тернер? — Капитан заваривал зеленый чай. Еще одна придурь — «зеленый чай в пакетиках для единения с матерью-природой», — которая доказывала, что капитан Рональд Барнс полный кретин. — Проходите, проходите... Как ваше расследование? Нашли что-нибудь? Агент Паттерсон говорил, это нечто весьма важное...

«Будь проклят тот день, когда я впервые встретился с этим долбаным агентом Паттерсоном», — подумал Тернер про себя, а вслух сказал:

— Да, сэр. Кажется, я нашел, где живет наш убийца.

— Так быстро? — удивился капитан.

«Ну да, всего одна бессонная ночь и весь вечер».

— Да, сэр. Кстати, доброе утро.

— Не могу назвать его таковым, — с мягкой улыбкой ответил Барнс. — Ночью так плохо спал, просыпался раза три, а то и четыре...

«Да он издевается...»

— А я не спал. То есть — совсем.

— То-то я смотрю, на вас лица нет. — Рональд вытащил пакетик и швырнул его в урну, стоящую рядом со столом. Удивительно, но даже с такого расстояния он умудрился промахнуться. — Чаю? Очень, знаете ли, бодрит...

— Сон тоже бодрит. Особенно после того, как всю ночь просматривал записи с уличных камер, чтобы найти убийцу-«подрывника».

— Ах да, вы же тут всю эту ночь провели... — опомнился капитан. — Присядьте, что ли, да расскажите все по порядку. Вы, кажется, сказали, что узнали, где живет наш парень?

— Ну, думаю, да. Он появился на сервисе три недели назад. Приезжал, уезжал в одно и то же время. По счастью, ездил на автобусе, что немало упростило мне работу. Сначала я нашел остановку, где он выходил, а потом проследил за ним до самого дома.

Рассказывая о проделанной работе, Тернер выкладывал на стол перед капитаном снимки — на одном фальшивый Шервуд входит в автобус, на втором покидает его, на третьем идет по улице, на четвертом входит в трехэтажный дом. Капитан, прихлебывая чай и отвратно причмокивая, переводил взгляд с одной фотографии на другую.

— А он не слишком боится уличных камер, — заметил шеф.

— Ну, вероятно, он просто не знал, что их в городе до того много, — пожал плечами Ларри.

— Возможно. Что ж, детектив, вы проделали отличную работу! — Капитан расплылся в улыбке. — Теперь осталось узнать, в какой квартире он живет... и разжиться... — он протянул руку к телефону и снял трубку с рычага, — ордером. Я договорюсь с прокурором, думаю, имеющихся улик вполне хватит.

— Можно я для начала вздремну хоть пару часов на диване в комнате отдыха? — взмолился Тернер.

Капитан смерил его оценивающим взглядом и махнул рукой в сторону двери:

— Валяйте. А то вы и вправду выглядите неважно.

Ларри поднялся со стула и потопал к двери. Он чувствовал себя настоящим зомби: в голове — ни единой дельной мысли, реакция отсутствует в принципе, все, о чем мечтаешь, — это поскорее рухнуть на что-то мягкое и забыться вечным сном. И если в кабинет Барнса детектива влекло подспудное желание рассказать о проделанной работе, дабы убедиться, что он не зря потратил ночь на просмотр треклятых видеозаписей, то сейчас Ларри брел уже с полностью отключенной головой, чисто по инерции. Вот он свернул налево, сделал три шага и плашмя рухнул на старый зеленый диван, который появился тут всего через год после самого детектива, то есть без малого двадцать три года назад. На его подушках и подлокотниках кофейных пятен было больше, чем на ином далматинце, плюс он жутко вонял, но в тот момент все это совершенно не

волновало разбитого Тернера. Едва его щека коснулась зеленой ткани, он отрубился.

Однако поспать ему не дали.

В тот момент, когда его разбудили, Ларри ощутил себя несостоявшимся убийцей, которого беззастенчиво выдернули из водной пучины, куда он нырнул с камнем на шее, обратно в осточертевший мир. Тернер, глупо хлопая глазами, уставился на улыбающегося капитана Барнса. Детективу захотелось обхватить тощую шею этого седовласого клоуна и сжимать до тех пор, пока он не встрепечется в последний раз и не обмякнет.

— Ну как, выпались? — подбросил угля в топку омерзительный Рональд. — Есть ордер. Пора ехать, детектив.

— Сколько людей дадите в подмогу? — спросил Ларри, садясь и протирая заспанные глаза ладонями.

Голова была тяжелая, будто чугунная. По-хорошему, ему бы поспать хотя бы часиков пять-шесть, а уже потом возвращаться к работе. Но дело, к сожалению, действительно не терпело отлагательств: чем дольше они ищут убийцу банкира, тем больше вероятность, что он уже покинул город или вот-вот это сделает. Паттерсон уверял, что Бюро объявило его в федеральный розыск, но какой от этого прок, если парень может менять внешность, как ему вздумается?

— Ударный отряд Рассела, — сказал капитан, отвлекая Ларри от невеселых размышлений. — Они уже ждут тебя внизу.

— Отлично, — кивнул детектив безо всякого энтузиазма.

— Ты думаешь, его уже там нет? — неожиданно спросил Барнс.

Тернер мрачно посмотрел на него исподлобья и медленно кивнул.

* * *

— Ломаем? — спросил сержант Рассел, посмотрев сначала на хозяина дома, а потом на детектива.

Рассел напоминал афроамериканского боксера — высоченный, лысый, с бородкой «ван дайк» вокруг пухлых губ и надменным взглядом сверху вниз. Его обтягивающая черная майка едва ли на нем не лопалась. Хозяин же дома был полной противоположностью сержанта — худющий, даже дистрофичный, рубашка болтается, словно на пугале. Рядом с сержантом он явно чувствовал себя неловко. Вот и сейчас он тут же опустил голову, чтобы не смотреть мускулисту негру в глаза, и неуверенно пробормотал:

— Да нет, зачем же сразу ломать? У меня же ключ был запасной, просто его найти надо...

— И сколько времени на это уйдет? — спросил Рассел, косясь в сторону Тернера. — Десять? Двадцать минут? Больше?

— Ну, как я так скажу? — пожал плечами хозяин. — Возможно, получится сегодня, если он где-то здесь... Ну, думаю, завтра точно...

Сержант закатил глаза к потолку. Детектив прекрасно понимал, что они и без того на пару шагов отстают от фальшивого Шервуда. Если же придется ждать до завтра, дело можно смело объявлять «глухарем».

— Мне кажется, я слышу внутри звуки борьбы, — сказал Тернер, многозначительно глядя на главу ударного отряда.

— Борьбы? — недоуменно переспросил хозяин. — Но там ведь вроде никого нет...

К счастью, Рассел с ходу понял замысел детектива. Улыбнувшись самыми уголками рта, он повернулся к двери и воскликнул:

— Мы должны немедленно предотвратить преступление! Вперед!

И вышиб дверь ногой с одного удара.

Хозяин от неожиданности открыл рот, да так и замер, не веря своим глазам. Детектив потянулся к верному «глоку», который дожидался своего часа в кобуре под мышкой.

Члены ударного отряда, оцетинившись пистолетами, столпились у порога и теперь хмуро вглядывались в темноту, царящую в прихожей. Никто не спешил входить; полицейские прекрасно помнили, чем прославился обитатель этой квартирки, и не хотели стать новыми его жертвами.

Детектив понял, что ему придется войти первым, — хотя бы потому, что дело-то расследует не Рассел или его ребята, а именно Тернер.

— Парни, — сказал он негромко.

Бойцы разом повернулись к нему.

— Пропустите меня, — произнес Тернер.

— Ты уверен, Ларри? — спросил сержант.

— Вы здесь, чтобы прикрывать мне спину, а не лезть на рожон, — пожал плечами детектив.

— Да нет, как раз для этого, — усмехнулся негр.

— И все же я зайду первым, — сказал Тернер.

Теперь бойцы смотрели на своего предводителя. Рассел нехотя мотнул головой в сторону, и они расступились. Тернер подошел к дверному проему и, щурясь, заглянул внутрь.

— Может, все же вызовем саперов? — предложил сержант.

— Я практически на сто процентов уверен, что там нет ни взрывчатки, ни самого Шервуда, — сказал Ларри.

— «Практически» — это все же не сто процентов, — скептически заметил Рассел.

— Он вряд ли хочет нас убить, скорее даже наоборот, — объяснил детектив. — Если я правильно понимаю его мотивы, внутри должно быть что-то, связанное со смертью настоящего Курта Шервуда.

— Тебе виднее, — пожал плечами сержант и отступил назад, едва не расплющив своим огромным ботинком крохотную стопу хозяина дома.

Коротышка в ужасе попятился и даже проблеял что-то, но что именно, Ларри не разобрал. Набравшись храбрости, он все же шагнул за порог. Выдохнул. Лоб его был влажным от пота, в горле пересохло. Пожалуй, если бы он действительно хотел нас убить, просто заминировал бы дверь. Зачем лишние сложности?

Нашарив выключатель, Ларри щелкнул по нему костяшками пальцев. Свет вспыхнул резко и ярко, моментально осветив неприглядную гостиную. Старая тахта, издававший виды ковер в разноцветных пятнах, пара стульев, стол. Дверь в кухню была распахнута настежь, и Тернер невольно вытянул шею, пытаясь разглядеть, не прячется ли там кто-то? Но нет, в кухне был лишь холодильник, печка и старый телевизор со светодиодной подсветкой. Судя по всему, Шервуд квартиру покинул.

Тернер не сразу заметил, что на столе, поверх стопки листов разного содержания, лежит крохотная флэшка. Подойдя ближе, детектив увидел, что к ней примотан провололочкой зеленый ярлычок с надписью: «Включи меня». Закусив губу, Ларри вытащил из кармана носовой платок и с его помощью взял флэшку со стола.

— Что там у тебя? — спросил Рассел, заглянув внутрь.

— Кое-что нашел. — С находкой в руке Тернер прошел на кухню и воткнул ее в единственное подходящее гнездо. — Флэшка, старого образца.

— Интересно, что на ней? — озадаченно пробормотал сержант.

— Сейчас гляну, — пообещал детектив. — А вы пока комнату и санузел осмотрите, лады?

— О'кей, старик, — кивнул Рассел и скрылся с глаз.

Вставляя флэшку в телевизор, Ларри уже знал, что увидит. Точнее, догадывался. И убедился, что догадка верна, едва воспроизвел единственный находящийся на флэшке файл.

Это была видеонарезка аварии, в которой погиб настоящий Курт Шервуд и пострадал банкир Джонсон. Съемка велась с разных углов. Уличные камеры, любительское видео (кто-то снимал разбитые в пух и

прах автомобиля на телефон, воодушевленно комментируя случившуюся трагедию). Ролик длился не больше трех минут, но даже столь небольшого хронометража вполне хватило, чтобы понять: в случившейся аварии виновен лишь один человек.

И речь шла вовсе не о бедолаге Курте Шервуде, безработном инженере-биологе, на которого все в итоге и повесили.

«Что ты будешь с этим делать? — мелькнула мысль. — Покажешь капитану? А если он не захочет идти против Эдварда... или захочет, но ему не позволят? Что, если господин Уоррен, будь он неладен, окажется не в восторге от нашей инициативы и нас решат убрать?»

Судорожным движением детектив выдрал флэшку из телевизора и сунул ее в карман куртки.

— Ну что там, Ларри? — спросил Рассел из комнаты.

— Да так, — буркнул Тернер, затравленно посмотрев на сержанта. — Пока непонятно...

Он выудил из чехла на поясе мобильник и позвонил судмедэкспертам.

Ларри знал, что больше ничего тут найти не удастся, но такова была стандартная процедура.

А пока судмедэксперты будут изучать каждый дюйм этой занюханной квартирки, детектив сможет хорошенько все обдумать.

Например, стоит ли правда того, чтобы ради нее жертвовать жизнью?

2031 г., Лос-Анджелес, США

Это было одно из тех новомодных «кафе-на-вершине-небоскреба», которые особенно удобно открывать в солнечной Калифорнии, где дожди случаются только по большим праздникам. Выйдя из лифта, Ястреб прошел через дверную арку и оказался на крыше. Озираясь по сторонам, он побрел между рядами одинаковых круглых столиков, накрытых белыми скатертями и украшенных декоративными плетеными корзинками с искусственными цветами. Несмотря на знойный полдень, людей в кафе хватало — прячась в тени бежевого навеса, десятки женщин, мужчин, детей и стариков болтали, ели и пили.

— Вы кого-то ищете?

Ястреб встрепенулся, оглянулся через плечо. За столиком, на котором из посуды был лишь графин, две рюмки и тарелка с посахаренными дольками лимона, сидел мужчина лет пятидесяти с коротко стриженными седыми волосами и, хитро сощурившись, смотрел на связного снизу вверх.

— Да так, одного джентльмена... — произнес Ястреб, повернувшись к мужчине. — Не в курсе, кстати, что сегодня ставят в «Долби»?

Это была первая часть кодовой фразы, по которой Гэб должен был понять, что с ним говорит человек генерала.

— За сегодня не скажу с уверенностью, — произнес мужчина с приторной улыбкой, — ведь я бывал там, когда он еще назывался «Кодак», и ставили там тогда всевозможную чепуху, вроде Шекспира.

— Это ты, — расплылся в улыбке Ястреб.

— Так отпразднуем же это, — продолжая улыбаться, Гэб плеснул в обе рюмки на палец.

Связной в нерешительности опустил на один из свободных стульев и медленно, будто боясь обжечься, прикоснулся к рюмке. Ястреб не был заядлым любителем алкоголя; по сути, он выпивал реже, чем в Лос-Анджелесе случался дождь.

— За встречу, — подмигнул ему ликвидатор и, не дожидаясь ответной реакции, залпом осушил тару.

Ястреб ограничился жалким глотком, тут же скривился и, спешно вернув рюмку на стол, подхватил с тарелки лимон.

— Слабовато, — глядя, как связной споро пережевывает дольку цитруса, заметил Гэб. — Впрочем, я привык. Правильно пить водку умеют только русские... ну и я. Эх, с Сэмом, помню, однажды два таких графина выпили... Славный был денек. Рыбалка...

Заслышав имя «Сэм», Ястреб поперхнулся лимоном.

— В чем дело? Ты уже и с лимоном справиться не можешь? — усмехнулся ликвидатор.

— Нет, тут... В общем, сейчас сам все увидишь... к сожалению... — пробормотал Ястреб, вытаскивая из-за пазухи мобильник.

— Ты о чем? — нахмурился Гэб. — Я подобные минорные недомолвки, знаешь ли, не очень...

— Сейчас-сейчас... — скользя большим пальцем по сенсорному экрану, буркнул связной.

Прошло секунд пять, прежде чем он отложил телефон в сторону и пробормотал:

— Готово.

Гэб открыл было рот, чтобы уточнить, о чем идет речь, когда мобильник в кармане требовательно запищал — пришла «смс».

— Твое? — уточнил ликвидатор и, дождавшись кивка, вынул телефон из кармана.

Экран был дюймов пять, не меньше, но, когда мобильник лежал на

ладони здоровяка, он совсем не казался большим. Ястреб с замиранием сердца наблюдал, как Гэб медленно водит пальцем по экрану, как хмурится, чтобы получше рассмотреть иконки и буквы. Когда же брови его взлетели на лоб, связной понял: он читает письмо.

Следующие пять минут прошли в полной тишине. Обычно бесстрашный, Гэб казался взволнованным и даже обескураженным. Судя по его манипуляциям — сначала пролистывает страницу вниз, потом обратно вверх и так по несколько раз, — он перечитывал сообщение от Ястреба снова и снова.

Наконец Гэб оторвал взгляд от экрана мобильного и хмуро посмотрел на присланного Тейлором бойца.

— Значит, Сэм? — спросил он.

— Да, Гэб. Увы, — ответил Ястреб с кислой миной.

«Сэмом» Сергея Мамонтова звали, чтобышний раз не озвучивать имя и фамилию. То же самое касалось и Гэба, которого взаправду звали Глен Богут. Он был старый австралиец, всю жизнь проведенный в боях бок о бок с генералом Тейлором. И пусть сейчас ликвидатор уже фактически пребывал на пенсии, лидер Легиона нередко обращался к старому другу за помощью. Сэм и Гэб считались мастерами экстра-класса, единственными в своем роде, и на этой почве порядком сблизились.

И вот теперь один получил заказ устранить второго. А ведь еще недавно они вместе рыбачили, выпивали по два графина...

Богут налил себе до краев, даже не глянув на собеседника, залпом осушил рюмку. Поморщился, зажмурился на пару мгновений, а потом смахнул скупую слезу и сказал, уже поднимаясь:

— Привет своим.

Ястреб молча кивнул. Он ничуть не удивился, что Богут ушел так быстро и сказал так мало. Единственное, что немного выбивалось из привычной картины, — это растерянность во взгляде ликвидатора в первую секунду после того, как он прочел имя будущей жертвы. Доселе он никому не позволял усомниться в твердости характера, но тут даже этот стальной человек слегка поплыл. Впрочем, оно и не удивительно: речь ведь шла пусть не о друге, но о довольно близком человеке, которого Богут вдобавок научил за годы знакомства нескольким собственным трюкам.

Ястреб не знал, что побудило Мамонта на предательство. Умом он понимал, что дело, скорее всего, в деньгах: Синдикат щедро вознаграждал сподвижников, готовых любым способом поддержать борьбу Эдварда против Легиона. Однако поверить в то, что такой принципиальный человек, как Сергей, способен изменить идеалам из-за стопки зеленых бумажек,

было чертовски трудно. Стремление срубить побольше бабла могло объяснить только внезапно возникшее желание уйти на покой; по крайней мере, Ястреб слышал немало историй про киллеров, «завязавших» таким образом, — пойдя против собственной совести ради заветного миллиончика долларов на счете в швейцарском банке.

Что сейчас творится в голове у Богута? Чем заняты его мысли? Планированием грядущей операции? Или же воспоминаниями о знакомстве, о редких встречах, о словах, которые говорили друг другу эти два человека с весьма схожими судьбами?

«Надо было выпить еще», — думал Глен, входя в пустую кабину лифта и нажимая кнопку с цифрой «один».

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

— Седьмой, прием! — донеслось в наушнике Билла Гентентона.

Выбирают же они моменты, подумал сержант. Сидя на корточках, он прижимался спиной к обломку стены, надеясь, что солдаты Синдиката решат не тратить снаряды на одного-единственного солдата. Его китель и брюки насквозь промокли от пота, ладони тоже вспотели, и приклад автомата буквально выскальзывал из рук.

И как быть в такой ситуации? Отвечать? А если его голос услышит противник? Тогда ему точно несдобровать. Но что, если штаб планирует пустить в ход тяжелую артиллерию и теперь не может начать обстрел, потому что не знает позицию Гентентона?

Сержант на миг зажмурился.

Черт, и почему с каждым годом воевать становится только сложнее? Иногда Билл мечтал жить во времена рыцарей, когда в ходу были мечи, пики, арбалеты и пращи... а не ракетные комплексы, способные в считанные мгновения сравнять с землей целый город.

— Седьмой, прием! — не унимался голос в наушнике. — Ответьте!

— Седьмой на связи, — сдался Гентентон.

Будь, что будет, решил он. Если суждено ему сегодня умереть, то ничего тут не поделаешь.

— Где вы находитесь? Сообщите координаты!

Чертыхаясь, Гентентон посмотрел на электронные часы, ремешок которых обвил левое запястье. Продиктовал.

— Зафиксировали! — подтвердил голос.

— Штаб, ответьте! — прошипел сержант.

— Седьмой?
— Что вы планируете делать? Подключить артиллерию?
— Да, сэр. Мы должны остановить продвижение Синдиката на юг любой ценой.

Гентентон улыбнулся самыми уголками рта: ну конечно, должны. Ведь буквально в считанных футах к югу находится топливный склад, который ни в коем случае не должен достаться прихвостням Эдварда.

— Какие будут указания? — спросил Гентентон.
— Что с вашим отрядом? — отозвался голос в наушнике.
— Четверо погибли, остальные шестеро вне поля зрения, — с неохотой доложил Гентентон.

— Оставайтесь на месте, сержант, — после непродолжительной паузы наставительно изрек «штаб». — Во избежание...

— Вас понял, — пробормотал Гентентон.

Сказать по правде, сидеть за полуразрушенной стеной на корточках было не слишком приятным занятием. В любой момент его убежище мог обратить в порошок очередной залп синдикатовских орудий. Да и свои, честно говоря, могли что-то напутать и случайно отправить бравого сержанта на тот свет — вслед за четверыми бедолагами из его отряда, которые на глазах сержанта отдали души Богу.

— На помощь! — внезапно услышал Гентентон чей-то жалобный стон.

Поначалу он решил, что ему показалось, — среди рокота пулеметов и гула взрывов человеческий голос казался чем-то сюрреалистическим, нелогичным и чужеродным. Однако когда зов о помощи повторился, Гентентон невольно вытянул шею и огляделся по сторонам.

Откуда доносится голос?

Возможно, из соседнего здания, от которого также остались лишь обломки?

Гентентон прислушался: не слышно ли солдат Синдиката? Хотя с чего бы им идти на сближение? Их цель — явно не сберечь здешнюю архитектуру на радость потомкам. Они хотят изничтожить всех солдат Легиона, находящихся в Эль-Бургане. И если ради этой благой цели придется уничтожить весь город, они это сделают.

Сержант закусил губу. В очередной раз судьба ставила его перед непростым выбором: остаться на месте, наплевав на мольбы о помощи, или же рискнуть своей жизнью и прийти на выручку? Инстинкт самосохранения требовал ничего не предпринимать, однако совесть настаивала на вмешательстве.

И, когда стон повторился в третий раз, Гентентон решился.

Согнувшись в три погибели, он на полусогнутых устремился к соседнему зданию. Автомат сержант держал в вытянутых руках перед собой. Воображение, разумеется, по старой доброй традиции тут же стало подбрасывать сценки одна другой кровавее: то его убивают очередью в спину, то разносят в клочья гранатой или самонаводящейся ракетой, от которой не спрятаться, не скрыться... Впрочем, последнее, вероятно, могло бы случиться разве что в киношном боевике и то лишь в качестве сарказма — ведь на реальной войне никто не станет стрелять в спину убегающему солдату из цельной ракетной установки.

Благополучно достигнув дверного проема, Гентентон нырнул внутрь и вжался в стену справа от входа. Переведя дух, он с удовлетворением отметил: «Жив!». Убедившись, что Синдикат его маневр оставил без внимания, сержант огляделся по сторонам. И где же ты, бедолага, который так жалобно звал на помощь?

На первый взгляд, в помещении никого не было.

«Но не могло ведь мне показаться?» — растерянно подумал сержант.

Примерещиться может раз, ну пусть два, но точно не четыре. Значит, где-то внутри действительно находится человек, который нуждается в помощи. Однако бродить по зданию и заглядывать под кровати-столы и в шкафы с тумбочками сержант не мог: любое лишнее телодвижение могло привести к непоправимым последствиям. Что, если артобстрел накроет здание, где Гентентон сейчас находится? Пока он у двери, покинуть развалины не составит труда. Но если он начнет блуждать по дому...

— На помощь! — донеслось из соседней комнаты.

Двигаясь вдоль стены и не выпуская из виду межкомнатный дверной проем, сержант достиг окна, но так никого и не увидел. Выглянув наружу и убедившись, что снаружи никакого движения по-прежнему не наблюдается, Гентентон медленно пошел вперед. Он знал, что поступает не слишком умно. Но любое промедление могло привести к смерти неизвестного мужчины. И тогда все усилия сержанта окажутся напрасны.

Очутившись на пороге комнаты, Гентентон наконец-то увидел обитателя полуразрушенного дома: мужчина лежал возле разрушенной лестницы на второй этаж. Левую ногу бедолаги придавило обломком стены. Завидев Гентентона, незнакомец просиял и, приподнявшись на локте, воскликнул:

— Слава богу, вы пришли!

Сержант замер с винтовкой в руках. Лицо мужчины показалось ему смутно знакомым, однако, прежде чем делать какие-то выводы, бедолагу не мешало хорошенько умыть: вся физиономия его, равно как и руки-ноги-

торс, была перепачкана грязью. Пот смешался с пылью и строительным мусором, и мужчина напоминал такого загримированного под негра актера, хотя, судя по характерным чертам лица, относился к европеоидной расе.

— Да помогите же мне наконец... — на ломаном английском провыл мужчина, снова распластавшись по полу.

Гентентон утер рукавом взмокший лоб, затравленно огляделся, надеясь отыскать что-то, подходящее на роль рычага. На глаза ему попался увесистый брус, который валялся рядом с противоположным окном. К нему-то сержант и устремился.

— Вы куда? — спросил мужчина настороженно: он, видимо, испугался, что Гентентон решил его бросить.

— За рычагом, — буркнул сержант, проходя мимо пленника.

— Боже, как же больно... — простонал незнакомец, зажмурившись.

Подхватив брус, Гентентон вернулся к лестнице и с трудом, но втиснул импровизированный «рычаг» между полом и обломком.

— Как только почувствуете, что нога освободилась, выдергивайте ее наружу, — наставительно изрек сержант. — Я такую махину долго не удержу, да и брус неизвестно, сколько выдержит...

Незнакомец, закусив губу, отрывисто кивнул — мол, понял, давай пробовать.

— Ну, поехали, — пробормотал сержант. — На счет «три». Раз... Два... Три!

Он потянул брус вверх. Мышцы от напряжения взвыли, зубы скрипели так, что, казалось, просто рассыплются, а скуластое лицо покраснело от натуги. Брус предательски хрустел, но Гентентон знал: второй попытки с этим «рычагом» уже не будет, так что надо выжимать максимум.

Краем глаза он увидел, что незнакомец, помогая себе руками, отполз в сторону.

— Есть! — воскликнул мужчина, не скрывая радости, и в тот же миг Гентентон разжал пальцы.

Обломок стены рухнул на пол, подмяв под себя бесполезный теперь «рычаг». Треклятый брус разминулся с правой ногой сержанта на считанные дюймы, иначе точно сломал бы пару пальцев и ботинок бы не спас. Отступив назад, Гентентон согнулся и уперся руками в колени. Так он стоял до тех пор, пока дыхание не выровнялось.

— Вы как? — спросил незнакомец.

Он продолжал лежать на полу, глядя то на обломок стены, едва не лишивший его ноги, то на своего спасителя, но, на удивление, не

предпринимал даже робких попыток подняться. Возможно, просто боялся.

— Порядок, — бросил Гентентон и, резко выпрямившись, шумно вздохнул. — Как ваша нога? Идти сможете?

Незнакомец, подумав, неопределенно пожал плечами.

— Надо попробовать, — сказал он. — Поможете?

Гентентон подошел к нему и протянул руку. Мужчина потянулся к ней...

Взрыв выбил последние стекла из окон. Осколки брызнули во все стороны, и Гентентон с незнакомцем вскинули руки, чтобы защитить лица.

Кто это, подумал Гентентон, пятясь к дверному проему. Свои? Или же Синдикат? Походя он поднял оставленный на полу автомат и приготовился стрелять, едва ненавистные прихвостни Эдварда сунутся внутрь.

— Проверь здание! — услышал сержант.

Голос показался ему незнакомым.

— Вот черт... — прошипел лежащий на полу мужчина и попытался встать, однако лишь скривился и снова бессильно плюхнулся на пятую точку. Продолжая ругаться, незнакомец перевернулся на живот и пополз обратно к лестнице, возле которой совсем недавно едва не погиб.

Что он там забыл, думал сержант, глядя на извивающегося мужчину. Хочет спрятаться среди руин? Но солдаты Синдиката не идиоты, они или заберут его с собой, или прикончат. Надеяться же, что солдаты не станут особо усердствовать в поисках, было крайне глупо. Впрочем, этот парень только что спасся из, казалось бы, смертельной ловушки, так что не стоит ждать от него какой-то сверхадекватности.

Внезапно Гентентон услышал за спиной подозрительный стук. Обернувшись, он с ужасом увидел, что это скачет по полу залетевшая внутрь граната. Проклиная все на свете, сержант метнулся обратно в комнату.

Гентентону снова повезло: едва он нырнул за стену справа от входа, как грянул оглушительный взрыв. Левое ухо заложило, первые мгновения сержант вообще ничего не слышал.

«Надо было оставаться на месте», — подумал он, держа автомат наизготовку.

Впрочем, на войне никогда не угадаешь, где именно тебя найдет смерть.

Прошло с полминуты, когда Гентентон снова услышал голоса.

— Кажется, никого.

— Надо проверить комнату. Да и на втором этаже вполне могут быть...

— Сейчас посмотрим.

С каждой секундой голоса становились все громче. Сглотнув набежавший в горле ком, Гентентон закусил губу и выскочил из-за стены. Двое солдат Синдиката ошалело уставились на него через тактические очки. Сержант не тратил время на глупые и бессмысленные команды, вроде «стоять» или «руки вверх»: он не собирался возиться с пленниками.

Несколько нажатий на спусковой крючок — и в груди левого солдата в синей форме стало на пять дырок больше. Бедолага даже не успел поднять автомат.

А вот его товарищ — успел.

И даже раз выстрелил, прежде чем Гентентон со всего размаху врезал ему в морду прикладом. И конечно же попал — промахивайся он с такого расстояния, кто бы его вообще сюда отправил воевать? Впрочем, сержант понял, что ранен, далеко не сразу. Прежде он добил не в меру ретивого солдата судорожной очередью и только тогда, глядя, как убитый падает на своего напарника, почувствовал чудовищную слабость в ногах.

— Черт... — просипел сержант, припадая на одно колено.

Картинка перед глазами заплесала, задрожала. Сержант выпустил автомат из рук и завалился на бок. Правая ладонь инстинктивно легла на пораженную печень, и Гентентон почувствовал, как по пальцам растекается теплая кровь.

Последним, что сержант увидел перед тем, как потерять сознание, было хмурое лицо спасенного им мужчины. Тот стоял над умирающим, сочувственно глядя на него сверху вниз, и в каждой руке у незнакомца было по пистолету. Как показалось Гентентону, травмированная нога не доставляла ему никаких неудобств.

* * *

Еще один отдал жизнь ради того, чтобы Джон Тейлор утер нос Эдварду Уоррену, думал я, глядя, как опускаются веки смертельно раненного солдата и он погружается в последний, беспробудный сон.

Сказать по правде, я надеялся, что на выручку мне явится не один пожеванный вояка, а группа или даже отряд. Впрочем, я конечно же был рад и ему одному, но он как-то слишком быстро умер, даже не успев проводить меня до стоянки эвакуационного транспорта. Заявляться туда самолично я немного боялся: пусть мне удалось неплохо поработать над своей внешностью, появление перепачканного чужой кровью беженца с пистолетами в руках вполне может привести их на определенные мысли...

Куда меньше внимания я бы привлек, если бы меня, хромающего и постанывающего, привели в лагерь Легиона доблестные воины, вроде почившего парня.

Но есть ли смысл сокрушаться об этом теперь, когда, едва обретя «спасителя», я тут же снова остался в одиночестве?

— Вы слышали выстрелы? — проорал снаружи некто жутко хриплый.

— Да! Пойду проверю! — ответили ему куда более благозвучным баритоном.

Вытянув руки перед собой, я сцепил большие пальцы и приготовился стрелять. В подобных ситуациях я всегда использовал метод «стрельбы по-македонски», ибо это снижало риск осечки, губительной в противостоянии с несколькими противниками. А солдат Синдиката снаружи было пруд пруди, в этом я не сомневался ни капли.

Вот один шагнул внутрь и тут же схлопотал две пули — по одной из каждого ствола. Первая вошла в лоб, вторая — на сантиметр ниже правого глаза. Сделав по инерции пару шагов, парень рухнул на пол. Я остался на месте, ожидая, что кто-то сунется следом за убитым, однако солдаты Синдиката наконец включили головы и, решив, что трех потерь достаточно, зашвырнули внутрь еще одну гранату.

Чертыхаясь, я метнулся обратно в комнату, чтобы укрыться от осколков за несущей стеной.

— Что там творится? — проорал хриплый.

— Какой-то легионовец засел внутри! — доложил голос. — Нужно подкрепление, там уже трое наших, ни один не отвечает!

— Черт бы побрал Тейлора и его псов! — раздраженно воскликнул хриплый.

Надо срочно валить, решил я, иначе через пару минут здесь окажется с десяток синдикатовцев. Труп моего несостоявшегося «спасителя», как я надеялся, собьет их с толку и позволит мне выиграть немного времени. Прокравшись к окну, я поднял обломок бруса, выбросил его наружу и весь обратился в слух.

Тишина. Никто не обратил на произошедшее никакого внимания. Значит, по идее, за окном никого.

И тем не менее я не собирался спешить. Осторожно высунув голову наружу, я лишний раз убедился, что переулок пуст, и только тогда покинул дом. Справа был тупик, поэтому я, пригнувшись, устремился влево. Мне не слишком хотелось шататься по улицам оккупированного Эль-Бургана, ведь смерть тут подстерегала на каждом углу. Однако соваться в близлежащие здания было еще опаснее: кроме солдат Тейлора и Уоррена, там вполне

могли поджидать жители города, решившие, что умереть, защищая свой дом, куда лучше, чем под присмотром американских вояк отсиживаться в Эль-Вафре. Объяснить подобным смельчакам, что ты сам, по сути, беженец, получится вряд ли — хотя бы потому, что сначала тебе всадят пулю в лоб, а уже потом спросят, откуда ты такой взялся.

Закон джунглей весьма прост: загнанный в угол зверь никогда не сядет за стол переговоров. Куда вероятнее, что он попытается перегрызть глотку тому, кто его в этот угол загнал.

Из здания, которое я только что покинул, донеслись уже знакомые мне голоса:

— А вот и этот сучий потрох!

— Что, его осколками посекло?

— Похоже на то.

— Неужто никто из ребят в него не попал?

— Да нет, попал, конечно, иначе че, он в дверях бы стоял и ждал, пока граната прилетит?

— Ну точно, вон у него в печени дырка!

Судя по голосам их было трое. Не слишком много, но, когда ты один, даже с таким количеством вооруженных солдат не захочешь связываться понапрасну. Именно поэтому я споро улепетывал прочь, старательно прислушиваясь к каждому шороху. Если голоса станут громче, значит, ублюдки подходят к окнам, и вот тогда перестрелки мне точно не избежать.

Я был уже в считанных метрах от угла здания, когда из дома справа, пинком распахнув дверь, выскочил солдат Синдиката. Я выстрелил, особо не целясь. Он, надо думать, даже не понял, откуда прилетела пуля, — умер, так и не увидев своего убийцу. Понимая, что сейчас на звук выстрелов сбежится вся округа, я стремглав бросился к заветному углу, спеша уйти с возможной линии огня. Держа пистолеты наготове, я свернул вправо и, к счастью, обнаружил там лишь труп солдата Легиона. Будь он жив, даже не знаю, что бы стал делать — стрелять или кричать, что ищу убежища. С двумя стволами в руках разыгрывать невинную жертву все-таки в разы сложнее, чем лежать под обломком стены с горестным выражением лица.

Позади уже слышались крики преследователей:

— Куда он рванул?

— Наверное, в дом, вон дверь нараспашку!

— Господи Иисусе, это же Джонни...

Все та же троица, отметил я для себя. И никого больше. И еще идут по ложному следу...

Все бы ничего, да только до штаба еще — топать и топать. А чем

ближе к штабу, тем больше солдат Легиона и вопросов типа «Откуда у беженца два пистолета?» и «Где он научился так стрелять?».

Закусив губу, я сделал еще один шаг и содрогнулся, услышав снизу характерный лязг. Опустив голову, я увидел канализационный люк.

Я живо вспомнил, как буквально вчера брел по мрачным тоннелям, утопая подошвами в зловонной жиже. Может, самое время отправиться вниз? А что, там ни Легиона, ни Синдиката, только сточные воды да всякая дребедень, которую сюда этими водами занесло. Образу беженца блуждание в этой вонище уж точно не повредит. Даже напротив.

Спрятав пистолеты за пояс, я сдвинул крышку в сторону. Уже знакомый запах вновь ударил в ноздри. Стараясь не обращать на него внимания, я нашарил ногой ступеньку и нырнул внутрь. Достигнув середины лестницы, я осторожно, чтобы не прибить пальцы, вернул тяжеленную крышку на прежнее место и спрыгнул вниз. Мутная вода забрызгала штанины и внутрь залилась, но в тот момент мне на это было плевать. Выудив из нагрудного кармана миниатюрный компас, я определил, где юг, и устремился вперед по тоннелю. Один из пистолетов остался за поясом, второй же я на всякий случай достал и сжал в правой руке, чтобы меня не застали врасплох. Сомневаюсь, что Синдикат станет гоняться за мной по всей канализации, но исключать такую вероятность нельзя.

К счастью, Бог миловал и внизу мне докучали только крысы и то — лишь противным писком, который, однако, всякий раз заставлял меня вздрагивать. Остановившись под очередным люком, я ненадолго завис. Вот что делает с людьми проклятая привязанность к модным девайсам: решив, что мобильник для беженца — это слишком круто, я от него избавился, а теперь стоял и ломал голову, где нахожусь. Конечно, сдвинуть люк и выглянуть наружу никакого труда не составляет, но ведь там, наверху, могут быть солдаты той или иной армии. Хорошенько все обдумав, я стянул с себя потрепанную куртку и, завернув в нее пистолеты с компасом, положил получившийся «рулон» рядом с лестницей. Пусть полежит пока. Если наверху никого не встречу, вернусь за этим свертком и перепрычу.

Споро забравшись по лестнице, я аккуратно, стараясь не шуметь, приподнял и отодвинул чугунную крышку в сторону. Без лязга металла по асфальту, конечно, не обошлось, но, к счастью, на шум никто не среагировал. В лицо мне ударил свет беспощадного полуденного солнца, и я невольно прищурился — до того ярко оно светило. Разобравшись с крышкой, я поднялся еще на полметра выше, прислушался — тишина! — и только тогда выглянул наружу.

Никого. Иногда мне начинает казаться, что я — крайне везучий тип,

ведь, несмотря на все лишения и невзгоды, преследовавшие меня по жизни, сам я до сих пор жив, а при моем образе жизни это уже большая удача.

Вернувшись вниз за свертком, я снова выбрался наружу. Спрятав один из пистолетов за ближайшим мусорным контейнером, я сунул второй за пазуху и попытался сориентироваться на местности.

Эта часть Эль-Бургана еще не успела испытать на себе орудия Синдиката и потому до сих пор напоминала цивилизованный город. Озираясь по сторонам, я наткнулся взглядом на трехэтажное здание с полуразрушенным угловым балконом, оно показалось мне знакомым. Кажется, штаб находится сразу за ним. Я облизал пересохшие губы и вдоль стены побрел в выбранном направлении, старательно подволакивая правую ногу (это должно было придать моему образу бедолаги-беженца дополнительной трагичности). Хромой, грязный европеец, который нашел в Эль-Бургане любовь всей жизни, но из-за козней Синдиката ее утратил и сам едва не погиб, — чем не сюжет для очередной голливудской слезодавилки, которая соберет миллиард за первые три уик-энда?

Добраться до штаба, однако, мне было не суждено: не успел я достичь угла ближайшего здания, как навстречу мне вышел скуластый мужчина в форме Легиона. Он резко вскинул автомат, и я просто замер, чтобы его не провоцировать. Оставалось надеяться, что передо мной не полный кретин, который предпочитает сначала стрелять, а потом уже задавать вопросы.

— Стоять, — процедил незнакомец, хмуро глядя на мое перемазанное сажей и грязью лицо.

Меня подмывало сострить в ответ, но я понимал, что подшучивать над бестолковым дуболомом в такой ситуации чересчур рискованно, и потому лишь проблеял:

— Сэр... Слава богу... сэр...

— Кто вы? Что здесь делаете? — продолжая держать меня на мушке, спросил солдат.

— Я... я живу... жил здесь, сэр... — Я мотнул головой в сторону, откуда до сих пор доносились звуки выстрелов и взрывов. — В северной части Эль-Бургана... с женой... она... она...

Я закрыл лицо ладонями, охнул и поджал правую ногу, демонстрируя, как мне больно. Сквозь пальцы я увидел, как солдат нехотя опускает автомат, как его взгляд в считанные мгновения утрачивает былую враждебность и становится равнодушным. На мои страдания дуболому плевать, но и пусть с ним, сочувствие его мне без надобности; главное, он уже сделал вывод, что я для него не опасен. Опрометчиво, однако, к счастью для солдафона, живой он мне сейчас куда нужнее, чем мертвый.

— Что с женой? — спросил Скуластый, изображая сочувствие. — Погибла?

Актерского дара в нем, однако, было ни на грош, поэтому выглядела его физиономия по-дурацки, но я охотно «слопал» эту фальшь и, отняв руки от лица, нехотя кивнул.

— Мои соболезнования, — не придумав ничего лучше, сказал дуболом.

— Спасибо, — прошептал я.

Он еще раз осмотрел меня сверху донизу и сказал:

— Вы родом не отсюда ведь, да?

— Из Англии, — припомнив недавний рассказ Марины, ответил я.

— Ну и занесло вас... — Скуластый покачал головой. — Из огня да в полымя...

— Жена была кувейткой, — пояснил я.

Он задумчиво покивал, а потом, спохватившись, запоздало предложил:

— Позвольте я провожу вас к прочим беженцам? Вам, кажется, нужна медицинская помощь...

— Вы о ноге? Пустое... Сказать по правде, я бы без ноги лучше остался, чем без жены.

— Понимаю, — кивнул солдат. — Но все равно я вам советую показаться врачу.

— Попробую, — со вздохом сказал я.

— Пойдемте. — Солдат мотнул головой в сторону штаба.

Он пропустил меня вперед и потопал следом, озираясь по сторонам. Чтобы его позлить, я пошел нарочито медленно, опираясь на стену и с таким трудом подтягивая ногу, будто к ней была прикована цепь с гирей, как у средневекового заключенного. Судя по шумному сопению и тихому бормотанию, я своей цели добился.

Мы обогнули здание с полуразрушенным балконом и оказались возле штаба. Внутри у меня похолодело, когда я увидел лейтенанта Батлера, курящего у настержь распахнутого окна на втором этаже. Прежде мы с ним неплохо ладили. Прекрасно понимая, что за маскировкой меня не узнать, я все же на всякий случай уткнулся в землю и прошел мимо, удостоившись лишь мимолетного взгляда. К счастью для меня, это был взгляд «еще один бедолага», а не взгляд «постойте-ка, да ведь это же...».

— Куда, сэр? — не оглядываясь, спросил я.

— Обходим здание слева, там будут машины.

По счастью, с водителями грузовиков я дружбы не водил, а потому совершенно не боялся быть узнанным. Когда мы добрались до стоянки,

одна из машин как раз ее покидала. Беженцы — дети, женщины, мужчины — выглядывали наружу из крытого тентом кузова. Смотрели они по большей части не на оставшихся в городе, а на столбы дыма, которые чернели над северной частью Эль-Бургана. Лица их были перекошены горем: из-за алчности американцев эти несчастные лишились собственного дома, и будущее их не взялась бы предсказывать даже самая искушенная гадалка. Кроме уже уезжающего грузовика, на стоянке осталось еще четыре. Под чутким контролем солдат беженцы споро загружались в кузов, мечтая поскорее убраться из зоны боевых действий.

— Занимайте очередь, — напутствовал меня мой участливый дуболом. — И ждите транспорт. В Эль-Вафре сразу, как приедете, покажитесь врачу.

— А как я его там найду?

— Спросите у наших ребят, они подскажут.

Я кивнул. Он уже собирался уйти, когда его нагнал мой вопрос:

— Как считаете, сэр... Мы скоро сможем вернуться обратно?

Он оглянулся через плечо, посмотрел на меня с тоской. Отвернувшись, буркнул:

— Думаю, вы не сможете...

И ушел, оставив меня в одиночестве.

Я проводил его взглядом, после чего решил последовать его совету и занять место в одном из кузовов. Усиленно работая локтями, я продрался к одному из грузовиков... как вдруг увидел ее. Поначалу я глазам своим не поверил — ну что бы ей тут делать? Однако это, бесспорно, была она — девушка Марина, официантка из занюханного бара в западной части Эль-Бургана. Она сидела в кузове грузовика и казалась крайне расстроенной.

Не знаю, что подтолкнуло меня к тому, чтобы, распахав прочих страждущих, забраться в кузов и подойти к ней. Возможно, это был банальный эгоизм — желание скоротать дорогу с приятной знакомой. Одно знаю точно: в те секунды мне больше всего на свете хотелось стереть с ее лица маску горечи и скорби.

— Марина, — позвал я, втискиваясь между нею и пожилым толстячком, который одарил меня испепеляющим взглядом, но смолчал.

Она недоуменно уставилась на меня, не понимая, кто перед ней.

— Это я, Сэм, — прошептал я. — Сэм Хэйз.

Брови ее взлетели на лоб. Выпучив глаза, Марина прикрыла рот ладонью и несколько мгновений просидела в такой позе. Я терпеливо ждал, пока она налюбуется мной вдоволь. Наконец она опустила руку и, качая головой, сказала:

— Что с тобой приключилось, Сэм? Ты... ты сам на себя не похож.

— Легкая пластика лица, немного грязи и — вуаля! — Я вымученно улыбнулся.

— А если серьезно? — Судя по тону, Марина была не в настроении шутить.

— Синдикат, — мигом посерьезнев, сказал я. — Взорвали дом, я чудом выжил. Встретил солдата Легиона, он привел меня сюда, смотрю — ты сидишь...

— Ужас... — пробормотала девушка, качая головой. — Дом взорвали...

— А с тобой что приключилось?

— Примерно то же самое. — Взгляд ее потерял фокус, стал рассеянным. — Ворвались в бар, Ибрагим сдуру за ружье схватился, его пристрелили на месте. Хозяин свалил, я спряталась в подвале, благо их интересовало, только если ли в доме кто-то из Легион. Потом кралась по городу, все время ждала, что убьют... Вспоминала Англию, где творилось всякое, но такого... такого там не было, Сэм!

— Успокойся. — Я коснулся ее ладони, и она вздрогнула от неожиданности и посмотрела на меня странным взглядом, будто впервые увидела. — Все уже позади. Сейчас нас увезут в Эль-Вафру...

— Но ведь здесь был наш дом! — Она повысила голос. — Разве тебе не дорог твой дом?

Только сейчас я заметил, что на нас косятся все без исключения — наверное, сказывалось то, что мы общались не на привычном для всех английском, а на русском.

— За годы переездов, — сказал я без тени иронии, — я научился не привыкать особо к новому месту, чтобы потом лишний раз не горевать. Возможно, это не совсем правильно, но... такой «тренинг» помог мне сэкономить немало нервных клеток.

— Я и сама нередко меняла обстановку, — покачала головой Марина. — Но дело не в этом, Сэм. Когда они пришли в Англию, я решила сбежать к черту на кулички, подальше от разборок между «левыми» и «правыми», между республиканцами и демократами, между Синдикатом и Легионом. И когда мне начало казаться, что у меня получилось, война нашла меня даже здесь, в Кувейте. Да, я по-прежнему жива, да, мне дают убежище. Но теперь я точно знаю, что мне никогда не спрятаться от всех этих ужасов и лишений. И это — самое страшное, Сэм: нигде не спрятаться от войны...

Я держал ее ладонь в своей и не знал, что сказать, чем утешить. Я не

боялся войны, поскольку умел воевать. Но когда Жук прислал мне фотографии Джулии, я понял, что никакое умение воевать не защитит моих близких. Пока я жив, Джулия будет в опасности. Пока жива она, мною можно вертеть, как угодно.

И вот это треклятое чувство собственной незащищенности пугало меня ничуть не меньше, чем Марину.

Погрузка закончилась, и грузовик, вздрогнув, покатил по дороге в направлении южной границы Эль-Бургана.

2021 г., Сирджан, Иран

— Все будет хорошо, Крол... — бормочу я. — Все будет просто замечательно...

Капрал Банни болтается за спиной, точно рюкзак. Руки-лямки обвивают мою шею, кисти сцеплены на груди. Идти тяжело. Я потерял прилично крови, благо смог кое-как прижечь-перебинтовать сочащиеся, но, в общем-то, пустяковые раны. В сравнении с тем, что случилось с Крольчатиной, мне о них и говорить как-то стыдно: парень без ног останется, а я из-за царапин переживаю...

Мы бредем прочь из вымершего Сирджана. Мне бы вести себя осмотрительнее, осторожнее — вдруг где-то притаился «боевик» с автоматом? — но, честно говоря, мы с Кролом оба как-то не слишком переживаем на этот счет. Обычный, абсолютно нормальный человеческий страх не спешит возвращаться. Такое ощущение, что мы истратили его весь, там, среди свистящих пуль, взрывающихся гранат, криков боли, отчаяния и ненависти и теперь какое-то время просто физически не сможем бояться.

— Ты действительно в это веришь? — хрипит Крол в мое правое ухо. — Что все будет хорошо?

— Нет, не верю. Но зачем лишний раз убеждать тебя, что все будет плохо, если это и так очевидно? — усмехаюсь я.

— Спасибо, — благодарно шепчет капрал.

Его сердце уже не бьется так часто, как раньше. Мое — тоже. Мы пережили Мясорубку и теперь идем в наш лагерь, находящийся у черта на рогах. Дойдем ли? Кто его знает. Но попробовать определенно стоит.

Внезапно я слышу звук выстрелов. Крольчатина вздрагивает, раз, другой, третий, и я понимаю, что случилось, лишь когда он шепчет:

— Ну вот и все, старик...

Я чувствую, как по спине начинает течь что-то теплое, и ничком падаю на землю. Подо мной — горячая иранская земля, на мне сверху лежит, истекая кровью, мертвый Банни. Голосов я не слышу, что наводит меня на определенную мысль: стрелок всего один, без поддержки, а значит, можно попытаться заставить его врасплох.

Лежу. Долго ничего не происходит. То ли стрелок просто не может поверить в свою удачу — что одной очередью удалось убить сразу двух «америкосов», — то ли он легкомысленно потерял к нам всякий интерес, едва мы упали. Рубашка моя уже пропитана кровью убитого товарища, солнце беспощадно печет голову. Вдобавок на мою правую щеку садится огромная муха и начинает сказать по лицу вверх-вниз, вызывая желание расплющить ее ладонью, но я упрямо продолжаю лежать. Это не самая страшная мука, убеждаю я себя. Две сотни человек, почивших в Сирджане, не дадут соврать: есть вещи куда более неприятные, чем надоедливые мухи.

И тем не менее хочется хотя бы почесать щеку... и подбородок... и нос...

Наконец небеса решают вознаградить мое терпение, и я слышу шаги. Они не отличаются робостью: видимо, ублюдок уже не сомневается, что отправил нас к праотцам. Я лишний раз убеждаюсь, что он один. Вот воцаряется тишина — наверное, остановился. Сердце бешено колотится в груди. Если «невидимка» окажется умным и опытным солдатом, то он непременно подойдет и наградит меня «контрольным» в голову. В таком случае моя хитрость моментально обернется глупостью.

Но ничего не происходит. Он просто стоит.

Томительное ожидание затягивается. Муха ползает по моему лицу вверх-вниз, пара десятков ее зеленых сестричек наверняка уже облепили труп Крольчатины: я слышу их мерное жужжание, похожее на гул трансформатора, и мысленно молюсь, чтобы крылатые твари не додумались лезть ко мне в нос и в уши. Хотя, если труп американского солдата вдруг громко чихнет, думаю, это неслабо деморализует подкараулившего нас иранца.

Снова слышу шаги, но теперь — удаляющиеся. Похоже, он уходит. Я не верю своему счастью. Неужели обойдется без «контрольного» выстрела? Нельзя упустить шанс: надо прикончить мерзавца, убившего Крольчатину, иначе велика вероятность, что он может вернуться, но уже с подмогой.

Сбросив с себя мертвого капрала, я резко сажусь, вскидываю руку с пистолетом, который сжимал в ней с самого начала... и лишь оторопело замираю с «пустынным орлом» в вытянутой руке.

От нас медленно удаляется мальчонка лет десяти, прижимая к груди огромный (по сравнению с самим обладателем) черный автомат. Он из местных, это видно по смуглой коже и чернильным волосам. Худющий (явно недоедал), заметно прихрамывает на правую ногу и явно с трудом передвигается — но идет упрямо, не позволяя себе остановок.

Последний защитник Сирджана.

Он опасен, несмотря на то что еще совсем юн и слаб. Крольчатина убедился в этом на собственной шкуре. И мне бы хотелось отомстить за смерть товарища... Но я не могу заставить себя нажать на спусковой крючок. Говорят, на войне все средства хороши. Но Сергей Мамонтов никогда не убивал детей и начинать не собирается.

Пока мальчуган уходит, я, стараясь не шуметь, встаю и крадусь к ближайшему дому. Спрятавшись за углом, перевожу дух и бреду, петляя по улочкам. Я практически не сомневаюсь, что, кроме того малыша с автоматом, тут никого нет, но после неожиданной смерти Крольчашины во мне столь же внезапно пробуждается слегка подзабытое желание жить. Не потому, что хочется. Не потому, что на гражданке меня ждет сестра (которой, строго говоря, без меня проще, чем со мной). Я обязан выжить и добраться до лагеря хотя бы потому, что моя смерть обесценит подвиг ста девяносто девяти моих собратьев по оружию. Кто-то ведь должен поведать генералу Тейлору о том, какой трагедией закончилось вторжение в Сирджан для нашей бедовой роты, о том, насколько бездарно была спланирована вся эта операция.

Я скажу ему все, без обиняков, несмотря на то, что я — вшивый рядовой с русскими корнями, а он — легендарный Джон Тейлор, лицо Легиона, предводитель объединенной армии Штатов и Европы, звезда мирового уровня. Станет ли он слушать меня? Ему придется. Иначе весь мир узнает о бездарном решении командования, приведшем к Сирджанской Мясорубке, в которой из всей роты американских солдат выжил всего один человек.

Сирджанская Мясорубка...

Думаю, телевизионщикам понравится.

2031 г., Эль-Бурган, Кувейт

Я проснулся от детского плача. Открыв глаза, уставился на сидящего передо мной мужчину — смуглого и седобородого, вероятно, коренного жителя Кувейта. Зажмурив глаза, он беззвучно шевелил губами; наверное,

молился. На руках у него лежал младенец, завернутый в грязную пеленку, он-то меня и разбудил. Младенец кричал очень громко, но мужчина не обращал внимания на эти вопли и продолжал усиленно взывать к Аллаху.

Удивительно, но, кроме нас с Мариной, в этом грузовике были одни арабы, хотя по официальной статистике в Эль-Бургане обитало немало выходцев из Европы и США. Впрочем, нас с Мариной это нисколько не расстраивало: так, по крайней мере, никто не пытается залезть к тебе в душу или поделиться мыслями насчет происходящих в Кувейте «разборок», никто не расспрашивает тебя о твоём прошлом и не рассказывает о своём.

Я хотел было вновь погрузиться в сон, однако звуки выстрелов действовали на меня, словно ледяной душ. Повернув голову, я увидел, как к идущему следом за нашим грузовику Легиона стремительно приближаются два армейских пикапа Синдиката. В кузове каждого располагались по два бойца, один — с автоматом, второй — с внушительной «мухой». Сидящие по правую руку от водителей стрелки поддерживали их огнем из пистолетов.

— Боже... — услышал я знакомый голос Марины. — Они и тут нас достали...

Я инстинктивно сжал ее ладонь в своей, прошептал:

— Ничего, прорвемся... Ты ведь помнишь, как я наподдал тем громилам в баре, а?

И ободряюще подмигнул.

Она хотела было высвободить руку, потом отчего-то передумала, и мы так и остались сидеть, словно влюбленные голубки в кинотеатре, — ведь то, что происходило позади нашего грузовика, вполне сгодилось бы для показа на большом экране.

Пули свистели, разрывали воздух. Гранатометчики отчего-то не спешили пускать в ход грозное оружие — видимо, хотели отвоевать грузовик для собственных нужд, а не просто разбомбить. Пикап, идущий впереди, судя по всему, должен был отвлечь на себя внимание водителя и сидящего рядом с ним стрелка, пока бойцы из второго перебираются к беженцам в кузов.

Впрочем, подобное легко проделывается обычно как раз таки в кино, где сложность трюков определяется только фантазией сценариста да размером бюджета.

Водитель грузовика, прекрасно понимая, насколько его автомобиль превосходит в габаритах машины преследователей, крутанул руль влево, стремясь вытолкнуть первый пикап с трассы. Однако рулевой Синдиката тоже оказался не лыком шит: готовый к подобному маневру противника, он

легко ушел в сторону и тем самым избежал губительного для себя столкновения.

Надо же было покидать город в столь неудачное время, думал я, наблюдая, как солдат-легионовец высовывается из окна и, держа в вытянутой руке пистолет, целится в первый пикап. Он успел выстрелить буквально два раза, да и то в молоко, прежде чем его снял куда более меткий боец Синдиката. Содрогнувшись всем телом, легионовец попросту выпал из окна на дорогу. Я видел, как он катится прочь по серому полотну асфальта и замирает у подножия придорожного бархана.

Таким образом, водитель грузовика остался в гордом одиночестве. Однако на то, чтобы сокрушаться по этому поводу, у него банально не было времени: армейский пикап Синдиката маячил слева, огрызаясь автоматными очередями и одиночными из пистолета. Однако все пули летели мимо, не причиняя никакого вреда ни водителю, ни грузовику. Это косвенно подтверждало мою идею с захватом — ведь если ранить сидящего за баранкой, машина потеряет управление и наверняка съедет с дороги, возможно, даже перевернется. А зачем нападающим такие хлопоты?

— Что они делают? — удивленно пробормотала Марина. — Неужели так трудно попасть с двух метров?

— Действительно странно, — решив не умничать, согласился я.

Второй пикап давным-давно выпал из поля зрения, пристроившись за грузовиком, и я мог только гадать, удалось ли нападавшим перебраться в кузов. Возможно, среди тех беженцев нашелся смельчак, решивший встать на пути захватчиков, возможно даже, таковых смельчаков оказалось сразу несколько, и теперь они всеми силами пытаются не позволить Синдикату добраться до водителя.

Интересно, что бы сказал Уоррен, если бы увидел своими глазами, что вытворяют в далеком Кувейте его треклятые солдаты? Или же он сам предложил им действовать подобным образом — не жалея «дикарей» из «Богом забытой страны»? Господин Уоррен упорно пыталась разделить людей на «полезных» и «бесполезных», но критерии этого раздела были непонятны, судя по всему, даже ему.

Тем временем водитель грузовика, оставив попытки выдворить более юркий пикап с дороги, решил действовать нестандартно и резко ударил по тормозам. Я понял это, когда машина Легиона замерла на месте и второй пикап, видимо избегая столкновения, слетел с дороги и нырнул носом в бархан. Однако куда больше меня удивило иное зрелище: из-за резкого торможения грузовик буквально развернуло вокруг собственной оси, и я увидел, что в кузове находятся не беженцы, а носилки с ранеными

солдатами, которые теперь были хаотично разбросаны по полу. Одного из легионеров и вовсе выбросило на дорогу, где он теперь лежал в неестественной позе — то ли потерял сознание, то ли погиб.

Я не отрываясь смотрел на грузовик и потому упустил момент, когда гранатометчик из первого пикапа все же сделал свое черное дело. Возможно, его огорчил вид увязшей в песках машины с верными товарищами, возможно, просто утомила погоня. Как бы то ни было, на моих глазах кузов с ранеными солдатами разорвало на части, как и отважного водителя, до последнего не терявшего надежду спасти себя и живой груз.

— Господи... — в ужасе прошептала Марина.

Остальные были шокированы не меньше. Некоторые из них даже ошибочно решили, что американцы нарочно изничтожают беженцев, и это вызвало настоящую панику. Дети прижимались к плачущим матерям, старики оживленно переговаривались на местном наречии, видимо решая, как быть, если по нам тоже откроют огонь.

Я перевел взгляд на первый пикап. Гранатометчик отшвырнул в сторону отслужившую свое «муху» и проорал что-то, тыча пальцем в сторону нашего грузовика. Пикап ускорился и стал стремительно приближаться к нам. Все стояли на ушах, Марина вцепилась в меня так крепко, что ногтями содрала кожу до крови. Будто это могло спасти нас от пуль!..

Однако ее теплая ладонь помогла мне решиться на крайне рискованный поступок.

То, что я сделал после, возможно, не следовало делать вовсе. Но я был слишком взбешен тем, с каким хладнокровием Синдикат уничтожил грузовик с ранеными легионерами, и потому действовал скорее по наитию, чем осознанно. Возможно, не будь рядом Марины, я бы совладал с этим порывом, но она жалась ко мне, верила в меня, памятуя о том, как я уже помог ей однажды, и, готов поспорить, надеялась, что помогу и теперь.

— Ты куда? — недоуменно спросила она, когда я ловко высвободил руку и рывком поднялся.

Я не ответил. Всего четыре шага понадобилось, чтобы преодолеть расстояние до края кузова. Пистолет из-за пазухи я выдернул так быстро, что Клинт Иствуд с ума бы сошел от зависти. Я видел, как брови гранатометчика взлетают на лоб, как он спешно тянется к пистолету в кобуре под мышкой, и знал: ему не успеть. Время будто замедлилось. Вырвавшись из дула пистолета, пуля устремилась к ублюдку и вошла точно между его огромных жабьих глаз. Потеряв равновесие, он рухнул навзничь

и едва не вывалился наружу — спас только вовремя ухвативший его за ногу товарищ. Впрочем, выручило их это не сильно: следующая пуля досталась именно этому типу. Кувыркаясь, они покатылись к краю. Я отметил это мимоходом, уже стреляя в сидящего на пассажирском сиденье синдикатовца. Лобовое стекло пошло трещинами, парня будто пригвоздили к креслу. Последняя пуля досталась водителю, ведь он был виновен в гибели десятков раненых не меньше сослуживцев. Шофер рухнул на руль, скатился по нему и уткнулся лицом в колени пассажира, а тот сидел, склонив голову чуть набок и закатив глаза, — прямо подарок для истинных ценителей пошлых американских комедий. Потеряв управление, пикап скатился за обочину, где застрял в песке, подобно тому, что первым вышел из гонки. Колеса его крутились совсем недолго.

К тому моменту, когда я опустил пистолет, в кузове нашего грузовика царила гробовая тишина. Даже дети, казалось, ошалели от увиденного. Все действительно прошло на удивление складно: четыре пули — четыре убитых и один застрявший в «песочнице» пикап. Когда я возвращался на оставленное место рядом с Мариной, меня пожирала десятки настороженных взглядов.

— Ты убил американцев, — сказал мой сосед по лавке.

— Они взорвали грузовик с беженцами и ранеными, — объяснил я. — Я просто не выдержал.

Он с пониманием кивнул и отвернулся. Удивительно, но буквально через минуту все забыли о случившемся, словно о незначительном пустяке, лишь изредка поглядывали с уважением. Если поначалу они были удивлены, то потом, видимо, все хорошенько обдумали и решили, что это вполне нормально, когда одни американцы убивают других. Логика здесь проста: чем больше будет убито американцев, тем меньше их останется в Кувейте.

И только Марина еще очень долго сидела с круглыми глазами и смотрела в стену перед собой невидящим взглядом. Я ее не дергал: одно дело, когда мужчина вступает за тебя в баре и побивает обидчика пудовыми кулаками, и совсем другое, когда он на твоих глазах убивает четырех солдат из неведомо откуда взявшегося всамделишного пистолета.

И в тот момент, когда я уже отчаялся услышать ее голос, она вдруг сказала — не горько, не радостно, а как-то чертовски буднично:

— Только сейчас я поняла, Сэм, что ровным счетом ничего о тебе не знаю.

— Ты знаешь, что я не дам тебя в обиду, — неожиданно даже для самого себя сказал я. — Этого достаточно.

Резко повернувшись ко мне, она пронзила меня взглядом, а потом отвернулась и еще долго молчала, не зная, видимо, как ей реагировать на мои слова.

Наше путешествие в Эль-Вафру продолжалось. Машины Синдиката больше не следовали за нами, точно хвост за дворнягой; видимо, перехват грузовиков не был приоритетной задачей, раз командование Синдиката отрядило для этих целей всего два экипажа.

Сказать по правде, я до сих пор не мог поверить, что война за драгоценное «черное золото» может быть настолько подлой. Напасть на машину, перевозящую раненых... Треклятая частная армия Уоррена, судя по всему, собрала под свои знамена последнее отребье, готовое на любую гнусность ради заветного хрустящего доллара. Никто из нас, имевших отношение к конфликту Легиона и Синдиката, не мог похвастаться безупречным резюме. Но вояки старой закалки, я знаю точно, ни за что не стали бы добивать раненых. Именно поэтому я и был так зол на ублюдков, разнесших грузовик в пух и прах.

Я огляделся по сторонам, на сидящих вокруг беженцев. Не знаю, выдадут ли они меня, но почему-то кажется, что нет. Другое дело, что у сидящих в кабине солдат могут возникнуть некоторые вопросы а-ля «Кто стрелял?». Тот же водитель почти наверняка видел, как один за другим умирают синдикатовцы в последнем уцелевшем пикапе. Хотя если беженцы будут молчать, то подозрения так и останутся всего лишь подозрениями...

— Я должна сказать тебе спасибо, Сэм.

Я вздрогнул от неожиданности — слишком погрузился в свои мысли. Повернул голову и наткнулся на ее благодарный взгляд.

— Да ладно тебе, — выдавив из себя самую беззаботную из моих фальшивых улыбок, заверил я. — Пустое.

— Пустое? Ну, нет. Твоя скромность сейчас вообще неуместна, — поморщилась девушка. — Ты меня спасаешь второй раз за два дня. Поэтому, это пустяк?

— Ну, справедливости ради, сейчас я спасал нас всех, включая и себя...

— Не пудри мне мозги, Сэм. Я ведь не слепая. Ты будто оцепенел поначалу. Только когда я тебя за руку схватила, тогда и ожил.

— Как скажешь, — улыбнулся я.

— Я еще в баре поняла, что ты не из простых. — Марина смерила меня оценивающим взглядом. — Ты солдат? Или полицейский?

— Солдат, — признался я, но тут же добавил:

— Бывший. Довелось служить...

— С твоими талантами ты, наверное, был... большой шишкой! — Она усмехнулась.

— Вовсе нет. Самый обычный рядовой. Я там надолго не задержался...

«Ну да, всего-то на тринадцать лет!»

— Жизнь на гражданке мне, честно сказать, нравится куда больше.

— Все с тобой понятно, — закивала Марина. — Не вынес тягот армейской жизни...

— Типа того.

— Но стреляешь, конечно, обалдеть. — Она уважительно покачала головой. — Я такое раньше только в кино видела.

— Давай сменим тему? — с невинной улыбкой предложил я. — Что-то мне не очень хочется болтать про мои армейские годы.

— Ну ладно, без проблем. О чем хочешь поболтать?

— Ну, допустим... о тебе.

— Каков хитрец!..

Мы разговорились, и время побежало куда быстрее. Чем больше мы болтали, тем чаще я ловил себя на мысли, что не хочу расставаться с этой девушкой. С ней я чувствовал себя неожиданно спокойно, даже несмотря на то, что мы находились в чужой стране, в грязном грузовике, среди арабов-кувейтцев.

А у меня на душе так редко бывало спокойно, что лишаться этого чувства я хотел меньше всего на свете.

2031 г., Вашингтон, США

— В чем дело, детектив? — спросил агент Паттерсон, заглядывая в комнату отдыха.

Первое, что сразу бросилось ему в глаза, — выражение лица Тернера. Детектив казался донельзя подавленным, бледность и обреченный взгляд в никуда только дополняли этот образ. Кроме того, в правой руке Ларри сжимал электронную сигарету.

— Вы курите? — недоуменно выгнул бровь «федерал».

— Бросил пять лет назад, — хрипло откликнулся Тернер.

— И опять начали?

— Это нервное. — Детектив нехотя скосил глаза на вновь прибывшего. — Вам, кстати, тоже может понадобится. Даже если вы

никогда не курили.

— Почему вы так думаете? Вы что... что-то выяснили? — нахмурился агент Паттерсон.

— О, я выяснил достаточно, чтобы теперь просыпаться ночью от каждого шороха, — осклабился детектив.

Он затаился, выпустил струйку пара в потолок.

— Может, уже расскажете, что вам удалось найти? — нетерпеливо произнес «федерал». — Мое время строго лимитировано, детектив, мне не до длительных прилюдий.

— Тогда входите и закрывайте чертову дверь.

Агент подчинился. Одновременно с щелчком дверной щеколды Ларри положил сигарету на блюдце, одиноко украшавшее тумбочку, и взял в руку пульт, лежавший рядом с ним на диване. Щелкнул кнопкой включения и откинулся на спинку, с ленцой глядя на появившийся на экране логотип.

— Мы что, телевизор будем смотреть? — нахмурился Паттерсон.

— Угу.

Агент шумно выдохнул и, опустившись на диван, от скуки принялся перебирать пальцами по обивке подлокотника. Наконец допотопный телевизор включился, и Ларри с помощью кнопок («Черт, до чего же неудобно!..») перешел на съемный носитель.

— Вы готовы? — спросил Тернер, когда на экране появилось содержимое флэшки — один-единственный видеофайл.

— Что это? — спросил Паттерсон. Прищурившись, он прочел название:

— «Правда»? Лаконично. Это вы его так называли?

— Нет, не я, — буркнул Ларри. — Если вопросов больше нет, давайте все же посмотрим?

— Давайте, — сдался агент.

Тернер нажал кнопку воспроизведения и облокотился на левую руку.

Следующие три минуты Паттерсон не мог оторваться от экрана. Когда же ролик закончился и их снова выбросило в меню, он пару минут сидел, растерянно глядя перед собой, — точь-в-точь как Ларри, пока дожидался «федерала».

Наконец агент с трудом разлепил губы и спросил:

— Откуда... — Голос был хриплый, будто чужой. — Откуда у вас это?

— От Шервуда. Фальшивого, надо думать, потому как настоящий, — Тернер мотнул головой в сторону телевизора, — как вы сами видели, погиб из-за одного напыщенного говнюка. Который, к счастью, получил по заслугам.

— Кто-нибудь еще видел эту запись? — задал еще один животрепещущий вопрос «федерал».

— Нет, — подумав, ответил детектив.

Паттерсон молчал, угрюмо глядя на файл «Правда», который застыл в самом центре экрана.

— И после этого вы говорите, что политика Синдиката положительно влияет на современное общество? — саркастически поинтересовался Тернер.

— Думаете, Эдвард Уоррен как-то связан с укрывательством этих видеозаписей? — проигнорировав слова детектива, задумчиво спросил Паттерсон.

— Косвенно — сто процентов. Но вот напрямую... Сложно сказать. Я не знаю, насколько важен ему был Джонсон. Да, Эдвард нахваливал его по телевизору, но стал бы он спасать его от тюрьмы, рискуя собственной репутацией?

— Сложно сказать однозначно, — буркнул агент. — Мы ведь не знаем всей подоплеки.

— Тогда скажите хотя бы, как нам теперь поступить с этим файлом, агент Паттерсон?

— Хороший вопрос... — пробормотал федерал.

Он продолжал смотреть на экран, будто надеялся, что на нем внезапно появится текст с верным решением, но этого конечно же не случилось. На экране была только «Правда» и ничего кроме.

И с этой «Правдой» надо было что-то делать.

— Вы не копировали его к себе на компьютер? — спросил «федерал», покосившись на детектива.

— Думал об этом, но... не знаю, стоит ли? — неопределенно пожал плечами Тернер.

— Возможно, лучше иметь резервную копию, — тихо сказал Паттерсон. — На случай, если с флэшкой что-то случится...

— А почему с ней должно что-то случиться?

Их взгляды встретились.

— Я не знаю, как лучше поступить, — честно признался «федерал». — Боюсь, если я покажу это начальству, флэшка осядет у них в архиве мертвым грузом.

— А вы твердо намерены дать ход этому делу? — осторожно поинтересовался Ларри.

— А вы разве не намерены?

— Честно говоря, я все еще сомневаюсь, — признался детектив. —

Речь ведь не о банальном лихаче на дороге. По сути, это — дело чуть ли не государственной важности.

— Вот уж точно, — кивнул агент. — Уоррен настолько хитер, что каждый обыватель после его пламенных речей о защите ценных кадров мнит, что он-то уж точно входит в их число. Но этот ролик обязательно откроет всем глаза. По крайней мере, вынудит Уоррена выбирать — поддерживает он свой любимый «офисный планктон» или же справедливость?

— Может быть, нам стоит передать его телевизионщикам? — предположил Тернер. — Или... или, допустим, слить в сеть?

— На «ютюб»... — задумчиво пробормотал агент.

— Слушайте, ну это вполне неплохая идея, разве нет?

— Насколько серьезно к этому отнесутся, вот вопрос? И сложат ли два плюс два?

— Пока это единственный шанс вообще его засветить. Если его увидят тысячи людей в Штатах, Уоррену придется отвечать за слова. А там, глядишь, мы двинем это дело дальше...

— Что ж, может сработать. По крайней мере, это действительно будет неплохим началом. Даже если видео позже забанят, у кого-то оно все равно останется. Но надо размещать его тайно, — заметил «федерал». — Иначе нам обоим крышка.

— Думаете, они смогут отследить, кто залил видео?

— Хакеры Уоррена — настоящие профи. Поверьте, я знаю, о чем говорю. Нам нужно будет что-то... что-то вроде одноразового мобильного с доступом в сеть. Ладно. Заливкой видео я постараюсь заняться сам. Вы просто скопируйте видео куда-то и спрячьте флэшку там, где никто больше ее не найдет. Договорились?

— Договорились, — кивнул Тернер.

— Запишите мой мобильник.

— И вы — мой...

Обменявшись номерами, они поднялись с дивана. Паттерсон дождался, пока детектив вытащит флэшку из телевизора и спрячет в карман, и только тогда взялся за щеколду.

— Главное — запомните: никаких подробностей по телефону, — сказал он, прежде чем открыть дверь. — По мобильному только договариваемся о встрече. Больше ничего.

— Понял, — кивнул Тернер.

— Ну, если больше вопросов нет, — шумно выдохнув, сказал Паттерсон, — тогда до связи, детектив.

— До связи, агент. — Ларри пожал протянутую руку «федерала».

Интересно, можно ли ему доверять, думал Тернер, провожая взглядом бредущего к лифту Паттерсона. Не сдаст ли он его Уоррену? Своему начальству? Его собственному начальству (читай — шефу Барнсу)? Хотя у их общего секрета есть одно коварное свойство: каждый, кто узнает об этой тайне, становится потенциальной жертвой Синдиката. Иными словами, стоит Паттерсону разболтать кому-то из сподвижников Эдварда Уоррена о разоблачающем видеоролике, и его собственная жизнь окажется под угрозой — ведь, несмотря на выказанную верность, он остается хранителем страшного секрета, а значит, его никак нельзя оставлять в живых. В общем, куда ни кинь — везде клин. Хранить тайну чревато последствиями, но сдавать детектива еще опаснее, ведь во втором случае Паттерсон автоматически сознается в собственной причастности.

«И нужно ли мне все это на старости лет?» — мелькнула мысль.

Створки лифта закрылись за Паттерсоном, и Ларри внезапно почувствовал себя самым одиноким человеком в мире, несмотря на добрые полтора десятка снующих по участку офицеров, детективов и сержантов.

— Видел вчерашнюю игру? — хитро сощурившись, спросил Коул.

— Пошел бы ты к черту, — огрызнулся Ларри. Он намеревался вернуться в комнату отдыха, дабы докурить оставленную там электронную сигарету, как вдруг его нагнал до боли знакомый голос:

— Детектив Тернер?

«Тебя мне только не хватало!» — со злостью подумал Ларри, поворачиваясь к капитану Барнсу.

— Да, сэр?

— Зайдите ко мне, — бросил шеф и, не дожидаясь ответа, скрылся в своем кабинете.

Тернер недоуменно выгнул бровь: впервые с их знакомства в голосе капитана слышны были металлические нотки. Недоумевая, что могло вывести из себя рохлю Барнса, Ларри побрел к двери его кабинета.

— Пошел бы ты сам, — услышал Тернер, уже взявшись за ручку.

Он не стал отвечать Коулу, даже не оглянулся. Толкнув дверь, вошел в кабинет... и замер под хмурым взглядом капитана. Барнс сидел в кресле и постукивал по столешнице авторучкой, которую сжимал в правой руке. Таким серьезным Тернер его прежде не видел.

— Что случилось, сэр? — спросил Ларри, стараясь не выдать волнения, зреющего в душе. Мысленно он перебирал в голове все возможные причины такого поведения капитана. Неужели это как-то связано с их делом? Но он ведь доложил, что в квартире ничего не было...

— Вы ничего не хотите мне сказать? — поинтересовался Барнс, глядя на детектива исподлобья.

Внезапно Ларри осенило. Рассел! Детектив так загрузился из-за разоблачающего видео, что совершенно позабыл о предводителе ударного отряда, который, по сути, все время ошивался рядом и вполне мог увидеть то, чего ему видеть не следовало бы. Сам Рассел вряд ли сложил бы два плюс два, но вот Барнс... этот странный тип, мягко говоря, непредсказуем, а следовательно, опасен. Да, он производит впечатление недалекого растяпы, у которого руки из одного места растут, но Ларри за свою довольно продолжительную жизнь не раз убеждался, что внешность зачастую обманчива.

— Нет, сэр, — выдавил детектив.

Это был рискованный шаг. Укрывать от непосредственного начальника улики по столь важному делу — за подобное можно получить не только взыскание, но и тюремный срок. Но что оставалось детективу? Только гнуть свою линию в надежде, что Барнсу известно не так уж и много.

— Уверен?

— А в чем, собственно, дело? — поинтересовался Тернер.

— Я видел, как вы прощались с агентом Паттерсоном из Бюро, — сказал шеф.

— А, вы об этом...

— Зачем он приходил?

— Интересовался, нашли ли мы нашего «подрывника».

— И что вы ему сказали? — не унимался шеф.

— Правду, — пожал плечами детектив. — А что еще я мог сказать?

— Почему они вообще к нам ходят, как к себе домой? — возмутился Барнс, в сердцах отбросив ручку.

Она покатилась по столешнице и, слетев со стола, упала к ногам Тернера. Он хотел было подобрать ее, но потом подумал: «Какого черта?» И остался стоять, глядя на капитана, кусающего нижнюю губу и хмуро глядящего в сторону.

— Один из оперативников во время беседы сообщил, что вы нашли что-то в квартире Курта Шервуда, — сказал капитан, облачиваясь на столешницу.

Внутри у детектива все обмерло. Кто видел, что он взял с комода флэшку? Неужто его все-таки сдал Рассел? Ну, удружил, старый друг... Хотя Тернер, конечно, и сам хорош — надо было переговорить с сержантом с глазу на глаз, объяснить, что распространяться о находке не стоит.

Впрочем, не рано ли он всех собак вешает на Рассела? Пожалуй, если

бы речь шла о чернокожем здоровяке, Барнс, надо думать, так бы и сказал, напрямик. Следовательно, речь может идти о любом парне из ударного отряда.

Все это пронеслось в мозгу детектива буквально за пару секунд.

— Правда? — делано удивился Тернер. — И что же я нашел, по мнению этого безымянного оперативника?

— Он не уверен. Какую-то... мелочь, вроде бы. Брелок. Или ключи.

— Я нашел сигаретную пачку старого образца, — бесстрастно произнес детектив.

— Старого? — нахмурился Барнс.

— Табак, сэр.

— А, вот вы о чем... Ну, насчет пачки табачных сигарет я в курсе, их как раз сейчас проверяют на отпечатки. Но разве речь о пачке?

— А о чем еще?

— Детектив Тернер. — Барнс подозрительно сощурился, — мне иногда кажется, что вы считаете меня за идиота.

«Да, да! Черт возьми, да!»

— Нет, сэр. Что вы? Как я мог посметь? — нагло глядя шефу прямо в глаза, заверил Ларри.

Их зрительная дуэль не продлилась слишком долго, и первым сдался чужак Барнс.

— Ладно, хорошо, — после непродолжительной паузы произнес он. — Если вам больше нечего мне рассказать, вы пока что свободны, детектив.

«Пока что!...»

— Благодарю, сэр.

Тернер на негнущихся ногах вышел из кабинета и устремился в комнату отдыха.

У него по-прежнему оставалась электронная сигарета, а поводов для размышления после беседы с капитаном только прибавилось.

Однако надолго его в покое не оставили: буквально десять минут спустя в комнату влетел перевозбужденный Рассел.

— Что, черт побери, здесь происходит? — спросил он без лишних прелюдий.

— Ты о чем? — не понял Ларри.

— Капитан вызвал меня к себе и устроил допрос с пристрастием, — уперев руки в боки, сказал лидер ударного отряда.

— Насчет нашего визита в квартиру убийцы? — уточнил Тернер.

— Ага. Он попросил меня в деталях все описать. Особенно его почему-то заинтересовала твоя находка, о которой ему рассказал мой чувак

Билли Гамм.

— И что ты ему сказал? — облизав пересохшие губы, спросил детектив.

— А что я мог сказать? — фыркнул сержант. — Я ведь не дурак, понял, что, раз ты смолчал, значит, на то есть причина, ага. Поэтому я не сдал тебя, старик, но теперь хочу знать: что было на той треклятой флэшке?

— Да ничего особенного, — пожал плечами Тернер.

— Но ты ведь что-то смотрел на кухне. Черт, да ты торчал там минуты три, не меньше. Любовался холодильником?

— Я просто воткнул ее в телек, старик, а там — ничего...

— Ах, все же ничего... — Рассел шагнул к детективу и, ухватив его за грудки, резко вздернул вверх. Ларри мог поклясться, что слышит, как трещат швы его рубашки.

— Остынь, ты что?.. — оторопело воскликнул Тернер.

— Я не остыну, пока ты не объяснишь, что все это значит, — прошипел Рассел, когда лицо детектива оказалось напротив его собственного. — Я видел, что на флэшке был файл. Всего один, но он там был.

Детектив покосился сержанту за спину и, обнаружив, что дверь закрыта, прошептал:

— Если ты меня отпустишь, я все объясню, Рас.

— Давно пора, — процедил сержант.

Он поставил Тернера на ноги и, сложив руки за спиной, требовательно уставился на детектива.

— Я жду, старик, — сказал он угрюмо.

Детектив шумно выдохнул и вкратце пересказал историю безработного инженера-биолога Курта Шервуда. Он ничего не утаил, поведав и об утренней беседе с капитаном, и о том, что...

— Так ты в итоге так и не отдал ему флэшку? — уточнил Рассел, не поверив своим ушам. — Иначе с тем файлом можно попрощаться: у Барнса сын работает на Уолл-стрит, делу б ход точно не дали.

— Дела... — пробормотал Ларри.

Удивление не было притворным: он действительно не знал о сыночке-банкире своего ненаглядного босса — впрочем, вероятно, лишь потому, что никогда не интересовался личной жизнью капитана-недотепы. Только сейчас Тернер начал понимать, что за причудами шеф ловко скрывает недюжинный талант приспособленца. Сын под протекцией Синдиката, сам в Вашингтоне начальствует... Словом, неплохо устроился.

— Так что с флэшкой-то? — заметил негр.

— Ну... — протянул Тернер, пряча глаза.

— Неужто отдал? — ахнул сержант.

Взгляд Ларри был красноречивей любых слов.

— О, нет-нет-нет-нет! Поверить не могу, черт-черт-черт! — в сердцах воскликнул Рассел. — И что же теперь делать?

— Ничего. Без файла дела нет.

Рассел покачал головой и окинул собеседника сочувственным взглядом.

— Соболезную, старик, — сказал он. — Потерять такое дело... Хотя ты сам виноват. Предупредил бы меня, и ничего этого...

— Забей, Рас, — оборвал его Тернер. — В конце концов, в живых уже нет ни настоящего Курта Шервуда, ни его убийцы. Пересмотр дела никого не вернет к жизни.

— Ты или думаешь, что я очень тупой, старик, — раздраженно произнес сержант, — или просто не хочешь грузить меня лишней инфой. Проклятый Эдвард Уоррен появился, как ураган, за счет его образа выезжают все богатеи страны. Весь мир знает, что его армия творит в странах третьего мира, однако Штаты не хотят повторения английского сценария и потому смотрят на грехи Уоррена сквозь пальцы. Но это продлится ровно до тех пор, пока война не придет в нашу страну. Если тот ролик смогли бы увидеть простые люди, они наверняка бы задумались: «А ведь я мог быть на месте того парня! И что получил его убийца? Его даже не обязали оплатить расходы на похороны!»

— Не заводись, Рас, — поморщился Тернер. — Ты вроде не намного моложе меня, но порой ведешь себя, как зеленый новобранец. Это же наш гребаный мир. Он всегда был несправедливым. А мы с тобой просто не имеем достаточно влияния, чтобы такое положение дел изменить.

Этот разговор больше напоминал попойку копов по поводу выхода на пенсию сослуживца. Ларри доводилось бывать не на одном подобном мероприятии, и каждое проходило по самому простому сценарию: все начинается с официальных фраз типа «Для меня было честью работать с тобой!», в середине вечера все сводится к сожалениям а-ля «а мы ведь так хотели сделать этот мир лучше» из уст именинника и заверениям оставшихся в строю коллег, что «мы за тебя еще отомстим!». В самом конце сослуживец либо напивается в хлам и отрубается, либо ввязывается в драку с одним из гостей. На следующее утро все просыпаются с головной болью и даже не всегда помнят, кого вчера поздравляли с выходом на заслуженный покой.

— Твоя правда, старик, — шумно выдохнув, признал Рассел. —

Просто когда ты читаешь о подобном в новостях, это одно, а когда это происходит прямо у тебя под носом... Когда ты мог повлиять, но упустил эту возможность — это так бесит, словами не передать! Хочется вышвырнуть бляху и до конца жизни выращивать какую-нибудь там... герань на клумбе у дома — просто чтобы хоть чем-то заниматься, сечешь?

— Секу, Рас, — кивнул Тернер. — Секу...

— Ладно, старик. — Сержант протянул огромную ладонь детективу. — Я тебя не выдам. Но в следующий раз так не делай. Доверие. — Он постучал себя правым кулаком по груди. — Мы столько лет работаем бок о бок, дружим. Пора бы понять, что мне ты можешь доверять во всем.

— Я просто не хотел тебя вовлекать, — без доли лукавства ответил Ларри. — Меньше знаешь — крепче спишь.

— Я не из тех, кто боится много знать, — горделиво улыбнулся Рассел.

— Знаю. — Тернер улыбнулся в ответ. — Но советую тебе не заикаться о флэшке при Барнсе, иначе он решит, что мы с тобой в сговоре.

— Само собой, старик, — кивнул сержант.

Они пожали друг другу руки, и сержант покинул комнату для отдыха, оставив детектива в одиночестве.

Тернер опустился на диван и, запрокинув голову на спинку, зажмурился.

«Ну и денек...»

Он не жалел, что не рассказал сержанту Расселу всей правды. В конце концов, чем меньше людей знают о том, что флэшка до сих пор у Тернера, тем лучше. Пусть это будет лишь их с Паттерсоном секрет.

Остается надеяться, что Рассел действительно не станет болтать с шефом о флэшке.

Тогда Тернеру и его подельнику, возможно, удастся избежать проблем.

Глава 3. Улей

2031 г., Эль-Вафра, Кувейт

Эль-Вафра напоминала огромный приют для бездомных — каковыми, фактически, стали все без исключения жители Эль-Бургана после вторжения Синдиката в их родной город. Были здесь дети, школьного возраста и совсем младенцы, которые орали не переставая. Были женщины, которые пытались унять грудничков, поливая их горькими слезами. Были мужчины, чьи обреченные и ненавистные взгляды постоянно ловили на себе прохаживающиеся по улицам патрули Легиона. Иные старики и вовсе в открытую именовали американцев свиньями.

— Валите из нашей страны! — брызжа слюной, на ломаном английском орал дряхлый дед лет семидесяти пяти, а то и старше, стоя посреди проезжей части. Ноги его безостановочно тряслись, и он удерживал равновесие только благодаря хлипкой трости, на которую опирался всем весом, однако даже собственная неспособность не могла остановить рвущийся наружу гневный спич.

— Помалкивал бы, старик, — лениво бросил стоящий перед ним солдат с автоматом.

Его компаньон озирался по сторонам, будто нарочно не желая смотреть на возмущающегося деда. А может, он просто боялся, что у возмущающегося найдутся единомышленники?

— Вы пришли в нашу страну! — продолжал разоряться старик. — Вы лишили нас дома!

— Не мы тебя дома лишили, заканчивай. Мы вас спасаем.

— От кого? От себя самих? Аллах вас не простит...

— Заканчивай, я тебе сказал! — рявкнул второй, злобно сверкнув глазами.

— Валите из нашей страны, грязные свиньи! — взвизгнул старик. — Подавились бы вы своей проклятой нефтью!

— Ну все, дед, ты меня допек... — пробормотал солдат.

— Кевин... — попытался осадить его первый легионец, однако сделать это было не так-то просто.

Солдат замахнулся, намереваясь врезать престарелому кувейтцу прикладом под дых, однако его руку задержала неведомая сила.

— Полегче, рядовой, — слышался из-за спины чей-то низкий голос с хрипотцой.

Кевин, гневно сдвинув брови к переносице, резко обернулся к наглецу, посмевавшему влезть в его перепалку с крикливым дедом. Лицо вновь прибывшего показалось ему незнакомым, но для беженца он выглядел слишком опрятно, да и внешне на араба похож не был — квадратная челюсть, высокий лоб с глубокой морщиной посредине, острые скулы и бледно-розовая кожа явно свидетельствовали о его европейских корнях.

«Может, кто-то из офицеров?» — подумал солдат обеспокоенно.

Ему совсем не улыбалось вмазать старшему по званию, поэтому он опустил руки и лишь хмуро уставился на стоящего перед ним мужчину. На вид ему было лет под пятьдесят, может, даже чуть больше, и во взгляде его сквозила уверенность, способная выбить почву из-под ног любого, кто только решится заглянуть в эти беспощадные зеленые глаза.

— С кем имею честь? — стараясь не выказывать внутреннего волнения, спросил рядовой.

— Мое имя тебе без надобности, сынок, — произнес мужчина, рассматривая собеседника с нескрываемым любопытством, словно пятилетний мальчишка — пойманную в банку лягушку. — Как и мне — твое. Просто запомни на будущее, что поднимать руку на беспомощного старика чревато последствиями.

— Он назвал нас грязными свиньями! — глядя, как его товарищ с трудом уводит продолжающего ворчать старика в сторону, пожаловался Кевин.

— А по-твоему, он должен рассыпаться в благодарностях? — фыркнул мужчина.

— А почему бы и нет? — саркастически осведомился солдат. — В конце концов, мы их спасли от Синдиката, который напал на Эль-Бурган.

— Да только ты, нарочно или нет, упускаешь из вида, что Эль-Бурган предварительно захватил Легион. А для него, — незнакомец указал на продолжающего бурчать старика, — все американцы на одно лицо, не забывай. Как для тебя и меня — арабы. Так что будь снисходительней к братьям нашим меньшим. В конце концов, они дают нам столько нефти, что могут хоть днями напролет дразнить нас «грязными свиньями». Имеют право, так сказать.

Произнеся это, незнакомец снисходительно похлопал солдата по плечу и пошел дальше, оставив горячего юнца в гордом одиночестве.

«Что еще за умник выискался? — глядя ему вслед, думал Кевин. — Прежде я его точно не видел...»

— Эй, ты! — набравшись храбрости, окликнул незнакомца солдат.

— Ты мне не «тыкай», сопляк, — резко бросил мужчина, даже не оглянувшись.

— Сопляк? — нахмурился Кевин.

Он вскипел в один момент. Что этот тип о себе возомнил? Ни погон, ни кителя... Может, перед ним действительно какой-то умник, эмигрировавший в Кувейт пару-тройку лет назад, а вовсе не офицер?

— А ну-ка повтори, что ты там вякнул? — прорычал Кевин.

Он опустил руку на плечо незнакомца и попытался развернуть его к себе, однако поступил так напрасно: у мужчины оказался отменный правый джеб. Перед глазами солдата мелькнула красная вспышка, а потом все погрузилось в темноту.

— Ты че творишь? — возопил напарник поверженного солдата и бросился на незнакомца.

Тот нырком ушел от размашистого, «деревенского» хука и, моментально порвав дистанцию, левым локтем врезал нападающему в челюсть.

Второй готов.

— Тебя даже на одну секунду оставить нельзя! — проорал высокий лысый тип в офицерском кителе, подбегая к разбушевавшемуся мужчине.

— Так их! — радостно проорал достопамятный хамовитый дед.

Незнакомец, повернувшись к нему, крикнул в ответ:

— Прости их, почтенный старец. Зеленые еще. Глупые.

— Прощаю, — сжалился дед.

Если бы ему не требовалось постоянно опираться на трость, он бы наверняка сейчас хлопал в ладоши, будто ребенок.

— Ты чего творишь, Гэб? — подступив к мужчине вплотную, прошипел Лысый.

— Не нервничай, капитан, — фыркнул незнакомец. — Они в порядке. Я всего лишь хотел преподать им небольшой урок, подтянуть дисциплину, так сказать...

— Если это был небольшой урок, то как же тогда выглядит большой! — усмехнулся капитан, рассматривая тяжело дышащих солдат.

— О, тебе лучше не знать, — заверил мужчина, первым устремляясь прочь. — Ну? Ты идешь? Полковник Уайлдер нас наверняка уже ждет.

Капитан, чертыхаясь, бросился за спешно уходящим незнакомцем вдогонку.

Смотреть на ужас, подобный тому, что творился в Эль-Вафре, Глену Богуту было не впервой. В конце концов, он поучаствовал во всех крупных

кампаниях Тейлора, включая победоносные Афганские и донельзя противоречивую Иранскую, в которой Джон потерял все регалии и невольно подпортил собственное наследие. Не со всеми решениями легендарного генерала Богут был согласен, однако он, как солдат старой закалки, никогда в открытую не осуждал приказы командования. Сказали — надо, значит, надо, их ведь не зря командовать назначили...

— Сказать по правде, я тебя не узнаю, — сказал Лысый, наконец поравнявшись с Богутом.

— Не поверишь, но к этому я и стремлюсь, когда вожусь с маскировкой, — самодовольно хмыкнул ликвидатор.

— Не делай вид, будто не понял, что я имею в виду. Чем тебе насолили те двое солдат? К чему была эта показательная порка?

— Тебе известно, что такое «дисциплина»? — покосился в его сторону австралиец.

— Разумеется, известно. Хватит ерничать.

— Я не про определение из толкового словаря, — поморщился Богут. — Дисциплина — это то, что отличает армию от уличных шаяк и банд, где все вечно грызутся за право быть главарем. В армии умелые полководцы эту дурную энергию подчиненных направляют против общего врага и так добиваются успеха. Кувейтцы и без того не в восторге от нашей армии, так зачем нам новые конфликты?

— Это был всего лишь выживший из ума старик, — заметил капитан.

— Который лишился дома из-за американских солдат! — раздраженно воскликнул ликвидатор. Узколобость спутника успела ему порядком надоесть. — Они не различают, где Синдикат, а где Легион. И не должны различать. Они просто знают, что к ним в город нагрянули американцы, как уже было в Иране, как уже было в Афганистане и десятке других стран, где чертова нефть чуть ли ключом из земли не бьет. Мало вам нагрянувших прихвостней Уоррена, так вы еще и с местными решили разругаться?

Всю оставшуюся дорогу до штаба они молчали. Капитан хотел поставить зарвавшегося ликвидатора на место, однако не знал, что возразить на его, в общем-то, верные слова. Богут же просто не любил болтать.

— Полковник Уайлдер, сэр. — Капитан заглянул в кабинет Ричарда. — Он прибыл.

— Кто?

— Гэб.

— Ну так пусть скорей заходит! — донеслось из комнаты.

Капитан отступил в сторону, и Богут, толкнув дверь, проник во

временную резиденцию полковника. Все было обустроено довольно скромно — койка в углу, рядом с ней тумбочка, а у противоположной стены — шкаф; одна дверца слегка приоткрыта, виден висящий на вешалке китель. Сам Уайлдер сидит за столом в кресле с высокой спинкой, еще два стула находятся по другую сторону стола, видимо, как раз для визитеров.

— Ну здравствуй... Гэб, — сказал полковник, с любопытством разглядывая вошедшего. — Каждый раз, когда тебя вижу, сомневаюсь, что передо мной — именно ты.

— Это моя работа, сэр, — пожал плечами Богут. — Я присяду?

— Да, да, конечно. — Спohватившись, Ричард указал сначала на один свободный стул, потом на второй. — На твой выбор.

Ликвидатор без лишних слов опустился на левый и, вытянув ноги, сложил руки на груди.

— Капитан уже показал тебе твою комнату? — поинтересовался Уайлдер.

Глен кивнул и спросил:

— Я сюда не на кровати нежиться приехал, так что давайте сразу к делу, сэр. Почему вы думаете, что Мамонт еще не покинул Кувейт?

— Неутомимый Гэб, — с довольной улыбкой тихо произнес полковник, облачиваясь на стол и сплетая пальцы рук перед собой. — Не успел приехать — сразу за дело. Хороший подход. Замечательный.

— Вы не ответили на мой вопрос, сэр.

— Некий источник, — сказал Ричард, — сообщил нам, что Мамонт должен со дня на день пожаловать в Эль-Вафру.

Брови австралийца взлетели на лоб.

— Что еще за источник?

— Тот же самый, который предупредил нас о грядущем вторжении Синдиката в Эль-Бурган.

— То есть, кто-то из вражеских офицеров?

— Вероятно.

— Не хотите говорить — дело ваше. Проясните лишь: этому источнику можно доверять?

— Ну, скажем так: прежде он нас не подводил.

— И зачем, по мнению источника, Мамонт ползет в Эль-Вафру? Что он здесь забыл?

— Об этом источник умалчивает.

— Интересно получается... — задумчиво пробормотал Богут. — А не мог ли Мамонт уже побывать в Эль-Вафре и благополучно ее покинуть, пока я сюда ехал?

— Теоретически — конечно мог. Но вот фактически... Сведения от источника попали к нам буквально три часа назад. Сомневаюсь, что Мамонт успел бы наведаться и убраться.

— И все же такая вероятность есть. Хотя, надо думать, Сэм бы заявил о своем приезде достаточно громко, чтобы вы услышали, — например, убил бы кого-то или похитил.

— Я думал об этом, — признался Уайлдер. — Даже предполагал, что он может ехать сюда по мою душу.

— А что? На роль мишени вы вполне годитесь, — тихо произнес Глен.

— Предлагаешь расценивать твои слова, как комплимент? — фыркнул полковник.

— Я ничего не предлагаю, сэр, — мотнул головой Богут. — Просто стараюсь учесть все возможные варианты. Что именно вы предпринимаете для поимки Мамонта?

— Стандартная процедура — проверяем всех, кто прибывает сюда на наших грузовиках, всех американцев-европейцев задерживаем для повторной проверки, более тщательной. Таковых пока благо немного. От Эль-Бургана до Эль-Вафры сто с лишним миль, не думаю, что Мамонт станет преодолевать их пешком.

— Ну, если он не знает о существовании вашего источника, то, вполне возможно, он попытается затеряться среди беженцев, — заметил Богут. — С его умением менять внешность это не составит особого труда. Хотя, конечно, чисто теоретически, он мог в Эль-Бургане разжиться машиной... но это довольно рискованный шаг, ведь дорога всего одна.

— Да. И мы за ней присматриваем.

— Что ж, хорошо. Тогда продолжайте досматривать беженцев, а я пока что попытаюсь оглядеться и понять, что ему могло понадобиться в Эль-Вафре. Только учтите: если вы действительно хотите изловить Мамонта, мне нужна полная свобода действий. Предупредите всех своих офицеров, что они должны быстро и четко исполнять мои приказы, будто я ваш заместитель или даже сам генерал.

— Договорились, — кивнул полковник. — Только вы уж постарайтесь, чтобы Мамонт не добрался до своей цели.

— Для этого я здесь, — сухо сказал Богут.

Он поднялся со стула и пошел к двери. Покинув кабинет, спустился и вновь отправился в город. Солнце в Эль-Вафре было беспощаднее средневекового инквизитора, а редкие порывы ветра не приносили долгожданную прохладу, а лишь обжигали и без того раскаленную кожу. Впрочем, Глен не жаловался. За тридцать пять лет службы он повидал и

ливни, которые льют неделями, и вечную мерзлоту, когда ты идешь по поясу в снегу через ледяную пустыню. Изнуряющая жара и вовсе была ему не в новинку, ведь большая часть операций, в которых Богут участвовал, проходила в странах с подобным климатом. Шагая по улице, Глен смотрел на тяжело дышащих, обливающихся потом солдат, спешащих к редкому теньку, словно к полноценному оазису, и едва сдерживал презрительную улыбку: салаги, а ведь это вы никогда не бывали в Иране!..

Тех зарвавшихся сопляков, которых Богут решил научить хорошим манерам, нигде не было видно — наверное, приводили себя в порядок после неожиданного «урока» — как и старика, из-за которого, собственно, и начался весь сыр-бор. Ну и славно, подумал Глен, зорко осматривая улицу. Не до вас сейчас. Есть дела куда более важные.

О том, кого ему требуется ликвидировать, Богут старался лишний раз не вспоминать. Это было чревато недооценкой противника, но Глен ничего не мог с собой поделать: в текущем деле и без того было слишком много личного. У ликвидаторов хватало общего, и речь шла не только о ремесле, но и о схожих взглядах на мир.

По крайней мере, прежде Богуту казалось, что их взгляды схожи.

Лысого капитана Глен нашел в его комнате — этажом выше собственных апартаментов. Офицер стоял у окна и пил дымящийся кофе из колпачка термоса. На подоконнике стоял синий термос. Когда входная дверь скрипнула петлями, он вздрогнул и оглянулся.

— Как прошла встреча с Уайлдером? — спросил, вновь отворачиваясь к окну.

— Нормально. — А что еще Богут мог сказать?.. — Я бы хотел осмотреться. Не расскажешь поподробнее, где у вас что находится?

— Да запросто. — Капитан залпом допил кофе и, накрутив колпачок на термос, убрал его в тумбочку. — Пойдем.

Они спустились вниз и снова окунулись в полуденное марево Эль-Вафры.

— Что именно тебя интересует? — спросил капитан. Сняв кепку, он утер лоб сложенным вчетверо платком.

— Уж точно не закусовые и бары.

— Ну и зря... Ладно, к делу. Вот там у нас оборудована столовая. — Он махнул рукой в сторону темно-зеленого шатра.

— Общая для солдат и беженцев?

— Да, просто прием пищи в разное время. А вот в этих домах у нас располагается часть беженцев. В городской тюрьме находятся пленные...

— Пленные? — оживился Богут. — И кто там сейчас находится?

Много народу?

— Все камеры забиты, — ответил капитан.

— Офицеры среди пленных имеются?

— Порядка пяти человек. Возможно, и больше, но остальные, как правило, одеты в полевую форму и не очень-то с нами откровенничают.

Капитан продолжал рассказывать о здешних достопримечательностях, но Богут слушал уже вполуха. Поначалу он считал, что Мамонт может заявиться в Эль-Вафру только с целью убить кого-то из старших офицеров. Однако теперь, глядя на здание тюрьмы, он думал, что, вполне возможно, миссия у ликвидатора вовсе не губительная, а, напротив, спасительная. По крайней мере, особого смысла в устранении кого-то, включая того же Уайлдера, Гэб не видел. Мамонт не хуже австралийца знал, что на самом деле всем руководит непосредственно Тейлор, а полковник для него, как кукла для чревоушателя, — не более чем проводник речей.

И все же надо настоять, чтобы Ричард усилил охрану и предупредил старших офицеров о возможных покушениях. Причем сделать это необходимо в кратчайшие сроки, ведь Мамонт может пожаловать в город в любую минуту.

Глен невольно вспомнил их с Сэмом беседу, случившуюся около пяти лет назад. Тогда, помнится, они в шутку спорили, кто из них «круче», и так ни к чему и не пришли — ведь каждый называл лучшим другого. В тот момент они даже не предполагали, что в обозримом будущем им доведется на деле проверить свои силы в очной дуэли.

Однако судьба-злодейка, к сожалению, решила подарить им такую возможность.

* * *

Когда грузовик начал снижать скорость, я понял: прибыли. Сей факт однако меня нисколько не обрадовал, ведь поводов для волнения с приездом в город только прибавилось. Покинуть Эль-Бурган было непросто — меня ведь могли не только разоблачить, но и банально прикончить. Теперь же передо мной стояла еще более сложная задача: проникнув в Эль-Вафру, выкрасть из заключения капитана Грина. Если верить информации, которой со мной поделился Жук, офицер Синдиката находится в городской тюрьме вместе с прочими пленниками, под пристальным наблюдением солдат Легиона.

Словом, скушать не придется. А так хотелось...

— Выгружаемся и остаемся на месте! — донесся снаружи голос. — Личный досмотр!

Я скрипнул зубами. Черт, а ведь я надеялся, что удастся избежать этой процедуры. Раздираемый изнутри сомнениями, внешне я оставался абсолютно спокоен. Однако от Марины мое волнение не укрылось.

— Ты напряжен, — заметила она.

— Ну еще бы, у меня ведь за пазухой пистолет, — прошептал я с саркастической улыбкой.

— Ах да, точно... И что же делать?

— Я уже сбросил его.

— Когда ты успел? — удивилась она.

— Еще там, в пустыне. Обойма все равно была пуста.

— Но в обойме же десять патронов, — заметила она.

— И?

— А ты стрелял всего... — Марина задумалась ненадолго — видимо, вспоминала. — Четыре раза.

— Ты действительно хочешь знать, куда делись остальные шесть? — Я с серьезным видом посмотрел ей в глаза.

— Честно говоря, нет, — призналась девушка и невольно поежилась.

— Ну и хорошо. Потому что мне рассказывать тоже хочется не особо.

В этот момент подошедший солдат хлопнул ладонью по кузову.

— На выход! Строимся в колонну по двое для личного досмотра! — воскликнул он, окидывая сидящих в кузове беженцев пристальным взглядом.

Интересно, кого они ищут, думал я, вслед за остальными поднимаясь и семеня к бортику. Шпионов Синдиката? А может, меня? Да нет, я бы на их месте ни в жизнь не подумал, что, предав своих, Мамонт буквально на следующий день заявится в занятую Легионом Эль-Вафру. Честно говоря, я и сам до сих пор не верил, что согласился на подобную авантюру...

Видимо, я просто слишком люблю сестру и логично считаю себя виновным в том, что ее жизнь теперь в опасности.

— Так, ты, — завидев меня, солдат поднял левую руку, — притормози-ка.

В этот момент сработало шестое чувство, не раз выручавшее меня из прежних передряг.

Я сделал робкий шаг вперед и, скривившись, рухнул на пол. Марина, идущая следом, чудом успела остановиться, иначе просто споткнулась бы и свалилась на меня сверху.

— В чем дело? — спросил солдат, невольно хватаясь за автомат.

— Нога... — морщась и держась за левую лодыжку, простонал я.

— Вы что, не видите, что ему плохо?! — воскликнула Марина, гневно сдвинув брови к переносице. — Позовите врача!

— Не надо... — пробормотал я. — Я дойду... сам... Только покажите, куда?..

— Мне надо... Вы должны задержаться для досмотра... — неуверенно промямлил сержант.

— Какой, к черту, досмотр? — разозлилась девушка. — У человека что-то с ногой, ему к врачу надо срочно, он от самого Эль-Бургана мучался!

К нам подошли двое молодых кувейтцев и без лишних слов помогли мне и Марине подняться.

— Идти сможешь? — спросил один из них, со смешными «подростковыми» усиками над верхней губой, обращаясь к моей чудесной спутнице.

— Да. Лучше ему помогите.

Солдат растерянно наблюдал за тем, как кувейтцы помогают мне спуститься на землю.

— Но вы же... Вы из Эль-Бургана? — растерянно пробормотал рядовой.

— Послушай, — сказал я, понизив голос, — в том сумасшествии погибли мои жена и дочь, а теперь мне, возможно, оттяпают и ногу. По-твоему, я мало страдал?

Солдат испуганно посмотрел на мою левую ногу, а потом махнул рукой:

— Черт с тобой. Иди. Врач вон там. — Он махнул рукой вправо. — В здании местной аптеки.

— Спасибо, — сердечно поблагодарил я солдата и, отыскав взглядом Марину, одними губами сказал:

— Я тебя найду.

Она отрывисто кивнула и спешно отвернулась. В мимолетном взгляде девушки мне почудился страх: она явно не понимала, что за игру я затеял, и это конечно же ее пугало. К сожалению, даже приоткрыть завесу тайны я не мог, хотя, честно сказать, всерьез подумывал об этом — очень уж нравилась мне моя соотечественница, которая по странному стечению обстоятельств повстречалась мне в далеком Кувейте.

Арабы потащили меня в указанном направлении, я старательно корчился и старался не поднимать головы, чтобы проходящие мимо солдаты и, тем паче, офицеры не смогли разглядеть мое лицо. Беженцы, завидев нашу процессию, из вежливости освобождали дорогу, но, судя по

равнодушным взглядам на хромающего меня, на мое здоровье им было совершенно наплевать. Впрочем, я на сочувствие и не рассчитывал — мне бы досмотра с пристрастием избежать да найти способ выдернуть из плена треклятого капитана Грина. Надеюсь, на этом мои кувейтские приключения закончатся и Гопкинс оставит меня и сестру в покое.

Эх, мечты, мечты...

Интересно, как он поступит с Джулией, если я доблестно погибну, спасая проклятого офицера Синдиката? Узнает ли он вообще, что со мной случилось, или даже не станет узнавать — просто отправит кого-то из своих людей *навестить* мою сестру? Вероятно, в понимании подобных типов только успешное выполнение задания может принести заветное помилование. Смерть же равносильна предательству; не выполнил — получай по всей строгости за нерасторопность.

С того момента, как мне на ящик упало злополучное письмо с фотографиями Джулии, я ломал себе голову, пытаюсь найти способ ее спасти и, тем самым, прыгнуть с крючка, но единственным годным решением казалось убийство заказчика. Только его смерть могла гарантировать безопасность моей любимой сестрички. Даже если я выдумаю для нее новую жизнь — в другой стране, с поддельным паспортом и легендой, — она все равно останется в зоне риска.

Однако чтобы кого-то убить, ты должен знать его в лицо... или хотя бы имя. У меня же из зацепок был лишь связной в лице Жука, который, надо полагать, предпочел бы получить пулю, чем выдать, на кого работает. «Гарри Гопкинс» — это даже не ориентир, так, нелепое прозвище, этакая дань уважения пронырливому «серому кардиналу», бывшему советнику легендарного президента Рузвельта. Я проверял, людей с таким сочетанием имя-фамилия нет нигде в мире. Точка.

— Пришли, — сказал один из моих провожатых, тот самый, со смешными усиками, отвлекая меня от размышлений.

— Спасибо. — Я протянул ему руку, и он пожал ее с абсолютно непроницаемым выражением лица. Его спутник поступил точно так же.

— Зуб за зуб, — сказал Усач.

— Вы про тех, которые взорвали грузовик? — уточнил я.

Он кивнул.

— У меня не было выбора, — пожал плечами я. — Умирать как-то не хотелось.

— Мы не знаем, кто ты и от чего бежишь, — произнес Усач, — но ты явно не с теми американцами и не с другими. Удачи тебе.

— И вам, — не придумав ничего лучше, ответил я.

Они развернулись и пошли обратно к стоянке грузовиков, где у них, видимо, остались какие-то незавершенные дела. Проводив их задумчивым взглядом, я прошел мимо здания аптеки и скрылся в подворотне. Покинув улицу, которая буквально кишмя кишела не в меру любопытными легионеровцами, я вышел на другую, поспокойнее. Людей в форме здесь было куда меньше, и потому я немного расслабился. Теперь бы вызнать, где у них тюрьма, чтобы разведать, как обстоят дела в ней. В письме Жука, опять же, имелась некоторая информация о здешней «кутузке», ознакомившись с которой я понял, что халявы тут ждать вряд ли стоит. Боевые порядки Синдиката с их треклятыми «подрывниками» сюда еще не нагрянули, так что здания стояли целехонькие, многие были и вовсе совсем новые, отстроенные лет пять — десять назад, а может, и позже. Плюс ко всему усиленная охрана — ведь сторожат военнопленных — и система видеонаблюдения. Короче, полный букет.

Впрочем, Гарри Гопкинс не собирался оставлять меня с голыми руками. Возле здания здешней почты, которое находилось в нескольких десятках метров от тюрьмы, должны были соорудить тайник с заказанным оборудованием, оружием и дополнительными инструкциями. Я ожидал увидеть там пистолет, глушитель, фонарик, некое подобие карты, «глушилку», выводящую из строя любую электронику, и прибор ночного видения. Насчет последнего я долго думал, но потом рассудил, что, поскольку отключать свет в здании совершенно точно придется, мне надо знать, где находится рубильник, и иметь при себе что-то, что поможет ориентироваться в темноте (и желательно, чтобы этим «чем-то» был не только фонарик, на свет которого, будто мотыльки, слетятся тамошние надзиратели, но и нечто более «продвинутое»).

Наугад выбрав из толпы арабов одного, который курил, опершись плечом на стену двухэтажного дома, я подошел к нему и спросил:

— Не подскажешь, где тут находится почта?

— Почта? — Он наморщил лоб. — Да я сам не местный, но, знаете, кажется, это туда. — Араб указал в направлении, противоположном тому, где находилась стоянка грузовиков. — Вроде бы видел я там вывеску со словом «почта».

— Спасибо.

— Не за что. — Он неуверенно улыбнулся. — Может, я тебя вообще не туда направил.

— Разберемся... — бросил я, отворачиваясь.

На всякий случай я задал вопрос насчет почты еще паре человек. Выяснилось, что первый парень не ошибся: место, которое я искал,

действительно находилось в указанной им стороне. Стараясь держаться ближе к стенам и не светиться лишний раз, я беспрепятственно — если не считать два встреченных патруля, которые на меня взглянули лишь мельком, — добрался до здания почты и пустился на поиски тайника.

Метка, о которой в письме предупредил Гопкинс, обнаружилась на мусорном контейнере в ближайшем проулке. Оглянувшись по сторонам, я откинул крышку и на всякий случай осмотрел содержимое. Разумеется, прятать «посылку» в мусор приспешники Мистера Икс не стали.

Отступив на шаг, я окинул контейнер задумчивым взглядом, после чего опустил на корточки и обшарил дно.

Бинго!

С трудом отодрав скотч, я вытащил из-под бака прямоугольную коробку, завернутую в грязный черный пакет. Поначалу я хотел открыть ее позже, ибо сюда в любой момент могли нагрянуть легионовцы, которые непременно захотели бы узнать, где грязный беженец из Эль-Бургана разжился пистолетом или тем же подробным планом тюрьмы. Однако, подумав, я решил, что более безопасного места в Эль-Вафре мне все равно найти вряд ли удастся — куда ни плюнь, везде солдаты, — и потому, положив коробку на землю, откинул крышку.

Пистолет «ремингтон», семизарядный. Есть. Озираясь, прячу его за пояс сзади.

Фонарик. Глушитель. Это — в карманы штанов.

Прибор ночного видения. Есть. До лучших времен пусть лежит за пазухой.

Туда же отправляется стопка налички — «энное» количество купюр, каждая номиналом в двадцать кувейтских динаров.

План тюрьмы — тоже наличествует. Удостоив его мимолетным взглядом, отправляю вслед за прибором и деньгами во внутренний карман.

Кроме всего перечисленного, в коробке находилась еще одна крохотная штуковина. На вид она безобидна, но профи знает, что с ее помощью можно вывести из строя любые электроприборы в радиусе от пяти до двадцати метров. Насколько дальнобойную модель мне подкинул Гопкинс, я конечно же не знал, поэтому особо на нее не рассчитывал. Но иметь такой «девайс» в своем арсенале в любом случае приятно: никогда не знаешь, что тебя ждет впереди.

Интересно, а прибор ночного видения от него не заглохнет, думал я, засовывая «глушилку» в нагрудный карман моей порванной куртки.

Затем я выпрямился и швырнул коробку в мусорный бак. Как выяснилось, очень вовремя, потому что буквально пару-тройку секунд

спустя из-за угла показался очередной патруль. Они заметили меня и одарили подозрительными взглядами, но я, быстро сориентировавшись в ситуации, скорчил жалобную мину и склонился над контейнером.

— Эй, сэр! — окликнул меня один из этих типов, худющий и с длинным носом, как у сказочного Буратино. — Вы чего там потеряли?

— Да вот, ищу, что бы поесть. — Я говорил по-английски, но с арабским акцентом — мне почему-то казалось, что так они скорее отнесут меня к местному жителю, чем к эмигранту, и вопросов зададут куда меньше.

— А вы что же, не знаете, где столовая? — слегка опешил Буратино.

Я мотнул головой. Солдаты удивленно переглянулись.

— Я два часа, как приехал, — пояснил я, глядя то на одного, то на другого. — Сначала меня осмотрели, когда я вылез с грузовика, потом сказали отойти в сторону, осмотрели еще раз... а потом сказали — гуляй.

О двух досмотрах я, разумеется, приврал нарочно, решив, что это, опять же, уменьшит их подозрения. Не станут ведь они снова шмонать того, кого и так уже дважды проверяли?

— Ну и ну. Чего это они так? Пойдемте, мы покажем, где находится столовая, — поманил меня рукой второй солдат. Он был ничуть не толще своего приятеля, и левый глаз его слегка косил.

Я покорно кивнул и поплелся к ним, усиленно прихрамывая на левую ногу. В ответ на их вопросительные взгляды я пояснил:

— Повредил ногу, еще в Эль-Бургане.

— Вы показывались врачу?

— А смысл? Это всего лишь вывих. — Я пожал плечами. — Мне просто надо где-то отлежаться... только вот где?

— Не показали, где столовая, не разместили нигде... — пробормотал Буратино, косясь на приятеля. — И на кой черт Джейми там вообще ошивается?

— Ты будто не знаешь Джейми! — фыркнул Косой. — Ему главное покрасоваться перед начальством, чтобы оно видело, как он рвет жилы ради благой цели...

— Чертов выскочка, — усмехнулся первый солдат и, снова повернувшись ко мне, сказал:

— Видите вон тот шатер, справа от нас? Идите туда, поешьте, а потом, как будете выходить, попросите солдат у входа, чтоб они вам помогли с расселением. Они вам обязательно что-нибудь подскажут! Поняли, сэр?

Я отрывисто кивнул.

— Спасибо.

— Да не за что, — немного даже смутился мой собеседник. — Приятного аппетита и... надеюсь, этот кошмар ненадолго.

— Я тоже надеюсь, — робко улыбнулся я.

Они кивнули и, моментально забыв обо мне, продолжили свой путь.

— Ты не видел, как Кевина с Мартином какой-то мужик поколотил? — услышал я голос первого.

— В смысле — «поколотил»? — удивился второй.

О чем они говорили дальше, я уже не слышал — следуя их совету, устремился в столовую, тем более что действительно успел чертовски проголодаться. Кроме того, я надеялся отыскать в шатре Марину... правда, пока еще плохо представлял, как объяснить ей, кто я и почему так странно себя веду. Внутренний голос упрямо требовал рассказать девушке хотя бы часть правды, без подробностей, но это было, пожалуй, слишком непрофессионально и даже глупо. Зачем нужна ей, бедняжке, в который раз лишившейся дома, история ликвидатора-предателя? Но, если нельзя говорить правду, значит, придется лгать и дальше, старательно затыкая протестующую совесть...

И с чего это я вдруг так распереживался насчет случайной знакомой? Неужто всему виной мой разрыв с Джоном Тейлором?

Нет, это совершенно разные вещи. Я не могу, не должен говорить Марине правду хотя бы потому, что вскоре мы расстанемся навсегда. Она не поможет мне выкрасть капитана Грина, не поедет с нами обратно в Эль-Бурган, чтобы передать пленника Синдикату. И уж точно мы с ней не улетим в Штаты или в Россию, дабы жить там, наслаждаясь нормальной жизнью, никак не связанной с Эдвардом Уорреном, Джоном Тейлором и Гарри Гопкинсом. Наши с Мариной дорожки пересеклись, да, но скоро разойдутся.

И тем не менее я чувствовал странное влечение к этой девушке. Не похоть, нет, хотя она после моего длительного «воздержания» была бы вполне объяснима. Нечто более глубокое и сильное. Желание защищать. Находиться рядом.

Неужто я влюбился?

Я невольно улыбнулся самыми уголками рта.

Да ну, глупости. Никаких привязанностей, старик. Ты — волк-одиночка. Держаться вдали от всех, кто тебе дорог, — вероятно, единственный способ защитить их и не стать марионеткой в чужих руках.

С такими мыслями я подходил к полевой столовой, у входа в которую дежурили двое солдат. Я прошел мимо, уткнувшись себе под ноги, они мне не препятствовали.

Внутри пахло столовской похлебкой, которую обычно варят сразу на ораву людей в огромных чанах, литров на сто каждый. Вкус у подобного «супца» весьма специфический, но тем, кто не ел день, два, а то и три, это «яство» покажется натуральной пищей богов. Подхватив с массивного стола у входа миску и ложку, я примкнул к длинной очереди, став позади опирающегося на трость престарелого араба. Оглянувшись, он подозрительно посмотрел на меня злыми черными глазами, пробормотал что-то насчет «грязных американских свиней» и демонстративно отвернулся. Я оставил его дерзость без внимания; в конце концов, Штаты в лице Синдиката и Легиона действительно принесли им немало бед, так что возмущение хромого старожилы было вполне объяснимо. Молча семена следом за ворчуном, я попутно высматривал в толпе людей Марину, но так и не преуспел: то ли она еще не пришла, то ли уже поела, то ли сидела слишком далеко от чанов с дымящимся варевом.

— Приятного аппетита, — с крайне замученным видом бормотали солдаты на раздаче. Накормить ораву беженцев (и местных бедняков, которые, не сомневаюсь, тоже не упустили возможности перекусить на халяву) — это надо постараться, но тяжелее всего таким вот ребятам, которые с утра до ночи машут половниками и таскают чаны с похлебкой туда-сюда, а ведь надо еще успеть перемыть все миски между приемами пищи...

Когда я, разжившись порцией супца, брел между столами в поисках свободного места, меня окликнул до боли знакомый голос:

— Сэм!

Я обернулся и увидел Марину, которая сидела за ближайшим столом и призывно махала мне ложкой.

— Иди сюда! — прокричала она.

Я с улыбкой кивнул — и как я ее прежде не заметил?.. — обогнул стол и с трудом втиснулся между ней и неким вонючим бродягой, который усиленно скреб небритую щеку и моему прибытию явно не обрадовался.

— Как твоя нога? — первым делом обеспокоенно поинтересовалась Марина.

— Нога? — Я настолько рад был ее увидеть, что совершенно забыл о своей выдуманной травме. — Ах, ты про то, что я хромал... Ну, я заглянул к врачу, но что он сделает с банальным вывихом? Так и продолжаю ковылять...

— Ну, не знаю. Мог бы и мазь дать какую-нибудь, или что-то в этом роде, — пожала плечами девушка.

— Там был парень, лишившийся руки, двое при смерти лежали на

самodelьных носилках, — соврал я. — Не думаю, что мой случай серьезней.

— Согласна, — вздохнула Марина. — Но тебе-то и помочь проще... Впрочем, им там видней. Я просто... честно говоря, я беспокоилась. За тебя.

— Рад слышать, — слабо улыбнулся я. — Я тоже думал о тебе.

Наши взгляды встретились. Если в баре Марина казалась этакой неприступной стервой, заговорившей за мной лишь из-за моих русских корней, то теперь она смотрела с теплом, будто давняя знакомая. По хорошему, мне, конечно, не следовало бы ее искать, но я, увы, ничего не мог с собой поделать. Даже сейчас я банально не находил в себе сил, чтобы отвернуться, — смотрел и смотрел, скользя взглядом по ее щекам, по лбу, которые прорезала робкая, практически незаметная пока что морщинка, по пухлым влажным губам и ссадине на скуле, которую она, видимо, получила во время утренней суматохи в центральном Эль-Бургане.

— Ты доел? — спросила она, снова уткнувшись в свою миску.

— Ну... — Я покосился в сторону моей похлебки, которую даже не успел попробовать. — Практически.

— Может, пойдем отсюда? Здесь так шумно... и солдаты повсюду...

— Дай мне минутку, ладно? — попросил я, одолеваемый жутким голодом.

Марина кивнула и отвернулась, а я набросился на отвратный супец, будто дикарь. Пока я споро работал ложкой, она со скучающим видом разглядывала очередь и сидящих вокруг беженцев. Больше всего было аборигенов, но попадались на глаза и европейцы, и негры с латиноамериканцами. Казалось, что шла война не за пару нефтяных месторождений в Кувейте, а, как минимум, Третья Мировая.

Внезапно я услышал, как на чистом русском кто-то запел незнакомую мне песню:

А что на долю нашу выпадет завтра,
Ты не знаешь, брат, и я не в курсе,
Может, накормят свинцом на завтрак,
Может, пленят, а может, отпустят...

Солдаты, дежурившие внутри шатра, переглянулись и спешно устремились на голос. Я удивленно выгнул бровь, наблюдая, как они проносятся мимо нас с Мариной и выдергивают из-за стола пожилого

мужика с седыми усами и лысиной, блестящей в тусклом свете закрепленных под потолком ламп. Что такого легионеры углядели в простой песне?

Когда они тащили незнакомца к выходу, до моих ушей долетела фраза одного из конвоиров:

— Русских, сказали, в первую очередь.

Неожиданная догадка заставила меня оцепенеть. Так и сидел с полной ложкой в руке и приоткрытым ртом и смотрел в одну точку, пока Марина не спросила:

— Ты в порядке?

Ее вопрос моментально вывел меня из ступора.

— Да, все нормально, — буркнул я. — Просто задумался... над песней. Никогда ее раньше не слышал.

— Это «Капустник», — сказала Марина.

— Капустник?

— Ну, это рок-группа, была такая... лет двадцать назад. У меня отец их слушал, и я немного. Я помню эту песню, «Пуля-дура» называется. Грустная...

— Да, я заметил.

— Ты как-то напрягся, когда он сказал про русских, — склонившись к моему уху, прошептала девушка. — Думаешь, у них на нас какой-то зуб?

«Думаю, они ищут меня!» — пронеслось в голове, однако вслух я сказал:

— Не знаю. Но, думаю, лучше нам все же общаться на английском... по крайней мере, когда рядом кто-то есть — не только солдаты. Беженцы тоже вполне могут нас «сдать».

— По-моему, ты слишком подозрительный. — Марина хмыкнула, но по едва заметному дрожанию ее голоса я понял, что она действительно взволнована.

Однако, если моя догадка верна, опасность грозит не ей, а мне — ведь даже такой мастер маскировки, как Сергей Мамонтов, не может переоблачиться в столь стройную и симпатичную девушку, как Марина. Это нереально сделать хотя бы из-за явных физических различий, начиная с роста-веса-телосложения и заканчивая первичными да вторичными половыми признаками.

Могли ли они как-то узнать, что я собираюсь навестить в Эль-Вафру, думал я, косясь в сторону выхода. Да нет, откуда? Об этом известно только мне, Жуку да Гопкинсу, но всем троим сливать подобную информацию прихвостням Тейлора бессмысленно, это только навредит операции.

И все же отмахиваться от этого предположения не стоит. Если Легион в курсе готовящегося побега, моя задача из «безумно сложной» превращается в «практически невыполнимую». Хотя, возможно, они знают о моем приезде, но не знают, *за чем именно* я сюда полез?..

Черт, от догадок голова пухнет. Марина права — я слишком подозрительный, но в моей профессии паранойя практически неизбежна. И, хоть порой только она и выручает меня из передряг, нередко из-за нее я просто порчу себе настроение.

— Ты права, — отложив ложку в сторону, сказал я. — Пойдем отсюда. Слишком тут неуютно.

Марина не спорила.

Выбравшись из-за стола, мы устремились к выходу. Я продолжал прихрамывать, и она взяла меня под руку, надеясь хоть немного облегчить мои страдания. Я благодарно улыбнулся ей за это.

Пожалуй, где-то, в другой жизни или хотя бы в другое время, мы бы могли...

К черту эти мысли. Задание под угрозой. Сестра под угрозой. Не хватает, чтобы еще и жизнь этой несчастной девушки из-за твоей нелепой влюбленности оказалась в опасности.

— Ты уже нашла, где разместиться? — запоздало поинтересовался я, когда мы уже были в считанных метрах от выхода.

— Да. И для тебя местечко застолбила.

— Ты чудо, — вырвалось у меня.

Она не сдержала смущенную улыбку.

— Спасибо. Рада слышать. Правда, предупрежу сразу: там далеко не «Гранд-отель»...

— Глупо было бы рассчитывать, что в сложившихся обстоятельствах они предоставят тебе люкс.

— Ах, то есть, по-твоему, люкса я недостойна? — шутливо надула губы она.

— Ну, я же упомянул «сложившиеся обстоятельства»...

За непринужденной беседой мы покинули шатер и направились по улице Эль-Бургана к трехэтажному зданию, где Марина заняла для нас двоих пару коек. Внешне я был улыбчив и практически беззаботен, но в голове моей царил кавардак. Я искал способ обхитрить судьбу и все-таки выполнить задание, при этом не принеся бед ни Марине, ни Джулии, но пока ничего дельного на ум не приходило. Если солдатам Легион действительно известно о моей миссии, она практически наверняка обречена на провал. Однако если это всего лишь отголоски

профессиональной ликвидаторской паранойи, у меня есть шансы...

В любом случае, для начала мне нужно было оглядеться. И грядущая ночь для этой цели подходила лучше всего.

* * *

— Десятый в клетке, сэр. — В кабинет заглянул рядовой.

— Тогда ведите следующего, — велел Богут.

Он сидел, облокотившись на столешницу, и смотрел в окно на вечернюю Эль-Вафру.

«Не такая преисподняя, конечно, как Иран, но и тут бы тоже не повредило хоть немного дождя...» — думал он, глядя на залитые солнечным светом дома.

— Да, сэр, — кивнул солдат и скрылся за дверью.

Едва он ушел, ликвидатор повернулся к столу и, вооружившись авторучкой, поставил галочку напротив очередной фамилии. За минувшие шесть часов он допросил десять человек, и лишь двое из этого десятка удостоились знаков «вопроса», как потенциальные цели Мамонта. Это были два лейтенанта, Хеймшил и Морган, и каждый из них представлял собой довольно ценный актив в случае, если обе стороны решат обменяться пленными, но... Богут сомневался, что ради кого-то из них Синдикат рискнул бы жизнью Мамонта. Вот был бы среди заключенных какой-нибудь полковник или хотя бы майор!.. Тогда бы ему светил не просто «вопрос», но целый «восклицательный знак», а то и сразу все три. Но подобные чины нечасто попадали в плен — просто потому, что обычно находились в недоступном тылу. Рядовые, капралы, сержанты — навалом, лейтенанты — реже, а вот старшие офицеры — увы. Сам Богут помнил только три прецедента. В двух случаях из трех Глен лично притаскивал вражеских офицеров к начальству, и только однажды им свезло подобрать еле живого капитана, погребенного под развалинами рухнувшего здания.

Однако вновь прибывший сразу заинтересовал Богута. Для рядового или капрала он держался слишком уверенно: те обычно тряслись от страха, хотя внешне и храбрились, а этот явно знал себе цену — гордо вздернутый квадратный подбородок, презрительный взгляд сверху вниз и благородный орлиный профиль наводили бывшего Глена на мысль, что перед ним действительно всамделишный офицер. Смущал только возраст — на вид парню было от двадцати семи до тридцати пяти.

«Не слишком ли молод для офицера?» — подумал Богут, наблюдая за

тем, как рядовой снимает с заключенного наручники и отступает к двери.

Когда с браслетами было покончено, Глен указал вновь прибывшему на стул, стоящий ближе к входу:

— Садись.

Незнакомец молча подчинился. Опустившись на стул, он сплел пальцы рук перед собой и выжидающе уставился на Богута.

— Это из пятой? — уточнил австралийский ликвидатор, бросив взгляд в сторону рядового, переминающегося с ноги на ногу у двери.

— Из нее, сэр, — охотно кивнул солдат.

Глен пролистал журнал до нужного маркера и углубился в чтение. Здесь была краткая характеристика заключенного, отчет на полстранички о том, как он попал в плен (надо же — обнаружен среди обломков разрушенного взрывом здания, никаких знаков отличия), а также протокол первого (и единственного) допроса, в ходе которого пленный назвался капралом. Все это время парень с отсутствующим видом смотрел в потолок и то и дело облизывал пересохшие губы, явно мечтая о стакане воды. Прочтя заключение (а-ля «ценности не представляет»), Богут поднял взгляд на заключенного и произнес:

— Значит, капрал...

— Да, сэр, — подтвердил парень.

— Джеральд Грин, верно?

— Верно, сэр.

— И как же тебя, Джеральд, угораздило оказаться в Кувейте?

— Приказ есть приказ, сэр, — развел руками заключенный.

— Насколько я знаю, Синдикат — не регулярная армия, — заметил Богут.

— Все верно, сэр. Частная. Служим по контракту.

— И что же побудило вас заключить контракт именно с Синдикатом?

— Ну, так уж вышло, что мне их взгляды на мир поближе, чем ваши.

— Ты про лозунги типа «Кто не работает, сдохнет»?

— Таких лозунгов у Синдиката нет, сэр. Мистер Уоррен, бесспорно, хочет избавиться от всех безработных, но не убив их, а дав им рабочие места.

«Слишком спокоен. Возможно, он менее остальных подвержен стрессам. Возможно, все действительно гораздо интереснее...»

— Но рабочих мест на всех не хватит. Как тогда мистер Уоррен планирует поступить с остальными?

— Я... честно, я не знаю, — пожал плечами Джеральд. — Я — всего лишь капрал, который следует приказам вышестоящего начальства. Я не

решаю таких... глобальных задач.

— А какие задачи вы и ваша армия решаете в Кувейте?

— Послушайте, сэр. — Глаза пленного забежали; вероятно, впервые с начала беседы он был заметно растерян. — Я не могу рассказать вам о планах нашего командования...

— То есть, ты лучше умрешь, чем расскажешь?

— Умре... Нет, постойте, дело не в том, что я так предан Синдикату. — Капрал поднял руки кверху. — Просто меня никто не посвящает в глобальные планы. Мне говорят: «Грин, возьми свой взвод, пойдти туда-то и сделай то-то!», я говорю: «Да, сэр!», беру ребят, иду и делаю. Вот и все. Никаких далеко идущих планов — только прямые приказы, которые я и мои ребята должны были выполнить.

— Тогда зачем ты нам нужен? — откинувшись на спинку кресла, внезапно спросил Богут.

— В каком... в каком смысле? — шумно сглотнув, уточнил Грин.

Он нервно заерзал на стуле.

— Выйди, — велел Глен, отыскав взглядом скучающего у стены рядового. — И дверь прикрой.

Тот подчинился, оставив Богута и пленного капрала наедине.

— Да в самом прямом, — пожал плечами ликвидатор. — Ты ж капрал, который ничего не знает. Какой нам прок на тебя еду да питье переводить? Только место занимаешь...

При виде пистолета, который Богут достал из верхнего ящика стола, Грин побледнел и невольно дернулся назад. Стул от таких резких телодвижений не устоял и рухнул на спинку, и пленный капрал распластался по полу с торчащими кверху ногами. Из этого положения он отчаянно замахал руками и воскликнул:

— Не делайте этого, умоляю!

— А что я, по-твоему, собираюсь сделать? — притворно удивился Богут и с нарочито невинным выражением лица почесал стволом пистолета правый висок.

— Вы... вы ведь собираетесь меня застрелить?

— Ты чертовски догадлив. Для капрала, — сказал Глен и направил пистолет на до смерти перепуганного пленника. — Жаль, что выше уже не прыгнешь.

— Стойте! — взвизгнул тот, ошалело глядя на оружие в руках ликвидатора. — Я могу... могу вам кое-что рассказать! Нечто важное!

— Например? — Богут с явной неохотой опустил пистолет, направив ствол в пол.

— Это... Это только между нами, сэр! Если они, там, в камерах, узнают, что я проболтался, мне крышка!

— Давай уже, выкладывай! — нетерпеливо воскликнул Глен.

— Ну... Вы же еще не беседовали с Адамом Портером из шестой, так ведь? — осторожно уточнил капрал.

— Не твоего ума дела.

— Я это к чему? Адам Портер выдает себя за сержанта, но на деле он — майор, и настоящая его фамилия Хэнсон.

— Что-то как-то не верится, — покачал головой Богут.

Погибший «крот» Харрис, припомнил Глен, действительно упоминал о некоем майоре Адаме Хэнсоне. Но где гарантия, что Грин не врет?

— Но почему... почему вы так думаете? Вы же даже с ним не общались еще!

— Я просто тебе не верю. Может, ты просто прикрываешь собственную задницу?

— Но... зачем тогда все это? — воскликнул Грин. Судя по тону, он был напуган и взбешен одновременно. — Зачем вы задавали свои вопросы, если все равно мне не верите?!

— Иногда манера ответа говорит куда больше, чем сам ответ, — пожал плечами Богут.

Он обошел стол и навис над распластанным по полу заключенным. Грин смотрел в бесстрастное лицо ликвидатора широко раскрытыми глазами; он даже моргнуть боялся.

— Мне нужна правда, — произнес Богут тихо, но твердо.

Пистолет снова смотрел рядовому в лицо.

— Я сказал все, что знаю, — выдавил Грин и все-таки зажмурился, ожидая, что вот-вот грянет выстрел.

Однако, к удивлению капрала, не грянул. Время стало густым, словно отменный мед. Грин успел мысленно попрощаться со всеми, кого знал, да что там — со всем этим миром, но мир, судя по всему, не спешил прощаться с ним.

Когда заключенный осмелился приоткрыть один глаз, Богута рядом с ним уже не было. Опешив от такого неожиданного исчезновения, Грин оторвал затылок от пола и обескураженно уставился на своего несостоявшегося палача, который снова с равнодушным видом восседал за столом и смотрел в лежащий перед ним журнал. Поймав на себе взгляд Джеральда, ликвидатор оторвался от чтения и сказал с ленцой:

— Вставай.

— Так вы... вы не будете меня убивать? — осторожно уточнил Грин,

прежде чем предпринять хоть что-то. Он до сих пор боялся, что этот психопат за столом снова достанет ствол и все-таки довершит начатое.

— Если ты не оставишь расписку о том, что сам попросил меня об этом, то — нет, не буду, — покачал головой Богут. — У меня нет полномочий казнить и миловать. Я ведь дознаватель, а не палач.

— Но... черт, вы меня так... Так же нельзя обращаться с заключенными! — возмутился Грин. Он резко сел и одарил собеседника ненавистным взглядом исподлобья.

На Богута, однако, это не произвело ровным счетом никакого впечатления — что он и подчеркнул демонстративным зевком.

— Вставай уже. Мое время не безгранично. И подними стул.

Сказав это, ликвидатор обратился к двери и зычно воскликнул:

— Рядовой!

— Сэр? — Дверь распахнулась, и внутрь споро забежал солдат. Зрелище встающего с пола арестанта немного удивило его, но он быстро напустил на себя безразличный вид и выжидающе уставился на Богута.

— Уведи его обратно в камеру, — велел ликвидатор.

— Да, сэр, — кивнул солдат и рявкнул:

— Руки за спину, заключенный! И без глупостей!

— Прислушайтесь к моим словам, сэр, — тихо сказал Грин, пока рядовой защелкивал на его запястьях браслеты. — Шестая камера. Адам Портер.

— Уводи его уже! — раздраженно воскликнул Богут.

— Ну, пошел! — прикрикнул солдат, выталкивая заключенного из кабинета.

Оставшись в одиночестве, ликвидатор уставился в журнал. Постукивая авторучкой по столешнице, он смотрел на одну-единственную строку. Потом, наконец решившись, Богут поставил напротив имени «Джеральд Грин» жирную галку.

— Сэр, тут привели какого-то русского, — сказал рядовой, заглядывая внутрь. — Не хотите ли взглянуть?

— Ведите, — со вздохом согласился Богут.

Рядовой кивнул и прикрыл дверь, а ликвидатор, закусив нижнюю губу, подчеркнул «Адама Портера» двумя линиями и откинулся на спинку кресла с таким видом, будто только что закатил на Эверест огромный, весом с тонну, валун.

Ему не доставляло никакого удовольствия проводить все эти изнурительные допросы. За годы службы психика Богута, конечно, уже неплохо приспособилась к подобным испытаниям, но преклонные лета

давали о себе знать. И если раньше Глен видел перед собой только закованного в наручники врага, из которого надо выбить нужную тебе информацию, то теперь он смотрел на молодых парней, относящихся к службе, как к работе. Большинство исправно выполняли приказы, поскольку этого требовал их контракт, но не готовы были умереть за своих сослуживцев, за командира, за идею, в конце концов. И, по иронии судьбы, именно из-за этого «делового» отношения пленников не получалось ненавидеть. Ты ведь не станешь мстить палачу, который казнил твоего брата, ведь палач лишь приводит приговор в действие. Это — его работа.

В этом, пожалуй, и заключалось принципиальное различие между армиями Синдиката и Легиона: истинные единомышленники Эдварда не готовы были проливать за нее кровь, в отличие от преданных бойцов Тейлора. Единомышленники Эдварда умножали капиталы и торговали на бирже, сидя в уютных офисах на Уолл-стрит. И в этих махинациях им не было равных. Но ни один из «белых воротничков», кого защищал мистер Уоррен, никогда бы не заслонил его собой от пули. Ни один. Богут был в этом больше чем уверен. А эти парни, которые воюют в Кувейте... Всего лишь пешки, на которых Эдварду, по большей части, плевать — как, впрочем, и им на него.

«Деньги, деньги, деньги... Неужто совесть и мораль окончательно устарели?» — с грустью подумал Богут.

Едва ввели обещанного русского, Глен с трудом сдержал разочарованный вздох: плевать, что вновь прибывшему на вид лет под шестьдесят, — добиться подобного эффекта для Сэма не составило бы труда. Куда хуже, что вновь прибывший был на голову ниже и вдвое уже в плечах, чем Мамонт.

— Отпускайте, — махнул рукой ликвидатор.

— Но, сэр... Вы даже не побеседуете с ним? — удивленно спросил солдат.

— Ты решил меня поучить, рядовой? — нахмурился Богут.

— Вовсе нет! — спешно заверил парень.

— То-то, — кивнул ликвидатор и, переведя взгляд на пожилого мужчину, сказал:

— Простите, сэр. Ошибка вышла.

— Ошибка... — проскрипел незнакомец. — Из-за ваших ошибок у нас теперь дома нет!

— Мои соболезнования, сэр, — не придумав ничего лучше, сказал Богут.

— Соболезнования... Совесть у вас нет, — с укором произнес

мужчина и, вырвавшись из рук рядового, вышел из кабинета.

«Еще один недовольный старик, — думал Богут, провожая русского рассеянным взглядом. — Молодые нас побаиваются, им есть что терять, а эти... Эти хотели дожить пять — десять лет вдали от «цивилизованного мира», тихо и спокойно, но чертов цивилизованный мир, увы, добрался сюда раньше, чем они двинули кони. И черт его знает, что лучше — провести остаток жизни в ночлежке, беженцем, или получить пулю в лоб от разозленного солдата и позволить душе отправиться на встречу со Всевышним? Я бы, пожалуй, предпочел второй вариант...»

Едва старик скрылся из виду, Богут повернулся к переминающемуся с ноги на ноги рядовому. И как втолковать патрульным, что не стоит тащить к нему всех подряд? Как объяснить, что потенциальный Мамонт должен быть не меньше шести с половиной футов ростом и иметь специфическое телосложение, исключаяющее узкие плечи и бедра?

Наверное, лучше не требовать от солдат невозможного, иначе, в попытке «просеять» незнакомцев через сито критериев, они рискуют упустить настоящего Мамонта.

— Ведите очередного заключенного, — буркнул ликвидатор и снова уткнулся в журнал.

Однако не успел солдат выйти за дверь, как Богут окликнул его:

— Рядовой!

— Да, сэр? — живо отозвался тот.

— Приведите мне сейчас из шестой камеры некоего... — Ликвидатор сверился с записью. — Адама Портера.

«Посмотрим, что там за майор...»

По этому парню, напротив, нельзя было предположить, что он представляет старший офицерский состав: ссутуленный, со слегка осунувшимся лицом, вновь прибывший скорее подтверждал сведения из журнала, чем слова Джеральда Грина, — Богут практически не сомневался, что стоящий перед ним парень имеет звание не старше сержанта.

— Присядь.

Адам подчинился.

— Вы, значит, сержант?

— Эм-м... — Заключенный кашлянул в кулак, зыркнул на Богута исподлобья и снова спрятал взгляд. — Ну да. Сержант Портер.

Поведение Адама немало удивило ликвидатора. Честному человеку, которому нечего скрывать, обычно не свойственны подобные стыдливые ужимки. Особенно Богуту показалась подозрительной фразочка «Сержант Потер» — как будто вновь прибывший убеждал сам себя в том, что он

именно сержант.

«Неужели я ошибся и насчет него тоже? М-да, видимо, действительно старею — раньше подобных типов видел насквозь...»

— И что же стало с твоим взводом, сержант?

— Они... они все погибли...

Он будто пересказывал по памяти книгу. Явно лжец, да притом — отвратный.

— Можешь поподробней об этом?

— О чем?

«Он как будто избегает называть меня «сэр» — в отличие от предыдущих заключенных. Вполне возможно, я просто придираюсь, но птицы высокого полета нередко отвыкают от подобного обращения — как раз из-за высоты полета!»

— Ну, о том, как погиб каждый из твоих бойцов. Мне надо знать их имена, к слову. — Богут взял со стола ручку и, склонившись над журналом, казалось, приготовился записывать. — Давай же, продиктуй их мне!

Портер выпучил глаза от удивления. Такого поворота он явно не ожидал.

— Ну... там были Джонсон... Картер... МакНил... Бронсон...

— А еще? — поторопил собеседника Богут.

— Зеллер... Джонсон...

— У тебя было два Джонсона в отряде?

— Ну... да. Фамилия довольно распространенная...

— Да, бесспорно. Называйте остальных.

Адам подчинился. Когда он замолчал, Богут еще некоторое время сидел и хмуро смотрел на получившийся список.

— Скажи мне, сержант Портер, — наконец разлепив губы, произнес ликвидатор, — это просто досадная случайность, что фамилии твоих бойцов в точности совпадают с фамилиями игроков «Лос-Анджелес Лейкерс» чемпионского созыва прошлого года?

Лицо Адама было и без того мокрым от пота, но на последней фразе он вздрогнул и заискивающе посмотрел на собеседника снизу вверх, будто нашкодившая собака.

— Ты врешь, так? — напрямик спросил Богут. — Вот только я не понимаю, зачем?

— Нет, не вру, это действительно всего лишь странное совпадение, я сам поначалу удивился... — забормотал Портер, но ликвидатор оборвал его на полуслове, хлопнув ладонью по столу.

— Не надо превращать одну ложь в другую, еще большую, —

процедил он.

Заключенный уставился в пол.

— Я знаю, что ты, Адам, майор, а не сержант. — Богут с немалым удовольствием выложил на стол подаренный Грином козырь и с еще большим наслаждением отметил, что Джеральд не соврал: фраза ликвидатора, похоже, не только лишила синдикатовца дара речи, но и парализовала его. Все, на что оказался способен Адам, это смотреть с приоткрытым ртом на хитро сощурившегося Глена.

Прошло не меньше минуты, прежде чем лжец смог выдать:

— Откуда вы...

— Не. Твое. Собачье. Дело, — разделяя слова гигантскими паузами, процедил Богут. — Ты здесь четвертый день. Неужто нельзя было получше продумать свою «легенду»... Хэнсон?

Упоминание реальной фамилии окончательно добило собеседника. Если поначалу он еще мог списать все на смекалку дознавателя, то теперь понял, что...

— Кто меня сдал? — спросил майор хмуро.

Он собрал волю в кулак в надежде сохранить остатки самолюбия, но после изначальных нелепых кривляний эта запоздалая попытка сохранить лицо вызывала у ликвидатора только едкую улыбку.

— Обычно я не повторяю по два раза, но специально для тебя нарушу эту традицию: не твое собачье дело, Адам, откуда я узнал о твоём истинном звании и фамилии. Куда интереснее, почему ты так тщательно скрываешь эту информацию от нас?

— Вам наверняка нужна информация...

— Об этом ты расскажешь другим людям — если хочешь жить, конечно. — Богут поманил к себе скучающего у стены рядового. — Отведите этого обратно в камеру и скажите надзирателям, чтобы глаз с него не спускали.

— Что со мной будет дальше? — спросил Адам, когда рядовой рывком поднял его со стула и принялся надевать на заключенного наручники.

— А это не ко мне вопрос. — Богут даже не взглянул в сторону арестанта. — Как с этим закончите, ведите следующего из шестой.

— Что со мной будет? — как попугай, продолжал вопрошать Портер, однако ему никто не спешил отвечать.

А пока рядовой тащил упирающегося майора по коридору обратно в камеру, Богут старательно вывел рядом с фамилией «Портер» три восклицательных знака и обвел их кружком.

Кажется, у него появился первый настоящий кандидат на роль «потенциальной цели Мамонта».

И останавливаться на достигнутом Богут не собирался.

2021 г., Иран

Если я начинаю орать песни на русском, значит, дела плохи, хуже некуда. Надежды нет, мир катится в тартарары, а моя жизнь не дороже одной из дециллиона пылинок, которыми усыпана грунтовка под моими ногами.

Мой голос гремит среди окружающей тишины, словно гром:

Я шагаю средь трупов погибших друзей,
Я случайно, не нарочно выжил...

Я не знаю, сколько еще смогу вот так идти. Кажется, от Сирджана до Бендер-Аббаса около трехсот миль, что для раненого придурка вроде меня конечно же пара пустяков.

Здесь, наверное, однажды откроют музей,
Посвященный не нам, так таким же...

Как говорил мой учитель музыки в русской школе: «Голос у тебя, Сережа, от Бога, вот только на ушах твоих медведь нехило так поплясал». Учитель совсем не умел общаться с детьми, много пил и вечно ругался с директором и родителями, но дело свое знал, как никто, и всегда говорил правду, чем мне и запомнился. Позже, уже в Штатах, у нас преподавал до того омерзительный подлиза, что его даже девчонки из нашего класса презирали — до того он был гадок и жалок. Впрочем, в Америке учителя вынуждены были так себя вести: после прецедентов, созданных Стефани Рагузой и Пэттом Слейзи, служители правопорядка устраивали им допрос с пристрастием за любое подмигивание или чересчур «похотливую» (цитата) улыбку.

Господи, о чем я думаю? Учителя? Музыка? Песни?

Ах да, песни...

Жаль, не видишь, мой друг, как пылает закат,
И прохлада ночная все ближе...

Жаль, что ты ее не видишь, Медведь Винни, и ты, Крольчатина. Жаль, что вы ее не видите, Генрик, Саймон, остальные ребята. Жаль, чертовски жаль...

Я спотыкаюсь, падаю на колени и остаюсь в такой позе, тяжело дыша и смотря перед собой. Подобный взгляд, наверное, может свидетельствовать о психическом расстройстве. Ну и конкретно в моем случае, после всего пережитого, это уж точно не самый худший диагноз.

Впрочем, я чувствую только дикую усталость. Мои ноги сбиты в кровь, ботинки разваливаются на части, хотя им и месяца нет. Едва я начинаю задумываться о боли, как она тут же усиливается, и потому я заставляю себя стиснуть зубы, подняться и продолжить путь.

Ради Винни. Ради Крола. Ради парней, которые отдали жизни ради победы... но так и не смогли ее достичь. И вот теперь я, словно одинокий гонец, потерявший лошадь, спешу на своих двоих в Бендер-Аббас, портовый город, где у нас штаб, чтобы сообщить о гибели роты. Я должен рассказать о подвиге моих братьев, дабы все знали, что они умерли, как герои, с оружием в руках, а не как трусливые мыши, которых «боевики» по одному вылавливали из их нор и душили до тех пор, пока не перебили всех. Я должен доложить генералу, что его приказ выполнен, что если и остались в городе очаги сопротивления, то это необученные индивиды, вроде того мальчика с автоматом, которые бессильны против боевых порядков Объединенной Армии.

Я не знаю, какая судьба ждет меня в дальнейшем, да и не очень-то много об этом думаю, на самом деле. Главное сейчас — найти в себе силы, чтобы не остановиться, чтобы достичь города. Триста километров под палящим иранским солнцем. А еще есть мысль, что одинокий путник в форме армии США, бредущий по единственной на несколько десятков миль окрест дороге, — отличная мишень для любого здешнего патриота.

Каждый новый шаг дается мне тяжелее, чем предыдущие. Наверное, дело в том, что впереди не маячит знакомый контур портового города. При виде подобного «маяка» у меня совершенно точно открылось бы второе дыхание и я побежал навстречу врачам и поварам, чтобы они лечили мои раны и утоляли голод и жажду...

Но в моем измотанном, высушенном теле так мало сил. Я посчитал, еще находясь в Сирджане, — даже если я смогу идти со скоростью не

меньше шести миль в час, то в Бендер-Аббасе окажусь только через двое суток... а может, и позже. С учетом того, что в моей фляге воды всего ничего, сухпая тоже почти не осталось, как и консервов (две банки тушенки, одна уже наполовину пустая), шансы на успех явно невелики.

Ноги ужасно заплетаются, и следующая малейшая кочка снова приводит к падению. На сей раз быстро встать и продолжить путь не выходит. Мне явно нужен отдых. Но лежать на горячей земле глупо, надо найти какое-то укрытие, тень, в которой можно проваляться до заката, отдохнуть и отправиться дальше уже после того, как жара спадет. Вертясь из стороны в сторону, я нахожу взглядом некий уступ, под которым, по крайней мере, можно спрятать голову от вездесущих лучей, уберечься от солнечного удара. Ползу к этому укрытию. Ладони при соприкосновении с землей начинают гореть, будто я схватился за раскаленную сковородку, но мне приходится терпеть, ведь иного пути нет. Ноги гудят, одно неловкое движение, и сводит мышцы правого бедра. Чертыхаясь, я принимаюсь щипать себя через штаны, но ногу будто скручивают в узел руки невидимого великана. Закрывая глаза, я ору что есть мочи. Дрожащая рука ныряет в нагрудный карман и достает оттуда булавку. Стиснув зубы, я рывком буквально вонзаю иглу прямо в ногу.

К счастью, это приносит долгожданное облегчение, боль отступает, и мой дикий крик плавно переходит в стон, постепенно стихая совсем.

Интересно, а что стало бы с нашими командирами, окажись они с нами там, в Сирджане? Как они себя повели бы? Сражались до последней капли крови или предпочли ретироваться, сославшись на собственную важность для войск? Про легендарного Джона Тейлора говорят, что он прошел длинный путь от лейтенанта до генерала ВВС и нередко смотрел в лицо смерти, но вот остальные полковники, майоры и капитаны?.. Случалось ли им наблюдать гибель своей роты? Приходилось ли на собственном горбу тащить раненого товарища, умоляя небеса, чтобы он не испустил дух? Или же наши офицеры предпочитали находиться подальше от боевых действий и лишь отдавать приказы?

Я мог бы сказать, что их решение по Сирджану — дерьмо, что город надо было тупо обстрелять с вертолетов, что несколько единиц боевой техники могли бы спасти моих ребят от смерти. Но они конечно же не прислушаются. Я ведь не офицер, даже не сержант — обычный вонючий рядовой, которому повезло выжить в Мясорубке, умеющий убивать чуть лучше прочих подобных. Мне заткнут рот парой орденов или иной подобной хренью, генерал Тейлор пожмет мою мозолистую руку, произнесет что-то одухотворяющее, вроде «Так держать, сынок!» или «На

таких, как ты, держатся Соединенные Штаты Америки!». А потом меня либо засунут в другую роту, либо отправят домой — чтобы поскорее забыть о случившемся. Уж точно никто не станет объяснять мне и мировой общественности (*тем более* мировой общественности), ради чего погибло без малого двести молодых парней, буквально вчера решивших посвятить себя службе в Армии США.

Подобравшись к выступу достаточно близко, я стаскиваю с плеч вещмешок и заталкиваю его в тень, после чего подтягиваюсь сам и кладу голову на импровизированную подушку. Веки наливаются свинцовой тяжестью, и я поддаюсь сиюминутному порыву, зажимаюсь, но сон, как назло, не идет. В этот момент мною овладевает отчаяние. А вдруг я теперь вообще не смогу нормально спать? На первый взгляд, мысль идиотская, но чем черт не шутит? По крайней мере, сейчас я вижу только бледно-синие лица убитых товарищей, и эти ужасающие образы отбивают желание спать куда круче, чем концентрированный кофе или упаковка разрекламированного «рэд булла».

По щеке, вырвавшись на свободу, бежит одинокая слеза. Я не вижу, как она соскальзывает и разбивается о землю. Я просто лежу и жалею себя.

«Твою мать, Мамонт, но ты ведь хотя бы жив!..» — раздраженно думаю я.

На смену отчаянию приходит злость, и она, как назло, тоже бодрит. Бормоча под нос проклятья в собственный адрес, я лежу в тени выступа, как вдруг слышу вдалеке голоса. Поначалу я не верю ушам — может, из-за усталости и стресса у меня начались звуковые галлюцинации? — однако вскоре становится понятно, что все происходит на самом деле. Подняв голову, я с замиранием сердца наблюдаю, как из-за горизонта медленно выползает армейский джип кремового цвета.

«Свои!» — проносится мысль.

Жажда жить буквально выталкивает меня из-под выступа, и я, взвившись на ноги, ору на чистом английском:

— Помогите! Помогите мне!

Когда джип останавливается, я несусь к нему со всех ног, хотя умом понимаю: если они заподозрят неладное, сначала выстрелят, а уже потом будут разбираться, кто перед ними.

Но я слишком долго ждал нашей встречи, чтобы стоять на месте.

Я пережил Сирджанскую Мясорубку и теперь готов орать во всю глотку:

Нас зачем-то отправили в рай через ад,

И отправят, еще после, таких же...

2031 г., Эль-Вафра, Кувейт

С наступлением ночи я покинул дом, где поселили нас с Мариной, и отправился на разведку — благо моя спутница отрубилась сразу после заката. Ее сну, казалось, не могли помешать ни галдеж соседей, коих в комнате было не меньше дюжины, ни рев моторов снующих снаружи машин. Однако я все равно старался не шуметь; медленно откинул в сторону одеяло, сел, свесив ноги, обул ботинки и побрел к выходу, постоянно оглядываясь, — а ну как проснется и спросит, куда я собрался так поздно?

К счастью, я не был единственным «возмутителем спокойствия» — выйдя на улицу, я увидел десятки людей, бесцельно слоняющихся по улицам Эль-Вафры. Немало было тех, кто курил или просто стоял прислонившись к стене и смотрел в одну точку, погруженный в свои мысли. Я прошел мимо женщины, которая, сидя на крыльце небольшой одноэтажной халупы, тихо всхлипывала — возможно, оплакивала почившего мужа или иного родственника. Солдат кругом тоже хватало, хотя, на мой взгляд, их было не так много, как днем: вероятно, большая часть отдыхала, тогда как прочие заняли охранные посты, чтобы своевременно пробудить остальных в случае вторжения Синдиката.

Пожалуй, если вслед за Эль-Бурганом Легион отдаст Эль-Вафру, им можно смело уезжать из Кувейта, ведь, кроме двух крупных нефтяных месторождений, ничего ценного в этой стране нет.

Впрочем, об этом пусть болит голова у Джона Тейлора. Мои цели куда более приземленные и куда менее глобальные — спасти бы Джеральда Грина да выжить самому.

Подходить к тюрьме вплотную я не стал: слишком уж подозрительно будет выглядеть оборванец, пристально, словно скупщик недвижимости, рассматривающий местную «кутузку». Затаившись в подворотне неподалеку, я окинул здание придирчивым взглядом. Интересно, сколько внутри надзирателей? По всему выходило, что должно быть прилично, ведь тюрьма с военнопленными — это, по сути, один из важнейших стратегических объектов. Окажись все, кто там содержится, на свободе, и Легиону придется туго. Удерживать границу и одновременно гасить очаги сопротивления внутри города — уж точно задача не из легких.

И как с такими исходными данными работать? Люди месяцами продумывают побег, даже годами, а тут все надо решить в самое ближайшее время, в запасе буквально день-два. А ведь не стоит забывать о том, что Легиону, вероятно, известно о моих планах (вот только откуда?!).

Единственный выход — смешать им все карты. Старый добрый фокус: устроить «пожар» в другом месте, чтобы привлечь их внимание, и под шумок проникнуть в тюрьму. Вот только где «поджигать», я пока что не знал. Да и какими силами? Все, что у меня есть, это пистолет, карта, фонарик, «глушилка» и прибор ночного видения. Что из этого может помочь в организации диверсии?

Черт, если бы Гопкинс не держал на прицеле бедняжку Джулию, я бы не задумываясь свалил из этого треклятого Кувейта, который за последние недели успел мне порядком надоесть. Не знаю, куда бы я отправился, в Штаты или же в Россию, а может, и вовсе на какие-нибудь Гавайские острова, но уж точно не притворялся беженцем, щеголяя среди вчерашних «однопольчан» в рваных обносах.

Но реальность была такова, что мне приходилось ломать голову над практически невыполнимой задачей. Отступив во тьму переулочка, я вытащил план тюрьмы, развернул его и включил фонарик. Быстро пробежав глазами, потушил свет и снова спрятал карту за пазуху. Мне хватило тридцати секунд, чтобы запомнить все до мельчайших деталей. Настолько развитая зрительная память с самого детства избавляла меня от многих проблем.

Когда я в очередной раз посмотрел на здание тюрьмы, оно уже не казалось мне незнакомым. По ориентирам в виде главного входа и окон я мысленно сопоставил увиденное с рисованным планом, и стены будто вмиг стали стеклянными. Я четко представил, как помещение выглядит изнутри, и пусть не знал наверняка, сколько там людей, но в местоположении капитана Грина практически не сомневался, ведь камера, куда его поместили, на плане была обведена красным кружком. Я буквально видел, как нужный мне парень со скучающим видом смотрит наружу через решетку двери. Оставалось только войти внутрь и выпустить его на свободу.

«Только»!..

Внезапно я услышал за спиной протяжный металлический скрип, а потом незнакомый голос осведомился:

— Эй, мужик! Ты чего тут ошиваешься?

Я оглянулся. На пороге стоял высоченный легионовец с автоматом в руках. Лица было не рассмотреть, но, судя по тому, как он покачивался из

стороны в сторону, я понял, что солдат пьян. Оно и немудрено: ночь на дворе, а врага на горизонте не видно — чем же себя занять на войне вчерашнему тинейджеру, как не картами, выпивкой и девками?

Впрочем, американцы, как правило, от здешних, кувейтских, «дам» старались держаться подальше — арабки (и, соответственно, арабы) в их понимании были то ли потомками Дьявола, то ли просто чересчур грязными. Оттого легионеры так настойчиво и клеились к Марине в баре: соскучились по «бледнолицым» девушкам, бедолаги.

Но сейчас речь была вовсе не о прекрасном поле; сейчас передо мной стоял выпивший, подозрительный и, хуже всего, вооруженный солдат.

— Заблудился, — сказал я, вновь прибегнув к ломаному английскому с явным арабским уклоном.

— Ты нездешний, что ли? — после довольно продолжительной паузы осведомился незнакомец.

«Боже, ты такой догадливый!..»

— Из Эль-Бургана. Дом взорвали, жена погибла... — Я опустил голову, замотал ею, словно отгоняя надоедливых мух. — Война — страх.

— И не говори... — вздохнув, согласился Верзила.

Он смерил меня оценивающим взглядом, а потом спросил:

— Выпить не хочешь?

«Ну да, только выпивки мне сейчас и не хватает...»

— Спать хочу, — осторожно сказал я. — Выпить не хочу.

— Да не скромничай... — Солдат опустил автомат и шагнул ко мне. Я инстинктивно напрягся, но сдержался от того, чтобы врезать ему в челюсть с правой, — это могло повлечь за собой весьма неприятные последствия в виде спешащих на выручку сослуживцев. — Оно ж вроде как... и наша вина, что у вас тут... стреляют-взрывают... убивают! Жена... — произнес он мечтательно. — Моя в Штатах осталась, в Алабаме. Скучаю — жуть. Скорее бы... а то тут еще пулю схвачу, так и не увижусь...

«Ну так какого черта ты вообще сюда полез?» — хотел воскликнуть я.

Легионеры любят прикрываться красивыми словами вроде «преданность», «справедливость», «честь», но на деле девяносто процентов солдат, воюющих в Кувейте, — это наемники, которые зарабатывают деньги войной. В этом нет ничего ужасного, конечно, — но только ровно до того момента, пока эти типы не начинают жаловаться на свою «тяжелую судьбу» и рассказывать, как они скучают по дому. В такие моменты мне хочется их задушить. Про себя думай, что хочешь, но выливать подобные переживания в уши первого встречного просто унизительно.

— Пойдем, мужик... — Верзила мотнул головой в сторону

приоткрытой двери, из которой наружу лился теплый желтый свет. — Мы там в картишки режемся, охладись пивком, пообщаемся маленько...

— Да я бы... — промямлил я еле слышно.

Мне вовсе не улыбалось идти в освещенную комнату, где помимо этого подвыпившего «перца» еще двое-трое-четверо таких же. Конечно, вероятность того, что я встречу внутри кого-то из старых сослуживцев, стремится к нулю, но исключать ее не следует.

— Давай, не спорь, — подначил меня Верзила.

И я, не видя другого выхода, все же сдался.

— Что с ногой? — поинтересовался парень, глядя, как старательно я подволакиваю левую.

— В Эль-Бургане досталось, — пробормотал я.

Он сочувственно кивнул и, придерживая дверь, отступил в сторону, чтобы я мог войти первым.

В плохо освещенном помещении, некогда явно бывшем жилым, сидело трое солдат в компании упаковки «Миллера», большой тарелки с мясными чипсами и колоды карт, которую как раз подхватил с деревянного ящика один из троицы, чтобы перетасовать.

— Это еще кто, Ральф? — спросил сидящий напротив раздающего веснушчатый парень.

С замиранием сердца я отметил, что это не кто иной, как злополучный Рыжик, которому мне уже довелось набить морду в вонючем баре Эль-Бургана. Парень, который стоял с бутылкой пива, облокотившись на допотопный холодильник, оказался Ушастым, а вот Квадратную Челюсть видно не было; возможно, его перевели в другой взвод, а возможно, он уже успел напиться и теперь дрых где-нибудь в закутке. Я чертыхнулся про себя: надо ж такому совпадению-то случиться! Однако виду не подал, ведь в прошлую нашу встречу я выглядел несколько иначе (и это еще не упоминая о том, что мои знакомцы оба раза были изрядно выпивши!..).

Поэтому я грустно улыбнулся и сказал:

— Меня зовут Сэм. Я из Эль-Бургана.

— Парню не повезло, — сказал Ральф, хлопнув меня по плечу. — Жена погибла.

Три пары глаз разом уставились на меня. Ушастый присвистнул, незнакомец перестал мешать карты и покачал головой, а Рыжик с ненавистью прошипел:

— Долбанный Синдикат...

Какая поразительная уверенность, что в смерти выдуманной жены выдуманного беженца из Эль-Бургана виноваты именно прихвостни

Эдварда!.. Интересно было бы взглянуть на выражения их лиц, если бы я сейчас сказал, что убил мою благоверную снаряд Легиона. Думаю, они бы или засмеяли меня, или попытались переубедить, или, не мудрствуя лукаво, избили (наша первая встреча как бы намекала, что по крайней мере двое из этой четверки любят помахать кулаками).

Но я мечтал лишь о том, чтобы поскорее выпить пива и убраться отсюда, пока изменчивая судьба не подкинула мне новое испытание в лице очередного знакомого или иной подставы.

— Держи пиво, мужик. — Ушастый приоткрыл холодильник и, выудив оттуда коричневую бутылку, протянул мне. — Соболезную... это... твоей утрате.

Я молча взял предложенный «пузырь», открутил крышку и даже сделал глоток — так, для проформы. Пойло оказалось отвратное, хотя, возможно, я просто отвык от горьковатого привкуса пива. Как бы то ни было, выпивать еще мне совсем не хотелось, и потому я продолжил держать бутылку в руке, наблюдая за игрой между Рыжиком и Крупье (так я про себя окрестил парня, не расстающегося с колодой). Они рубились в «блэк-джек», и, судя по горке мятых купюр рядом с моим веснушчатым знакомцем, ему сегодня везло. Крупье заметно нервничал и скрипел зубами, рискуя перетереть их в порошок.

— Двадцать, малыш, — сказал Рыжик с самодовольной улыбкой.

У Крупье к тому моменту было двенадцать, пришлось рисковать. Перевернув карту и обнаружив там «короля пик», он со злостью стукнул по ящичку кулаком так, что тот подпрыгнул. Рыжик с трудом успел подхватить недопитую бутылку пива, иначе бы она точно грохнулась на пол.

— Ты че творишь? — рявкнул веснушчатый, гневно нахмурившись.

— Да пошел ты. — Крупье поднялся и, подойдя к холодильнику, резким движением распахнул дверь.

— Сядь на место, эй! — позвал его Рыжик. — Че за нервы?

— Пусть Ральф с тобой поиграет, я уже и так продулся в пух и прах, — махнул рукой Крупье.

Он выудил из холодильника пиво и, скрутив крышку, присосался к горлышку.

— Садись, Ральф, — буркнул Рыжик, смерив Крупье хмурым взглядом. — А ты чего стал, мужик? Присаживайся на диван.

— Ты не похож, кстати, на местных, ага, — заметил Ушастый, рассматривая меня с неприкрытым любопытством. — Ты американец? Или с Европы?

— Американец. Но я почти не жил там, в Штатах. Отец — кувейтец,

мать из Канзаса. Сюда переехали давно, я маленький был совсем.

— Тяжело, наверное... ну, как бы... не на родине? — поинтересовался Ральф.

Плюхнувшись на диван напротив Рыжика, он взял в руки оставленную Крупье колоду.

— Да нет, ну, тут ведь почти дом... — пробормотал я, лихорадочно размышляя, под каким предлогом свалить бы отсюда поскорее.

— Ключевое слово — «почти», — фыркнул Ушастый. — Местные, походу, не слишком тебе рады? Ты ж для них все равно такой... чужак, типа.

— Да ну как сказать? — пожал я плечами.

— Слушай, ну сядь ты уже наконец! — раздраженно воскликнул Рыжик. — Я задолбался голову задираТЬ, чтоб на тебя посмотреть, мужик!

Я нехотя опустился на диван рядом с Ральфом. В то время, как мне надо продумывать план побега, я сижу в компании четырех пьяных легионеров, пью пиво и рассказываю им свою легенду, невольно вызывая сочувствие трогательной историей а-ля «чужой среди чужих». Хуже всего, что я не могу просто встать и уйти — им, пьяным и уставшим от перестрелок с Синдикатом, слишком хочется убедиться, что в них осталось еще что-то человеческое, что они по-прежнему способны сопереживать кому-то, кроме самих себя. Это пахло лицемерием, даже эгоизмом, но моя нынешняя роль «погорельца», увы, не позволяла мне просто раскидать их по углам и свалить, пока они не очнулись. Именно поэтому я продолжал сжимать в руке бутылку пива и грустно улыбаться, поймав на себе участливый взгляд кого-то из «пьяной четверки».

«Скорей бы вы уже завалились спать, чтобы я мог заняться делом!...»

— Джеки. — Ральф покосился в сторону Крупье. — Ну-ка, посмотри, чего там... на мониторах.

— Я че-то не понял, я че, твоя «шестерка»? — разозлился парень. — Канистры с бензом в угол поставь, диван заправь, за пивом сгоняй...

«Что он там сказал про бензин?..»

Я окинул комнату нарочито небрежным взглядом и увидел, что в углу действительно стоят, одна на другой, три объемные канистры, накрытые сверху выдавшим виды грязным покрывалом. Судя по всему, речь шла об этих, потому что иных я не наблюдал.

— Да при чем тут «шестерка», ну? — фыркнул Ральф. — Просто мы ж тут... я за тебя вообще играю, так что ты... ну, вроде как, не занят.

— А ниче, что здесь, типа... посторонний? — заметил Ушастый, взглядом указав в мою сторону.

Он, по всей видимости, был трезвее остальных дружков, раз учел мое присутствие.

— Не думаю, что Сэму... ты ведь Сэм, верно? — Ральф пьяно улыбнулся мне. — Так вот, я не думаю, что Сэму есть дело до обезьян Синдиката. Ты ведь ненавидишь их, Сэм? Так ведь?

— Всем сердцем, — пробормотал я, косясь в сторону Крупье.

— Ладно, тебе виднее. — Ушастый пожал плечами и демонстративно отвернулся.

Крупье тем временем с явной неохотой покинул вновь приобретенный пост у холодильника и, подойдя к темно-коричневой ширме, скрывающей часть комнаты от посторонних глаз, сдвинул ее в сторону.

Это была полноценная мониторная комната — с десяток экранов, пульт, клавиатура, наушники, микрофон в миниатюрной настольной стойке и миллиард проводов, будто паутина кибернетического паука, связующая все перечисленное в единую жутковатую систему. Крупье, морщась, провел пальцем по тачпаду, чтобы свернуть скринсейверы. И вот то, что появилось на экранах после этой нехитрой манипуляции, заставило мои брови взлететь на лоб.

Камеры. Коридоры. Хмурые лица заключенных.

Будь я чуть менее сдержан, наверняка бы ахнул — до того невероятным казалось такое странное совпадение. Что же получается, эти четверо тут за тюрьмой приглядывают? Но почему их пост находится не в здании тюрьмы, а снаружи?

— Я вообще не пойму, на кой черт нас заставили пялиться в эти долбаные мониторы, — буркнул Крупье, — если там и так с десяток надзирателей бродит?

— Нам же все доходчиво объяснили еще утром, — с умным видом произнес Ушастый. — Начальство хочет, типа, исключить любую возможность побега...

— Да какой, к дьяволу, побег? — Крупье, судя по тону, разозлился не на шутку. — У этих парней в карманах нет даже ложки. Или они что, зубами решетку перегрызут?

— Слушай, ну че ты завелся, старик? — раздраженно спросил Рыжик. — Из-за карт?

— В жопу твои карты, — холодно заявил Крупье.

— Да о таком месте все мечтают! — Веснушчатый мордоворот сделал вид, что не услышал колкости приятеля. — Сиди себе, потягивай пиво, в картишки играй да иногда на мониторы поглядывай, не случилось ли там чего.

— Пиво... Ха! — едко усмехнулся Крупье, скользя взглядом по экранам. — Это только до того момента, как сюда не нагрянул старший надзиратель.

— На кой мы ему упали? — фыркнул Ральф.

— Заканчивайте уже, — буркнул Ушастый, покосившись в мою сторону, — тут все же посторонний.

— Я все равно не понимаю, о чем вы говорите, — с глупой полуулыбкой соврал я.

— Парень тридцачу... ну, или типа того прожил в Эль-Бургане, — хмыкнул Ральф. — Да он, наверное, и не понимает, че там, на мониторах-то, правда, Сэм?..

— Тебя послушать, так он, типа, не умней пещерного человека, — фыркнул Ушастый и, залпом допив пиво, швырнул бутылку в помойное ведро. — Это гребаный двадцать первый век, тут у всех мобильники, компьютеры, прочая ерунда. С чего б ему в мониторах не шарить?..

— Ну ты и зануда, — окинув его насмешливым взглядом, заявил Ральф.

Ушастый ничего не ответил — только презрительно фыркнул и отвернулся.

Я только этого и ждал. Мой взгляд заметался от экрана к экрану, стараясь запомнить малейшую деталь, ведь, возможно, мне никогда больше не представится возможности взглянуть на тюрьму изнутри... ну, кроме того единственного раза, когда я войду в здание, дабы вывести оттуда капитана Грина.

Из разговора четверки пьяных кретинов я понял, что их мониторную комнату организовали совсем недавно «с целью предотвращения возможного побега» (почти копирайт). Получается, старшие офицеры в курсе, какова моя цель? Или они просто перестраховываются? Будь я на их месте, скорее, первым делом обезопасил бы полковника Ричарда Уайлдера, который руководит Кувейтской кампанией, и его свиту — в конце концов, раз я отправил к праотцам продажного майора Харриса, почему бы мне сейчас не грохнуть кого-то из приближенных Тейлора?

И тем не менее Легион отнесся к предотвращению возможного побега весьма серьезно. Сам собой напрашивался резонный вопрос: почему так получилось? Слишком предусмотрительные? Или меня действительно кто-то сдал? Попахивает предательством, да только я никому ничего не говорил, а значит, утечка произошла по вине Жука и его босса... Но неужели столь продуманный человек, как Гарри Гопкинс, допустил бы подобное?

Теряясь в догадках, я продолжал смотреть на экраны и фиксировать каждую хоть мало-мальски важную деталь, постепенно добавляя объема эскизу тюрьмы в моем воображении. Камеры одна за другой наполнялись людьми: в первой пятеро, во второй столько же, в третьей отчего-то четыре, в четвертой заключенных снова полдесятка, а вот в пятой их целых шесть... и среди них — он.

Капитан Джеральд Грин.

Я в момент его узнал, ведь совпадение с фото было стопроцентное, будто снимок сделали только вчера: острые скулы, темные глаза, черные, как смола, волосы и волевой подбородок с ямочкой... Единственное отличие от снимка заключалось в щетине, но, учитывая, что капитан не первый день проводит в заточении, в ее появлении нет ничего необычного.

Решив не тратить время понапрасну, рассматривая мою цель, я снова взялся за воображаемую модель тюрьмы. Вот и в коридорах люди появились — правда, уже в форме Легиона; пара человек скучает в комнате для отдыха, но остальные снуют по этажам туда-сюда, то и дело косясь на крохотные камеры, с помощью которых за ними приглядывают их собственные надзиратели.

А некоторые, то ли самые смелые, то ли самые глупые, спят прямо на посту.

— Смотрите-ка, что за идиот? — усмехнулся Крупье и ткнул пальцем в экран номер шесть, где бедолага солдат, прислонившись к стене затылком, дремал с открытым ртом. При этом он потешно извивался всем телом, словно червяк, насаженный на крючок и еще не успевший испустить дух.

— Чего там? — лениво бросил Ральф.

Отрывать задницу от дивана он, судя по всему, не собирался. Рыжик же на призыв сослуживца и вовсе не обратил никакого внимания — как пялился на лежащие перед ним карты, так и продолжил. Он то ли до сих пор злился на Крупье, то ли только что крупно проигрался: его четыре карты в сумме давали двадцать три, в то время как у соперника было ровнехонько двадцать.

И только Ушастый, явно заинтересованный, подошел к приятелю и с любопытством уставился на спящего надзирателя.

— Этот, что ли? — с улыбкой уточнил он, приблизившись к экрану почти вплотную.

— Ага, — хохотнул Крупье. — Может, объявим учебную тревогу? Тогда шум поднимется!

— А давай! — охотно согласился Ушастый.

— Вы чего удумали, э? — нахмурился Ральф, но было уже поздно: Крупье шлепнул пальцем по кнопке на пульте и, поднеся микрофон ко рту, прорычал:

— Смирно, рядовой!

Бедолага на экране чуть ли не до потолка подпрыгнул. Озираясь по сторонам и глупо хлопая глазами, он сжимал в руках автомат и, казалось, готов был стрелять во все, что движется.

Крупье и Ушастый едва со смеху не померли — прикрыв рты ладонями, они беззвучно сотрясались, наблюдая за паникой разбуженного солдата. Шутка показалась мне довольно дурацкой, но, в конце концов, все мы были молоды и пьяны, а значит, нередко вели себя глупо.

Внезапно на том же экране, где выплясывал с автоматом растерянный рядовой, появился еще один человек. Я нахмурился: лицо его показалось мне незнакомым, но вот походка и манера поведения в целом — очень даже. А когда вновь прибывший строго посмотрел в камеру, я готов был поклясться, что не раз ловил на себе подобный взгляд.

Кому же он принадлежал?!

— Черт бы его побрал... — прошипел Крупье, зачем-то отключая шестой монитор.

— Нафиг ты экран потушил? — покрутил пальцем у виска Ушастый. — Думаешь, он тебя увидит через камеру? Спрятаться решил?

— Да пошли вы, мать вашу, все! — окончательно выйдя из себя, возопил парень.

Он спешно щелкнул какую-то кнопку на пульте и оглянулся через плечо на режущихся в карты друзей.

— Что у вас там случилось, кретины? — одарив его недовольным взглядом, осведомился Ральф.

— Да мудака этот... который утром приехал... — процедил Крупье, с ненавистью посмотрев на шестой монитор. — Вечно появляется не вовремя...

— Погоди, ты... ты это о майоре Гэбстоне? — Ральф заметно напрягся. — Вы над ним решили подшутить, что ли? С ума сбрендили?

«Гэбстон, Гэбстон, Гэбстон... Нет, не помню. Хотя, опять же, что-то до боли знакомое...»

— Твою мать, Зак! — замотал головой Рыжик. — Ты хочешь, чтобы нас опять на плац выгнали?

В этот момент я решил, что мне тут больше делать нечего, и будто ненароком выпустил пивную бутылку из рук.

Стук доньшка об пол вызвал реакцию, схожую со звуком выстрела, —

все четверо вздрогнули и разом повернулись ко мне.

— Я такой неловкий... — Качая головой, я спешно подобрал бутылку, пока она не залила пивом весь пол, — не хватает еще, чтобы меня заставили ползать по этой конуре с тряпкой!.. — Простите, простите...

— Черт, а ведь если он увидит тут гражданского, наверняка нам устроит, — заметил Рыжик.

— Кто устроит? — робко поинтересовался я.

— Нахрен ты приволок этого Сэма? — махнув рукой в мою сторону, раздраженно воскликнул Ушастый.

— Сэм... Эта... В общем, тебе лучше уйти, мужик, — пробормотал Ральф, бросая карты на ящик и вскакивая с дивана. — Пока сюда не пожаловало... ну, наше начальство. Иначе вопросов будет — тьма...

— Раньше надо было думать! — процедил Крупье.

— Да заткнись ты уже! — рявкнул Ральф. — Проблемы у нас не из-за Сэма, а из-за ваших идиотских приколов!

Кажется, после случившегося они все разом заметно протрезвели и теперь думали только о том, как бы избежать выговора, если их «злой гений» — он же майор Гэбстон — вдруг решит пожаловать в мониторинговую для профилактической выволочки. Честно говоря, я плохо представлял себе, куда можно подевать все имеющиеся в комнате бутылки, разве что спрятать их под диван и за холодильник. Но, даже если удастся избавиться от стеклотары, что они будут делать со своими осоловевшими глазами и пивным перегаром?..

Впрочем, майор, возможно, окажется достаточно ленивым, чтобы отложить разбор полетов до утра. Хотя мне подобные «доброхоты» в командовании Легиона (да и в армии вообще), честно говоря, встречались нечасто. Для офицеров ведь это излюбленное развлечение — карать младший состав сразу, по горячим следам, пока гнев еще пылает в груди, а ладони непроизвольно сжимаются в кулаки.

— Спасибо за пиво, — бросил я через плечо, уже шагая к двери.

— Да, да, не за что... — пробормотал спешащий следом Ральф.

Пока он воевал с замками, я окинул комнату еще одним рассеянным взглядом. Если бы вся армия Легиона состояла из подобных придурков, моя задача высвободить капитана Грина, надо думать, упростилась бы многократно.

— Забудь это место, — сказал Ральф и спешно захлопнул дверь, едва я оказался за порогом.

Я снова остался в гордом одиночестве. Но на душе было чуточку полегче, ведь теперь я, по крайней мере, знал, где находится пункт

видеонаблюдения и что таит в себе здание тюрьмы. Ну и, разумеется, мне чертовски хотелось понять, откуда я знаю майора Гэбстона, который грозно смотрел в объектив камеры. Меня не покидало ощущение, что мы с ним встречались в недавнем прошлом, однако я не мог понять, когда и где.

«Квартет кретинов» упомянул, что он приехал сегодня утром, и утром же здесь развернули мониторную для предотвращения побега. Подобная очередность событий наводила на мысль, что инициатива исходила как раз от майора Гэбстона, который, словно сорока на хвосте, принес в лагерь Легиона вести о моем скором прибытии в Эль-Вафру. По крайней мере, иного объяснения такой спешке с дополнительным наблюдением я попросту не видел. Но тогда получалось, что Гэбстон имеет какое-то отношение к моему заказчику.

Какое?

Возможно, нас продал Жук, который в нашей цепочке из трех звеньев выглядит самым слабым. Я практически не сомневался, что, если ему в рот вставят пистолет и взведут курок, он с радостью поделится со стрелком любой информацией. Другое дело, что я даже близко не представлял, как Гэбстон мог выйти на связного. Он появлялся, чтобы передать послание, и тут же буквально растворялся в воздухе. В общем, как обычно, — вопросов куча, а ответов — кот наплакал.

Когда я вернулся в ночлежку и, прокравшись к койке, плюхнулся на нее, была еще глубокая ночь. Я зажмурился, надеясь, что накопившаяся усталость позволит мне заснуть, однако я был, похоже, слишком возбужден. Мысли бурлили в голове, словно лава в жерле просыпающегося вулкана. Я вертел воображаемую модель тюрьмы и так, и этак, как ребенок — любимую игрушку; то любовался ею с расстояния, то «разгуливал» по мрачным коридорам втайне от воображаемых надзирателей и неутомимых камер, висящих чуть ли не на каждом углу. Теперь я пытался продумать внутренний маршрут. Это оказалось проще простого, поскольку камер в Эль-Вафрской тюрьме было всего двадцать и нужная мне пятая находилась, разумеется, на первом этаже. Однако тут же возникал еще один вопрос: каким образом мне открыть дверь? Там ведь определенно не шпингалет, не засов, а полноценный замок, пусть наверняка не слишком сложный (все-таки Кувейт), но возиться с ним все равно некогда. По-хорошему, я должен выключить свет, войти внутрь, добраться до двери, открыть ее, взять Джеральда и уйти, потратив на все перечисленные действия минуту, максимум — две. Впрочем, если мне не удастся отвлечь их внимание какой-либо диверсией, то и этих двух минут у меня не будет. Ну и с самим отключением света все было не так просто: у них вполне может стоять

аварийный генератор или иная подобная штукавина, припасенная как раз для подобных случаев.

— Сэм? — внезапно послышался заговорщицкий шепот.

Я повернул голову и увидел чудесные глаза Марины. Девушка лежала и с сонной полуулыбкой смотрела на меня.

— Ты чего не спишь? — спросила она, едва шевеля губами.

— Да я только проснулся, — соврал я.

— Я просыпалась пару часов назад, но тебя не было... — заметила Марина.

Щурясь, она пыталась рассмотреть меня в полумраке комнаты.

— Я отходил... по весьма деликатному вопросу, — сказал я и обезоруживающе улыбнулся.

Она тихо прыснула.

— И где здесь, кстати, можно... решить весьма деликатный вопрос? — сквозь смех спросила Марина.

— Мне чуть попроще, я просто наружу вышел, за угол свернул, ну и...

— Может, покажешь? — спросила девушка.

Я хотел отшутиться, но по ее взгляду понял — она действительно хочет, чтобы я спустился вместе с ней. Видимо, ей было страшно идти одной.

— Хорошо... — неуверенно пробормотал я. — Пошли, конечно...

Мы поднялись с наших коек почти синхронно, чуть не столкнувшись лбами. Она смущенно улыбнулась, и я ответил ей тем же. Так странно — годами ты убиваешь людей и не имеешь личной жизни, а потом оказываешься рядом с симпатичной девушкой и чувствуешь себя полным кретином. Не понимаешь, что говорить, а что нет. Не знаешь, что вообще с ней делать, но она притягивает тебя, будто магнитом.

Когда спускались, Марина протянула руку и сжала мою ладонь в своей. Я от неожиданности вздрогнул. Мне тут же вспомнился наш первый подобный момент единения — в грузовике, полном беженцев, когда мы сидели и смотрели, как чертов гранатометчик Синдиката разносит из «мухи» последнюю машину в колонне. Тогда лишь мое своевременное вмешательство спасло нас от участи несчастных раненых солдат, с которыми прихвостни Эдварда расправились столь безжалостно и низко.

Удивительно, конечно, что никто из сидящих в кузове беженцев так меня и не сдал. Да, они не любят американцев, да, я их спас, но, черт возьми, когда кто-то с четырех выстрелов убивает четырех человек, ты вряд ли захочешь и дальше находиться рядом с подобной «машиной для убийства».

Хотя и сдавать такого, честно говоря, весьма опасно — страшно даже представить, что он может сделать с предателем!..

Снаружи не было и намека на вожделенную предутреннюю прохладу. Находясь в подобной духоте, невольно начинаешь скучать по холодным русским зимам, когда даже дома ты вынужден кутаться в старый отцовский тулуп, чтобы не замерзнуть.

Марина без лишних слов увлекла меня за собой в проулок, да я, честно сказать, не особо-то и сопротивлялся. Миновав светлый участок, мы нырнули в темноту, и девушка, резко развернувшись, притянула меня к себе и поцеловала в губы. Я буквально остолбенел и даже на поцелуй ответил не сразу — растерялся, как школьник на первом свидании. Однако стоило отдаться воле чувств, и страсть мгновенно вскружила мне голову. Все погрузилось в розовый туман, и потому события последующей четверти часа я помнил лишь урывками.

Вот мы прижимаемся друг другу, а поцелуй все длится и длится. Вот я впечатываю ее в стену, и она вскрикивает и кусает меня за нижнюю губу. Вот я через голову стягиваю с нее рубашку и ласкаю ее грудь, а она, зажмурившись, томно стонет. Вот щелкает застежка ремня, и мои штаны падают вниз.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Оба мы блестим от пота. Жара уже не помеха, ведь мы настолько поглощены друг другом, что будто в коконе находимся. Окружающий мир там, снаружи этого кокона, до того нереальный, что, кажется, просто снился нам все эти годы, пока поцелуй наконец не пробудил обоих от многолетнего сна. Я словно превратился в долбанного поэта, который мыслил лишь потасканными штампами, давно набившими оскомину, но черт меня побери, если в те мгновения мои чувства можно было выразить иными, более изысканными словами. Мы с Мариной на время стали единым целым. Тогда я верил в это всем сердцем.

Наверное, такие вот моменты и губят карьеры самых выдающихся ликвидаторов. Я стоял в переулке чужого города, посреди чужой страны, в объятьях обворожительной девушки и был, по сути, нагим и беззащитным. Если бы кто-то решил напасть на меня, спеленал бы в считанные мгновения. Готов спорить, я бы даже не сразу понял, что попался.

Но, по счастью, нас никто не тревожил, и потому мы могли вдоволь насладиться друг другом.

Наконец все было кончено, и я, инстинктивным движением потянув штаны, припал спиной к стене рядом с Мариной, шумно выдохнул и блаженно улыбнулся. У меня как будто груз с плеч свалился. Я повернул

голову к девушке, и наши взгляды снова встретились. Она покусывала нижнюю губу, а ее изумрудные глаза буквально светились в ночи, точно у кошки.

— Ты был великолепен, Сэм, — прошептала девушка, скользнув взглядом по моему торсу вниз и обратно, к вспотевшему лицу.

— А ты — еще лучше, Эм, — на выдохе произнес я и сам поразился такой странной формулировке.

Марина же удивилась еще больше.

— Эм? — со смешком переспросила она. — А что, вполне сексуально. Сэм и Эм...

— Как-то само собой вырвалось, — пробормотал я с виноватой полуулыбкой.

— Э-эй, — сказала она, проведя ладонью по моей щеке. — Я нисколько не обиделась, даже напротив, мне действительно понравилось. Можешь звать меня «Эм», если хочешь.

— Я подумаю над этим, — пообещал я.

Говорить в подобном ключе мне было непривычно, оттого и неловко, и потому я хотел поскорее закончить разговор и вернуться в кровать. До того, как случился этот странный, неожиданный поцелуй, все мои мысли были заняты грядущей операцией. Теперь мне стоило огромного труда вспомнить, зачем я вообще приперся в Эль-Вафру, да что там — я даже не помнил, как попал в Кувейт. Я не отрываясь смотрел в лицо Марины и думал, что веду себя, как чертов школьник, одуревший после первого поцелуя, но ничего не мог с собой поделать. Я не показывал своих эмоций, но они бушевали во мне, как ураган. Наверное, нам надо просто хорошенько выспаться. Утро вечера мудренее, как любила говорить моя мать.

— Пойдем, пока нас тут не застукали солдаты, — сказал, стараясь говорить мягко, дабы у нее даже мысли не возникло, что я чувствую себя неловко.

— Ну да, еще решат, что я проститутка, и начнут приставать, — задорно подхватила Марина. — Но это ведь только до тех пор, пока они не узнают, какой у меня есть замечательный защитник! — Девушка озорно подмигнула мне.

— Боюсь, тут слишком много солдат даже для меня, — сказал я с улыбкой.

— Я просто шучу. — Марина уже натянула юбку и теперь возилась с пуговицами на рубашке. — Пойдем. Надеюсь, теперь ты наконец-то уснешь?

— О, да! Ты ведь меня порядком измотала!

— На то и был расчет.

Еще одно подмигивание — и она скрывается за углом, а я, невольно насвистывая под нос, устремляюсь следом за ней.

Эмоции до сих пор бурлили внутри. И даже когда мы уже легли на кровати и смежили веки, каждая клетка моего измотанного организма продолжала вопить:

«Это была лучшая ночь за последние несколько лет!»

2031 г., Нью-Йорк, США

Стук тяжелых шагов гулким эхом разносился по широкому коридору с высоким арочным потолком. Мужчина лет пятидесяти в темно-синем костюме-«тройке» и сером галстуке уверенно шел к двустворчатой двери. Он походил бы на обычного банкира, если бы не шрам на лбу и пронзительный взгляд темных глаз, который ясно давал понять, что перед тобой не рядовой финансист, а самый настоящий лидер.

Это был Эдвард Уоррен, единственный и неповторимый, подаривший миру спасение в лице армии Синдиката.

Ну, по крайней мере, так думал он сам.

Как обычно, его левая рука скрывалась в кармане пиджака, в то время как правая скользила по сенсорному экрану телефона.

Сообщения от многочисленных корреспондентов, партнеров, бывших партнеров, юристов и пиарщиков...

«Черт. Сколько же вас...»

Створки разъехались перед Эдвардом, и в лицо ударил леденящий душу арктический ветер — новейшая сплит-система ввиду изнуряющей летней жары работала на полную катушку. У бедняжки Глории, секретарши мистера Уоррена, зуб на зуб не попадал, но хозяин кабинета плевать хотел на самочувствие подчиненной — могла бы пиджак надеть, а не в полупрозрачной блузке ходить.

— Мистер Уоррен! — сверкая улыбкой, воскликнула Глория. — Вы так быстро вернулись!

— Да, — бросил Эдвард, шагая мимо стола помощницы. — Благо Салли лучше других в этом городе знает, как ездить по запруженным улицам Нью-Йорка и при этом везде успевать.

— Пока вас не было, звонили с шестого канала, — сообщила Глория, сверившись с электронным журналом. — Предложили заглянуть на шоу...

— Нет, — оборвал ее Эдвард. Он стоял на пороге своего кабинета, щурясь от солнечного света, проникающего внутрь через огромное, на всю стену, окно. — Почему ты не опустила жалюзи, Глория?

— Но что сказать шестому...

— Скажи, что я занят.

— Но вы даже не знаете, когда они хотят...

— А мне и не нужно знать подробностей, Глория. — Уоррен одарил секретаршу раздраженным взглядом через плечо. — Откажи им вне зависимости от того, когда, где и с кем они собираются снимать свое шоу. Я не собираюсь тратить время на этих бездельников.

— Но...

— Глория, ты, наверное, думаешь, что в обязанности секретаря входит предостережение работодателя от поступков, способных негативно повлиять на его медийный облик? — процедил Эдвард, наконец-то соизволив повернуться к бледной девушке лицом. — Но на самом деле ты должна всего лишь делать мне кофе, сообщать о входящих звонках, следить за моим расписанием и опускать жалюзи, когда я требую это сделать.

Он ни разу не повысил голос, но человек, хоть немного знакомый с Уорреном, понял бы, что Стальной Эдвард в бешенстве. По его биографии вполне могли снять художественный фильм, потенциально способный завоевать с десятков наград. В его жизни были взлеты и падения, были моменты счастья и горя, был карьерный рост, семья и заключение, где он получил свой шрам и лишился жены и детей...

И вот теперь, после всего пережитого, разве должен он прислушиваться к мнению размалеванной куклы, для которой сама возможность находиться рядом с таким невероятным человеком, как Эдвард, уже подарок судьбы?

Втянув голову в плечи, Глория пискнула:

— Да, сэр!

И мышкой шмыгнула в кабинет хозяйки. Уоррен с едва уловимой презрительной улыбкой смотрел, как секретарша споро опускает жалюзи и кабинет погружается в полумрак. Однажды кто-то из гостей Эдварда поинтересовался, зачем ему такое громадное окно, если он предпочитает сидеть в темноте, на что лидер Синдиката сказал, что все ради дождя, — созерцание ливня, мол, помогает ему думать.

Но не яркий солнечный свет. О, нет. Когда он находился в заключении, редкое зрелище безоблачного неба воспринималось Эдвардом, как насмешка, ведь в те ужасные мгновения он думал, что никогда больше не окажется на свободе и вот-вот умрет во мраке пыточной камеры...

Позже старый друг все-таки нашел возможность вырвать его из лап партии «Справедливость», но, сполна узнав об истинной, жестокой природе нашего мира, Эдвард больше не мог радоваться солнцу и чистому небу. А вот дождь... Дождь был мелодией его души.

— Так хорошо, мистер Уоррен? — пролепетала Глория.

— Идеально. — Эдвард прошел к столу и с облегчением опустился в кресло. — Принеси кофе.

— Больше ничего?

«Нет, она совершенно точно решила довести меня до белого каления!..»

— Если задашь еще один глупый или неуместный вопрос, я тебя уволю. — Хозяин буквально испепелил не в меру болтливую секретаршу презрительным взглядом. — Поняла?

— Да, сэр.

— Проваливай. И без кофе не возвращайся.

Едва помощница ушла, Уоррен вытянул ноги и шумно выдохнул, впервые за день полностью расслабившись.

Вернулась Глория, принесла кофе. Эдвард сделал глоток и решил, что не станет добивать бедную девочку. Она и без того, судя по всему, успела всплакнуть в туалете, смыть черные дорожки туши с милых щечек и даже заново подкрасить ресницы. Фраза «Ты уволена» ее просто добьет.

«А мы ведь должны поддерживать трудолюбивых людей, готовых умирать на работе, разве нет?»

— Свободна, — бросила Уоррен.

Глория улыбнулась самыми уголками рта — обрадовалась, что смогла угодить требовательному начальнику, — и спешно ретировалась, пока ее счастливая мордашка снова не вывела Эдварда из себя. Лидер Синдиката проводил помощницу насмешливым взглядом.

«Как мало иным людям нужно для счастья!..»

Он открыл рабочий ноутбук и вошел в почту. Ничего интересного... кроме одного письма.

Собственно, примечателен был уже сам отправитель — Авессалом Блэйд. Эдвард невольно скривился: с этим странным типом их связывала давняя дружба, которая, в принципе, и дружбой-то могла называться лишь с большой натяжкой. Скорее, они инстинктивно держались друг друга. Уоррен уважал Авессалома за острый ум, который одновременно восхищал и пугал. Иные ходы Авессалома просто поражали, вызывали зависть; каждый раз, узнав об очередном изящном решении, Эдвард думал, что это, вероятно, лишь самая верхушка айсберга, что ему никогда не удастся до

конца осмыслить гений Авессалома. Да что там — Эдвард до сих пор не знал, почему Авессалом с ним общается, ведь людей он не жаловал. Однако факт оставался фактом: если бы не Авессалом, Эдвард, вероятно, скончался бы в плену у палачей «Справедливости».

И уж к чему мистер Уоррен успел привыкнуть, так это к тому, что Блэйд никогда не пишет ей по пустяковым поводам. А это значит, что в нынешнем письме содержится нечто действительно важное.

Заголовок «Тебе понравится» косвенно подтверждал догадки Уоррена.

Внутри, однако, не имелось никакого текста, кроме ссылки на ролик с «ютьюба» и стандартного «С уважением, Авессалом» в самом низу. Эдвард перешел по ссылке и, развернув видео, уставился на экран.

Ролик шел буквально три минуты, и он ни разу не отвел взгляд в сторону, не заскучал, даже, наверное, не моргнул. Когда видео подошло к концу, Эдвард еще некоторое время сидел не шевелясь и смотрел на экран. Затем заревел и ударил кулаком по столу.

Но тут же взял себя в руки, отвернулся к окну, уставился на серые жалюзи. Монотонность всегда успокаивала лидера Синдиката.

Эдвард вернулся к экрану минут через десять, не раньше. Теперь его интересовало количество просмотров и время выкладки. Увиденное немного успокоило Уоррена: за неполные два часа ролик посмотрело всего семь тысяч человек, что для подобной сенсации — мизер. Впрочем, даже этот вялый старт не гарантировал, что к завтрашнему утру весь мир не узнает об аварии, случившейся в Вашингтоне полгода назад, за пару недель до Сочельника. Автокатастрофы с летальным исходом всегда манили людей. Увидев подобное видео, человек, как правило, набирал имя жертвы в поисковике и читал, кем был погибший бедолага, а кем — виновник аварии. Обыватели всегда сочувствуют невинно пострадавшим и радуются, когда «негодяй», прервавший чужую жизнь, получал по заслугам, так уж повелось.

Но в этом случае их ждало величайшее разочарование — ведь виновный в случившемся банкир не дал и цента на похороны безработного инженера.

«Спокойно, Эдвард, спокойно».

Тогда шумихи удалось избежать — благо Курт Шервуд, которого по частям выковыривали из сплющенного тридцатилетнего «опеля», был бездетным и безработным холостяком. Всего лишь еще один жалкий червяк из чертовой плеяды иждивенцев, которых Уоррен давно мечтал стереть с лица Земли, чтобы не осталось даже воспоминаний.

Обывателю его не понять. Увидев этот трехминутный ролик, рядовой

житель планеты будет думать, что в случившемся целиком и полностью виноват Джонсон. Однако Эдвард смотрел на ситуацию под иным углом. Инженера-биолога вообще не должно было быть на той дороге в злополучный день. Если банкир спешил по делам корпорации, то куда ехал безработный Шервуд? Что забыл этот бесполезный человек в самом центре столицы посреди рабочего дня?

Нет, большинство его аргументы не тронут. Им с детства забивают голову вредной чепухой о равноправии, о демократии, о том, что каждый голос одинаково важен.

«А вот ни черта подобного!...»

Голос бездельника, живущего на пособие и продающего крэк, чтобы купить себе что-то потяжелее, не может стоять столько же, сколько голос вкалывающего с утра до ночи трудоголика.

Однако общество не перековать так быстро — хотя бы потому, что самый последний лентяй мнит себя выдающимся деятелем.

Нахмурившись, Эдвард снова открыл страницу с роликом. На сей раз его волновал пользователь, заливший видео на сайт.

«Истина3249».

Ну разумеется. Глупо было даже надеяться, что этот тип укажет тут свои настоящие паспортные данные.

Конечно же других загруженных видео у этого пользователя не оказалось, и вообще он зарегистрировался буквально за пару минут до того, как слить провокационный ролик в сеть.

Уоррен скрипнул зубами. Проклятье! Из-за смерти Джонсона его имя и так не сходило с губ телеведущих, ведь Эдвард всегда открыто симпатизировал этому талантливому парню. Потому-то многие считают, что взрыв джонсоновской машины — это камень именно в огород мистера Уоррена, Стального Эдварда, у которого, оказывается, тоже есть слабые места. А это чертово видео станет вишенкой на торте, репортеры в подобный компромат вцепятся, как голодный бульдог за отбивную, и приложат все усилия, чтобы это увидел каждый житель Америки.

Но, раз *это* пока живет только на одном канале «ютьюба», есть шанс, что ролик еще не попался на глаза нужным людям. Поэтому надо действовать крайне быстро.

— Пятьдесят три, — требовательно произнес Эдвард.

Наушник в правом ухе ожил, пошел быстрый набор.

— Сэр? — спустя два гудка произнесла гарнитура голосом лучшего

хакера Синдиката.

— Взломай аккаунт пользователя «Истина3249» и удали его вместе с залитым видео, — тоном, не терпящим возражений, велел Стального Эдварда — Найди этого типа. Мне надо знать, кто это. Понял?

— Да, сэр, — после секундной заминки ответил хакер. Уоррен слышал, как он барабанит пальцами по клавишам: Купер отчего-то не доверял сенсорным девайсам, предпочитая действовать «по старинке».

— Жду новостей.

— Да, сэр.

Эдвард улыбнулся самыми уголками рта: Куп, как всегда, был чертовски немногословен.

— Отбой, — сказал Уоррен, пристально глядя на экран ноутбука.

Длинный гудок — секунды две-три, не больше, — и снова воцарилась блаженная тишина, которую так ценил Эдвард.

Взгляд его больше не фокусировался ни на видео, ни на статистике просмотров, ни на до смешного банальном никнейме отправителя. Он погрузился в раздумья.

Едва узнав о смерти Джонсона, Уоррен сразу подумал, что тут замешан Джон Тейлор, выживший из ума генерал на пенсии и, по совместительству, его главный враг. Сам Тейлор, разумеется, ни за что не признал бы себя сумасшедшим, но отрицание, по мнению Уоррена, вовсе не отменяло его помешательства: в конце концов, какой псих признает, что он болен? Только генерал имел достаточно смелости, чтобы устроить подобную публичную казнь. Но почему он не ограничился чертовым видео? Почему решил прикончить зарвавшегося банкира?

Причин, надо думать, две.

Первая — недавняя смерть Джонсона делала этот ролик куда более актуальным (ведь гибель безработного инженера-биолога за полгода успела позабыться).

Вторая (и куда более важная) — Тейлору абсолютно наплевать было на банкира и его вину. Убийство и последующая публикация разоблачающего ролика преследуют цель скомпрометировать не одного-единственного Джонсона, а все движение Синдикат.

Эдвард сжал кулаки так, что костяшки побелели.

«Если за этим действительно стоишь ты, Тейлор... я тебе не завидую».

Когда полминуты спустя он обновил страницу, браузер сообщил, что ссылка неверна и данный ролик отсутствует на сервере. Это могло означать лишь одно: Купер, как обычно, сработал виртуозно.

Однако удалением аккаунта Эдвард ограничиваться вовсе не

собирался.

«Те, кто осмелился встать у меня на пути, будут наказаны».

2031 г., Эль-Вафра, Кувейт

«Я — идиот».

Подобные мысли приходят мне на ум все чаще и чаще. Кто-то считает это взрослением, кто-то — самосознанием.

Я же считаю честностью перед самим собой.

Марина сопит на соседней койке, а я лежу и смотрю в потолок. Я поспал часа два, не больше, — внутренний будильник всегда заведен на пять тридцать — и теперь лежал, пытаюсь осмыслить, что же случилось прошлой ночью.

Хм-м-м... Секс?

И да, и нет. Хотел бы я назвать это сексом, но на самом деле это, увы, было нечто большее. Почему я так решил? После банального секса «для разрядки» ты не думаешь: «И что же с нами будет дальше?» В лучшем случае ты думаешь: «Надо будет повторить».

Но сейчас о повторении и речи не шло. Более того — будь моя воля, я бы вернулся в прошлое и предостерег себя от столь опрометчивого шага. Грядущей ночью я должен вытащить из здешней тюрьмы капитана Грина и раствориться в воздухе, навсегда забыв о девушке по имени Марина, но такое развитие событий, совершенно уместное на первый взгляд, ныне казалось мне кошмарным.

«Как можно просто взять и растоптать то, что между вами случилось?» — возмущенно вопила совесть.

Происходящее напоминало чертову экранизацию какого-то любовного романа про черствого, как сухарь, вояку, который нежданно-негаданно влюбился в беженку. Долг зовет его прочь, но рядом с этой девушкой он чувствует себя... счастливым? Пожалуй, что так.

Счастливым...

Интересно, я когда-нибудь действительно понимал значение этого слова?

«Ну и кретин же ты, Мамонт, — презрительно усмехнулся внутренний голос. — Тебе надо о задании думать, а не о телках!»

«Она не телка» — только и смог возразить я.

Мозг упрямо не хочет обдумывать грядущую операцию — лишь обреченно наблюдает за неуместными колыханиями сердца.

Марина проснулась около семи, потянулась сладостно, а потом, приоткрыв один глаз, озорно уставилась на меня.

— Давно не спишь? — хриплым спросонья голосом спросила она.

— Да нет, только проснулся, — соврал я. — Пойдем?

Она кивнула и потянулась вновь, мурча, словно кошка.

Способность думать о побеге вернулась ко мне лишь во время завтрака. Теперь я держал в голове не только модель тюрьмы, которую уже успел воссоздать в мельчайших подробностях, но и остальной город... точнее, ту его часть, где находилась каталажка и достопамятная мониторинговая комната. Эх, вот бы понаблюдать хоть немного за обитателями тюрьмы через камеры видеонаблюдения, понять, по какому режиму они живут, когда сменяются, когда едят. Это позволило бы мне избежать немало проблем, но, к сожалению, шансы снова попасть в мониторинговую были минимальны.

Впрочем, несмотря на волнительные переживания, связанные с Мариной, я уже примерно представлял, как мне действовать ночью. Получившийся план требовал от меня определенной жестокости, но иного выхода не было. На войне, как говорится, либо ты, либо тебя.

— О чем ты думаешь, Сэм? — спросила Марина, глядя, как я с отсутствующим видом перемешиваю ложкой безвкусную кашу в моей тарелке.

В столовой мы снова говорили по-английски, чтобы не привлекать к себе внимания надсмотрщиков. И не зря: пока мы ели безвкусную перловую кашу, солдаты увели еще двух мужиков лет под пятьдесят, которые громко матерились на русском.

— Да так, обо всем... и ни о чем, — пробормотал я, мельком взглянул на девушку и снова уткнулся в тарелку.

— Это из-за вчерашней ночи? — Марина коснулась моей руки. — Тебе не понравилось, да?

— Нет-нет, что ты? Ночью все было... здорово! Просто задумался обо всем этом... о войне... о том, что нас ждет завтра.

— Не ты ли мне говорил, что в подобных условиях думать о завтра глупо? — улыбнулась девушка. — Что надо жить сегодняшним днем и радоваться, что мы до сих пор живы?

— Да, так и надо, но... не всегда получается, увы. Да все нормально. — Я сжал ее руку и слегка встряхнул. — Пойдем, пройдемся?

— Ты же ничего не съел?

— Не превращайся в мою мамочку, молю, — беззлобно проворчал я. — Не поел — значит, нет аппетита.

— Ладно, не заводись, — бросила Марина и отвернулась.

Я недоуменно уставился в ее затылок. Я триста лет не был с женщиной и потому отвык не только от ласк, но и от их непредсказуемого характера. Черт, да мы три дня как знакомы, а ссоримся, как семейные пары с двадцатилетним стажем, на ровном месте, из-за плоской шутки!.. Что еще за чушь?

— Ты идешь? — спросил я, наклонившись к ней.

— Да, — буркнула Марина.

Мы молча встали и, поставив миски на стол для грязной посуды, устремились к выходу из полевой столовой. Солдаты провожали нас хмурыми взглядами — видимо, подозревали в нас русских. Я с грустной миной прошествовал мимо, не забывая, однако, подволакивать ногу, как вчера. Девушка шагала впереди, не ускоряясь, но и не позволяя мне с ней поравняться.

— Эм! — воскликнул я, разозлившись.

Она оглянулась, нехотя подошла ко мне.

— Чего тебе? — спросила, глядя на меня исподлобья.

— Я не пойму, на что ты обижаешься? — хмуро сказал я.

— Я не обижаюсь, — гневно раздувая ноздри, возразила она.

— В самом деле? А там, в столовой, что это было?

— А что там было?

— Ты отвернулась, когда я сказал тебе, что у меня нет аппетита.

— Ты был раздражен, я поняла, что к тебе лучше не лезть.

— Да не был я... — запротестовал я, когда на плечо мне легла чья-то рука.

Я буквально обмер, решив, что все, допрыгался, но тут до боли знакомый голос произнес:

— Здоров, Сэм. Как твоя нога?

Марина удивленно смотрела мне за спину.

Я начал медленно поворачиваться, уже зная, кого увижу, но все равно до последнего надеясь на что-то...

Чуда не произошло. На меня с улыбкой смотрел Ральф. Рожа у него после вчерашней пьянки была слегка помятой, но в целом выглядел он достаточно бодрым.

— Ты, я смотрю, уже нашел себе утешение? — Он стрельнул взглядом в сторону Марины и заговорщицки мне подмигнул.

Я смотрел на него, не зная, что сказать. Просто послать этого типа куда подальше я, к сожалению, не мог, но и продолжать этот разговор мне совершенно не хотелось, ведь Марина стояла рядом и все слышала.

— И правильно. — Ральф снова похлопал меня по плечу. — Жену-то уже не вернуть, а жить дальше как-то надо.

Я буквально чувствовал, как взгляд Марины жжет мне затылок. Я открыл было рот, чтобы ответить солдату, когда жжение внезапно прекратилось. Повернув голову, я увидел, что девушка спешит прочь, судорожными движениями расталкивая выстроившихся перед столовой беженцев. Я хотел окликнуть Марину, но остановил себя.

«Может, оно и к лучшему?»

Сердце рвалось следом за уходящей девушкой, но разум лишь качал головой. В те мгновения они походили на собаку, рвущуюся с поводка за податливой сукой, и строгого хозяина, который отнюдь не собирался потакать влечению активного питомца.

«Но она ведь уйдет!» — протестует сердце.

«Пусть идет, — мудро изрекает разум. — У нас есть дела поважнее, помнишь?»

И только образ сменяющейся сестры немного охлаждает мой пыл.

«Марине без тебя будет проще, — продолжает вещать разум. — А вот Джулию надо спасать, да-с...»

— Что это с ней? — спросил Ральф, удивленно глядя Марине вслед.

— Женщины, — снова повернувшись к нему, пожал плечами я. — Кто их разберет?

* * *

Богут сидел у себя в кабинете и, глядя в запертую дверь, перебирал пальцами по столешнице.

Вчера он смог допросить всех находящихся в заключении солдат Синдиката плюс двух новеньких, которых привезли только вечером. В итоге в его журнале теперь имелось три восклицательных знака (все — напротив фамилии «Портера» с пометкой «майор»), три вопросительных («потенциальные кандидаты» в лице трех лейтенантов) и около трех десятков безликих галочек («опрошено»). Ему бы гордиться собой, но чутье подсказывало Богуту, что он двигается не в том направлении.

«И с чего я вообще так уцепился за эту теорию с побегом? — размышлял австралиец. — Мамонт — профессиональный убийца, которого нанимают, чтобы устранить цель, а не для спасения пленных!»

Что-то смущало Богута. Не само предательство Мамонта, и даже не цель, столь нетипичная для русского ликвидатора.

То, что он вообще остался в Кувейте. Уж слишком рисковым и странным казался этот шаг. Тем более — для Мамонта, который, безусловно, был профессионалом высшего класса.

Мотивы Синдиката вполне объяснимы: они, вероятно, просто не располагают другим таким специалистом, чтобы послать его в кишмя кишашую легионовцами Эль-Вафру. Но сам Мамонт разве не понимает, что перебежчиков не любят ни вчерашние друзья, ни новые: первые озлоблены самим фактом измены, вторые же резонно полагают, что продавший раз продаст снова. Чтобы остаться, по сути, между двух огней, нужна определенная смелость и, главное, веский повод.

Богут сплел пальцы рук перед собой и, упершись лбом в ладони, зажмурился.

Что же вынудило тебя остаться в Кувейте, Мамонт? Может, то же самое, что подтолкнуло к предательству?

«Выясню причину — найду способ нейтрализовать тебя, старый друг...»

С того момента, как Тейлор определил для него цель, Богут постоянно размышлял о личности Мамонта. За годы службы Глен выработал у себя привычку изучать не только противников, но и союзников — на тот случай, если однажды они тоже из друзей превратятся во врагов. И теперь клочки воспоминаний мелькали перед внутренним взором в виде своеобразного слайд-шоу, где, помимо статичных кадров, фигурировали еще и целые сцены из прошлого — какие-то покороче, какие-то подлиннее. Но даже из всех перечисленных фрагментов не получилось бы сложить полноценный портрет Мамонта. Этот русский только с виду прост, но на деле все его прошлое окутано тайной. Все, что Богут знал о Мамонте, русский ликвидатор сам рассказал ему. И что из рассказанного правда, а что — вымысел, Глен до сих пор не знал.

Раздраженный собственным бессилием, Богут в сердцах стукнул по столу обеими кулаками.

Все было бы куда проще, если бы его окружали нормальные адекватные люди, а не круглые идиоты — вроде той четверки сопляков, которых отрядили дежурить в мониторинговой комнате. Вместо того, чтобы приносить пользу армии, они решили, что это — отличная возможность набухаться и пошутить над сослуживцами, чем и занялись в первое же дежурство. Отчитывая их, Богут ощущал себя школьным учителем, пытающимся втолковать оставшимся после школы двоечникам, что их расхлябанное поведение недопустимо. Разве на это он рассчитывал, когда просил полковника Уайлдера выделить ему «проверенных бойцов»?

Богут, глубоко вдохнув и сосчитав до десяти, облегченно выдохнул.

Все в порядке. Это лишь сиюминутная слабость. Он и прежде мог рассчитывать только на себя, так что — ничего нового. В чем-то так даже проще: чем меньше компонентов, тем проще механизм, тем больше шансов на итоговый успех. Тот же Мамонт был одной из главных надежд Тейлора в стремительно набирающем обороты противостоянии с Синдикатом, и во что все это вылилось?

Доверять нынешним юным «патриотам», которые выбирают между долларом от Тейлора и долларом от Эдварда? Нет уж, увольте.

Глен поднялся со стула и подошел к окну.

Так что же делать? Требовать от полковника, чтобы усилил охрану тюрьмы? Пожалуй, что так. В конце концов, именно Уайлдер утверждает, что Мамонт уже прибыл или вот-вот нагрянет в Эль-Вафру. Вот только версия с похищением кого-то из заключенных Ричарду не понравилась сразу. Кажется, впервые услышав ее из уст Богута, он нахмурился и недоверчиво поинтересовался: «На кой черт ему рисковать шкурой ради кого-то из этих неудачников?» Глен и сам считал, что военнопленные — это, по сути, отработанный материал, которых армия стремится вернуть в свое лоно скорее из соображений гуманности, чем из-за их реальной ценности. Отправлять за подобным «грузом» столь выдающегося мастера, как Мамонт, можно с одной только целью...

Чтобы от него избавиться.

Богут нахмурился, потом ухмыльнулся. Неожиданная догадка казалась абсурдной, но не лишенной определенной логики. С одной стороны, речь шла о выдающемся специалисте, способном принести немало пользы на войне. С другой — он все-таки был дезертиром, а следовательно, плевать хотел на преданность и честь. Возможно, кому-то покажется слишком расточительным избавляться от столь опытного ликвидатора после первого же выполненного задания. Но тут надо понимать одну очень важную деталь: вы не просто теряете ценного специалиста, вы в первую очередь отбираете этого специалиста у вашего прямого конкурента за кувейтскую нефть. Если вы прикарманите чей-то пистолет или иной неодушевленный предмет, он будет служить вам верой и правдой, потому что не имеет души и личных интересов. Если же вы переманили на свою сторону человека, одному Господу Богу известно, как долго он захочет быть с вами.

И потому иногда лучшее решение — убить его, пока он не предал и тебя.

Ну или вынудить его взяться за невыполнимую миссию. Каким образом вынудить? Хороший вопрос. И очень важный.

— Сэр?

Дверь приоткрылась, и внутрь заглянул рядовой с автоматом.

— Чего вам? — не приветливо поинтересовался Богут.

С годами он настолько полюбил находиться в тишине, наедине с мыслями, что приходил в бешенство всякий раз, когда кто-то нарушал его покой — пусть даже по веской причине.

— Там... сэр, я думаю...

— Да не мямлите же, говорите членораздельно! — повысил голос Богут.

— В шестой камере «ЧП»! — собравшись с мыслями, выпалил вновь прибывший и устоял на Глена.

— А подробности сообщить не судьба? — буркнул ликвидатор, поднимаясь из кресла и оглядая стол. — Вас докладывать по существу не научили, рядовой? Что там, драка? Поножовщина?

— Труп там, — ответил солдат. — Один из заключенных умер.

Богут замер.

— Какой именно?

— Говорят, какой-то... Алан или...

— Адам?

— Ну, наверное, — неуверенно пожал плечами рядовой. — Я спешил, сэр.

— За мной, — скомандовал Богут и пулей вылетел из кабинета, едва не сбив с ног застывшего в дверях солдата.

Чуть ли не бегом австралиец преодолел расстояние до лестницы и сбежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки, словно школьник, спешащий домой после уроков.

— Когда это произошло? — бросил Глен через плечо.

— Да вот, буквально минут десять назад... максимум — пятнадцать.

Возле шестой камеры уже толпились надзиратели, однако дверь была предусмотрительно закрыта — видимо, чтобы лишний раз не провоцировать находящихся внутри синдикаловцев.

— Разойтись, — прорычал Богут издали.

Солдаты спешно расступились, и ликвидатор увидел, что на полу камеры в неестественной позе лежит не кто иной, как Адам Хэнсон, майор, притворявшийся сержантом. Остальные заключенные хмуро взирали на покойника со своих коек.

— Что с ним произошло? — подойдя к решетке вплотную, громко спросил Богут.

Его пристальный взгляд скользил по лицам пленников. Многие

прятали глаза, памятуя о вчерашних допросах и наверняка догадываясь, что новых теперь не избежать.

— Я еще раз спрашиваю, — повысил голос ликвидатор. — Что с ним произошло?!

— Умер, что, — буркнул один из заключенных — парень по фамилии то ли Вест, то ли Смит, абсолютно непримечательный рядовой, который, однако, был не в меру остер на язык. — Сами не видите?

— Не надо тут умничать, — строго произнес Богут. — Мне нужны подробности. Как он умер. Когда. Важны любые детали.

Но пленники хранили молчание.

Тогда Глен снова перевел взгляд на труп. Ни на майке, ни на брюках пятен крови видно не было. Однако, посмотрев на шею покойного, Богут обнаружил, что она вся покрыта царапинами. Тогда он обратил внимание на ногти Адама, но с такого расстояния конечно же ничего особенного разглядеть не смог.

— Открывайте камеру, — повернувшись к надзирателю, принесшему весть о гибели Хэнсона, велел ликвидатор. — Мне надо осмотреть тело.

Рядовой не спорил. Он уже понял, что с суровым майором Гэбстоном шутки плохи, и потому просто молча вставил ключ в замочную скважину. Едва он открыл дверь, Богут скользнул внутрь. Опустившись на корточки, ликвидатор взял мертвеца за запястье и поднес его ладонь поближе к лицу.

Под ногтями запеклась кровь, явно видны были ошметки содранной кожи.

Глен вернул руку на место и осмотрел пол рядом с трупом. В глаза бросилась ложка и перевернутая тарелка с кашей. Перловка уже успела остыть и теперь лежала на бетоне одним грязно-серым комком. Возможно, Хэнсон ел, когда на него напали, — отсюда и выпавшая из рук тарелка.

Богут закусил нижнюю губу и насупился.

Картинка не складывалась.

Пока все указывало на то, что покойник сам исцарапал собственное горло, но почему он это сделал, до сих пор было не ясно. Возможно, его душили и он пытался из последних сил поддеть удавку? Богут еще раз придирчиво осмотрел шею Адама. Нет, удавка оставила бы след, как и пальцы, реши убийца задушить майора голыми руками. Что еще удивительнее, Портера после допроса вернули в ту же камеру, где он сидел с самого начала, а значит, рядом были те же люди, что и прежде. Мог ли у них возникнуть конфликт на почве разоблачения майора? Возможно, он накинулся на товарищей с обвинениями в предательстве?

«Хотя нет, такое предположение тоже совершенно не логично: я ведь

допрашивал сокамерников уже после него самого и он об этом знал!»

Так что же приключилось с лжесержантом? Может, Хэнсон и был целью Мамонта? Но как ликвидатор смог пробраться в тюрьму и незаметно ее покинуть? Ночью? Но Хэнсон, говорят, умер всего десять минут назад. Или он неверно понял доклад рядового?

Богут поднялся на ноги и, найдя взглядом Веста-Смита, произнес:

— Если вы кого-то покрываете, я об этом узнаю. По всему зданию установлены камеры, которые фиксируют все, что происходит внутри.

— А почему вы на меня-то смотрите? — покосившись на остальных сокамерников, спросил рядовой дрожащим от волнения голосом. — Вы что же, думаете, это я его убил?

— Пока что не исключаю, — холодно ответил ликвидатор.

— Да его вообще никто не трогал, — подал голос еще один пленник — сержант Крауч, кажется, так звали этого типа.

— Черт, может, хватит ходить вокруг да около? — зло сверкнул глазами Богут. — Ваше положение, парни, и без того незавидное, так вы еще больше все усложнить хотите, что ли?

Сержант и рядовой обеспокоенно переглянулись, и, как показалось Глену, Крауч едва заметно кивнул младшему по званию.

— Мы не хотим рассказывать только потому, что вы нам вряд ли поверите, — со вздохом произнес Вест-Смит.

— Попробовать стоит, сечешь? Я все равно перепроверю сказанное, но на это надо время, так почему бы не ускорить процесс?

— А какая нам выгода его ускорять? — снова вклинился в беседу Крауч. — Мы ведь, кажется, никуда не спешим.

Повернув голову на голос, Богут быстрым шагом устремился к сержанту. Тот от неожиданности растерялся и инстинктивно втянул голову в плечи, ожидая самого худшего. Однако Богут лишь наклонился к нему и, глядя прямо в глаза, процедил:

— Ты сейчас на моей земле, сынок. По щелчку пальцев тебя выведут отсюда и расстреляют за ближайшим углом. А если ты вдруг решил, что пленные неприкасаемы, то это ты очень зря. Ты ж не слышал, небось, что вчера днем ваши орлы уничтожили грузовик с нашими ранеными? Чего побледнел? Ваши как будто сами нам руки развязали, ага. Я, веришь-нет, еле сдерживаюсь, чтоб на месте тебя не придушить.

Сказав это, Богут выпрямился, презрительно посмотрел на бледного сержанта сверху вниз и спросил:

— Надеюсь, теперь вам ясно, почему соображать надо побыстрее?

— Д... да, вполне, — шумно сглотнув, отозвался Крауч.

— В таком случае я спрашиваю уже в четвертый раз, — прорычал Глен, обводя заключенных хмурым взглядом.

Они сидели, ни живые ни мертвые, и терпеливо впитывали его угрозы, хотя, Богут готов был спорить, каждый из присутствующих в тот момент больше всего на свете мечтал свернуть ему шею. Воздух буквально трещал от всеобщей ненависти, но Глен прекрасно понимал, что ни один из присутствующих не решится воплотить эту грезу в жизнь — уж больно неравны их силы.

— Он взял тарелку с кашей, — хриплым от волнения голосом произнес сержант, вновь привлекая внимание ликвидатора. — Потом сел на койку, начал жрать. Смотрю — пару весел съел, выронил тарелку с ложкой, за горло схватился. Мы к нему, а он — на пол, лежит и губами шлепает, как карась. Царапать себя начал... ну вон у него, на шее.

«Выходит, Мамонт тут ни при чем?.. Или выводы делать слишком рано?»

— И что потом? — нетерпеливо спросил Глен, видя, что сержант не спешит продолжать рассказ.

— Ну и все потом, в общем-то, — пожал плечами Крауч. — Билл, — кивок в сторону Смита-Веста, — пульс проверил — нет пульса. Помер, стало быть. Давай охрану звать. Ну, пришла охрана. Потом за вами, наверное, побежали. А мы его больше не трогали... ну, только вот Билл пульс проверил, как я уже сказал.

— Так, по-вашему, его что же, отравили? — уточнил Богут.

— Не знаю. Может, у него просто аллергия на перловку или вроде того, — пожал плечами сержант. — Но выглядело это так, будто дело в каше.

Теперь ликвидатор смотрел на серый комок на полу с куда большим интересом.

«Можем ли мы проверить, есть ли в ней какая-нибудь отравка?»

Ну да, в Эль-Вафре ведь на каждом углу современные лаборатории с кучей грамотного персонала...

— А вам не кажется, парни, что подмешивать яд в кашу, чтобы отравить обычного сержанта, как-то слишком? — спросил Богут, вновь поворачиваясь к пленникам.

Они заметно разнервничались, стали переглядываться, будто заговорщики.

— В чем дело? — нахмурился Глен. — Что вас так взволновало?

Заклученные прятали глаза, многие сидели, уткнувшись взглядами в пол и скрестив на груди руки.

— Спорим, я знаю, в чем причина вашего беспокойства? — спросил Богут с приторной улыбкой сытой акулы, которая кружит вокруг жертвы не с целью «сожрать», а развлечения ради. — Вам всем известно, что он, — австралиец мотнул головой в сторону трупа, — не был сержантом. Верно?

Удивление, страх, паника — вот что читалось практически в каждом взгляде, невольно брошенном в его сторону. С трудом сдерживая победную улыбку, Глен продолжил:

— Да что там сержантом — он и Портером ведь не был на самом деле. Больше всего меня оскорбляло, что Адам Хэнсон отчего-то не слишком любил распространяться о своем весьма достойном звании в беседах со мной и прочими представителями Легиона... о чем и вас, надо думать, предупредил — ну, чтобы вы не ляпнули ничего лишнего во время допроса, так ведь?

Молчание. Они растеряны и напуганы. Смерть, как видится каждому из них, уже занесла косу, и теперь нужно всего одно молниеносное движение, чтобы отделить душу от брэнного тела.

Одно слово — и их выволокут из камеры и убьют, наплевав на все негласные законы войны. Пленники не знали, правда ли, что Синдикат уничтожил грузовик с ранеными солдатами Легиона, — к тому моменту, когда это случилось, они уже находились в тюрьме Эль-Вафры. Однако, глядя в хмурое лицо дознавателя, заключенные отчего-то не сомневались, что этому типу можно и, более того, *нужно* верить.

— Вы как-то разом стали неразговорчивы, — продолжал вещать Богут. — Может, вас мучает совесть? Да нет, с чего бы? Вы же покрывали не абы кого — сослуживца!.. Так что здесь нет ничего предосудительного, даже напротив. По-мужски. Брат за брата. Я и сам бы так поступил.

С этими словами он развернулся и вышел из камеры.

— Закрывать, сэр? — осторожно спросил достопамятный рядовой.

— А труп ты там оставишь? Для красоты? — хмуро поинтересовался Глен. — Передайте его в лазарет, чтобы похоронили вместе с нашими умершими. Заодно, если вдруг им по силам, пусть попробуют определить причину смерти. А вы, — ликвидатор обернулся к заключенным, — подумайте еще хорошенько. Ложь во спасение сослуживца я вам, так и быть, прощаю. С пониманием, так сказать. Но если узнаю, что вы солгали мне о причине его смерти, обещаю, это будет последней ложью в вашей жизни.

Сказав это, Богут развернулся и устремился к выходу из тюрьмы, провожаемый доброй дюжиной взглядов.

Когда он со всего размаху опустил на дверь мониторной пудовый

кулак, казалось, она просто вывалится вместе со стеной, в которую встроена, — столько силы вложил Глен в этот удар. Он сдерживал гнев, беседуя с надзирателями и заключенными, чтобы не упустить ни одной важной детали. Но теперь, стоя у входа в мониторную, ликвидатор наконец дал волю эмоциям.

Он был взбешен тем фактом, что четверка ротозеев снова его подвела. Богут вовсе не требовал, чтобы они все разом сидели и пялились на экраны, это было просто не нужно. Но хотя бы один-то должен у мониторов дежурить и своевременно сообщать о важных происшествиях — таких, например, как смерть одного из заключенных.

Да и на требовательный стук в дверь обитатели комнаты откликнулись не сразу. Богуту понадобилось минуты две, не меньше, чтобы привлечь к себе внимание. Наконец он услышал, как щелкнул замок, и, не дожидаясь, пока ему откроют, сам рванул дверь на себя.

Стоящий на пороге ушастый солдат больше походил на ожившего мертвяка, чем на доблестного солдата Легиона: мешки под глазами, сами глаза — стеклянные, взгляд рассеянный, движения — вялые и заторможенные. Про китель с форменными брюками и говорить нечего — мятые, как из задницы.

При виде майора Ушастый, однако, спешно собрался с духом и даже смог вытянуться в струнку... пусть и дрожащую, будто под умелым смычком маэстро.

— Доброе утро, сэр, — проямлил солдат и стыдливо потупил взор, понимая, как глупо он выглядит.

— Я не понял, рядовой... — смерив собеседника хмурым взглядом, прорычал Богут. — Я вас что, мало ночью гонял?

Рядовой невольно поежился, вспомнив, как они вчетвером битых два часа нарезали круги вокруг здания мониторной, пытаясь выгнать из организма алкоголь, а «проклятый майор Гэбстон», сложив руки на груди, хмуро наблюдал за потугами солдат, стоя на крылечке.

— Нет, сэр.

— Тогда почему лицо такое перекошенное? А? Опять бухали?

— Не... — Ушастый громко икнул и, залившись краской, спешно прошептал:

— Нет, сэр.

Богут обреченно закатил глаза. Нет, надо обязательно сказать Уайлдеру, чтобы отрядил ему в помощь кого-то понадежнее. Четверо ротозеев, судя по всему, приехали в Кувейт лишь для того, чтобы заработать денег и хорошо провести время. Их не волновали ни победы, ни

поражения, было бы только пиво да диван, чтобы на нем, перепив, отсыпаться...

— Почему вы не доложили о случившемся в шестой камере? — спросил австралиец, безо всякого энтузиазма глядя на растерянного собеседника.

— А... у нас тут это... типа, технические неполадки... — сжавшись и, кажется, разом став меньше ростом, проскулил рядовой.

— Чего? — не поверил ушам Богут.

Оттолкнув продолжающего бормотать солдата в сторону, ликвидатор шагнул внутрь. На диване безмятежно храпел рыжий здоровяк, а на всех без исключения экранах плясали черно-белые помехи.

— Что еще за чертовщина? — оторопело глядя на мониторы, спросил Глен.

— Я про это вам и пытался сказать... — пискнул Ушастый, однако под строгим взглядом старшего дознавателя спешно заткнулся.

Богут подошел к дивану и устался на спящего Рыжика. Время уже к десяти, а он дрыхнет, как убитый.

«Вот это дисциплина!..»

— Подъем, сопляк! — рявкнул Глен так, что стекла в окнах зазвенели.

Веснушчатый бедолага от неожиданности аж подпрыгнул и чуть не свалился с дивана.

— А? Что? — распахнув глаза, он заозирался по сторонам, пока не встретился взглядом с хмурым Богутом. — Майор... Сэр...

— Встал, живо! — продолжал орать Богут. — И ты, рядовой, сюда!

Спустя считанные секунды Ушастый и Рыжик, понурившись, стояли у дивана, а дознаватель, сложив руки за спиной, мерил шагами комнату и с неодобрением косился на подчиненных.

— Почему связь с камерами пропала? — наконец осведомился майор.

Солдаты переглянулись и ответили нестройным дуэтом:

— Не могу знать, сэр.

— Как давно это случилось, вы вообще в курсе? Или вы опять все проспали?

— Нет, сэр, что вы, мы не спали! — заверил Ушастый.

— Точнее, спали, но только по очереди, — вставил Рыжик.

— А где остальные двое?

— Наверное, пошли завтракать, — вновь подключился к разговору Ушастый.

— «Наверное»? — переспросил Глен.

Он чувствовал себя героем дешевой армейской комедии, таким

озлобленным офицером, который гоняет тупых рядовых. И это, по мнению Уайлдера, «элита», которой можно доверить «любое важное задание»?..

— Я повторяю вопрос, идиоты, — процедил Богут, с трудом сдерживаясь, чтобы не поколотить стоящих перед ним кретин. — Как давно пропала связь?

— Буквально с полчаса назад, — наморщив лоб, припомнил Ушастый. Глен бросил взгляд на мониторы.

Так может, это умышленная диверсия? Ну, чтобы не сохранились записи инцидента? Но ведь помимо камер есть еще надзиратели в самой тюрьме, есть, в конце концов, сокамерники покойного Хэнсона, на глазах которых он и умер.

Или кто-то из них замешан в случившемся?

— Мы думаем, это крысы, — набравшись храбрости, сказал Ушастый.

— Что? — не понял Богут: он был слишком погружен в собственные размышления, чтобы с ходу переключиться. — Ты о чем?

— О крысах, — терпеливо пояснил тот. — Мы думаем, это крысы где-то кабель перегрызли.

— Какие, к черту, крысы? — пробормотал Глен, ошарашенно глядя на стоящего перед ним рядового.

— Ну... обыкновенные, сэр. Которые грызут все подряд. У нас, помню, как-то всю проводку сожрали...

— В шестой камере заключенного убили, — ледяным тоном произнес Богут. — По-твоему, крысы перегрызли кабель, а потом прикончили пленного солдата?

— Н-н-нет, сэр... — разом сник Ушастый. — Я не это хотел сказать.

— Сокатерники утверждают, что кто-то подсыпал отраву ему в кашу. Мне кажется, они что-то недоговаривают. Вот я и пришел к вам, чтобы посмотреть запись... и что я вижу?

Они снова потупили взгляды и уставились в грязный пол.

— Простите, сэр... — заискивающе пробормотал Глен.

— К черту прощение, — поморщился Богут. — Разберитесь с чертовым кабелем, а я пока навещу вашего взводного, чтобы заменил вас на более ответственных солдат.

С этими словами он, невзирая на робкие протесты, вышел из мониторной.

«И почему я должен возиться с этими щенками? — думал Богут, шагая к зданию тюрьмы. — Я ехал сюда убивать Мамонта, а не нянчить тупоумных солдат, которых Тейлор, судя по всему, набирал по объявлению на каком-то затрапезном форуме!».

Нет, разумеется, подобные сопляки были и в Афганистане, и в Иране, но правили бал истинные патриоты вроде самого генерала, Богута и Ричарда Уайлдера — те, для кого война была жизнью, а победа — ее смыслом. Те, кто готов был умереть за свою страну... а не искал способ увильнуть от служебных обязанностей и прикорнуть при первой возможности. Сопляки не понимают: тут не учебка, а зона боевых действий. Наверное, чтобы до них дошла вся серьезность происходящего, должно случиться нечто серьезное, вроде вооруженной атаки или реального побега. Что-то, что заставит этих вальяжных щенков обделаться от страха и, невзирая на потяжелевшие штаны, защищать свой лагерь и собственную жизнь.

«Долбанные тепличные детишки».

Глава 4. Резонанс

2031 г., Нью-Йорк, США

По старой традиции Авессалом не спешил подходить к телефону. Он называл это «проверкой терпения», ведь тот, кому Блэйд нужен не слишком, вряд ли станет слушать длинные скучные гудки в течение двух-трех минут.

Эдвард слушал — потому что хорошо знал Авессалома. По крайней мере, лучше, чем большинство живущих на Земле людей.

— Слушаю, — наконец отозвался наушник.

Уоррен мог не узнать сам голос, но характерные интонации Блэйда нельзя было спутать с чьими-то еще: абсолютно бесстрастный, отсутствующий, каждый слог буквально вопит: «Мне на вас плевать!»

— Это Эдвард.

— Какой приятный сюрприз, — без тени эмоций ответил наушник. — Чем обязан твоему звонку?

— Я получил твое письмо.

— И?

— И нашел отправителя.

— Довольно быстро, — отметил Авессалом, сохраняя полное, даже чрезмерное спокойствие, которое способно было вывести из себя любого неподготовленного человека...

Но только не Эдварда.

Она слишком хорошо знала Блэйда, чтобы обижаться на такую мелочь, как полное равнодушие. Уоррен часто представлял себе его физиономию во время любого их разговора — абсолютно непроницаемую, с вековой тоской во взгляде ярко-голубых глаз и поджатыми губами. Втайне глава Синдиката мечтал стереть эту чертову каменную гримасу с лица старого знакомого, но до сих пор ему подобный трюк не удавался ни разу.

— Ну, ты ведь знаешь, для моих людей это — пара пустяков, — в тон собеседнику ответил Эдвард.

— Повезло тебе с ними. Что собираешься делать?

— Увидишь, — сказал Уоррен с торжествующей улыбкой и отключился.

Не прошло и пяти секунд, как на электронную почту упало письмо с

одним-единственным словом: «Расскажешь».

2031 г., Вашингтон, США

Сержант Пол Рассел бежал.

Он любил бегать. С тех самых пор, как научился ходить, будущий сержант полиции только и делал, что носился повсюду ураганом, — столь же стремительный, столь же разрушительный. Отец вечно хвастался, что сносил три ремня, пока вырастил из сорванца настоящего человека. И хоть порка никогда не доставляла маленькому Полу удовольствия, повзрослев, он понял, что для папани это был единственный возможный способ удержать не в меру активного сына в узде.

Теперь Рассел бегал только в двух случаях — либо для поддержания формы, либо чтобы куда-то успеть.

Сейчас был как раз второй случай.

Несмотря на жару и темп, который сержант выбрал, его серая толстовка с капюшоном и майка под ней были сухими и пахли стиральным порошком так сильно, будто негр только что забрал их из химчистки. Девушки, мимо которых Рассел проносился, томно улыбались ему, а парни с завистью смотрели сержанту вслед — у них-то всегда не доставало силы воли, чтобы заняться собой, в отличие от этого подтянутого типа. В иной день Пол обязательно победно улыбнулся бы в ответ на многочисленные взгляды, но сегодня был совершенно не подходящий для смеха день.

Даже небо казалось не по-летнему серым. Пузатые грозовые тучи нависли над Вашингтоном и приготовились обрушить на город всю накопленную влагу разом. Странно, а ведь когда сержант выходил из дома, ничто не предвещало беды — стояла удушливая жара, такая типичная для нынешнего лета, что ей уже давно никто не удивлялся.

Покосившись в сторону предгрозового неба, Рассел скрипнул зубами и ускорился.

Мокнуть под дождем в его планы не входило.

* * *

В метро, как обычно в это время суток, было чертовски людно.

Толпа протащила детектива Тернера через эскалатор — он едва успел приложить карточку к считывающему диску — и буквально внесла в вагон

только-только подъехавшей электрички, припечатав к надписи «не прислоняться» кучерявым толстяком в потной майке с логотипом «Марвел» на груди.

«Долбанные фанаты комиксов», — подумал Ларри, глядя на взъерошенные волосы парня и его красно-желтые кеды, которые, видимо, должны были подчеркивать его сходство с Железным Человеком.

Электричка тронулась с места, и жирдяй, не успев схватиться за поручень, буквально размазал детектива по стеклу.

— Поаккуратнее, пончик, — раздраженно процедил Тернер и, когда толстяк с недовольной миной оглянулся через плечо, продемонстрировал ему полицейский жетон.

Это сработало: заметно побледнев, обожатель Тони Старка поспешно ретировался в направлении противоположной двери. Ларри провожал его хмурым взглядом, старательно пряча облегчение.

«А ведь если он кого-то раздавит, этот вагон станет местом преступления и я точно опоздаю на вторую игру финала» — с тревогой подумал детектив.

После фиаско в матче-открытии «Уизардс» должны обязательно побеждать, иначе их вполне может ждать «сухарь» от действующих чемпионов из Лос-Анджелеса. Тернер с наслаждением представлял себе, как Джокард, лучший игрок столичных «волшебников», кладет победную «трешку», когда внезапно ощутил на себе чей-то пристальный взгляд. Повернув голову, детектив увидел мужчину лет сорока пяти в стильных очках, который при виде мрачной физиономии Тернера спешно уставился в газету. Что еще за фрукт, подумал Ларри, скептически глядя на странного незнакомца. Просто любопытный горожанин? А может, принял Тернера за кого-то другого?

«Чертова паранойя...»

Решив, что пялиться на очкарика в ответ тоже не дело, Ларри отвернулся к окну. Они как раз вынырнули из тоннеля и теперь неслись по открытой местности навстречу новой «пещере». До нужной детективу станции было еще прилично, и он собирался провести это время, предвкушая грядущую игру, а не выискивая в толпе людей коварного шпиона.

За окном начинался дождь.

Тучи разразились ливнем буквально в тот момент, как вылизанный до блеска металлически-зеленый «додж» капитана Барнса выезжал с подземной стоянки управления. Капли дождя застучали по поверхности капота, крыше, багажнику, а стекла моментально покрылись испариной. Капитан, чертыхаясь, включил печку и «дворники», чтобы видеть хоть что-то.

Барнс никогда не был лихачом, а в дождь и вовсе старался перемещаться с черепашьей скоростью, хотя оживленные улицы столицы такой стиль езды откровенно презирали. Стоило капитану занять крайнюю правую и поползти по ней в направлении дома, как неугомонные любители четвертых и пятых скоростей начинали остервенело сигналить ему в спину и демонстративно проноситься мимо, мигая задними фарами, — смотри, мол, как надо, улитка зеленая.

Впрочем, Барнсу было наплевать на мнение этих лихачей. Капитан знал, что, с какой бы скоростью он ни ехал, дома его все равно будут ждать жена, вкусный ужин и горячая ванна, и потому медленно, но верно, без лишних рисков, двигался навстречу цели.

В глубине души он с давних пор терпеть не мог «вечно спешащих» горожан, которые своей идиотской спешкой только усложняли жизнь себе и окружающим. Вот один тебя обогнал, за ним второй, третий... Миг — и лихачи уже скрылись за поворотом. А потом, буквально минуту спустя, ты сворачиваешь туда же и обнаруживаешь, что все трое столкнулись на подъезде к очередном светофору. Ты смотришь на разбитые автомобили, слышишь стон одного из водителей — у него не сработала подушка безопасности, и он при ударе сломал нос об рулевое колесо — и думаешь про себя: «Ну и куда было так спешить?» Или: «Неужели никчемные полминуты стоят сломанного носа?»

И дай бог, если все живы. Если они стоят на здоровых ногах и, глядя на горы металлолома, в которые превратились их машины, чешут в затылках здоровыми руками. Куда хуже, если кого-то сплющило вместе с тачкой и все последующие годы этот бедолага будет перемещаться на инвалидной коляске и проклинать свою неумную жажду скорости.

А еще ужаснее, когда из-за подобных тварей страдают честные трудолюбивые люди.

Подобных козлов Барнс готов был убивать собственными руками.

Сегодня Паттерсону свезло освободиться пораньше, и он не собирался тратить время понапрасну. Дома его ждали жена с дочкой, и агент летел к ним на всех парах, огибая на своем угольно-черном «шевроле» надоевших тихоходов.

«Черт, это ведь Вашингтон. Гребанная столица Штатов. Как можно плестись по шоссе с такой черепашьей скоростью?»

Проскочить светофор на мигающий зеленый не удалось, и Паттерсон резко ударил по тормозам и в сердцах хлопнул ладонями по рулю.

«Нэнси уже наверняка собралась и теперь кружит вокруг Клары, как юла, — думал агент, глядя наружу сквозь залитое дождем лобовое стекло. — А Клара нервничает, смотрит на часы и хмурится. Сейчас буду икать...»

Светофор нехотя переключился с красного на зеленый. «Шевроле» сорвался с места, словно охотничья ищейка, учуявшая добычу, и понесся вперед, ревя мотором.

Кто-то скажет, что десять лет — не такой уже великий срок для брака, но, черт возьми, большинство знакомых агентов и на этот «подвиг» оказались не способны. Причем Паттерсон не брал в расчет самых причудливых индивидов, которые с самого начала жили в гордом одиночестве, не в силах отыскать «родственную душу». Речь шла о рядовых агентах, в голове которых было не так уж много тараканов, чтобы их называли «причудливыми». Так вот даже эти самые, рядовые, агенты, как правило, не могли сохранять брак дольше четырех лет. И этот срок — четыре года — Паттерсон взял не с потолка, а из вполне себе официальной статистики, которая велась специальным отделом вот уже сорок с лишним лет.

А они вместе уже десять. То есть, в два с половиной раза дольше обычного.

Подумать только!..

Раньше Паттерсону даже год казался внушительным сроком, но теперь, десять лет спустя, он понимал, что это — всего лишь одна из множества ступеней, по которым им с Кларой еще только предстоит пройти.

И то, что рядом с ними есть еще и чудесная улыбчивая девочка Нэнси, только добавляет энтузиазма.

— Ну давай же, давай... — прошипел Паттерсон, сигналив плетущемуся впереди «доджу» металлически-зеленого цвета. — Поторапливайся, старик...

Столик в «Лафайете» был заказан на семь, и время уже поджимало.

* * *

Рассел любил дождь. По крайней мере, он нравился ему куда больше изнуряющей жары, которая сжигала Вашингтон этим летом. Но именно сейчас ливень был абсолютно не к месту.

Толстовка и майка насквозь промокли, как и черные носки, и даже стельки в кроссовках. Каждый шаг сопровождался омерзительным чавканьем, будто негр не по городу бегал, а по болоту.

Единственное, что его утешало, — он был уже близко, очень близко.

Одна-единственная мысль крохотным молоточком стучала в висок: «Только бы успеть!»

Он пронесся по пешеходному переходу на мигающий зеленый и заслужил раздраженный сигнал водителя угольно-черного «шевроле», который, похоже, тоже хотел куда-то успеть.

— Иди к черту! — беззлобно бросил ему вслед Рассел и побежал дальше, периодически глядя на часы, украшавшие его левое запястье.

* * *

— Долбанный черномазый... — проворчал Паттерсон, оглянувшись на спешно удаляющегося мускулистого негра. — Выбрал же время для пробежки...

А ливень бил по асфальту все сильнее и сильнее, как будто небеса за что-то прогневались на обитателей столицы и решили сравнять ее с землей.

Лежащий на пассажирском сиденье мобильный взывал голосом классического рок-певца Мика Джаггера, на творчество которого будущего агента ФБР посадил отец, Паттерсон-старший. «Федерал» бросил взгляд на экран — «Клара» — и, чертыхаясь, приложил трубку к уху.

— Да, дорогая? — воскликнул агент, стараясь, чтобы по голосу жена не поняла, как он раздражен. — Да, еду! Уже подъезжаю! Давай, давай... Что? Да, без проблем. Все, давай, мне надо следить за дорогой... Люблю вас, родные мои...

Сказав это, он сбросил вызов и швырнул телефон обратно на кресло.

А потом в левый бок его угольно-черного «шевроле» на полном ходу врезался грузовик.

* * *

«Ну вот, еще двое откатались!» — с глубоким удовлетворением отметил Барнс, проезжая мимо очередной аварии: чудовищный грузовик, мигая «аварийками», страстно обнимал капотом покосившийся фонарный столб, а черный «шевроле» лежал на боку на противоположном бордюре. Пострадавшую легковушку капитан помнил прекрасно — буквально три минуты назад она так яростно хотела его обогнать, что чуть было не снесла боковое зеркало.

«И куда было так спешить?»

Вокруг «шевроле» уже собирались зеваки с телефонами и планшетами. Вызывать службу спасения не торопились — куда важнее было снять случившуюся трагедию на видео и запостить в блог прежде, чем это сделают другие. Капитан мимоходом и сам всерьез задумался, а не сделать ли пару снимков для соцсети — уж больно колоритно смотрелась дорогая спортивная машина на тротуаре, — однако решил не создавать пробку, тем более что сзади опять увлеченно начали сигналить. Обогнув поцеловавшийся со столбом грузовик, «додж» неспешно устремился в направлении капитанского дома.

Телефон в кармане начал вибрировать, но Барнс не обратил на него никакого внимания: он с самого первого дня в автошколе усвоил, что по мобильнику за рулем лучше не трепаться — слишком уж отвлекает это от дороги.

* * *

Вынырнув из подземелья, Тернер устремился к своему дому, который находился буквально в пяти минутах от входа в метро. Дождь, судя по всему, и не думал утихать: шуровал вовсю, и детектив за считанные мгновения промок до нитки.

«И какого черта я не взял с собой зонтик? Видел же вчера прогноз...»

Очередная капля подло нырнула за воротник и шустро устремилась вниз, вдоль хребта, заставив Тернера болезненно поежиться. Скрипя зубами, детектив перешел на бег. На ходу вытащив из кармана связку ключей, он взлетел на крыльцо и спешно нырнул в подъезд под мелодичное пение домофона. Затем детектив вбежал по лестнице, на ходу стряхивая с волос дождевые капли, и замер у двери в свою квартиру.

Она была не заперта.

Тернер отступил на шаг, нахмурился, пытаясь вспомнить утро. Он никуда не спешил, вышел, как обычно, и, пусть голова была занята самыми

разными мыслями, никак не связанными с дверью, вряд ли мог забыть повернуть ключ в замке.

Получается, ее открыл кто-то другой?

Но единственный экземпляр был только у Тернера. Дубликат он последний раз держал в руках без малого восемь лет назад, когда бывшая жена швырнула его детективу в лицо, прежде чем с чемоданом под мышкой отправиться к матери в Вайоминг, что в Мичигане. Ларри хорошо помнил, что случилось после: напившись в одном из дешевых баров, среди сброда, который привычнее было видеть по другую сторону тюремной решетки, он дошел до Арлингтонского моста и зашвырнул связку ключей прямо в темно-синюю гладь реки Потомак. Из нее порой вылавливали разбухшие трупы, случалось, даже проржавевшие кузова сгоревших автомобилей оттуда вытаскивали. Однако детектив никогда не слышал, чтобы кто-то находил на дне реки выброшенные ключи. А даже если допустить, что такое возможно, совершенно не понятно, как таинственный «ныряльщик» мог определить, какую дверь эти ключи открывают? Само по себе подобное предположение казалось настолько глупым, что Тернер поспешил скорее о нем забыть. Запустив руку в карман, он достал мобильник и набрал номер Паттерсона, однако компьютерный голос бесстрастно сообщил, что телефон абонента выключен.

«Может, до него уже добрались?» — с замиранием сердца подумал Ларри.

Вытащив из кобуры под мышкой пистолет, он взялся за ручку и потянул дверь на себя. Детектив знал, кого мог разозлить своей дерзостью, но даже не предполагал, что именно поджидает его внутри.

Ступая мягко, будто пума, Тернер прошел мимо полки с обувью и крючков на стене, из которых занят был всего один — его зимней курткой. Услышав странный скрип, донесшийся из единственной жилой комнаты, детектив замер. Одновременно с шумом отпали последние его сомнения: в квартиру действительно проникли. Кто именно? Этот вопрос по-прежнему оставался открытым.

От волнения у Ларри перехватило дыхание. Не удержавшись, он шумно сглотнул и тут же испугался — не привлек ли он внимание нежданного гостя? Судя по всему, нет, хотя незнакомец мог сделать определенные выводы и затаиться.

Интересно, он вообще там один или к Ларри в дом забралась целая банда?..

«К черту дурацкие домыслы! — разозлился на себя Ларри. — Какой смысл стоять и накручивать себя, если можно просто один раз взглянуть?»

Однако, как ни пытался он успокоиться, поджилки его все равно предательски тряслись. В последний раз Тернер оказывался в подобной ситуации, еще будучи зеленым юнцом. Тогда он грезил о блестящей карьере в полиции и, не дожидаясь подмоги, полез в заброшенный дом, где засел сбежавший грабитель, дабы самолично его задержать. В итоге Ларри получил не медаль и не повышение по службе, а досадное сквозное ранение в правое плечо, да еще и упустил опасного преступника. И пусть отсутствие свидетелей его неуместного героизма спасло детектива от выговора и иных санкций, тот случай послужил Тернеру хорошим уроком. Впредь он не лез на рожон без особой надобности, памятуя о досадном ранении, которое, окажись стрелок чуть более метким, могло стать для полицейского роковым.

Но сейчас Ларри *вынужден* был рассчитывать только на себя. О, как он хотел, чтобы агент Паттерсон составил ему компанию!.. Но мобильный «федерала», увы, не отвечал.

Облизав пересохшие губы, детектив поднял пистолет на уровень груди, после чего резко шагнул в дверной проем и воскликнул:

— Полиция! Всем...

Он осекся на полуслове.

— Привет, старина, — сказал сидящий на кресле Рассел.

В правой руке его темнел «пустынный орел».

* * *

Напевая под нос незатейливую песенку, не покидавшую эфир столичных радиостанций последние пару недель, Барнс нажал кнопку с черной стрелкой «вниз» и, пригнув голову, вышел из гаража. Шагая к крыльцу, он поигрывал брелком и даже слегка пританцовывал в такт ритму, звучащему в его голове.

— Привет, сосед! — приложив руки ко рту на манер рупора, проорал капитан.

Седовласый пенсионер Флеймуд был всецело занят поливкой чахнувшего под солнцем газона и потому от неожиданности едва не выронил шланг. Скрипнув зубами, старикан одарил Барнса недовольным взглядом и нехотя проворчал в ответ:

— Привет, привет...

Многие, в том числе и Флеймуд, считали капитана странным и даже слегка недалеким. На самом же деле Барнс просто предпочитал находиться

в чудесном выдуманном мирке, из которого выныривал в реальность лишь изредка и всегда с неохотой. В том прекрасном фантастическом мирке капитана вечно играла его любимая музыка, все казалось ярким и увлекательным, тогда как реальность угнетала беспросветной серостью, скучностью и миллиардами бумаг, которые приходилось подписывать и, что еще хуже, иногда даже читать.

По счастью, жена детектива была, вероятно, единственным человеком на свете, которой нравились причуды ее супруга. А о большем шеф полиции и не мечтал.

— Карен, я дома, — промурлыкал Барнс, проворачивая ключ в замке и распахивая дверь.

Секунду спустя грянул взрыв, который прервал песню капитана, а вместе с ней — и его жизнь.

* * *

— Что ты здесь делаешь, Рас? — спросил Ларри, стараясь, чтобы голос его звучал спокойно.

Пистолет он, впрочем, опускать не спешил, и ствол его «глока» продолжал смотреть на развалившегося в кресле Рассела.

— Хочу спасти твою брехливую задницу, — без обиняков заявил сержант.

— Это не ответ.

— Для лжеца сойдет и такой. — Не обращая внимания на пистолет в руке детектива, гость наклонился вперед, облокотился на колени и хмуро посмотрел на хозяина квартиры исподлобья. — Радуйся, что я с годами стал поспокойнее, старик. Лет пять назад я бы тебе зубы за подобное выбил.

— Кончай ходить вокруг да около, Рас, — поморщился детектив. — Я слишком взволнован, чтобы догадываться, о чем ты толкуешь.

— Как будто это не очевидно!.. — фыркнул сержант.

— Представь себе, нет.

— Ты соврал насчет флэшки, старик.

— С чего ты взял?

— Да с того, что твое видео взорвало чертов «ютьюб»! — раздраженно воскликнул негр. — Или ты продолжишь врать и скажешь, что его, типа, залил не ты, а капитан Барнс?

— А тебе, прости, какая вообще разница, кто залил то видео? Как это

вообще связано с тем, что ты вломился в мою квартиру и сейчас сидишь в моем любимом кресле с пистолетом в руках?

— Да так, что я тоже в этом всем замешан. И, раз так, имею право знать правду.

— Ни в чем ты не замешан. И я уже рассказал тебе правду.

— Не всю, старик, не всю. Ты что-то явно утаил.

— Обо всем, что я утаил, ты и сам догадался — на самом деле я никому не передавал ту флэшку. А вот то, что ее увидел кто-то из твоих людей, — тут, бесспорно, мой промах.

— У тебя промах на промахе, мужик, честно тебе скажу, — покачал головой негр. — Почему ты не сказал мне сразу?

— Что известно двоим, то известно всем, — пожал плечами детектив. — Я поступил так на свой страх и риск.

— А видео? Кстати, может, уже опустишь пистолет? Если тебе так спокойнее, я тоже свой спрячу. — Сержант нарочито медленно отправил «пустынного орла» в уютное «гнездышко» под мышкой. — Так кто залил видео? Ты? Или твой приятель из ФБР?

— Паттерсон? Нет. Он вообще не при делах. Я все сделал сам, — со вздохом признался детектив.

Он тоже убрал пистолет в кобуру и, пройдя к окну, оперся на подоконник. Жалюзи были задернуты, и потому Ларри не боялся, что его приметит гипотетический снайпер Эдварда.

— Как считаешь, они могли на тебя выйти? — после паузы длиною в вечность уточнил Рассел.

— Вряд ли, хотя я, конечно, не знаю, на что они способны, — пожал плечами детектив. — Я воспользовался одноразовым мобильником, залил файл и выкинул его в мусорку.

— Но что ты скажешь Барнсу? Он ведь не дурак. Сложит два и два...

— Барнс... — эхом повторил Ларри. — Он, конечно, может что-то заподозрить, но никаких доказательств моей вины не существует. Даже если он каким-то образом раздобыл бы мобильник, с которого я заливал файл, это никак не доказало бы мою вину — на нем ни отпечатков, ни других фрагментов ДНК.

Их телефоны взорвались рингтонами почти синхронно, с разницей буквально в несколько миллисекунд.

— Что еще за черт? — нахмурившись, пробормотал Рассел.

Ларри пожал плечами.

— Офицер Кларк? — пробормотал он, пытаясь вспомнить, о ком идет речь.

— Офицер Палтон... — недоуменно глядя на трубку в руке, удивленно промолвил негр.

— Что случилось, Клайд? — спросил детектив, поднеся трубку к уху.

— Рассел на проводе! Да! Да... Что?..

Новость поразила в самое сердце. Ларри бросил взгляд на сержанта, который в тот момент больше напоминал восковую фигуру из музея мадам Тюссо, чем живого человека. С превеликим трудом Рассел нашел в себе силы преодолеть оцепенение и покосился на детектива. Вид у него был, мягко говоря, ошарашенный.

— Выезжаем, — пробормотал Тернер в трубку.

Рука с телефоном упала и повисла безжизненной плетью.

— Барнс? — тихим голосом уточнил негр.

Ларри отрывисто кивнул в ответ.

* * *

Их встретил бледный Палтон.

— Сержант, детектив, — пробормотал он, когда Тернер и Рассел вылезли из такси.

— Где он? — без лишних прелюдий осведомился Ларри.

Палтон оглянулся на дом и, поевжившись, тихо ответил:

— Можно сказать, повсюду.

И действительно — кровавые ошметки были на газоне, на крыльце, в прихожей и на уцелевших обломках стен. Судя по тому, что обрушилась только часть крыши и фасад, взрыв был относительно маломощным. Возможно, детонатор был закреплен на двери и капитан, входя, разорвал цепь, что и привело к трагедии.

— Саперы утверждают, что по почерку очень похоже на нашего позавчерашнего «подрывника», — заметил Палтон.

Тернер вздрогнул и, повернувшись к офицеру, сказал:

— Это подражатель.

— При всем уважении, сэр... — промямлил Палтон, глядя на Ларри исподлобья. — Саперы практически на сто процентов уверены, что это — дело рук того же типа, который подложил взрывчатку в машину мистера Джонсона.

— А я на сто процентов уверен, что они ошибаются, — моментально вскипев, прорычал детектив.

Палтон под его испепеляющим взглядом невольно втянул голову в

плечи и, кажется, даже стал меньше ростом и уже в плечах.

— Хорош, старик. — Рассел положил Тернеру руку на плечо и, приобняв друга сзади, оттащил его в сторону. — Не надо срываться на парне. Он и так шокирован этой хренью. Черт, да я сам, признаться... блин. — Негр махнул рукой в сторону лужайки, зеленый покров газона в красное пятнышко. — Это ведь Барнс. Все, что от него осталось. Наш чертов капитан. На кой черт его вообще понадобилось кому-то убивать?

— Ты разве не понимаешь, в чем дело? — воровато озираясь по сторонам, тихо спросил детектив. — Это все из-за того, что ролик в сеть попал. Из-за нашего ролика, про Шервуда, сечешь, Рас?

— Но... но при чем тут Барнс? — не понял негр. — Это же твоих рук дело! Почему они казнили его?

— Я не знаю, — с нажимом прошипел Тернер. — Но это точно не наш фальшивый Шервуд. Ему незачем убивать капитана полиции. Он явно мститель, а не маньяк.

— Но Палтон ведь говорит, что почерк один и тот же...

— Вот именно. Наш подрывник убил банкира, чтобы отомстить за смерть биолога Курта Шервуда и привлечь внимание общественности к той зимней трагедии, в которой Шервуд погиб. Мы выполнили его невысказанную просьбу и выложили разоблачающий ролик в сеть, то есть правда вскрылась. У него нет причин воевать с полицией. Тем более, убивать главу столичного управления.

— Откуда ты знаешь, что это не простой наемный убийца? — недоверчиво спросил Рассел. — Сегодня с этими, завтра с теми...

— Я ничего не знаю наверняка. Но даже если это один и тот же тип, заказчики у него, как ты верно заметил, разные. В первом случае это было убийство, призванное скомпрометировать банкирскую империю, заново отстраиваемую Эдвардом Уорреном. А теперь эта империя, судя по всему, нанесла ответный удар, вот только не по той цели, по которой следовало.

Рассел открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, как вдруг за спиной раздался истошный крик:

— Ронни!

Детектив и сержант разом обернулись. Двое офицеров, тихо бормоча под нос, пытались удержать женщину лет пятидесяти, которая отчаянно рвалась к месту трагедии.

— Это жена Барнса? — одними губами произнес Тернер. — Не в курсе?

— Ну, похоже, что да, — неуверенно пробормотал Рассел.

Поняв, что к дому ее не пустят, женщина заплакала, закрыла лицо

руками и опустилась на корточки. Детектив закусил нижнюю губу, глядя на это душещипательное зрелище.

— Пойду пообщаюсь, может, узнаю чего, — буркнул сержант, покосившись на Тернера.

Тот кивнул, и негр вразвалочку пошел к предполагаемой миссис Барнс. Он присел рядом с ней, заглянул в лицо, коснулся плеча огромной ладонью. Она сквозь слезы посмотрела на вновь прибывшего, что-то спросила...

Тернер, мрачнее тучи, наблюдал за ними со стороны. Он, в отличие от темнокожего друга, прекрасно понимал, что никакими словами новоиспеченную вдову не утешить. Все, что ей сейчас говорит Рассел, влетит в одно ухо и вылетит через другое, ни не секунду не задержавшись в голове, ведь новоиспеченная вдова сейчас не способна думать о чем-то, кроме случившейся трагедии.

Детектив огляделся по сторонам. К нему со всех ног спешил офицер Палтон.

— Сэр, простите за... ну, в общем... — замямлил он, однако детектив поднял руку, прерывая его на полуслове, и сказал:

— Пустое, офицер. Я и сам погорячился. Забудем.

— Хорошо, сэр, — с явным облегчением кивнул Палтон.

— Нашли что-нибудь интересное в доме или за его пределами? — осведомился Тернер.

— Пока нет, но... у нас есть свидетель. — Палтон кивнул детективу за спину.

Ларри оглянулся и увидел пожилого мужчину, который беседовал с еще одним офицером. Незнакомец выглядел напуганным, левый глаз его слегка подрагивал. Подойдя ближе, Тернер понял, что он еще и заикается.

— Что он видел? — уточнил детектив, оглянувшись на семенящего следом Палтона.

— Утверждает, что смотрел на Барнса как раз в момент взрыва, — охотно сообщил офицер.

— В каком смысле — «смотрел в момент взрыва»?

— Ну, капитан с ним поздоровался и пошел к дому, а наш свидетель в это время поливал газон из шланга, — объяснил Палтон. — Услышал голос Барнса, поднял голову, а тот уже дверь открывает, и — бах! — взрыв.

— Давай-ка я с ним сам побеседую, — пробормотал Тернер.

Подойдя к беседующим офицеру и старику, он коснулся плеча полицейского и сказал:

— Позволишь мне задать ему пару вопросов?

Офицер пожал плечами и, поблагодарив пенсионера за уделенное

время, устремился к патрульной машине.

— Здравствуйте, сэр, — поприветствовал старика Ларри. — Я детектив Тернер, полицейское управление Вашингтона, убойный отдел.

— Стив Флеймуд, — чинно кивнул в ответ седовласый мужчина. — Мы с мистером Барнсом были соседями, как вы по... по... няли, да?

— Да, я понял, — медленно произнес Тернер. — Но давайте сразу к делу, ведь начало я знаю. Вы поливали газон у себя на лужайке, Барнс с вами поздоровался, вы посмотрели на него и поздоровались в ответ, когда внезапно... что?

— Он... — Старик наморщил лоб, потер его ладонью, видимо, чтобы лучше думалось. — Ну, он достал клю... клю... ключи и в замок вставил, чтобы, значит, открыть две... две...

— Дверь, — не выдержал Тернер.

Его так и подмывало спросить, всегда ли Флеймуд заикался, или же на него так подействовало ужасающее зрелище взрыва, но это было чертовски невежливо, и потому детектив терпеливо сдерживал свой недостойный порыв.

— Да! — облегченно подтвердил старик. — Так вот он открыл дверь, и тут — как гро... гро...

— Громко?

— Гроыхнет! Я аж шланг выронил. И видите, теперь вот начал заи... заи...

— Заикаться?

— Да! Надеюсь, это пройдет, а то раздражает жутко...

— Как именно гроыхнуло-то? — спросил детектив.

— Ну взрыв такой был!.. Вы ви... ви... видите же, по всему двору его раз-нес... разнесло. Ужас просто!

— Это говорит о том, что он находился в самом эпицентре, — пояснил детектив.

— Ага... наверное... в нем...

— Так, хорошо... — Тернер задумался, что бы еще спросить. — А ничего странного вы не заметили? Ну, в смысле, кроме самого взрыва? Может, допустим, кто-то выбегал из дома или, там, через заднюю дверь, может, машина какая-то была припаркована неподалеку, а после взрыва уехала... Ничего подобного вы не видели?

— Нет, — подумав, ответил старик. — Хотя, конечно, я был шо... шо... шокирован, ага, так что не особо по сторонам смотрел. Барнса у нас, — понизив голос, произнес он, — в районе, честно го... го... говоря, не особо-то... ну, жаловали. С придурью он был, но на по... по... по-до-

бное, — пенсионер махнул рукой в сторону полуразрушенного дома, — никто бы не решился, конечно. Одно дело — избе... избе... избегать разговора, и совсем другое — дом взрывать!

— Да мы на соседей как бы и не грешим, — заметил детектив.

— Офицер, с которым я до вас говорил, сказал, что это как-то связано с тем бан... бан... банкиром, ну, позавчера в новостях о нем соо... сообщали.

— Да нет, то совсем другое дело, — заверил Тернер, а про себя заметил: «Надо бы вправить мозги этому не в меру говорливому офицеру!»

— Это все личные домыслы нашего сотрудника, не имеющие ничего общего с версиями следствия, так что не забивайте себе голову.

— Да? Ну ладно... — недоверчиво протянул старик. — Просто... просто два взры... взрыва за три дня...

— Я понимаю, как это выглядит, но, уверяю вас, тут не более чем совпадение, мистер Флеймуд. Давайте отвлечемся от теорий заговора и прочей ерунды и сконцентрируемся на нашем сегодняшнем убийстве, ладно?

— Ладно, — кивнул старик.

— Вы сказали, что после взрыва ничего необычного не видели, так? Ну а до приезда Барнса? Не случилось ли чего-то... странного? Нетипичного?

Пенсионер молча покачал головой:

— Не-а. Только жена его уехала часа два на... назад, я саму ее не видел, только машину, когда она про... про... проехала мимо меня. Я вон с тем кустом розы возился, под... под... подрезал сухие ветки.

— Может, что-нибудь еще?

— Пожалуй, нет, — подумав, ответил старик.

— Ладно. — Детектив порылся в карманах и протянул Флеймуду одну из десятка мятых визиток, которые Ларри всегда таскал с собой. — Вот, держите. Там мой рабочий и мобильный указан, позвоните, если что-то вспомните, хорошо?

— До... до... договорились, — кивнул пенсионер.

— Надеюсь, ваше заикание скоро пройдет.

— А уж как я надеюсь!.. — невесело усмехнулся старик.

Тернер кивнул и направился к Расселу, который уже распрощался с вдовой Барнса и теперь поджидал друга в сторонке.

— Что-нибудь узнал? — спросил Ларри, подходя достаточно близко, чтобы можно было перейти на шепот.

— Говорит, что ей позвонили и срочно вызвали в офис, однако, когда она туда приехала, оказалось, что никто с работы и не думал ей звонить.

— То есть, звонил подрывник?

— Похоже на то, — кивнул Рассел. — Видимо, хотел выманить жену Барнса, чтобы подготовить ловушку.

— Но откуда они знали, что он приедет домой раньше жены?

— Без понятия, старик, — пробормотал Рассел. — Похоже, ты не ошибся, когда предположил, что тут замешана империя Эдварда Уоррена. Кто еще мог повернуть подобное, даже предположить не берусь.

Друзья почти синхронно повернули головы и уставились на разбросанные по газону останки капитана Барнса. Каждый из них в тот момент думал об одном и том же.

«Кто бы ни заложил бомбу в дом старого психопата, он явно настроен более чем серьезно».

И, что еще хуже, пока было совершенно не ясно, заканчивается ли все со смертью Рональда или только начинается.

2031 г., Эль-Вафра, Кувейт

Я постучал в дверь, но никто не открыл. Тогда я постучал снова и весь обратился в слух.

Нет, они определенно внутри: я слышу их голоса. Нечетко, слов не понять, но там, в помещении, определенно люди. Сколько? Не меньше двух. Вряд ли больше четырех.

Я стучу снова — до тех пор, пока голоса не смолкают. Теперь я слышу шаги. Кто-то приближается к двери.

Язычок замка со скрипом вползает в коробку. Дверь приоткрывается, и на меня удивленно смотрит... кто?

Это не Ральф, не Ушастый, не Крупье и не Рыжик. Абсолютно незнакомое лицо.

Что ж, тем проще.

— Вам чего? — успевает спросить он, прежде чем я стреляю ему в лоб из зажатого в левой руке пистолета с глушителем.

Я не даю незнакомцу упасть — хватаю за запястье, притягиваю к себе. Держа его правой рукой, делаю шаг внутрь и кричу:

— На помощь! Человеку плохо!

Внутри — еще трое солдат. Каждого я вижу впервые. Заслышав мои призывы, они инстинктивно срываются со своих мест и спешат к нам. Никто даже не додумался прихватить с собой пистолет, автомат или хотя бы нож — просто потому, что клинком или пулей человеку, которому плохо, не

поможешь.

Вскинув руку, я тремя выстрелами уложил наивных бедолаг. Затем я оттащил на диван труп первого убитого солдата и, вернувшись к двери, закрылся изнутри. Покончив с замком, вернулся к трупу и принялся спешно его раздевать.

Полминуты спустя я, в новых кителе, брюках и кепке (она нашлась на столе), уже стоял возле мониторов и пытался сосредоточиться.

Треклятая совесть, как обычно, проснулась совершенно не вовремя. Я нехотя оглянулся на покойников. Еще четыре трупа в моем послужном списке, но, увы, поводов для гордости нет. Каждый из этих молодых парней виновен лишь в том, что оказался не в то время и не в том месте. Мог ли я обойтись без крови? Вряд ли. Если бы они подняли шум или позвали кого-то на помощь, миссия по спасению Барнса провалилась бы, не успев толком начаться. Будь здесь один часовой, я бы вырубил его выверенным ударом, но связываться с четверыми было смерти подобно.

Я мотнул головой.

К черту муки совести. Думай только о себе и о близких. О сестре. О Марине... Нет, стой, о Марине лучше не думай, иначе точно завалишь всю операцию.

Скорей бы уже разобраться с этим проклятым заданием, взять Джулию в охапку и вместе с ней уехать куда-нибудь подальше от надоевшей цивилизации, благо финансы позволяют. Сестра, конечно, будет протестовать, у нее уже наверняка карьера, бойфренд, возможно, даже она выскочила замуж и родила мальчика, а то и двух... но, если я не смогу убедить ее покинуть Штаты, чертов Гарри Гопкинс наверняка лишит ее главного — жизни.

Все. К Дьяволу личные проблемы вслед за муками совести. Отныне думаем только о задании.

Скользя взглядом по мониторам, я отыскал камеру, которая находилось рядом с кабинетом начальника тюрьмы. Кажется, в прошлый раз майор Гэбстон появился именно оттуда.

Я уставился на пульт, как баран на новые ворота. Никогда особо не дружил с техникой, но здесь вроде бы все было довольно прозрачно: каждая кнопка отвечала за свой динамик, установленный в непосредственной близости от камеры наблюдения. Соответственно, если я хочу привлечь внимание Гэбстона, мне следует использовать кнопку под номером «шесть».

Однако нажимать ее я не спешил.

Прежде чем вызывать сюда надзирателей, мне нужно было соорудить

для них еще парочку сюрпризов, чтобы они тут не скучали, пока я вытаскиваю из тюрьмы пленного капитана. Четыре мертвеца, конечно, сами по себе — та еще неожиданность, но надолго ли они займут вновь прибывших? Майор, надо думать, не полный идиот, поймет, что все это — не более чем отвлекающий маневр, призванный выманить его и большую часть надзирателей из здания тюрьмы. И тогда они в скором порядке пожалуют обратно, оставив трупы на потом.

Взгляд мой метнулся к единственному окну, через которое я собирался покинуть здание, потом скользнул к двери. У Гэбстона наверняка есть запасные ключи, так что замок их вряд ли надолго задержит.

Тут я заметил автомат, который лежал на ящике у дивана. Дверь ведь открывается наружу? Значит, вполне сгодится.

Соорудив импровизированный засов, я отступил на шаг и придирчиво осмотрел свое изобретение. Не бог весть какая преграда, но на то, чтоб состряпать иную, у меня не было ни времени, ни особого желания. Решив, что ничего нового с дверью мне уже не придумать, я повернулся к канистрам, составленным в углу. Они, как и прошлой ночью, были накрыты грязным покрывалом. Подойдя, я открутил крышку одной из них и принялся.

Ральф не соврал: внутри действительно был бензин.

А это значит, что разжечь пожар не составит труда.

Не мудрствуя лукаво, я щедро полил диван, ковер и шторы из одной канистры, вторую и третью просто опрокинул, чтобы бензин разлился по полу. Затем я прошел к пульта и, включив шестой динамик, проорал:

— На помощь! На нас напали!

Надзиратель, дежуривший неподалеку от кабинета начальника, хмуро посмотрел в камеру. Он, видимо, успел привыкнуть к розыгрышам вчерашнего квартета лоботрясов и потому не спешил поднимать панику.

— Старик, молю, помогите, — чуть ли не плакал я. — Арабы ломаются в дверь...

Надзиратель, кажется, дрогнул. Не знаю, пронял ли его мой жалобный тон, или он просто не захотел брать на себя лишнюю ответственность, но парень ринулся к кабинету, намереваясь, видимо, сообщить обо всем Гэбстону. Я терпеливо смотрел, как он робко стучит и заглядывает внутрь, как некоторое время стоит в этой позе.

— Помогите же! — надсадно проорал я, надеясь, что мой крик услышит сидящий в кабинете майор. — Они уже почти внутри!

Солдат на экране попятился назад, и дверь распахнулась, позволив мне увидеть Гэбстона. Он выглядел усталым и злым.

Я улыбнулся и, отступив на шаг, дважды выстрелил в потолок, а потом, увидев, как майор и рядовой на экране встрепенулись, еще одну пулю отправил в пульт на столе. Последнее, что я увидел, — как майор и рядовой бегут к пятой камере.

С этого времени счет пошел на секунды.

Я со всех ног бросился к окну, рывком поднял раму и буквально выпрыгнул на улицу. Достав из кармана зажигалку, зажег ее, швырнул внутрь и устремился к ближайшему проулку. Я собирался сделать небольшой крюк и, обогнув ближайшее здание, выйти к тюрьме с северной стороны, пока на западе разгорается устроенный мною пожар. Неумная совесть снова попыталась меня пристыдить, нарисовав красочную картину — четыре мертвых солдата в пылающей комнате, — но я не обратил на ее потуги никакого внимания. Сама необходимость убивать подобных юнцов была злым роком, издержкой профессии ликвидатора, но все, что происходило с ними уже после смерти, никогда меня особо не волновало. Какая, к черту, разница, сожрут ли тебя черви или пламя, когда это случится, через пять минут или пять лет? Ты уже умер. Люди, говорящие, что, мол, душа не найдет успокоения, пока тело не будет предано земле по всем религиозным канонам, наверняка имеют долю в похоронном бизнесе. Занавес.

Обойдя вытянутое к востоку помещение, смахивающее на заброшенный склад, я устремился к зданию тюрьмы. От входа на запад стремилась целая делегация солдат. Повернув голову направо, я увидел столб дыма, поднимающийся над подожженной мною мониторной, и с трудом сдержал победную улыбку: пока все шло по плану. Единственное, было очень жарко, ведь я натянул одежду убитого солдата поверх собственной. Ничего, это все ненадолго...

Сжимая рукоять лежащего в кармане пистолета, я прошел к главному входу и нырнул внутрь.

Мне потребовалось пара секунд, чтобы оценить обстановку, — внутри был всего один охранник, остальные либо спрятались по комнатам, либо отправились тушить пожар. Завидев меня, надзиратель устремился навстречу.

— Ну что там, снаружи? — спросил он на ходу.

И снова я стоял перед выбором — рискнуть и попытаться вырубить его или же перестраховаться и просто застрелить.

«Одним больше, одним меньше...»

Подобные моменты — как тест на профпригодность. Если ты готов идти к цели, невзирая на любые преграды, можешь продолжать этим

заниматься. Если же начал сомневаться по каждому поводу, лучше отправляйся на пенсию, старик.

Я выхватил пистолет и пристрелил его раньше, чем он успел воскликнуть: «Эй!» Выражение лица у него было крайне удивленное.

Пятый за сегодня. Хреновая статистика.

Сидящие в камерах заключенные, увидев, как хладнокровно я прикончил легионеров, загомонили. Несколько десятков взглядов, от недоверчивых до восхищенных, вцепились в меня, словно обученные овчарки в наркокурьера. Я ожидал, что на шум сбегутся другие охранники, но никто не спешил вылезать из щелей. Возможно, убитый мной солдат и впрямь был последним оставшимся в здании надзирателем? Хотелось бы верить, что так, а то я уже слишком устал стрелять в бывших сослуживцев...

Пленники с замиранием сердца наблюдали, как я подхожу к убитому, как опускаюсь на корточки перед ним, вынимаю из кобуры на его коричневом поясе точную копию моего «ремингтона» и принимаюсь изучать содержимое карманов. Кто-то, не сдержав эмоций, ахнул, когда я вытащил на свет Божий связку пронумерованных ключей и поднялся на ноги. Держу пари, каждый из них втайне надеялся, что я открою камеру и выпущу их наружу.

— Эй! Что тут происходит? — услышал я незнакомый голос.

Рука с пистолетом взлетела вверх прежде, чем я увидел цель. Инстинкты. Парень быстро сообразил, что перед ним предатель, и тоже вскинул автомат, но я нажал на спусковой крючок куда раньше, чем он успел хотя бы передернуть затвор.

Номер шесть. Пуля точно между глаз. Умер еще до того, как упал.

Все это я отмечаю мимоходом, уже шагая к двери пятой камеры.

— Эй, парень! Выпусти нас! — орали обитатели соседних.

— Всему свое время.

Пленные солдаты, как мартышки, облепили решетки, каждый хотел как можно быстрее оказаться на свободе. В то время их не слишком волновало, что ожидает снаружи, — главное, что там, за дверями, воля с всамделишным небом, а не коробка два на три метра. Как они считают, там у них есть хоть какие-то шансы на спасение.

Я, однако, не спешил открывать дверь — с ключом в руке замер в метре от решетки и проорал:

— Мне нужен Джеральд Грин.

Толпа заключенных нехотя расступилась, явив мне уже знакомую по снимкам улыбку физиономию капитана.

— Ты ведь тот, о ком я думаю? — спросил он, наблюдая за тем, как я вставляю ключ в замок и проворачиваю его против часовой стрелки.

— Возможно, — бросил я, распахивая дверь и вкладывая ему в руки трофейный пистолет. — Выходи.

Грин подчинился.

— А мы? — горячо спросил один из соседей Джеральда.

— Вон там автомат. — Я кивнул в сторону убитого мной «номера шесть». — А больше мне вам предложить нечего, сам налегке.

— И на том спасибо, ага... — Крикун, прошмыгнув между мной и Грином, устремился к трупам надзирателя и вождьеленному оружию.

— И что дальше? — спросил Грин, наблюдая, как прочие заключенные, не веря собственному счастью, робко покидают камеру.

— А дальше мы устроим тут небольшую суматоху. — Я вложил связку ключей в волосатую руку, которая тянулась ко мне через решетку соседней камеры, и принялся расстегивать китель.

— Что ты делаешь? — удивленно вскинул брови Грин.

— Обеспечиваю тебя маскировкой.

Крикун с автоматом в руках пронесся мимо нас, за ним, радостно гогоча, устремились полдюжины человек из пятой.

— Надевай. — Я вручил освобожденному капитану китель, нахлобучил ему на голову кепку и начал стягивать брюки.

И снова Джеральд не спорил.

Когда я уже передавал ему солдатские штаны, снаружи послышались выстрелы и крики. Похоже, Крикун и его команда схватились с людьми Гэбстона. И, поскольку у заключенных на семерых был один лишь автомат, я уже знал, кто победит в этом кровопролитном бою.

— Бери с собой, потом наденешь. — Я схватил Джеральда за запястье и потащил в противоположном от главного входа направлении.

— Но двери ведь...

— Увидишь, — оборвал я его на полуслове.

Мы влетели в комнату для отдыха. Отпустив руку капитана, я подбежал к окну и рывком сорвал жалюзи. Старенький зеленый «мустанг» был на том самом месте, где его оставил бывший хозяин, Фарид, — благо налички, оставленной людьми Гопкинса в тайнике, вполне хватило на приобретение этого допотопного «корыта».

Я поднял раму и, отыскав Джеральда взглядом, рывкнул:

— Давай!

Он едва ли не «рыбкой» выпрыгнул в окно. Я оглянулся через плечо — заключенные покидали свои камеры и спешили к главному входу,

охранников видно не было. Ну и хорошо...

Выбравшись наружу следом за Грином, я открыл замок, забрался на пассажирское кресло и протянул ему ключ.

— Водить ведь умеешь? — спросил я, когда он недоуменно уставился на брелок в своей ладони.

— Да так, немного... — неуверенно ответил капитан.

— Давай, садись живей, иначе нас точно приметят.

Пока он обходил машину кругом и возился с замком, я через зеркало заднего вида наблюдал за происходящей к западу от тюрьмы суматохой. Здание мониторинной уже полыхало вовсю; вооруженные солдаты пытались остановить спешащих к ним заключенных очередями из автоматов, однако парочке пленников удалось избежать ранений, и теперь эти везунчики сошлись с легионщиками в рукопашную.

— Давай уже, заводи мотор, — прикрикнул я на копошащегося Грина.

— Да, да, да... — Он судорожным движением ухватился за ключ, торчащий из замка зажигания.

Двигатель с неохотой фыркнул... и тут же заглох: видно, аккумулятор былдохлый.

— Эй! Они уезжают! — услышал я за спиной незнакомый голос.

В следующий миг заднее стекло разлетелось вдребезги.

Ломать комедию больше не имело смысла. Изначально я хотел, чтобы Грин под видом одного из надзирателей-легионщиков не спеша вывез нас из города, но первоначальный план, увы, приказал долго жить.

Оставалось тупо рвать когти.

— Меняемся! — рявкнул я.

Джеральд с явным облегчением перелез на пассажирское, а я занял место за рулем. Не медля, утопил педаль газа в пол и помчался по проулку к пересечению с одной из главных улиц Эль-Вафры.

— Пригнись от греха, — велел я Грину. — Чтобы не подстрелили.

Он послушно сполз вниз, поджав ноги, так, чтобы голова не торчала выше спинки кресла. Машина достопамятного Фарида, казалось, уже позабыла за долгие годы жизни, что у нее есть не только первая и вторая, но и третья с четвертой передачи. Дороги в Эль-Вафре были тем еще испытанием — ухаб на ухабе, — и старое корыто, на которое я раскошелился вчера, рисковало просто развалиться на очередной кочке... но пока нам, по счастью, везло.

Я вылетел из проулка, едва не сбив случайного пешехода, — кажется, это был тот самый ворчливый тип с тростью, который злобно косился на меня в столовой. Я слышал, как он ругается нам вслед на арабском, но даже

не вдумывался в сказанные им слова. Все, о чем я мог размышлять в те секунды, это рулевое колесо, дорога и погоня, которая конечно же была неминуемой.

Оторваться нам не дали. Когда я в очередной раз посмотрел в зеркало заднего вида, там уже виднелись два бежевых джипа. Я скрипнул зубами и переключился на четвертую. Достопамятная «глушилка», полученная от Гопкинса, вывела из строя большую часть современных машин с электронным зажиганием, но, увы, она ничего не могла поделать со старомодными дизельными и бензиновыми аппаратами. Нас спасал эффект неожиданности: патрули, разгуливающие по улицам, были еще не в курсе последних новостей и потому хватались за оружие только тогда, когда наш «мустанг» уже пронесся мимо. Протянув правую руку назад, я подхватил с заднего сиденья каску и нахлобучил ее на голову. Заднее стекло и без того было не слишком солидной преградой для пули, а теперь, когда и его не стало, мой затылок превратился в отличную мишень для стрелков, сидящих в джипах.

Разумеется, машины Легиона были куда мощнее моей, вдобавок ехали мы теперь по прямой, и, как итог, они стали стремительно сокращать дистанцию. Только что между нами было метров пятьдесят, а уже полминуты спустя они практически со мной поравнялись. Скрипя зубами, я дождался, пока они перейдут на пятую передачу, дабы попытаться зажать меня в «коробочку», и резко нажал на тормоз. Время на несколько секунд замедлило ход, и я смог сполна насладиться зрелищем удивленных физиономий преследовавших меня солдат, которые — внезапно! — пронеслись мимо «дичи». К сожалению, обошлось без деталей: уж больно тусклым был свет уличных фонарей. Однако его вполне хватило, чтобы углядеть среди прочих рож хмурую морду Гэбстона и в очередной раз поймать себя на мысли, что я определенно видел этого типа прежде.

Где же и когда мы с тобой встречались, чертов засранец?

Впрочем, для размышлений на этот счет момент был, мягко говоря, не самый подходящий: не дожидаясь, пока легионовцы сдадут назад или развернутся, я рванул в ближайший проулок.

Разумеется, я не надеялся с помощью одного примитивного трюка сбросить преследователей с хвоста. Все, что мне удалось, — выиграть немного времени. Но в сложившейся ситуации даже это ничтожное преимущество казалось даром свыше.

В том, что за рулем «мустанга» сидит Мамонт, Богут практически не сомневался. Ну кто еще, в самом деле, имеет достаточно дерзости, чтобы вломиться в городскую тюрьму и выкрасть оттуда заключенного? А этот взгляд, которым беглец одарил пронесшегося мимо ликвидатора? Разве можно спутать его с чьим-либо еще? И пусть с внешностью русский убийца поработал на славу, даже лучший в мире декодер не способен изменить саму личность, прячущуюся за размытой маской.

— Разворачивайся, живей! — прикрикнул Глен на шофера, который уже и так, пыхтя, спешно крутил ролевое колесо.

Интересно, а Мамонт его узнал? Наверное, да. А, впрочем, есть ли разница? Тачка, на которой стремится удрать русский, очевидно, чуть ли не разваливается. Все, на что способен Сергей в данной ситуации, это петлять по городу в надежде, что его преследователи по какой-то нелепой случайности выйдут из гонки.

— Давай-давай! — продолжал орать Богут.

— Да, сэр! — только и повторял водитель.

Вслед за вторым джипом, шофер которого оказался немного расторопнее, машина Глена устремилась в проулок, куда свернул «мустанг» Мамонта. самого беглеца видно не было — видимо, он решил затеряться где-то в городском лабиринте. Ну ничего, солдат в Эль-Вафре хватает, вероятно, очень скоро они загонят ликвидатора в ловушку.

Сняв с пояса рацию, Богут проорал:

— Всем! Всем! Всем! Двое беглецов на зеленом «мустанге» пытаются покинуть город! Приказано взять живыми или мертвыми! Повторяю: двое на зеленом «мустанге», взять живыми или мертвыми!

Они свернули направо, потом еще раз...

— Твою мать! — рявкнул шофер, когда джип, идущий первым, внезапно замер на месте и машина Богута едва не влетела в него сзади. — Кто так тормозит?!

Высунувшись из окна, он воскликнул:

— Ты чего встал?

Вместо ответа спереди гроыхнуло так, что стекла в окнах задрожали и в переулке на миг стало светло, как днем.

— Что там творится? — Богут тут же распахнул дверь и выскочил из машины.

Он увидел «мустанг» Мамонта, который, объятый пламенем, стоял у тупиковой стены. Передок у автомобиля, можно сказать, отсутствовал. Складывалось впечатление, что русский ликвидатор от отчаяния попытался протаранить стену, но успеха не снискал и, хуже того, взорвался вместе с

машиной.

— Они были внутри? — подойдя к первому джипу, спросил у водителя Богут.

— Кажется, да, — неуверенно протянул солдат. — Я, честно сказать, не успел рассмотреть — только свернул, а тут уже они, я по тормозам, а она как рванет...

— Ясно... — пробормотал Глен, пристально глядя на горящий автомобиль.

— Выходит, все, сэр? — спросил стрелок, сидящий на пассажирском кресле. — Поймались?

— Ничего не все, — буркнул Богут, одарив торопыгу недовольным взглядом. — Сейчас догорит и посмотрим, а пока надо проверить ближайшие дома. Вдруг они успели выскочить из автомобиля и сбежать? Берите фонари и вперед, живей!

Сказав это, он первым устремился к двери одноэтажного здания, на ходу вынимая из кобуры пистолет.

Глен очень хотел поверить, что на этом его кувейтская миссия завершена, но не мог — уж больно нереальной казалась такая развязка. Да, безусловно, задача у Мамонта была не из легких, а шансы на успех крайне низкими, но Богут очень сомневался, что человек, переживший Сирджанскую Мясорубку, погибнет таким вот нелепым образом — просто врезавшись на полном ходу в кирпичную стену. Опять же, будь беглецы в машине, наверняка бы попытались ее покинуть еще до того, как грянул взрыв.

— Всем! Всем! Всем! — поднеся ко рту рацию, прорычал Богут. — Беглецы, вероятно, покинули «мустанг» в проулке между двадцатой и тридцатой улицами. Внимание, они вооружены! Повторяю: вооружены и очень опасны. Приказано доставить живыми или мертвыми...

Остов «мустанга» продолжал пылать.

Видел бы только бедолага Фарид, что стало с его любимой машиной!..

2021 г., Бендер-Аббас, Иран

— Сергей Мамонтов?

Я открыл глаза и уставился в серый потолок. Узнав, кто я и через что прошел, руководство расщедрилось и поместило меня не в общую палату, а в отдельную, хотя, честно сказать, не знаю даже, где мне было бы лучше — среди прочих парней, кому повезло пережить ранение, или наедине с самим

собой.

Повернув голову, я уставился на стоящего в дверях рядового. Надменно вскинув подбородок, он смотрел на меня сверху вниз, будто на вонючего дезертира. Мне жутко захотелось врезать ему по гладко выбритой морде и сломать, допустим, челюсть, но я всего лишь пробормотал:

— Да, это я.

— Вас хочет видеть генерал, — процедил рядовой.

В его тоне явно слышалась зависть. Как будто я должен мечтать о встрече с генералом!.. На самом деле я бы предпочел остаться в кровати и немного подремать, ведь мое израненное тело, едва коснувшись матраса, буквально взвыло от боли, словно по нему неоднократно проехали катком.

Но отказывать генералу конечно же было нельзя — не поймут.

— Когда он хочет меня видеть? — на всякий случай уточнил я, уже зная наперед, какой услышу ответ.

— Прямо сейчас.

Кряхтя, я сел и свесил ноги. Стоило коснуться пятками пола, и икры моментально задрожали, будто я за полдня успел потяжелеть на тонну. Подхватив со стула трость, которую мне ссудили для подобных непредвиденных прогулок, я вслед за надменным рядовым устремился к лестнице (да-да, лифт, как назло, два дня как сломался).

Честно скажу — это была настоящая мука. Каждый шаг отдавался болью, будто я шел по битому стеклу. Но это были семечки по сравнению с тем, что ждало меня по возвращении, — ведь обратно мне придется *подниматься...*

Все это, однако, я переживал в себе, даже не помышляя о том, чтобы заговорить с моим конвоиром. Не хватало еще ему жаловаться!

Когда шли по городу, многие солдаты смотрели на меня с уважением, однако хватало и тех, кто не скрывал своего презрения и даже ненависти. В глазах одних я был героем, другие же считали меня трусом, который, как они полагали, прятался среди тел погибших товарищей, пока «боевики» не покинули город. Доказывать что-то и тем, и другим было бесполезно, ведь никто, кроме меня, Сирджанскую Мясорубку не пережил, а значит, не мог ни подтвердить мои слова, ни опровергнуть. Навестивший меня в палате рядовой, надо понимать, относился к лагерю скептиков, по крайней мере, каждый его жест или оброненное слово наводили на такую мысль.

— Мамонтов прибыл, сэр, — сообщил конвоир, откинув полог шатра, внутри которого находилась резиденция генерала.

— Пусть заходит, — донесся изнутри сильный, резонирующий, как у

оперного певца, голос.

— Генерал ждет вас, — смерив меня презрительным взглядом, процедил рядовой.

Я сделал шаг, второй, потом оглянулся через плечо и сказал тихо:

— Если ты еще раз заговоришь со мной в подобном тоне, я тебя пополам сломаю.

И, не дожидаясь ответа, скрылся в шатре.

Когда я вошел, Джон Тейлор сидел во главе длинного стола и, нахмурившись, изучал какую-то бумагу. Заслышав мои шаги, он отложил ее в сторону и поднял голову.

— Здравствуйте, Сергей, — сказал генерал ровным голосом, не выражавшим никаких эмоций.

— Сэр. — Перекинув трость в левую руку, я отдал воинское приветствие.

Он скривился:

— Не стоит, сынок. Мы не на параде. Присядь, я вижу, тебе тяжело стоять...

Я молча опустился на один из свободных стульев. Пока я усаживался, генерал, облокотившись на стол и сплетя пальцы рук перед собой, наблюдал за мной из-под густых бровей.

— Что там случилось, в Сирджане? — спросил он, дождавшись, пока я посмотрю на него. — Расскажи в двух словах.

— Мясорубка, сэр, — прокашлявшись, ответил я. — Всех наших положили, кроме меня и Кро... в смысле, сержанта Бронса.

— Что стало с Бронсом после?

— Его пристрелили, когда мы пытались покинуть Сирджан, — откашлявшись, сказал я. — Можно сказать, он спас меня от пули, сэр.

— Кто?

— Кто его пристрелил? — уточнил я.

Тейлор кивнул.

— Один из местных «боевиков», сэр, — соврал я.

Мне показалось, что упоминать о мальчишке с автоматом в нашей беседе все-таки не стоит.

— То есть, рота не выполнила поставленную задачу? — выгнул бровь Тейлор.

Я слегка опешил от такого вопроса. Операция по зачистке Сирджана определенно стала тактическим провалом Объединенной Армии. Сомневаться на этот счет, по мне, мог только круглый дурак. Однако генерал, судя по всему, действительно ждал моего ответа.

— Выполнил, сэр, — выдавил я. — Судя по всему, это был последний выживший боевик. И я его пристрелил.

— То есть, задача выполнена? — еще раз переспросил Тейлор.

— Да, сэр.

Врать ему оказалось не так сложно, как я предполагал. Возможно, потому, что я до сих пор считал его и весь командный состав виновными в гибели нашей роты.

— Хорошо, — сказал Тейлор и снова уткнулся в лежащую перед ним бумагу. — Можешь быть свободен.

— Сэр? — не поверил я ушам.

— В чем дело, солдат? — спросил он, нехотя отрываясь от своего дела.

— Это все? Вы вызывали меня, чтобы узнать, выполнила ли рота задание?

— Да.

— То есть, признавать, что командование допустило ошибку, вы не станете? — не удержался я.

На сей раз его взгляд был куда тяжелее, чем прежде.

— Разумеется, не стану, — проскрипел генерал. — Потому что мы не допускали ошибок.

— Да вы же просто отправили людей на убой! — вспыхнул я.

— Я не собираюсь обсуждать это решение с рядовым, — отрезал Тейлор.

— В таком случае я приложу все усилия, чтобы о вашем так называемом «решении» узнало как можно больше народу, — сказал я, поднимаясь со стула. — Посмотрим, захотите ли вы объясняться перед семьями погибших в Сирджане ребят под прицелом сотни телекамер.

— Я могу отправить тебя в карцер за нарушение дисциплины, — прорычал генерал, злобно сверкнув глазами, — а после и вовсе отдать под трибунал!

— Отдавайте на здоровье. Это, я уверен, вызовет еще больше вопросов у общественности.

Тейлор откинулся на спинку кресла. Взгляд его внезапно из гневного трансформировался в заинтересованный.

— Вот уж не думал, что меня когда-нибудь будет отчитывать рядовой, — сказал он, едва заметно улыбаясь самыми уголками рта. — Но ты, черт подери, прав. После случившейся в Сирджане бойни о тебе узнал весь мир. С легкой руки наших доблестных солдат интернет кишит новостями о «русском бессмертном». Можешь гордиться собой.

Я молчал. Стоял мрачнее тучи и смотрел на него сверху вниз.

— Ты хочешь знать, почему мы отправили в Сирджан всего одну роту? — спросил он. — Почему не было техники, артиллерии, поддержки с воздуха... Так вот что я тебе на это отвечу: толковые шахматисты знают, что иногда приходится пожертвовать конем, чтобы съесть ферзя. Организация Объединенных Наций, Евросоюз, твои соотечественники из России — все они в один голос твердят о «правах человека» и прочей гуманной хрени. Иронично, но твердят в основном те, кто никогда не держал в руках оружия. Так вот Сирджан был нужен хотя бы для того, чтобы нам позволили использовать весь наш оружейный арсенал, а не воевать одной пехотой. И чем быстрее ты примиришься с мыслью, что, ничем не пожертвовав, войну не выиграть, тем большего ты добьешься, сынок.

Я слушал его, с трудом сдерживая гнев, который буквально распирает меня изнутри. Обиднее всего было то, что он говорил правду, — еще ни одна война в истории не обошлась без жертв. Ни один триумф не добывался без кровопролития. Но до чего же трудно было осознавать, что на этот раз на алтарь победы принесли не кого-то там, а твоих собратьев по оружию и тебя самого, лишь чудом избежавшего заклания.

— Скажу напоследок еще одну банальность, — добавил Тейлор, продолжая смотреть мне в лицо. — Хочешь верь, хочешь не верь, но если бы была возможность избежать подобного, я бы это сделал.

— Я вас понял, сэр.

— Хорошо, сынок. А теперь возвращайся в госпиталь и восстанавливайся поскорей, нам еще войну выигрывать.

— Вы не комиссуете меня?

— А ты что, хотел? Э, нет, твои таланты мне определенно пригодятся здесь.

— Мои таланты?

— Я ознакомился с твоим личным делом. Такие, как ты, нужны нашей армии, сынок. Очень нужны. Я думаю, тебя ждет блестящая карьера. То, что ты выжил в таком месиве, дорогого стоит, поверь. Впрочем, пока нам говорить больше не о чем. В госпиталь. Живо.

Сказав это, он снова уткнулся в бумаги, а я, опираясь на трость, побрел к выходу из шатра.

Лишь остановившись у самого полога, я оглянулся через плечо и сказал:

— Сэр...

— Что-то еще, сынок?

— Их жертва не была напрасной? — Ком подступил к горлу и голос

предательски задрожал, когда я вспомнил лица умерших товарищей.

— Надеюсь, что нет, — честно ответил генерал. — Очень надеюсь.

Я кивнул и вышел из шатра прочь.

Часть 2. Русская рулетка

Глава 1. На волоске

2031 г., Эль-Вафра, Кувейт

За то время, что я провел в Кувейте, канализация успела стать мне вторым домом. По крайней мере, спускался я в нее уже без особой брезгливости и даже гостя с собой прихватил на этот раз.

— Ну и вонь, — закрывая рот рукавом, промычал Джеральд.

— Ты лучше не языком шевели, а ногами, — строго заметил я.

Мы оба прекрасно понимали, что взрыв машины не отведит наших преследователей от погони. Будь у меня побольше времени, я бы, возможно, лучше продумал трюк с крушением, но какой смысл теперь сожалеть о несделанном? Да и потом, изначально разбивать и, тем более, взрывать престарелый «мустанг» никто не собирался. Но все, как обычно, пошло не так, как задумывалось.

Впрочем, за годы службы я успел привыкнуть к подобным форс-мажорам. Когда планируешь кого-то убить или выкрасть из плена, нужно быть готовым ко всему. Строго говоря, я еще радоваться должен, что ночная тьма сыграла нам на руку и пусть временно, но сбила погоню со следа.

— Черт, меня сейчас вырвет... — снова подал голос беглый капитан и закашлялся.

Я промолчал. С того момента, как мы покинули разбитый «мустанг» и спустились в канализацию, прошло уже около пяти минут, но за нами до сих пор никто не гнался — плеск воды выдал бы преследователей с головой. Это вселяло некую надежду, но о том, чтобы расслабиться хоть на секунду, и речи не шло. Наверное, я смогу нормально отдохнуть, лишь когда окажусь далеко от Кувейта, рядом с сестрой...

...и Мариной.

Ком подкатил к горлу. Что это — кризис среднего возраста? Да нет, для него еще слишком рано. Или я просто устал жить в суматошном ритме постоянной войны и теперь хочу немного побыть нормальным? Но многие ребята, отдавшие армии десяток-другой лет, после уже не могли привыкнуть к благам цивилизации. Кто-то спал на полу, потому что кровать казалась слишком мягкой, да еще и с открытыми глазами, пугая родных и близких, а кто-то и вовсе, не найдя иного способа выплеснуть живущую

внутри агрессию, срывался на мирных жителях и попадал в тюрьму. Не знаю, что ждет меня, соскучусь ли я по таким вот прогулкам, по щиколотку в сточной воде, с дышащими в спину автоматчиками, но сейчас я совершенно точно хочу оказаться как можно дальше от происходящей на поверхности кутерьмы.

— Тебе знакомо имя «Гэбстон»? — спросил я, чтобы немного отвлечься от мыслей, никак не связанных с текущим заданием.

— Не-а, — после недолгих раздумий ответил мой спутник. — А кто это? И почему я должен его знать?

— Тот тип, который сидел в кабинете начальника тюрьмы.

— А-а-а, так вот ты о ком! А я даже не знал, как его звать. Он представился, как старший дознаватель, расспрашивал обо всяком... разном.

— Например?

— Ну, например, он хотел знать, действительно ли я сержант или просто им притворяюсь, — осклабился Джеральд. — Пришлось из кожи вон лезть, чтобы он мне поверил. Благо в соседней камере как раз находился еще один офицер, который решил не рассказывать о своем звании солдатам Легиона, ну, я Гэбстону о нем и рассказал, чтобы он от меня отвалил.

— То есть, ты сдал кого-то из своих офицеров, чтобы отвести подозрение от себя? — уточнил я.

— Ага, — беззаботно кивнул капитан.

Надо же, как спокойно он болтает о своем предательстве!.. Ладони мои сами собой сжались в кулаки. Подобные крысы меня всегда раздражали. Кому-то наши случаи могли показаться схожими, но кардинальная разница заключалась в том, что я, в отличие от капитана, не собирался возвращаться в лагерь тех, кого предал. Я сжег все мосты и до сих пор в глубине души невольно корю себя, в то время как Грин чуть ли под нос не насвистывает и явно никаких угрызений совести не испытывает.

— Эй, да на тебе лица нет, Мамонт! — заметил Джеральд, отвлекая меня от мрачных раздумий. — Что-то тебя гложет, похоже?

— Зови меня просто «Сэм», — буркнул я. — Сэмов в Кувейте могут быть тысячи, а Мамонт — всего один.

— Как скажешь, — пожал плечами Грин.

— Я вот чего только не пойму, Джеральд, — сказал я, пристально глядя на спутника исподлобья. — Если ты числишься офицером Синдиката, то почему старший дознаватель не опознал тебя по имени?

— Потому что капитана Джеральда Грина в «Блэквуде» никогда не

было, — ухмыльнулся беглец.

Видя мое недоумение, он спешно растолковал сказанное:

— На самом деле меня зовут Мэтт Харт, и ты лучше так меня и зови в присутствии Синдиката, чтобы лишних вопросов не возникло.

— Что за чертов маскарад? — спросил я раздраженно. — Почему заказчик не указал об этом в личном деле?

— Все вопросы — к мистеру Гопкинсу, — пожал плечами Грин... или Харт? Раз впереди нас ждет встреча с Синдикатом, мне действительно лучше поскорее привыкнуть к его настоящему имени во избежание неуместных казусов... — Меня просто поставили перед фактом: тебя спасет Мамонт. Фото, конечно, показывать не стали, поскольку ты мог появиться в любом обликии...

— Как, черт побери, они вообще поддерживали с тобой связь? — недоуменно спросил я.

— Через одного из надзирателей, — зевнув, ответил беглый капитан. — Ты его, кстати, пристрелил, чтобы забрать ключ от камеры.

Брови мои взлетели на лоб.

— В общем, как я и думал, ты не в курсе насчет этого типа, — фыркнул Харт. — Хотя, честно сказать, я поначалу немного удивился — ну, когда ты его хладнокровно так прикончил, одним выстрелом. А потом думаю — ну, наверное, так пожелал заказчик, обычный рабочий момент...

— Постой-ка... — перебил его я. — То есть, выходит, все это время в тюрьме Эль-Вафры находился человек Гопкинса?

— Ну да, — кивнул Харт. — У Гопкинса немало сподвижников в Кувейте. Я, например, знаю о существовании троих — ну, считая убитого охранника и тебя, — но, уверен, их куда больше.

Волна гнева накрыла меня. Метнувшись к Харту, я ухватил его за грудки и с разгону впечатал в стену. Нечасто я позволял себе подобное проявление эмоций, но в тот миг дисциплина меня подвела.

Услышанное не укладывалось в голове. У Гопкинса был человек в тюрьме Эль-Вафры, который носил на поясе ключи от всех камер и мог в любой момент освободить капитана безо всяких «отвлекающих маневров» и прочих рисков... Но Гопкинс все равно поручил эту миссию мне, несмотря на то, что я был в куда худшем положении, чем подкупленный им надзиратель. И в чем тут логика? Возможно, заказчик желал моей смерти? Или же просто не хотел разыгрывать фишку с надзирателем прямо сейчас, решил приберечь ее до лучших времен?

Как обычно, уйма вопросов. И самый интересный из них — чем, черт возьми, так ценен капитан Харт, что Гопкинс буквально окружил его

своими людьми?

— Зачем ему понадобилось тебя спасти? — прорычал я в лицо пытающемуся перехватить дыхание капитану.

— Черт, да ты с ума... сбрендил... — сквозь отчаянные вздохи пробормотал Харт.

Я встряхнул его и повторил:

— Зачем ему понадобилось тебя спасти? Выкладывай, живо!

— Прежде всего опусти меня, — сказал беглый капитан. — Ты ведь профи, Сэм. А профи себя так не ведут.

Он пытался казаться спокойным, но голос его едва заметно подрагивал. Возможно, ему бы удалось скрыть волнение от кого-то менее наблюдательного, чем я, но со мною подобный трюк не сработал. Харт действительно боялся. Решив подлить масла в огонь, я хмуро спросил:

— А если я скажу тебе, что на самом деле знал о том надзирателе? Это сделает тебя более сговорчивым, а?

Он едва заметно побледнел, но продолжил разыгрывать из себя крутого парня.

— Я думаю, ты кривишь душой, Сэм.

— А если нет? Готов это проверить на собственной шкуре?

— Что ты на меня-то так взъелся? — пробормотал беглый капитан. — Мы ведь сейчас в одной упряжке...

Я хотел сказать, что ни черта подобного, что никакой упряжки нет, а есть только я и груз под названием «Мэтт Харт», который надо доставить в Эль-Бурган, но в этот момент до ушей моих донесся плеск воды. Можно было, конечно, решить, что это всего лишь здешняя крыса, покинувшая логово, дабы раздобыть еды, однако мы были не в том положении, чтобы вот так запросто отмахиваться от посторонних звуков. Тем более, если доносились они из тоннеля, которым мы добирались сюда.

— Замолкни, выключи свой фонарь и ничего не делай без моего приказа, — прошипел я и, осторожно опустив Харта на ноги, вытащил из кармана прибор ночного видения. Он скорчил недоуменную гримасу. Я в ответ приложил палец к губам, вытащил из-за пазухи пистолет и бережно накрутил на ствол глушитель.

Плеск шагов гулким эхом разносился по подземным тоннелям. Мы стояли на месте, понимая, что любое движение выдаст нас с головой, и ждали, готовые стрелять на поражение, если противник подберется к нам слишком близко.

«Черт, а ведь глушитель только у меня...» — с сожалением подумал я.

А потом я услышал незнакомый голос:

— Дальше пойдем, Фидж?

— Майор сказал, надо все тут осмотреть.

— Да пошел он в задницу, этот майор. Темень такая. А воняет как? Жуть! Да меня ща наизнанку вывернет. Ты только вдумайся — мы ща по щиколотку в чьей-то моче вперемешку с дерьмом...

— Да ну тебя к черту, Зак! — выругался невидимый Фидж. — Блин, я ща точно вырву... Погнали отсюда, нет здесь никого, а если был, то уже сдох...

И снова — плеск шагов. Он становился все тише и тише с каждой секундой...

Пока не стих совсем.

Я оглянулся на Харта.

— Кажется, ушли? — тихо поинтересовался он.

— Благодарю Бога за такое везение, — буркнул я, скручивая глушитель и убирая его обратно в карман. — Так на чем мы там остановились?

Когда я повернулся к нему, Харт попятился назад и спешно выставил перед собой руки, бормоча:

— Э, нет, Сэм, не надо! О Гопкинсе мне известно не больше твоего, зуб даю!

— Верится, честно сказать, с трудом, — покачал головой я. — Ты ему явно очень нужен, настолько, что он бросил на твое спасение меня и приставил к тебе своего человека, чтобы за тобой в тюрьме приглядывал. И вот больше всего на свете я хочу знать, почему он так тебя опекает?

— Ну, у него не очень много своих людей среди офицеров Синдиката, — пожал плечами Харт. Взгляд капитана был прикован к пистолету в моей правой руке: он явно опасался, что я пущу его в ход. — Не знаю, скольких он купил. Гопкинс, как ты сам видишь, не слишком любит делиться подобной информацией. Возможно, я и вовсе единственный человек в командовании армией Эдварда, с которым у него... налажена связь.

— И в чем же заключается твоя ценность? — продолжал напирать я. — Что ты делаешь для Гопкинса?

— Я... Ну... — Он продолжал смотреть на «ремингтон», и я, дабы усилить эффект, снял его с предохранителя. — Эй, Сэм, ты чего? Зачем ты...

— Говори, — перебил я его. — Что ты делаешь для Гопкинса?

— Ну, если в двух словах, то сливаю ему информацию, — облизав пересохшие губы, признался беглый капитан. — Ладно, это три слова... но плевать. В общем, сливаю любую информацию, до которой могу

дотянуться. Таким образом, Гопкинс был осведомлен практически обо всех решениях по Эль-Бургану.

— Ты запросто сдаешь своего офицера легионцам, легко передаешь секретную информацию о грядущих действиях своей армии неизвестному заказчику... и, как я вижу, не сильно паришься на этот счет?

— Ну, в случае с офицером, он ведь все равно бы умер, правда? — пожал плечами Харт. — Ты бы выпустил его вместе с остальными заключенными, он бы бросился на улицу, а там его расстреляли бы солдаты Легиона. Те же яйца, только в профиль.

— Ты не можешь знать наверняка, — покачал я головой.

— Ну а какие тут варианты? То, что мы до сих пор живы, — чудо имени Мамонта, то есть тебя. И это не комплимент, а констатация факта. Без тебя нас бы уже изловили и в лучшем случае прикончили, а в худшем — пытали.

Я хотел сказать ему «Не сглазь!», но не придумал, как перевести эту фразу на английский, чтобы Харт меня понял.

Эмоции понемногу утихали. Да, безусловно, моему спутнику повезло, что в канализацию так вовремя пожаловали двое легионцев, иначе я бы устроил ему хорошую взбучку. Но теперь я даже немного стыдился этой неуместной вспышки гнева. Чертов капитан был прав: настоящий профи не может, не должен срываться в подобной ситуации. Над нами по-прежнему была занятая силами Легиона Эль-Вафра, тысячи солдат и сотни единиц боевой техники, а я тратил драгоценное время на разборки с продажным офицером Синдиката. Нужно было валить из города как можно скорее. Я понимал это и все равно медлил.

— А что до сливания информации — так это Синдикату никак не вредило, уверяю тебя, — продолжал распаляться беглый капитан. — Что бы я ни сообщал Гопкинсу, мы продолжали успешно отвоевывать у Легиона район за районом. Не знаю, как обстоят дела сейчас, но буквально пять дней назад так все и было.

Я промолчал, хотя в голове хватало догадок на этот счет. Судя по тому, что мне было известно, Гопкинс действительно покровительствовал Синдикату, прилагая все усилия, чтобы армия Синдиката вытеснила силы Легиона из Эль-Бургана. Возможно, наш заказчик был приближенным лицом Эдварда Уоррена, возможно, даже его тайным советником, негласно руководившим ходом операции в Кувейте. В таком ракурсе даже тайный подкуп капитана Харта выглядел поступком логичным и обоснованным — если Гопкинс хотел действительно держать руку на пульсе, ему нужен был независимый источник, который не стал бы приукрашивать рапорты о

подвигах Синдиката ради повышения в звании или прибавки к зарплате.

— Да так же и обстоят, — сказал я вслух. — Думаю, Синдикат уже занял Эль-Бурган и теперь облизывается на Эль-Вафру. По крайней мере, шансы на это определенно высоки.

— Облизываются на Эль-Вафру? — переспросил Харт, наморщив лоб.

— Ну, а почему бы и нет? Если у них так удачно все пройдет с Эль-Бурганом, почему бы не замахнуться на последний оплот Легиона в Кувейте и не попытаться выкурить прихвостней Тейлора из страны?

— Действительно, — неожиданно вяло пробормотал беглый капитан.

— Ты чего-то загрустил, — заметил я, пристально глядя на Харта. — Разве не ради победы все это затевалось?

— Ты, наверное, опять меня обвинишь в малодушии, — сказал капитан, — но чем быстрее Синдикат покончит с делами в Кувейте, тем меньше от меня пользы для Гопкинса. И что он со мной сделает, едва я стану ненужным, я и думать боюсь.

Его страх был мне знаком. И хотя в глубине души я надеялся, что наш таинственный заказчик не нарушит условий контракта, верилось в подобное развитие событий с трудом. Ну зачем, в самом деле, оставлять в живых опытного и опасного наемного убийцу, которого ты шантажировал фотографиями сестры? Чтобы в один прекрасный день он нашел тебя и прикончил? Куда проще избавиться от подобного типа, едва он стал бесполезен.

Другое дело, что умирать я вовсе не собирался.

— Пойдем, — сказал я. — Пока у нас нет выбора — надо возвращаться в Эль-Бурган, к твоим сослуживцам.

— Слушай, а если... если бы я заплатил тебе, напрямую? — заискивающе глядя на меня, пробормотал капитан. — Сколько скажешь! У меня ведь есть деньги!

— Заплатил за что? — угрюмо поинтересовался я.

Он откашлялся и выдал:

— Я хочу, чтобы ты вывез меня из Кувейта и доставил в США.

— Увы, это исключено, — покачал я головой.

— Почему? — не унимался Харт. — Что тебя держит, Мамонт?

— Сэм.

— Ну, пусть Сэм, какая, к черту, разница? Что тебя-то тут держит? У нас отличная возможность сбежать, а ты...

— Не такая отличная, как тебе кажется.

— Я был с тобой честен, так будь и ты со мной, — потребовал беглый капитан.

— Не требуй от меня ничего, если не хочешь проблем, — нахмурился я. — Мы не друзья, не приятели, не коллеги. Я просто должен доставить тебя в Эль-Бурган, чем и занимаюсь. И советую тебе не мешать мне с этим, если жизнь дорога.

Я развернулся, чтобы продолжить путь, когда он внезапно спросил:

— У него есть что-то, что тебе дорого, так? Что-то... или кто-то... именно поэтому ты не можешь просто сбежать... Верно?

Мне стоило больших усилий, чтобы не сорваться второй раз за последние десять минут.

— Просто иди за мной, — произнес я. — И не усложняй.

Капитан послушно замолчал, но взгляд, которым он буравил мою спину после, был донельзя красноречив.

Харт понял, что угадал мое слабое место.

* * *

— Воды, сэр? — предложил водитель, глядя на блестящее от пота лицо Богута.

— Обойдусь, — пробормотал ликвидатор, хмуро глядя на здание тюрьмы за окном джипа.

Беглецы словно в воду канули. Глен поначалу решил, что они ушли через канализацию, но спустившиеся туда бойцы вернулись ни с чем — тишина, мол, как в склепе, ни плеска шагов, ни голосов. Осмотр ближайших зданий тоже закончился ничем. Вполне возможно, Мамонт организовал где-то тайное убежище, скрытое от посторонних глаз. Но что в таком случае остается Богуту?

Только набраться терпения и ждать. Ждать, пока русский и его спутник решат высунуться наружу. Положение усугублялось тем, что была глубокая ночь и лишенные фонарей проулки утопали в непроглядной тьме новолуния.

Ликвидатор облизал пересохшие губы и поднял руку.

— Давай сюда флягу.

На самом деле, Легиону очень повезло, что местные не присоединились к бунту заключенных. Если бы обитатели Эль-Вафры решили поддержать беглецов и напасть на оккупантов, вполне возможно, малой кровью отделаться бы не удалось. Конечно, Богут не рассматривал вариант с полной потерей города — лишенные выучки и, главное, оружия горожане вряд ли смогли бы долго сопротивляться армии. Но иные районы,

вполне возможно, удержать бы не получилось, и это поставило бы под угрозу успех всей Кувейтской кампании, которая и без того развивалась не слишком удачно.

Впрочем, о глобальных задачах австралийский ликвидатор в те минуты и не помышлял. Его, честолобивого профессионала, безумно злило, что Мамонт смог улизнуть прямо из-под носа, да еще и прихватить с собой кого-то из заключенных. А вот то, что Сергей походя без особых угрызений совести отправил на тот свет шестерых рекрутов Легиона, не раздражало, а, скорее, печалило Богута. Да, с точки зрения ликвидатора идти по пути наименьшего сопротивления было логично и правильно.

Но ведь убивает он не кого-то, а вчерашних сослуживцев!..

Впрочем, за десятилетия службы Глен повидал немало дезертиров. Причины у всех конечно же были разными, а вот итог — неизменно один: преданная сторона, морщась, выковыривала из собственной спины окровавленный нож, клялась страшно отомстить изменнику и, как правило, сдерживала обещание.

То же планировал сделать и австралиец.

Утолив жажду, ликвидатор шумно выдохнул, вернул флягу водителю и вышел из машины.

— Вы куда, сэр? — крикнул тот из-за баранки, чуть приоткрыв окно.

— Займись чем-нибудь полезным, — буркнул Глен.

Трупы беглых заключенных Богут велел стащить обратно в тюрьму — чтобы, сверив физиономии убитых с портретами в досье, выяснить, кто же удрал вместе с Мамонтом. Собственно, этим осмотром ликвидатор и планировал заняться.

Когда он вошел внутрь, слегка опешил от увиденного. Мертвецы были повсюду, а пролитая кровь убитых хлюпала под подошвами ботинок. К сожалению или к счастью, солдаты Легиона ворвались внутрь, когда последняя камера уже была открыта и разгневанные синдикатовцы конечно же бросились на своих пленителей, вынудив тех вести огонь на поражение. Глен переступал через покойников, брезгливо морщился, случайно наступив в багровую лужу, но продолжал идти. Возле одного из убитых Богут задержался: это был тот самый рядовой, который помогал австралийцу проводить допросы. Опустившись на корточки рядом с трупом солдата, ликвидатор проверил его кобуру и карманы: ни ключей, ни пистолета. Вероятно, его Мамонт убил первым, чтобы освободить и вооружить цель, а также выпустить прочих пленников. Запустив руку во внутренний карман куртки, Глен нащупал там нечто мягкое, но упругое.

— Двоих наших пристрелили, — сообщил подоспевший курносый

сержант. — Этого вот и еще одного...

— Как думаешь, что это? — спросил Богут, продемонстрировав солдату крохотный мешочек с серо-стальным порошком. — На муку или сахар похоже не очень-то.

Сержант открыл рот, потом снова закрыл и лишь замотал головой — не знаю, мол, впервые вижу подобное.

— Рискну предположить, это — концентрированный яд, — сообщил Богут со вздохом. — Что-то вроде строфанта. Убивает, надо думать, мгновенно.

— Но зачем... зачем надзирателю понадобился яд?

— Видимо, чтобы отравить майора из шестой камеры, что он, собственно, успешно и проделал.

— А вы уверены, что это...

— На девяносто девять процентов, — сказал ликвидатор, поднимаясь. В правой руке он сжимал мобильник убитого. — Один процент я оставляю на то, что его кто-то подставил. Но, скорее всего, этот сученыш, — Глен легонько пнул труп надзирателя, — был предателем.

— Почему же его тогда убили? — недоуменно почесал затылок сержант.

— Возможно, потому, что он уже выполнил свою миссию и стал не нужен, — равнодушно пожал плечами Богут. — Предателей никто не держит при себе дольше, чем этого требует ситуация, — чтобы они не успели предать вновь. Заруби себе это на носу, сержант.

Солдат лишь растерянно кивнул, не зная, что еще на это ответить.

— Ладно, этого можно убирать, его телефон у меня, посмотрим, найду ли я внутри что-то интересное. Ну а где второй надзиратель? — спросил Богут. — Может, у него тоже рыльце в пушку?

— Он вон там, у дверей комнаты отдыха. — Сержант махнул рукой вглубь коридора и первым устремился в указанном направлении.

Богут проследовал за ним и уже пару минут спустя сидел на корточках, хмуро разглядывая убитого.

Вторая и, видимо, последняя жертва. Ничего необычного — оружия, конечно, тоже нет, но ключи на месте, значит, этого обобрали вырвавшиеся на свободу заключенные, которых не интересовали замки. Богут без особого желания проверил карманы, но никаких сюрпризов в них не обнаружил.

Интересно, «отравителя» русский устранил осознанно, зная, кто перед ним, или же надзиратель работал на какую-то третью, неизвестную организацию? Богут подозревал, что происходящая в Кувейте суматоха куда

сложнее, чем кажется на первый взгляд: вполне возможно, что здесь столкнулись интересы не только Эдварда Уоррена и Тейлора, но и кого-то еще, кто не собирается сидеть сложа руки и просто наблюдать за развитием событий.

Кто-то, кому хватает дерзости и влияния, чтобы вмешиваться в ход сражений двух частных армий за кувейтскую нефть.

Допустим, Мамонт действительно присоединился к Синдикату. Мог ли убитый надзиратель, отравивший майора, тоже работать на Эдварда? Да, вполне. Но если у тебя уже есть свой человек среди тюремных охранников, зачем отправлять туда еще кого-то (и тем более — только что завербованного ликвидатора)? Парню, имеющему абсолютно легальный доступ к ключам от камер, вполне по силам без особой шумихи освободить кого-то из заключенных. Ну а если «крот» так сильно боялся раскрыться, то он вполне мог использовать семена того же прострела раскрытого, чтобы временно «умертвить» нужного заключенного, спокойно вывезти его в лазарет, а уже оттуда переслать в Эль-Бурган. Богут однажды и сам прибег к такому методу, чтобы выбраться из плена афганских боевиков. «Умирать», пусть и ненадолго, было, что греха таить, страшновато — а ну как противоядие не сработает или подельник неожиданно решит его в тебя не вливать?.. — но когда иного выхода нет, годится даже столь рискованный.

— А это тоже предатель? — осторожно спросил сержант.

— А? — встрепенулся Богут. Он слишком погрузился в свои мысли, поэтому слова солдата застали его врасплох. — С чего ты взял?

— Ну, вы уже пару минут сидите рядом с ним, я решил, что он тоже... замешан, — объяснил парень.

— Нет, этот... может быть, конечно, но вряд ли, — сбивчиво ответил Глен и тут же мысленно пожурил себя: с самых первых дней в армии он знал, что в разговоре с низшими чинами никогда не следует демонстрировать неуверенность. — Скажи своим, чтобы они разгребли тела и положили их в ряд. Нужно сверить лица убитых с фотографиями в тюремном досье, а пока они свалены в кучу, сделать это не так-то просто. — Он мотнул головой в сторону кровавого хаоса за спиной.

— Да, сэр, — кивнул сержант и, повернувшись к прохаживающимся по коридору надзирателям, рявкнул:

— Все трупы — в коридор! Выложить в ряд... лицами вверх!

Богут неспешно поднялся и, сложив руки на груди, принялся с ленцой наблюдать, как засуетились солдаты. Вот один, невысокий и худосочный, ухватил мертвого пленника за щиколотку и, пыхтя, потащил наружу из шестой камеры. Вот двое других подняли окровавленный труп — один за

ноги, второй за подмышки — и понесли, спотыкаясь и чертыхаясь, через весь пролет к главному входу. Активизировались все, кто находился внутри: никто не хотел связываться с угрюмым майором Гэбстоном.

— А ты пока тоже без дела не стой, — сказал Глен, повернув голову к сержанту. — Столько народу здесь все равно не нужно, пусть парочка смотается на пепелище и вытащит оттуда всю уцелевшую аппаратуру. Этот парень должен был засветиться — если не на внутренних камерах, то на внешних точно, ведь как-то он пригнал к окну чертов «мустанг». Опять же, «мустангов» в городе не так много, разузнай, кому принадлежал этот. Номера кувейтские, «триста восемьдесят семь сто восемьдесят восемь». Пусть люди у местных поспрашивают, наверняка быстро должен найтись владелец. Все понял?

— Да, сэр, — после секундной заминки ответил собеседник.

— Отлично, занимайся, — кивнул Глен.

Пустой труд, думал Богут, глядя Курносому вслед. Мамонт наверняка уже сменил маскировку, и потому материалы с камер, если даже они уцелели, никак не помогут отыскать русского. Однако лучшего применения для сержанта все равно не было; пусть хотя бы этим занимается, может, удастся найти не только владельца «мустанга», но и еще кого-то, с кем Мамонт общался из числа беженцев или городских жителей. Конечно, шансов на подобную ниточку крайне мало, но чем черт не шутит?

В любом случае, пока сержант носится по городу, выполняя поручения наемника, Богуту следует вплотную заняться изучением трупов — ведь если для Мамонта сменить внешность пара пустяков, то его спутнику, которого он вытащил из тюрьмы, подобный трюк вряд ли удастся.

— Ну что тут, всех притащили? — нетерпеливо осведомился Глен, обращаясь к одному из надзирателей, щуплому пареньку лет двадцати трех-четырех, который только-только швырнул тучного мертвеца на бетонный пол и теперь шумно дышал, пытаясь перевести дух.

— Там на улице еще человека три-четыре, — сказал солдат. — Надо... сэр?

— Ну разумеется, надо. Я же сказал — всех заключенных сюда притащите.

— Сейчас... сделаем... — обреченно вздохнув, произнес Щуплый и устремился к дверному проему, ведущему на улицу.

Вскоре все мертвецы лежали перед австралийским ликвидатором, и он, вооружившись журналом с фотографиями, приступил к осмотру. Трем покойникам выстрелами разворотило лица, что вынудило задержаться около них подольше, но физиономии прочих сопоставить с портретами в

досье оказалось куда проще. Богут кропотливо помечал фамилии убитых в общем списке крестиком и обводил каждый крестик кружком для наглядности.

Буквально пять минут спустя стало понятно, что отсутствуют четверо заключенных. Первый — отравленный майор Адам Хэнсон, но с этим все было более-менее ясно: еще утром его снесли в лазарет, чтобы похоронить с прочими умершими. Второй — Джеральд Грин, сержант из пятой камеры, который сдал Хэнсона австралийцу. Третий — сержант Крауч, сосед Хэнсона. Четвертым был какой-то Билл Боуэн, обычный рядовой, из-за которого русский вряд ли рискнул бы соваться в Эль-Вафру... однако, пока не найдено тело, его тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Таким образом, с Мамонтом сбежал либо Грин, либо Крауч, либо Боуэн.

— Можете уносить, — сказал Богут, наконец оторвавшись от изучения списка.

— Куда, сэр? — спросил Щуплый, недоуменно покосившись на товарищей.

— Как это «куда»? А куда, по-вашему, следует доставить покойников? В лазарет, разумеется. Пусть их похоронят, как полагается.

Сказав это, Богут устремился к выходу, не обращая внимания на недовольное ворчание всех и каждого из солдат. Разумеется, перетаскивать трупы с места на место — работенка не из приятных, но кто-то ведь должен этим заниматься? Или они предполагали оставить мертвецов в здании городской тюрьмы — как бы для устрашения новых пленных, которых сюда привезут?

Крауч, Боуэн, Грин... Каждый после допроса заслужил галочку, лишь подчеркивающую их заурядность. Но факт налицо — кто-то из них (если не все трое) точно слинял вместе с Мамонтом. Главное, что круг сужен донельзя, пара кандидатов из тридцати возможных — это ничего, мелочи жизни. Правда, пока не совсем ясно, откуда начинать поиск.

Уперев руки в боки, австралийский ликвидатор огляделся по сторонам и остановил взгляд на уже выгоревшем, но еще продолжающем дымиться здании мониторинга, вокруг которого толпились солдаты и мирные жители. Был среди них и достопамятный сержант Курносый; орал, раздавал приказы направо и налево, но сам за ведро и багор не брался — не по чину.

Богут туда не пошел — зачем, если там и без него людей хватает? Вместо этого он решил прогуляться вокруг здания тюрьмы — вдруг рядовые что-то упустили из виду, что-то, что ему, опытному ликвидатору, может послужить зацепкой?

Первым делом он свернул в тот проулок, где Мамонт заблаговременно оставил раритетный «мустанг», чтобы позже использовать его для побега. По счастью, там было светло, как днем, — так ярко светил уличный фонарь. Подойдя к настежь распахнутому окну комнаты отдыха, Богут опустил на корточки и уставился на черные следы шин на бледно-сером асфальте, потом огляделся по сторонам — не обронили ли что-нибудь в спешке? Однако проулок был образцово чист — ни бычков тут не валялось, ни иного сора. Впрочем, окурки в эпоху электронных сигарет встречались все реже; их, как правило, оставляли после себя старожилы.

Внимание Богута внезапно привлек едва заметный след на асфальте. Будь он менее наблюдательным, наверняка бы его проглядел, но десятилетия в ранге штатного ликвидатора накладывают определенный отпечаток и учат иголку в стоге сена находить с завязанными глазами.

А тут — не иголка даже, а вполне себе характерный след ботинка сорок пятого-шестого размера.

Приглядевшись, австралиец увидел еще один отпечаток... и еще... И, что интереснее всего, обнаружил, что следы ведут к зеленому мусорному баку, крышка которого была закрыта, но неплотно, будто впопыхах. Заинтересованный, Богут поднялся и медленно, стараясь не шуметь, подошел к металлическому контейнеру. Правой рукой он нашарил кобуру на поясе, расстегнул ее и вытащил наружу «пустынного орла». Потихоньку снял его с предохранителя, а потом резко откинул в сторону крышку и отступил на шаг, одновременно вскинув руки с пистолетом. Указательный палец лежал на спусковом крючке; Богут готов был вести огонь на поражение, если придется.

С полминуты ничего не происходило. Пожевав нижнюю губу, Глен воскликнул:

— Давай, вылезай! И руки держи так, чтоб я их видел!

Это был старый и донельзя примитивный трюк. Если беглец действительно в баке, он, вероятно, запаникует — ведь его убежище раскрыто!.. Если же в контейнере никого нет, то Богут лишь зря сотрясает воздух, только и всего.

Ожидание ответа затянулось еще на десять — пятнадцать секунд. Ликвидатор не форсировал события. Возможно, гипотетическому беглецу требуется время, чтобы осознать всю безысходность положения? Он наверняка догадывается, что повторное пленение вряд ли закончится прежней камерой, нарами и баландой; скорее, на этот раз его просто прикончат на месте, чтобы зря не тратить на него провиант.

— Не стреляйте! — наконец донеслось изнутри. — Я сейчас вылезу!

— Давай живей! Не заставляй меня ждать! — с некоторым облегчением рывкнул Богут.

Секунда, другая, третья...

Наконец из контейнера вынырнули две загорелые руки. Ни оружия, ни иных предметов в них не было.

— Я не нарочно сбежал, — бормотал незнакомец. — Все просто ломанулись, ну а я че...

Следом за ладонями наружу показалась волосатая макушка. Богут все еще не мог понять, кто перед ним, но разгадка, судя по всему, была уже близка.

— Разберемся, парень! — заверил австралийский ликвидатор. — Ты, главное, не вынуждай меня стрелять!

— Да, сэр... — пообещал солдат, испуганно глядя на собеседника широкими зелеными глазами.

Будь Глен чуть менее дисциплинирован, наверняка позволил бы себе разочарованно вздохнуть: он узнал беглеца, и это был всего лишь Билл Боуэн, наименее интересный пленник из трех пропавших.

Внезапно грянул выстрел, и Богут, вскрикнув, схватился за правое плечо. Он бросился к баку, спеша уйти с линии огня. Еще одна пуля просвистела в считанных дюймах от затылка наемника.

— Дёру! — проорали из тьмы, обращаясь, видимо, к засевшему в контейнере Боуэну. Судя по голосу, это был не кто иной, как сержант Крауч.

Достигнув бака, Глен прижался спиной к горячему металлу и, продолжая поминать дьявола, переложил пистолет из раненой правой в здоровую левую.

«Старею, — подумал он со злостью. — Слишком много внимания уделил контейнеру и совсем не подумал об угрозе с периферии...»

Впрочем, разве можно было предположить, что беглецы осмелятся снова открыть огонь по своим пленителям? Им бы, по-хорошему, не прятаться по лазейкам, а бежать куда подальше и благодарить небеса за каждую подаренную секунду. Или они вздумали мстить за погибших товарищей? Как бы то ни было, за жизнь обоих пленников Богут не дал бы и гроша: напичканный легионцами город они могли покинуть разве что ногами вперед.

Крауч, видимо войдя во вкус, выстрелил еще несколько раз. Пули срикошетили от металла, заставив австралийца вздрогнуть. Судя по звуку, у беглеца был самый обыкновенный «девятимиллиметровый». Это приносило слабое, но утешение, поскольку кучность стрельбы в подобных

уличных стычках имела если не решающее, то крайне важное значение.

Поднеся к губам рацию, Богут прокричал:

— Всем! Всем! Нападение на офицера! Проулок слева от главного входа в тюрьму!

Контейнер содрогнулся — видимо, это Боуэн, оттолкнувшись руками, перемахнул через бортик. Звук удаляющихся шагов подтвердил догадку Богута.

Понимая, что он рискует упустить момент, Глен бросил пистолет на землю, вытащил из кармана миниатюрную светозумовую гранату и, вырвав чеку, швырнул ее в ту сторону, откуда доносились выстрелы.

— Твою мать! — заорал Крауч.

Грянул взрыв, и Богут, только этого и ждавший, моментально вышел из-за бака и произвел два быстрых выстрела.

— Сэр! — услышал он голоса за спиной. — Вы в порядке?

Оглянувшись, ликвидатор увидел троих надзирателей, спешащих к нему из-за угла. У каждого из них было по пистолету.

— Вы ранены... — отметил один из вновь прибывших.

— Мы слышали стрельбу, — поспешно сообщил другой, — и сразу бросились сюда! Где тот, кто в вас стрелял?

— Долго же у вас длится это «сразу», — холодно заметил австралиец. — Я уже всех прикончил.

Отвернувшись от солдат, он быстрым шагом устремился к лежащим на земле беглецам, дабы удостовериться, что они мертвы. Пистолет ликвидатор держал наготове, не желая, чтобы его снова застали врасплох. Пинком перевернув упавшего навзничь Боуэна, Богут придирчиво осмотрел его грязную физиономию. Взгляд стеклянный, в чертах лица застыла гримаса удивления. Скривившись, австралиец шагнул ко второму покойнику, когда из контейнера донесся тихий шорох. Резко обернувшись, ликвидатор наставил пистолет на мусорный бак, ожидая, что наружу собирается вылезти еще кто-то из беглецов («Мамонт с Грином?..»), однако это оказалась самая обыкновенная рыжая кошка. Судя по всему, она пряталась в контейнере от палящего кувейтского солнца.

«И как это ее не всполошила стрельба?» — провожая бродяжку недоуменным взглядом, подумал Глен.

Подоспевшие надзиратели кошке обрадовались, один даже присел на корточки и стал гладить бездомное животное между ушей. Богут брезгливо поморщился и устремился к Краучу.

Этому пуля прилетела точно в лоб. Пистолет из руки выпал и укатился к стене, а мятая, в жирных пятнах рубаша распахнулась, открыв взору

ликвидатора бледное брюхо. Сомнений в том, что Крауч мертв, у Богута не было, и потому он повернулся к обхаживающим кошку солдатам и, приложив руку ко рту на манер рупора, проорал:

— Этих двоих тоже в лазарет!

— Да, сэр, — нестройным хором отозвались надзиратели.

— Вас бы и самого туда отвезти, — заметил один из них, глядя на поврежденное плечо австралийца.

— Пустяки, — сказал Глен, пряча пистолет в кобуру на поясе и снова зажимая кровоточащую рану ладонью. — Бывало и похуже...

Однако, хоть он и не хотел признаваться, его действительно немного мутило.

2031 г., Вашингтон, США

— Итак, что же нам теперь делать? — спросил Рассел, плюхаясь в кресло и с явным облегчением вытягивая мускулистые черные ноги: даже такой натренированный тип, как сержант, иногда уставал.

Решив, что ехать домой к детективу небезопасно, они отправились в холостяцкую берлогу главы ударного отряда. Замок Рассел открывал, обливаясь потом — боялся, что им тоже успели подготовить сюрприз. К счастью, обошлось.

Пока что обошлось.

Внутри пахло приторным освежителем воздуха — что-то среднее между «после дождя» и «морской бриз». Тернер припомнил, что однажды бывал тут, лет пять назад, и в единственной комнате, кажется, с тех пор здесь мало что поменялось: все те же настенные полки, уставленные многочисленными спортивными кубками (школа, колледж; баскетбол, легкая атлетика, регби — Рассел был настоящим многостаночником), все те же дипломы, стопочкой лежащие на журнальном столике, который пылился в углу. Даже кресло, казалось, было то самое, только изрядно постаревшее. Детектив невольно скривился, представив, как пружина прорывает худую обивку и впивается в ягодицу бедолаге, решившему на этот раритет присесть.

— Мы, конечно, можем остаться у меня, — не дождавшись ответа от Тернера, пустился в рассуждения сержант. — Но это только как временная мера, сам понимаешь. Рано или поздно они могут прийти и сюда.

— Ты, главное, не забывай, что мы по-прежнему служим в полиции и свой отпуск за этот год я уже отгулял, — заметил Ларри. — Если просто

возьмем и пропадем со всех радаров, выдадим себя с головой.

Подойдя к комоду, на котором также стояла пара наград, он взял одну из них — симпатичную, сделанную «под золото», статуэтку баскетболиста — и с интересом принялся вертеть ее в руках.

— Капитан мертв, старик, — напомнил негр, облокотившись на колени и мрачно посмотрев на друга исподлобья. — И мы косвенно в этом виноваты.

— Разве что косвенно... — пробормотал Тернер.

Он вернул статуэтку на место и снова повернулся к хозяину квартиры.

— Мне кажется, лучшее, что мы можем сделать в данной ситуации, это... ничего не делать, как бы глупо это ни звучало.

— То есть, ты предлагаешь просто разойтись по домам и забыть о случившемся, как о страшном сне? — выгнул бровь Рассел.

Тернер не успел ответить: мобильный негра взорвался трелью как раз в тот момент, когда детектив открыл рот.

— Кто там? — чуть дрожащим от волнения голосом спросил Ларри.

— Да! Нет, не отвлекаешь, какое тут отвлечение... Что? По какому? Ага, сейчас... — пробормотал Рассел в трубку и сбросил вызов.

— Кто это был? — снова попытался вызнать Тернер.

— Палтон, — буркнул Рассел. Он подхватил лежащий на столешнице пульт и нажал кнопку включения. — Говорит, по второму репортаж о взрыве в доме Барнса. Вроде как есть на что посмотреть.

— Он же уже, наверное, закончился?

— А буфер мне на что? — фыркнул сержант.

— Ах, буфер... Я просто им никогда не пользовался, даже не настроен у меня.

— А как же ты баскет смотришь, если в смене?

— Жду повтора, — немного раздосадованно буркнул Тернер.

— Ладно, потом как-нибудь покажу, — пообещал Рассел, увлеченно перематывая запись назад. — Ага, ну вот, кажется, наш момент...

Нажав кнопку воспроизведения, он вернул пульт на тумбочку, откинулся на спинку кресла и сложил руки на груди. Тернер с интересом уставился на экран, где молодая дикторша сообщала о случившейся трагедии и предупреждала, что следующие кадры могут шокировать неподготовленную аудиторию, так что смотреть их следует только на свой страх и риск. Рассел хмыкнул.

— Готов спорить, когда они говорят всю эту чушь про шокирующие сцены, — произнес он с глумливой улыбкой, — в глубине души так гордятся, что смогли заснять все это дерьмо и вывалить его на экран на

радость кроважадной публике!..

— Мы находимся в Джорджтауне, — сообщила появившаяся на экране репортерша, — рядом с домом капитана полиции Рональда Барнса, который стал новой жертвой так называемого «Подрывника Джонсона».

— «Подрывника Джонсона»? — недоуменно пробормотал Рассел, косясь в сторону детектива, который, судя по взлетевшим на лоб бровям, удивился ничуть не меньше товарища. — Seriously? И они пускают подобную «дезу» в эфир?

— Это их хлеб, — откашлявшись, вяло заметил Тернер. — Раздувать из мухи слона, связывать несвязываемое в попытке получить на выходе сенсацию и рейтинги соответствующие... Но вообще неожиданно, да.

— Смотри, смотри, старик! Там, на заднем фоне! — воскликнул Рассел, тыча пальцем в сторону экрана. — Это же мы с тобой!

— Надо ж было засветиться... — проворчал Ларри.

Как назло, Тернер стоял к камере лицом, тогда как сержант лишь сверкал бритым затылком.

— А ну-ка отмотай назад... — сощурившись, медленно произнес детектив.

— Что ты там увидел? — недоуменно спросил Рассел, глядя, как друг подходит к телевизору почти вплотную.

— Попросил же — отмотай! — раздраженно воскликнул Тернер.

— Ладно-ладно, не заводись, эй, — нахмурился глава ударного отряда, однако больше медлить не стал — взяв в руки пульт, нажал кнопку перемотки. — Далеко еще?

— Да нет... Вот, тормози!

— И что ты здесь увидел? — спросил Рассел, терпеливо досмотрев ролик до самого конца.

Тернер пятился назад, пока не уткнулся в стену. Вздвогнув, он посмотрел на друга.

— Эй, да ты белый, как мел, — обеспокоенно глядя на бледную физиономию Тернера, заметил негр. — Что такого ты там увидел?

— Губы, Рас, — с печальной улыбкой ответил детектив. — По моим губам можно легко прочесть, что я тебе говорил.

— Ой, да брось, — поморщился сержант. — Думаешь, кто-то станет под лупой изучать этот дурацкий репортаж?

— А ты, значит, сомневаешься? После того, что случилось с Барнсом? — покачал головой Тернер. — Ты ведь только что сам убеждал меня переехать к тебе, пока мы не придумаем, что делать дальше!

— Это другое, — упрямо возразил Рассел.

— Да нет, старик. Не другое. Я, наверное, излишне сгущаю краски, да. Но, поверь, если они хоть немного сомневаются на наш счет, этот репортаж они изучат досконально, и тогда нам точно крышка.

— Согласен, может быть такое, — мрачно кивнул негр.

Рассеянно глядя сквозь телевизионный экран, он двумя пальцами поглаживал подбородок — известный признак того, что Рассел погружен в раздумья. Тернер его не дергал, ему и самому было о чем поразмыслить.

«Кажется, до пенсии мне не дожить...»

Проклятое воображение услужливо нарисовало кровавую сценку — вот детектив, как ни в чем не бывало, возвращается домой, вот он достает из кармана ключ, вставляет в замочную скважину, поворачивает против часовой стрелки и заходит в райские врата, кивнув в знак приветствия апостолу Петру. Новые репортажи, новая, еще большая ложь в СМИ, которая призвана закопать предыдущую, малую, — и все ради того, чтобы спасти безупречную репутацию Эдварда и его прихвостней.

К черту такие мысли. Конечно, расслабляться не стоит, но паниковать — это еще хуже. Барнс погиб, да, но их-то пока никто устранить не пытался!..

— А знаешь, что интересно, старик? — внезапно произнес Рассел, сбив друга с мысли.

— Что? — нехотя проронил Тернер.

— Что по телеку до сих пор не показали ролик, который ты залил на «ютьюб». А ведь могли.

— Ну, оно и немудрено, наверняка Эдвард все подчистил, чтобы не врать потом на многочисленных пресс-конференциях и не вливать миллиарды в новую рекламную кампанию...

— Нет, ну ладно центральное телевидение у него на коротком поводке. Но как же всякие... независимые каналы?

— А их разве финансируют не те типы, которых так рьяно защищает Эдвард? — фыркнул Тернер.

— Но ты представляешь, какой это лакомый кусочек для любого неудачника, застрявшего на каком-нибудь вонючем канальчике, который даже никто не смотрит... не смотрел до появления этого видео в эфире? — не унимался Рассел. — Прикинь, ему такая возможность выпадет — показать в эфире шокирующий ролик из сети? Я бы такую не упустил, а ты?

— У любого неудачника с затрапезного канала есть начальство, которое определяет, что им включать, а что нет, — покачал головой детектив.

— Выходит, все... зря? — разочарованно произнес сержант.

Он вытащил из кармана мобильник и заскользил пальцам по сенсорному экрану.

— Что ты делаешь? — спросил Тернер.

— Ищу видео в интернете, хочу просмотры глянуть и комментарии.

— Его там нет, Рас.

— Как «нет»? — Сержант оторопело посмотрел на друга.

— Пока мы ехали обратно, я забил в поиске название ролика. Его стерли. И канал, с которого я его залил, — тоже.

— Вот Дьявол! — в сердцах воскликнул негр.

Он бросил мобильник на столик, и тот, кувыряясь, прокатился по крышке и замер на самом краю, чудом не свалившись на пол.

— И что, неужели никто не сохранил его себе? — спросил Рассел с надеждой.

— Сомневаюсь, — угрюмо произнес детектив. — У нас ведь сейчас эра репостов... которые моментально теряются, если удален основной ролик. А даже если кто-то скачал и лично запостил видео, его тоже потеряли — говорю же, на «ютюбе» нет роликов с таким названием, ничего похожего не выдает даже по запросам «Курт», «Шервуд», «авария», «автокатастрофа»...

— Но у тебя же остался файл на флэшке, верно? Мы ведь можем передать его на какой-нибудь из тех гребанных независимых каналов, о которых я только что говорил...

— Слишком опасно, — покачал головой Тернер. — Они уже нанесли удар по Барнсу, то есть примерно знают, куда бить. Если же мы припрямся с флэшкой на телевидение, нас точно прихлопнут.

— Так может, нам стоит засветиться нарочно? — внезапно произнес Рассел.

— Вот сейчас не понял, о чем ты, — признался Тернер, удивленно глядя на негра.

— Ну сам посуди — если мы в открытую выступим с этим видосом, сможет ли Эдвард вот так запросто, как Барнса, нас устранить? Ведь если мы пропадем после того, как ролик покажут по ТВ, все моментально решат, что это он нас грохнул, сечешь, старина?

— В этом есть разумное зерно, не спорю, — нехотя согласился Тернер. — Но вопрос в другом: сможем ли мы донести правду раньше, чем нас все-таки прикончат?

— Не знаю. Единственное, надо было тебе изначально заливать ролик от своего имени и себя добавить в начале, чтобы все видели твою

физиономию, — наставительно произнес сержант. — И ты такой типа: «Если вы узнаете, что я погиб при невыясненных обстоятельствах, то знайте: в этом виноват Эдвард Уоррен, глава Синдиката!» Думаю, это был бы хит. И Барнса, надо полагать, не тронули бы.

— Что ж, капитана нам, конечно, уже не вернуть... но сам ролик мы все еще можем доработать, — задумчиво произнес детектив.

Их взгляды встретились.

— Черт, черт, черт... — забормотал Рассел, снова подхватывая со стола мобильник. — Не поверишь, но... блин, мне реально страшно, старик.

— Мне тоже, — смущенно улыбнулся Тернер.

— Но кто, если не мы, верно? — нарочито развязно хохотнул сержант, хотя дрожь в голосе выдавала его волнение. — В конце концов, ты прав — они на нас легко могут выйти и без всякого ролика. Но этим видосом мы прикроем наши задницы, по-любому. Ладно, к черту сомнения — давай, позируй! Снимем тебя, врежем в начало того файла и снова зальем всю эту дрянь на «ютьюб» да по студиям разошлем!

— Сейчас, сейчас... — Ларри судорожным движением извлек из кармана платок, утер им взмокший лоб и отрывисто кивнул сержанту: — Поехали.

Когда око мобильной камеры уставилось на него, он произнес:

— Привет всем. Меня зовут Ларри Тернер, я — детектив в управлении полиции Вашингтона. Если вы... — Он запнулся, но быстро нашелся. — Если вы узнаете, что я погиб, знайте — в этом виноват Эдвард Уоррен, глава Синдиката, лучший друг банкиров. То, что вы увидите дальше, может... может показать вам его истинное лицо. Но, мистер Уоррен... — Еще одна заминка. — Что бы вы ни сделали, вы опоздали. Это видео растиражировано и разослано на телеканалы, в редакции журналов и газет и, главное... — Он шумно сглотнул. — Мы отправили это лично генералу Джону Тейлору.

Рассел удивленно вскинул брови.

— На этом все. Смотрите ролик, пока люди Эдварда не удалили его из сети. Прощайте.

— Ну ты силен, старик, — остановив запись, уважительно хмыкнул Рассел.

— Нормально вышло? — откашлявшись, спросил Тернер.

Он снова вынул платок, который моментально стал влажным: ладони детектива тоже вспотели.

— Более чем! — заверил сержант. — Флэшка у тебя с собой? Давай

подключим ее через хост, соберем ролик и сольем его в сеть прямо сейчас!

Тернер замер с платком у лба и медленно скосил глаза на главу ударного отряда.

— В чем дело? — предвкушая подвох, обеспокоенно спросил сержант.

— Она в управлении, Рас, — пробормотал Ларри.

— Это плохо, старина. Очень. А зачем ты вообще оставил ее там?

— Ну не дома же мне ее хранить. В управление вроде как сложнее забраться, чем ко мне в квартиру, разве нет?

— Может, и так. Ладно, что теперь рассуждать? — Рассел вскочил с кресла и чуть ли не бегом устремился в прихожую. — Помчали.

— В управление?

— Ну а куда ж еще? Эй, старина, соберись, дело еще не сделано. — Негр подступил к Тернеру и, положив руку ему на плечо, хорошенько встряхнул. — Давай же!

— Ага, — кивнул Ларри.

Они уже подошли к входной двери, когда снаружи послышался гул шагов.

— Кто это там шастает? — пробормотал Тернер.

— Да мало ли? — пожал плечами Рассел.

Он забрался в кроссовки и потянулся к дверной ручке, однако так и замер на полпути.

— В чем дело? — обеспокоенно поинтересовался детектив.

— Ручка, — пробормотал сержант.

В следующий миг он попятился, вынудив Ларри отступить обратно в комнату.

— Что происходит? — одними губами спросил Тернер, глядя, как Рассел вытаскивает из подмышечной кобуры достопамятного «пустынного орла».

— Кажется, к нам гости, — прошипел негр.

Некоторое время ничего не происходило, и друзья, стоящие у порога гостиной с пистолетами наголо, невольно засомневались. Однако потом дверная ручка снова задержалась, и Рассел, одарив Тернера взглядом из разряда «ну я же говорил», снял «орла» с предохранителя. Черный палец лег на спусковой крючок.

— Думаешь, это хорошая идея? — шумно сглотнув, осведомился детектив.

— А у тебя есть получше? — раздраженно буркнул негр, стараясь не отвлекаться от входной двери, ручка которой продолжала сходить с ума.

Судя по металлическому скрежету, прямо сейчас неизвестные

взломщики воевали с замком с помощью отмычки. Сомнений в том, что они хотят проникнуть внутрь, уже не оставалось.

Тернер постарался вспомнить, когда он в последний раз стрелял из пистолета. Если не считать престранного возвращения в собственную берлогу несколько часов назад, когда детектив едва не подстрелил затаившегося внутри сержанта, он из кобуры-то свой «глок» доставал в последний раз месяцев восемь назад и то — чтобы проверить-почистить механизм. Рассел, конечно, в этих вопросах был куда более опытным: волей-неволей главе ударного отряда приходится частенько браться за оружие, ведь каждый штурм — это потенциальная перестрелка с засевшими внутри бандитами.

— Открываем огонь только по моей команде, — шепотом напутствовал Тернера негр. — Они нам полезней живые, чем мертвые. Сам, думаю, понимаешь, почему.

Детектив понимал. Показания наемных убийц в обмен на сделку, как минимум, свяжут Эдварду руки (если она действовала через подставное лицо), а как максимум позволят упечь главу Синдиката за решетку на долгие-долгие годы. Впрочем, мечтать пока рано. Если наемники настроены решительно, пленить их вряд ли удастся — тут бы самим выжить, ей-богу...

Внезапно все стихло. В воцарившейся тишине было слышно, как Рассел облизывает пересохшие губы. Они выждали с полминуты. Безрезультатно. Дверная ручка больше не подавала признаков жизни, и в замке никто не копошился.

— Что за чертовщина... — пробормотал негр, как показалось детективу — немного разочарованно.

Тернер, признаться, и сам не понял, что произошло. Возможно, неизвестных взломщиков кто-то спугнул, возможно, Эдвард почему-то неожиданно решил отозвать своих наемников, но, как бы то ни было, внутрь никто больше не стремился.

Детектив на цыпочках прошел к окну и, отодвинув в сторону бежевую штору, выглянул наружу. Двое хмурых мужчин в солнцезащитных очках и черных костюмах-«тройках» как раз садились в темно-синий «фольксваген». Не факт, что именно эта парочка суежилась у двери, но, по крайней мере, выглядели незнакомцы весьма подозрительно. Внезапно один из мужчин задрал голову, и детектив невольно отпрянул, опасаясь, что его могут заметить.

— Что там? — спросил Рассел, делая шаг в направлении окна, однако Тернер вскинул руку, останавливая друга.

— Два мужика. Садятся в темно-синий «фольксваген». Не подходит — они сюда пялились только что.

— Ты номер запомнил?

— Да... вроде бы. — Ларри полез за телефоном, чтобы записать, пока не забыл.

— Ну что, пошли? — спросил Рассел, первым устремляясь в коридор.

— Да, пожалуй... — буркнул детектив.

Он до сих пор не мог понять, что же сейчас произошло. Пришли, покопались в дверном замке и ушли...

Неожиданная догадка показалась чертовски очевидной, даже странно, что она не сразу пришла ему в голову.

— Стой! — воскликнул Тернер, бросаясь следом за сержантом.

Тот, вздрогнув, замер и оглянулся через плечо:

— В чем дело, старик?

— А ты не думаешь, что они... вовсе не хотели попадать в квартиру?

— Ты о чем?

— О бомбе. Почему бы им не устранить тебя и меня тем же способом, каким они избавились от Барнса? Ну сам подумай — откуда им было знать, что мы сидим внутри? А просто так тащиться и вламываться в квартиру — зачем?

— А разве подстеречь и пристрелить нас — плохой вариант? — пожал плечами Рассел.

— Но зачем светиться, если можно совершить еще парочку взрывов и все повесить на убийцу, который уже расправился с банкиром и шефом полицейского управления? — терпеливо объяснил Тернер. — Ролик пропал из сети, те, кому о нем известно, убиты...

— А как же твой дружок из ФБР? — спросил сержант.

Тернер открыл рот, чтобы ответить... а потом судорожным движением выдернул из кармана мобильник и набрал номер Паттерсона — во второй раз за последний час. С прежним эффектом, то есть — нулевым: «телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети». Может, конечно, просто батарея села... но ведь не факт, что все настолько безобидно? Воображение снова не стало миндальничать и вывалило на суд Тернера худший из возможных сценариев, по сути воспроизведя увиденное у дома Барнса, только с Паттерсоном в главной роли.

— Думаешь, до него уже добрались? — Рассел тронул друга за плечо.

— Не знаю, — покачал головой детектив. — Он давно не отвечает. Хотя, думаю, если бы его действительно убили, об этом уже сообщили бы в новостях.

— Да ну, не факт, — добавил сержант. — Не обо всем по телеку рассказывают.

— Ладно, с этим мы разберемся позже, — выдохнув, сказал детектив. — Сначала надо понять, как нам выбраться из квартиры.

— То есть, ты уверен, что дверь заминирована?

— А ты хочешь рискнуть?

— Да нет, не особо, — усмехнулся Рассел. — Я видел, что стало с Барнсом, я так не хочу. Но тут третий этаж, старик. Мы не можем просто выпрыгнуть в окно.

— А выхода на пожарную лестницу, случайно, нет? — подумав, спросил Тернер.

— Ну как тебе сказать? До него топать футов десять по узкому бортику. Ты на такое осмелишься?

— Пойдем хоть взглянем, — предложил Ларри, однако в голосе его, разумеется, никакой уверенности не было: бродить по каким-то там бортикам на высоте третьего этажа ему совершенно не улыбалось.

Впрочем, взрывать, бесспорно, хотелось еще меньше.

Однако все, увы, оказалось в точности, как предупреждал сержант: бортик — узким, пожарная лестница — достаточно далекой, а высота — угрожающей.

— Хуже всего знаешь, что? — повернувшись к другу, улыбнулся Тернер. — Чтобы выбраться, пройти по этому чертовому бортику придется обоим, а не одному из нас.

— Ну и что же нам теперь делать? — Рассел огляделся по сторонам. — Звонить саперам?

— Идея неплохая, но представь, сколько они будут ехать. За это время люди Эдварда вполне успеют наведаться в управление и забрать нашу флэшку... если до сих пор этого не сделали. А вдобавок, прикинь, какая шумиха поднимется! Да сюда все репортеры города слетятся, и мы снова попадем в репортаж.

— А другого способа я не вижу, — пожал плечами негр.

Закусив губу, детектив выглянул в окно снова. Но сейчас раз он смотрел вниз.

— А что насчет кондиционера? — спросил Ларри, не поворачивая головы.

— Какого? — Рассел тоже выглянул наружу.

— Этажом ниже. И под ним. А там уже и до земли рукой подать.

— По кондерам спускаться? Ты с ума сошел? Это ж еще опаснее, чем по бортику.

— Ну, кондиционеры повнушительней и пошире... разве нет?
— Чушь и бред это все, старик. Мы шеи себе свернем, будь уверен.
— Ладно, к черту. Тогда я звоню саперам, только попрошу, чтобы не поднимали шумиху... если получится.
— Постой-ка, — остановил его Рассел.
Вытянув шею, он завороженно смотрел куда-то вдаль.
— Есть идеи? — спросил Тернер.
Негр указал в сторону передвижной машины с логотипом электросетей и телескопической вышкой. Прямо сейчас пожилой седоусый мужчина, стоя в корзине, возился с электрощитком, размещенным на вершине столба.
— Думаешь, они нам помогут? — недоверчиво произнес Тернер.
— Зачем мне они? У меня брат там же работает, водит такую же машину. Уж он-то сможет нас вытащить без лишней шумихи.
— Отличная идея, Рас, — улыбнулся детектив.
Однако миг радости был чертовски коротким — ведь им предстояло еще сделать слишком много, чтобы спасти собственные шкуры и мимоходом скомпрометировать могущественного Эдварда Уоррена.
И эта задачка, увы, выглядела куда сложнее, чем спуск с третьего этажа.

2031 г., Эль-Вафра, Кувейт

— Что-нибудь нашел? — спросил меня Харт, когда я спускался от люка вниз по хлипкой ржавой лестнице.
— Старый «додж дакота», — сказал я, снова погружаясь подошвами в мутную сточную воду, и с неодобрением покосился на пистолет в его руках. — Стоит у дома. Да убери ты уже пушку, пока меня не продырявил!
— А если бы это был не ты? — пробурчал беглый капитан, пряча оружие.
— В любом случае стрелять ты не имел права, — отрезал я. — Поднялся бы шум и нас обоих сцапали.
— Что за чушь? — поморщился Харт. — Мне что, сдаться надо было?
— Выключить фонарь и затаиться, — процедил я. — Разве это не очевидно?
Он закатил глаза, явно недовольный очередным моим наставлением.
Чем дольше я находился рядом с капитаном, тем сильнее он меня раздражал. Возможно, тому виной был его характер, далеко не сахарный,

возможно, то, что на кону стояли не только наши с ним жизни, но и жизнь моей сестры Джулии... Сложно сказать однозначно, за что я невзлюбил этого парня, но то, что невзлюбил, было фактом неоспоримым.

Ну и вдобавок я невольно начал подозревать, что он вовсе не офицер Синдиката, — уж больно специфические у него были повадки. Хотя, конечно, я знал не так много офицеров армии Стального Эдварда, чтобы делать столь поспешные выводы.

— Ну так что, полезли наверх? — снова подал голос Харт. — Прокатимся?

— Не так быстро, торопыга. Там ошиваются двое солдат Синдиката, — сказал я. — И ключ от тачки, надо думать, у кого-то из них.

— Да на кой черт нам нужен ключ, если мы и так можем завести мотор?

— Проблема не в моторе, а в чертовом шуме, — прорычал я. — Нас ищут по всему городу, наверняка повсюду патрули, и этот — один из них. Без ключа придется либо вскрывать замок отмычкой, которой нет, либо высаживать стекло, а это привлечет к нам всех солдат в округе. Какой вариант тебе нравится больше?

— Ладно, я тебя услышал. Но что предлагаешь ты, Сэм? — сощурившись, поинтересовался он. — Сидеть здесь, пропитываясь вонью, пока все наверху не передохнет от скуки?

— О, да ты весельчак. Я тоже таким бываю... когда не спасаю офицерские задницы из плена.

— По-твоему, я должен бродить за тобой кроткой овечкой? — разозлился Харт.

— Да, ты должен быть овечкой. Не забывай, что ты — всего лишь чертов груз, который мне нужно доставить из точки «А» в точку «Б».

— От твоих решений зависит и моя жизнь тоже. Так почему я должен молчать, когда мне твой план кажется глупым?

— Потому что груз не спорит с курьером, — сказал я невозмутимо.

Я старался казаться спокойным, чтобы еще сильнее разозлить Харта. Гневно раздувающиеся ноздри и налитые кровью глаза соперника — чем не высшая награда для любого спорщика? Хотя, конечно, будь моя воля, я бы пресек все эти глупые пересуды на корню, просто застрелив умника. Ах, как жаль, что в задании не было оговорки «доставить живым или мертвым»!.. Уж лучше тащить за собой бездыханный труп, чем упирающегося барана.

— Сиди здесь, я скоро вернусь, — наставительно изрек я, пресекая новую волну бессмысленных возмущений. — И не спрашивай, каким

образом я собираюсь раздобыть для нас этот треклятый «додж».

Он презрительно фыркнул и отвернулся.

Нет, все-таки в нем действительно чертовски мало от настоящего армейского офицера.

Я снова поднялся вверх по лестнице и, стиснув зубы, медленно и бесшумно (насколько мог) сдвинул в сторону крышку люка. Снаружи, к счастью, по-прежнему царила практически непроглядная темнота. Я включил прибор ночного видения и вылез на поверхность.

Вот и «додж», на том же самом месте, а рядом — парочка солдат, стоят, негромко переговариваются о чем-то. У каждого в руке по фонарю, а пистолеты болтаются в поясных кобурах, словно огромные бесполезные брелоки. Один курит электронную сигарету, второй ему что-то рассказывает, слов не разобрать. Они как будто не очень-то и жаждут найти меня и Харта — наверное, всему виной шесть новоиспеченных покойников. Никто не хочет умирать, тем более — юный рядовой, только-только присоединившийся к армии Тейлора.

Судя по всему, парочка расслаблена, насколько это вообще реально в подобных условиях. Возможно, они думают, что, если сами меня искать не будут, им ничего и не грозит. Поразительная беспечность...

Я закусил губу.

На моих руках и без того уже слишком много крови вот таких вот молодых ребят, которым не свезло оказаться между мною и моей целью, и потому мне хотелось, вопреки здравому смыслу, не убивать их, а просто вырубить. Держи они пистолеты наготове, это, пожалуй, можно было бы назвать полным идиотизмом, но парни явно не помышляли пускать оружие в ход...

К черту сомнения. Если ты напортачишь, умрете не только вы с Хартом, но и твоя сестра. Так что действуй, как полагается, а не как хочется. Взвесив все за и против, я решил, что мне в любом случае придется прежде отправить парочку в отключку и только потом застрелить — следы крови посреди переулка могли выдать нас раньше, чем мы выбрались бы из города.

Я на всякий случай выждал время — не подойдет ли еще кто-то? — и только после этого на цыпочках устремился к болтающим солдатам.

— А я думаю, этот тип... ну, который ребят покосил, уже далеко отсюда, — услышал я голос того, что с сигаретой: в паузах между словами он тихо причмокивал.

— На кой черт он вообще полез в тюрьму? — пробормотал второй.

— Как это — «на кой черт»? Он оттуда какую-то шишку важную

вытащил... вроде как. А иначе б зачем еще?

— Да кто там такой важный был? Сплошь такие ж, как мы, небось. Полковники да генералы — они на передовую не особо рвутся, сам ведь знаешь!

— Ну ты пример привел, тоже мне! — фыркнул курильщик. — Полковники, генералы!.. Вон, говорят, майор какой-то сержантом сказался, а потом его грохнули прямо в камере — чем тебе не важная шишка?

Второй присвистнул, и я решил больше не медлить: ухватив пистолет за ствол, обрушил рукоять на его затылок. Увидев, как товарищ падает без чувств, курильщик выронил сигарету, оглянулся испуганно через плечо и тут же получил от меня кулаком в морду. Ударил я как надо — костяшкой указательного пальца прямо в висок, — и он тоже рухнул на землю рядом со сраженным напарником.

Не теряя времени, я опустил на корточки и обшарил карманы солдат. Ключ с брелоком «доджа» нашелся в кармане у курильщика. Стянув с бедолаги китель и подобрав его кепку, я споро напялил все это на себя, после чего оттащил солдат к мусорному баку и закинул их внутрь. Глушитель на ствол пистолета я накручивал нарочито медленно, будто надеялся, что передумаю их добивать. Но стоило представить, как хмурые мужики с пистолетами врываются в квартиру Джулии и хладнокровно наспиговывают ее пулями, и гуманности во мне заметно поубавилось. Два едва слышных хлопка, и мой послужной список пополнился еще двумя жертвами.

Итого за сегодня восемь.

Чертовски кровавый день...

Глушитель отправился обратно в карман, пистолет нырнул в кобуру. Захлопнув крышку мусорного бака, я бросился к открытому люку и нырнул внутрь.

— Наверх, живо! — рявкнул я, взглядом отыскав моего спутника.

Сидевший на корточках беглый капитан без лишних слов (удивительное рядом!) взвился на ноги и метнулся к лестнице.

Пока он карабкался вверх, я вернулся к «доджу», открыл дверь и забрался внутрь. Мотор завелся с первого раза и, к моему неудовольствию, взревел куда громче, чем я надеялся, но шум остался без внимания — видимо, на наше счастье, иных солдат поблизости не было.

— Действуем по первоначальному плану, — сказал я, когда Харт забрался в машину и захлопнул дверь. — Едем не спеша, если кто спросит, ищем сбежавшего из тюрьмы арестанта и его сообщника. Но говорить буду я, а ты вообще лучше не высовывайся, иначе тебя узнать могут. Понял

меня?

— Да понял, понял... — проворчал Харт.

«Хотелось бы верить!..»

«Додж» выполз на центральную улицу и нагло поплыл вдоль однотипных домов, у которых ошивались патрульные и, реже, припозднившиеся гражданские. Последние нас волновали мало, а вот первые нет-нет и косились в нашу сторону — кто равнодушно, просто обращая внимание на движущийся автомобиль, а кто недоуменно и даже подозрительно. Благо пока никому не приходило в голову нас остановить, однако случиться это могло в любую минуту, и потому я был предельно собран. Капитан же, казалось, напротив, излучал беззаботность: постукивая по коленке ладонью, он с интересом оглядывался по сторонам, как будто мы не сбежать из вражеского лагеря пытались, а всего лишь принимали участие в некоей увлекательной экскурсии. Меня такой подход злил, хотя умом я понимал, что такое поведение усыпляет бдительность случайных соглядатаев куда больше, чем моя хмурая мина.

По идее, мы должны были выбраться из города без особых проблем: на нас обоих — форма Легиона, те двое, что могли сообщить об угоне и похищении обмундирования, мертвы, а в городе, судя по количеству патрулей, чуть ли не чрезвычайное положение, и на то, чтобы приглядываться к собратьям, времени просто-напросто нет. Другое дело, что за ворота нас могут не пустить без подтверждения офицера, руководящего операцией, — то есть Гэбстона. Но на этот счет у меня была пара идей, пусть и довольно рискованных; в любом случае, прежде всего следовало хотя бы добраться до западной границы Эль-Вафры.

Когда на горизонте наконец показались ворота, Харт все же занервничал. Скосив глаза в его сторону, я не без удовольствия наблюдал за тем, как он облизывает пересохшие губы и ерзает на сиденье, будто оно моментально стало чертовски горячим или, напротив, ледяным. Мне снова вспомнилась русская зима и допотопные советские трамваи, на раскаленных креслах которых можно было яичницу жарить.

— Угомонись, — фыркнул я.

Капитан, вздрогнув, повернулся ко мне.

— Ты решил через главные ворота?

— Ну да.

— Я думал, у тебя где-то в этом районе потайной лаз.

— Хотелось бы такой иметь. Но увы, все мои тайные ходы — это канализация.

— А как же ты вообще в город попал?

— Как, как... Беженцем притворился, вот как.

Когда до заветных створок оставалось не больше семи метров, я поднес к губам рацию и, откашлявшись, произнес:

— Эй, там, на воротах, прием! Открывайте!

И, переключившись на прием, стал ждать ответа.

Секунд пять в эфире царила могильная тишина. Примерно в трех метрах от металлических створок я вынужденно затормозил, однако мотор глушить не стал. Кроме того, я оставил себе несколько метров запаса, чтобы иметь пространство для маневра — вдруг придется улепетывать обратно в город или же, чем черт не шутит, таранить ворота (как в боевиках, ага)?

Мимоходом я отметил, что пятачок в непосредственной близости от забора хорошо освещен, что могло означать только одно: если в нас решат стрелять со стен, мы будем отличной мишенью, по которой практически невозможно промахнуться.

— Прием! — наконец прохрипел динамик рации. — Девятый, это ваш «додж» подъехал?

— Так точно, — ответил я.

— Куда направляетесь? — продолжал допытываться голос.

— Собираемся проверить дорогу. Высока вероятность, что беглецы уже покинули город, — пояснил я.

— Майор Гэбстон приказал закрыть городскую границу, — сообщил мой собеседник.

— Твою мать... — простонал Харт, закрывая глаза ладонью.

Я одарил его красноречивым взглядом, и он, закусив нижнюю губу, отвернулся к окну.

— А полковник Ричард Уайлдер приказал нам проверить дорогу, — упрямо произнес я.

На том конце провода явно замешкались: с одной стороны, есть майор Гэбстон, который требует никого не выпускать, а с другой — полковник Уайлдер, который, дураку понятно, старше майора и вообще руководит всей Кувейтской кампанией.

Я буквально физически ощущал сомнения моего собеседника и потому радостно подлил масла в огонь, сказав:

— Вы, конечно, можете запросить подтверждение у самого полковника, но, честно говоря, он сейчас совершенно не в духе.

— Не в духе? — эхом отозвался динамик рации.

— Ну так весь город на ушах. Вы там, на воротах, вообще, что ли, дальше носа не видите?

Это была своеобразная «замануха». Я практически не сомневался, что солдат, который сейчас обливается потом за пультом управления, не осмелится вызывать Ричарда Уайлдера, — связываться с полковником, да еще и пребывающим в скверном расположении духа, даже офицеры не рискуют, что уж говорить о вшивом караульном? Однако, памятуя о приказе майора Гэбстона, парень и ворота не спешил открывать. Конечно, проще всего было поддаться сиюминутному порыву и выпустить из города ссылающихся на Уайлдера патрульных, избавив себя от неприятного диалога с полковником...

Но нам, увы, попался весьма упертый солдат.

— Я все же свяжусь с полковником, — неуверенно ответил он.

Я скрипнул зубами, однако не растерялся. Миг — и в моей руке возник мобильный телефон.

— Что ж, как хотите, — нарочито бесстрастно бросил я, входя в приложение-перехватчик.

Будь на моем месте залетный персонаж, ему бы пришлось туго. Но я немало времени провел с Легионом и, как и подобает хорошему ликвидатору, прекрасно знал, на каких частотах «обитает» тот или иной офицер. Харт благоразумно помалкивал, однако я на всякий случай приложил указательный палец к губам — чтобы уж наверняка, так сказать, — и только после этого поднес телефон к уху.

— Полковник Уайлдер, сэр? — услышал я знакомый голос привратника. — Прием! Двадцать пятый!

— Да, двадцать пятый! Прием! В чем дело?! — отрывисто гаркнул я, чтобы мигом выбить почву у него из-под ног.

В голос я умышленно добавил хрипотцы, дабы немного отличался от моего обыкновенного баритона. Большого в случае с допотопной рацией и не требовалось — даже если солдат заподозрит, что беседует не с полковником, он вряд ли станет озвучивать свои догадки.

— А... — замялся парень. — Ну...

— Не мямли! — воскликнул я.

— Тут... тут двое солдат на темно-синем «мустанге» утверждают, что вы приказали им прочесать окрестности города...

— Ну так выпусти их и не трать напрасно мое время! — бесцеремонно перебил его я. — Разве они не доложили, что это был мой личный приказ?!

— Доло... доложили, сэр.

— Ну так какого черта ты тратишь мое время, рядовой?!

— Да, сэр... Вас понял. Конец связи.

На миг воцарилась тишина. Этого хватило, чтобы закрыть приложение

и снова взяться за рацию.

— Получится? — одними губами произнес Харт, видимо догадавшись, что я только что провернул.

— Девятый, прием! — услышал я в динамике.

— Девятый на связи! — победно улыбнувшись спутнику, гаркнул я.

— Это двадцать пятый!

— Ну что, связались с полковником Уайлдером?

Мне большого труда стоило не перейти на саркастический тон, однако на кону было слишком много, чтобы позволять себе подобную фривольность.

— Да... — нехотя ответил привратник. — Вы были правы, он действительно... не в духе... В общем, сейчас открою.

Рядом шумно выдохнул Харт. Покосившись в его сторону, я увидел, что он снова облегченно улыбается, как будто мы не Эль-Вафру покидали, а уже триумфально въезжали в Эль-Бурган.

Я не стал в очередной раз делать ему замечание — черт с ним, пусть себе зубоскалит, идиот, — и уставился на ворота. Они оставались на прежнем месте, и в глубине души у меня заворочался махонький червячок сомнения: а ну как не откроет? Может, прямо сейчас он беседует с Гэбстоном, и тот, поняв все с полуслова, уже несется сюда на всех парах, чтобы арестовать нас с Хартom... или же расстрелять на месте. Во избежание.

К счастью, мои опасения не оправдались. Прошло секунд десять, прежде чем створки ворот наконец медленно поползли в стороны. Я бросил взгляд в зеркало заднего вида и нахмурился: на горизонте показался бежевый «джип», очень похожий на тот, что преследовал нас пару часов назад.

— Это еще кто? — пробормотал я, и Харт, вывернув шею, уставился на приближающийся к нам автомобиль.

— Это не за нами, случайно, а? — нервно покусывая нижнюю губу, спросил капитан.

— Может, и за нами, — пожал я плечами, неотрывно глядя в зеркало. — Откуда мне знать?

Однако на самом деле сомнений в том, что «джип» направляется к нашему «доджу», у меня практически не было.

— А почему тогда стоим, не едем? — продолжал допытываться Харт.

— Ты ослеп? Чертовы ворота открываются слишком медленно, — сказал я, нетерпеливо похлопывая ладонями по рулевому колесу. — Не пройдем по ширине.

«Джип» преодолел очередной квартал. Он едва ли ехал больше двадцати километров в час, но даже на такой скорости мог добраться до нас раньше, чем проклятые створки разойдутся и позволят нам покинуть город.

— Не дергайся, что бы ни случилось, — напутствовал я, видя, что Харт тянется к пистолету, рукоять которого торчала из кармана трофейного легионовского кителя. — Я со всем разберусь.

— А если нет?

— Я вытащил тебя из тюрьмы, забыл? И сейчас выведу из Эль-Вафры... если ты не будешь мне мешать.

Он промолчал, но руку от кармана с пистолетом все же убрал.

Я решил не испытывать судьбу и, слегка отпустив сцепление, покатился вперед на черепашьей скорости. Это позволяло выиграть пару-тройку секунд, не больше, но, возможно, этот мизер нас и спасет.

Водитель «джипа» поморгал нам фарами, переключив свет с ближнего на дальний и обратно, — видимо, хотел привлечь наше внимание. Я демонстративно проигнорировал его знак, и тогда он принялся остервенело сигналить. Я скрипнул зубами, надеясь, что дежурный на воротах прежде довершит начатое, а потом уже будет разбираться, откуда шум.

— Двадцать пятый! Прием! — зашипела рация.

Голос показался мне чертовски знакомым. Вероятно, я слышал его прежде и притом неоднократно.

— Да, сэр? — откликнулся «двадцать пятый».

Створки продолжали расползаться.

— С вами говорит майор Гэбстон... — продолжала хрипеть рация. — Почему вы нарушаете приказ?

Гэбстон... Голос...

От внезапной догадки земля ушла из-под ног. Черт, и как я раньше не догадался?! Гэбстон был не кем иным, как моим старым товарищем Гленом Богутом, более известным под кодовым именем «Гэб», еще одним ликвидатором экстра-класса и преданным... куда более преданным, чем я, сподвижником Джона Тейлора.

Я понял, что дальнейшее промедление подобно смерти: стоит австралийцу понять, кто в машине — а он поймет это, едва увидит, хотя бы мельком, физиономию моего спутника, — и пиши пропало. Обычные рядовые нерасторопны, особенно молодые; Гэб же, несмотря на возраст, действует молниеносно. Кроме развитого ума, у него отменная реакция и инстинкты, выработанные за годы службы в чине штатного ликвидатора — сначала на службе США, а позже в стане Легиона под крылом генерала.

— Девятый сообщил, что у них приказ от полковника Уайлдера!

— Девятый! Прием! — потребовал майор после недолгой заминки: видимо, он пытался осмыслить, как и, главное, зачем полковник самолично связался с парочкой рядовых на темно-синем «додже», чтобы отправить их на поиск беглецов за город. — Остановитесь!

Шестеренки в моем мозгу закрутились с утроенной скоростью. Это привело к тому, что план действий созрел буквально за пару секунд. Плохенький, хлипенький, он мог сработать или не сработать с равной долей вероятности... но иного все равно не было, и потому я решил, что риск оправдан.

Прежде всего я остановил продолжавшийся катиться «додж», не доехав до ворот буквально пары метров.

— Какого... — начал было капитан, но я прорычал:

— Закрой. Гребанный. Рот.

Убедившись, что ворота продолжают открываться, я уставился в зеркало. Проехав еще пару метров, «джип» замер на месте, а я тут же переключился на заднюю передачу и, выжав газ, понесся прямо в него.

— Девятый, ты... — успел сказать Богут, прежде чем мы врезались в их машину.

Скорость была не очень большой, и потому удар нельзя было назвать сокрушительным, но потрянуло нас хорошенько. Впрочем, сидевшим внутри «джи́па», пришлось еще хуже: водителя, судя по всему, швырнуло мордой прямо в центр рулевого колеса, а восседающий на пассажирском кресле Гэбстон врезался носом в приборную панель. Резко переключившись на первую, я сорвал «додж» с места и направил его к зияющему проему ворот. Проклятая колымага упрямо не хотела разгоняться, и в итоге мы даже не выехали, а буквально выползли из Эль-Вафры на второй передаче.

— Закрываются, — отметил капитан. Потирая ушибленную шею и морщась, он смотрел в зеркало заднего вида.

И действительно: створки теперь снова ползли навстречу друг другу. Не зная я наверняка, решил бы, что караульный тоже работает на Гопкинса, но на самом деле конечно же парень просто запоздало среагировал на происходящее снаружи действо.

— Двадцать пятый! Немедленно открыть ворота! — взвыла рация голосом Гэба.

Конечно же Богут все понял в тот же миг, как мы рванули к воротам. Я грешным делом надеялся, что он вырубится, ударившись головой о приборную панель, однако этого не произошло, и теперь австралийский ликвидатор рвал и метал. Да, неразбериха с открытием-закрытием ворот их, безусловно, задержит на пару минут, но и только.

— Стреляйте, стреляйте в них! — ревел Глен в рации. — Чего вы ждете?!

Первые пули со свистом разрезали воздух. Я не оглядывался, сконцентрировавшись на дороге, лишь отметил про себя, что, скорее всего, это стреляют нам вдогонку караульные с ворот. Мой спутник, чертыхаясь, снова сполз вниз, дабы не получить шальную пулю в голову. Как раз вовремя: очередной выстрел разнес заднее стекло вдребезги, и осколки брызнули в кузов, звеня по металлу, словно рождественские колокольчики.

Лоб мой был мокрым от пота. Никогда прежде судьба не сводила меня со столь серьезным противником. А если учесть, что прежде мы были чуть ли не друзьями, ситуация становилась и вовсе пикантнее некуда.

Тем и страшны гражданские войны, что в них сограждане убивают сограждан, брат стреляет в брата, а вчерашний друг больше всего на свете мечтает воткнуть штык тебе в грудь.

Я плохо представлял, как поведу себя, если Богут нас все-таки догонит и нам придется столкнуться лицом к лицу. Достанет ли мне хладнокровия, чтобы нажать на спусковой крючок и оборвать жизнь старого товарища? Убивать безликих солдат, чья история и даже имя тебе неизвестны, — это все же не то. Харрис, «крот» Тейлора, допустим, был редкостной сволочью... вроде моего нынешнего спутника. Таких давишь без всякого зазрения совести, будто тараканов.

А вот Гэб... С ним все куда сложнее.

Наш «додж» с трудом выполз на пятую передачу и теперь споро катил по дороге, подпрыгивая на многочисленных ухабах. Я то и дело поглядывал в зеркала, чтобы не упустить момент, когда на горизонте покажется «джип» Богута, однако время шло, а преследователи все не объявлялись.

«Что за черт? — думал я, чуть ли не с надеждой вглядываясь в царящий вокруг сумрак. — Почему они не пытаются нас догнать?»

Возможно, потому, что гоняться по всему Кувейту за двумя несчастными беглецами попросту глупо, и выдающийся австралийский ликвидатор вряд ли станет тратить время и силы на что-то подобное. Да, безусловно, нынешний раунд им уже проигран, и он, как человек мудрый, признает свое поражение... но от войны Богут не откажется. Пока кто-то из нас дышит, он не успокоится. Это сто процентов.

— Неужели оторвались? — подал голос Харт, отвлекая меня от мыслей.

— Похоже на то, — нехотя признал я.

И, подумав, добавил:

— Вот только надолго ли?

Капитан не нашел, что на это ответить.

Одиноким «додж дакота» стремительно мчался по дороге, ведущей в Эль-Бурган.

* * *

Умение Богута контролировать собственные эмоции с детства выделяло его из безликой массы сверстников. Именно это качество, наряду с острым умом и преданностью, позволило Глену высоко подняться по карьерной лестнице и стать одним из надежнейших орудий Джона Тейлора — искусным ликвидатором, не знающим жалости, когда речь заходит о врагах движения Легион.

Вот и сейчас Богут внешне оставался спокойным, тогда как внутри у него бушевал гнев.

Упустил!..

В его правом наспех забинтованном плече зияла дыра, но Гэб о ней даже не вспоминал. Куда больше его волновало, что этот раунд остался за Мамонтом. Мириться с этой мыслью было удивительно трудно, но Богут худо-бедно справлялся. Он умел это с молодых когтей и постоянно совершенствовал чертовски полезный навык — не заикливаться на проигранном сражении, а думать о том, как выиграть войну. Раны на поле брани неизбежны, промахнуться может каждый, главное — лишь итоговый триумф.

И все же обида снедала его изнутри, что уж там. Речь ведь шла не о ком-то — о Мамонте, которого (пусть с натяжкой, но тем не менее) можно было назвать единственным учеником Богута. По крайней мере, многие трюки Сергей действительно позаимствовал из арсенала старшего товарища, в чем сам неоднократно и признавался в личной беседе.

Город кишмя кишел солдатами, готовыми растерзать и беглого пленника, и его освободителя, но хитрость и наглость в данном случае оказалась весомее численного перевеса. Безусловно, можно было сослаться на небывалую удачу — там недоглядели, здесь недостаточно быстро среагировали, а тут и вовсе купились на простенькую уловку...

Человек неразумный наверняка бы бросился в погоню, однако Богут знал, когда нужно остановиться. Эль-Бурган фактически отдали на откуп силам Синдиката, восточная часть города все еще под контролем Легиона, но все понимают, что это ненадолго. Приоритетные задачи на сегодня — вывезти своих раненых, расселить беженцев и подготовиться к вероятной

атаке Синдиката на Эль-Вафру (которая, возможно, случится не слишком скоро, но случится непременно). Вносить коррективы в планы целой армии ради поимки двух беглецов несерьезно и даже глупо. Тем более, что никакой особой ценности опальный сержант Джеральд Грин, судя по всему, не имеет. Уж точно он не стоит того, чтобы Легион отряжал на его поимку целую роту. Даже Мамонт не стоит, при всех его талантах.

— Я... я даже предположить не мог, что... — пытался оправдаться «двадцать пятый», но Глен слушал его вполуха, зная наперед, что ничего дельного от парня не добиться.

Они находились в смотровой, расположенной прямо над воротами. На столе перед трясущимся караульным чернел моноблок, с помощью которого привратники могли управлять механизмом открытия-закрытия створок. Кроме того, на компьютер были заведены сигналы с десятка наружных камер, что позволяло дежурящему у машины солдату оценивать ситуацию как за городом, так и в его черте.

— Ты, надеюсь, материал-то пишешь? — поинтересовался ликвидатор, грубо оборвав караульного на полуслове.

— Вы... вы про камеры? — на всякий случай уточнил солдат.

Он не был зеленым юнцом, таких на ворота не ставят. Но уверенности и самодисциплины ему явно не хватало. Стоило пожаловать в гости цельному майору, и он лишь затравленно блеял, как молодой барашек, в ответ на каждый вопрос. В старые времена подобный ступор лечили звонкой отрезвляющей пощечиной. Однако нынешняя молодежь, увы, слишком мягкотелая для таких, в общем-то, безобидных методов. И, вместо того чтобы собраться, молодые бойцы окончательно расклеивались и опускали руки.

— Да, сынок, про них, — устало вздохнув, подтвердил Богут. — Мне необходимо просмотреть запись с «доджем», целиком, начиная с того момента, как он только появился на горизонте, и заканчивая тем, как покидал город.

— Сейчас организуем, — облегченно пообещал солдат и повернулся к моноблоку.

Палец скользнул по угольно-черной поверхности, сняв блокировку, и взглядам майора и «двадцать пятого» открылся рабочий стол. Австралиец подошел ближе и, прищурившись, уставился на мерцающий экран. Караульный споро уточнил адрес, куда программа сохраняет записи с камер, и перешел в нужную директорию. Затем, отыскав подходящие по времени файлы, он по превью определил фронтальную камеру и открыл ролик в проигрывателе. Убедившись, что не ошибся, «двадцать пятый»

развернул видео на весь экран и с блаженным вздохом откинулся было на спинку кресла, однако живо опомнился и вскочил, уступая место Богуту:

— Присядете, сэр?

Глен без лишних слов сел. Все его внимание было приковано к происходящему на экране.

Вот допотопный «додж дакота» появляется на горизонте и неспешно ползет между рядами домов. Чуть позже становится ясно, что в машине — двое: один за рулем, второй — на пассажирском кресле. Еще какое-то время спустя — что оба одеты в легионовские кители и кепки. Лиц пока что не разглядеть, в том числе из-за яркого света фар, которые Сергей, надо думать, включил нарочно. Богут непроизвольно скрипнул зубами, однако просмотр не бросил, предполагая, что шанс увидеть нынешнюю физиономию Мамонта все же представится.

И не прогадал.

Это был всего лишь короткий миг, вероятно, меньше секунды, но Глен его не упустил.

Указательный палец австралийца уткнулся в монитор, и картинка замерла.

— У тебя по кадрам назад как листает? Просто смещаю влево? — на всякий случай уточнил Богут.

Он старался говорить спокойно, даже безучастно, но его голос все же едва заметно резонировал. Несмотря на то что приказ исходил от генерала Тейлора, что сам австралиец упрямо пытался абстрагироваться от нового задания, это в первую очередь было все-таки *его личное дело*.

Палец до того медленно пополз влево, что со стороны определить движение можно было только по сменяющимся кадрам на экране. В одном положении картинка задержалась дольше, чем в остальных. Досконально изучив ее, Богут осторожно, чтобы не сбить, убрал палец в сторону и сказал, поднимаясь:

— Сделай скриншот и пришли мне через инфракрасник. И поживее, счет идет на секунды.

Караульный робко опустился в кресло. Пока он возился с приложением, ликвидатор вынул из кармана телефон и положил на угол стола.

Конечно, не было никаких гарантий, что Мамонт уже не изменил собственное лицо. Однако Богут крайне сомневался, что русский станет проделывать подобный трюк на глазах пленника, кем бы тот на самом деле ни был. Что до машины, то ее беглецы вряд ли станут бросать: от Эль-Вафры до Эль-Бургана около сотни миль, а иной автомобиль в пустошах

Кувейта не найти.

Иначе говоря, какими уехали отсюда, такими же должны прибыть в конечный пункт.

«А с чего ты вообще взял, что они направляются в Эль-Бурган?» — немного удивился внутренний голос. — Потому что больше некуда?»

Именно так. За пределами дороги — песок, пыль, местами и вовсе не проедешь, только пешком, а пешком... куда? В столицу? По пустыне до нее при всем желании не дойти.

«Они едут в Эль-Бурган. Сто процентов».

— Готово, сэр, — отрапортовал караульный.

Богут снова повернулся к столу. Подхватив телефон, он сказал:

— На сей раз я не стану наказывать тебя за нарушение приказа, но впредь подобное не должно повторяться, иначе вылетишь отсюда в момент. Ты меня понял, сынок?

Караульный охотно кивнул. Во взгляде его была благодарность.

«Чертova современная молодежь, — думал австралийский ликвидатор, шагая к двери. — Слишком любят пряники. Слишком боятся кнута».

Глава 2. Палки в колесах

2031 г., Вашингтон, США

Тернер и Рассел ворвались в управление с такими физиономиями, будто от их расторопности зависела чья-то жизнь. Переминаясь с ноги на ногу у лифта, воровато оглядывались по сторонам, пока створки не разошлись, открыв их взорам пустую кабину. Пропустив негра вперед, детектив вошел следом и нажал кнопку с цифрой «три».

— Подождите! — услышал он незнакомый голос за спиной.

Обернувшись, Ларри увидел, что от главного входа к ним, пыхтя, спешит очкастый толстячок в костюме-«тройке» и с дипломатом. Поймав взгляд Тернера, мужчина в отчаянии воскликнул:

— Задержите лифт!

Но Ларри не стал. Он не хотел, чтобы в кабину вошел кто-то еще, и потому просто стоял и смотрел на краснеющего от натуги незнакомца, пока створки не сошлись практически перед самым его носом. Судя по гулкому звуку, мужчина в сердцах треснул по ним кулаком.

— Как поступим? — спросил Рассел.

— Заберем флэшку и свалим, пока никто нам не помешал, — отозвался детектив. — А потом выложим его в сеть, разошлем и отправимся в Аризону. Все, как и планировали изначально...

Он стоял, сплетя пальцы рук перед собой, и время от времени нервно подергивал плечом. Конечно, шансы встретить кого-то из прихвостней Стального Эдварда в офисе управления довольно невелики, но прежде и в собственную квартиру можно было входить не боясь, а теперь что? Капитан уже горит в аду (ладно, ладно, возможно, нежится на облаке в раю, сейчас это абсолютно не важно), дверь в дом Рассела, скорее всего, заминирована, и самого Тернера, с большой долей вероятности, на входе в его холостяцкую берлогу тоже поджидает взрывчатка. А впереди — сплошная неизвестность. Распространять компрометирующий ролик от своего настоящего имени казалось рискованной затеей, но Рассел был прав: лучшего выхода из сложившейся ситуации не найти, их уже и без того пытаются устранить, а дальше будет только хуже.

— Эй, старик, — на плечо легла рука сержанта, — расслабься. Все будет хорошо.

Тернер от неожиданности вздрогнул и, оглянувшись через плечо, вымученно улыбнулся уголком рта.

— Хотелось бы верить, — пробормотал он.

Кабина остановилась; характерный писк возвестил о прибытии на нужный этаж. Створки разошлись, но Тернер не очень-то спешил наружу. Перво-наперво он настороженным взором просканировал офис, словно мог на глаз определить, откуда и в каком виде придет опасность. На первый взгляд, все на этаже было, как обычно. Столы-стулья на прежнем месте, сержант Коул, смахнув блондинистую прядь волос со лба, пытается рассмотреть, кто это к ним пожаловал, пожилой уже сержант Симмонс, наморщив и без того морщинистый лоб, копошиться в кипе бумаг, возвышающейся перед ним на столе... Из комнаты отдыха доносятся чьи-то голоса, вон офицер тащит размазанную девицу в допросную — вероятно, хочет выбить из нее имя сутенера. Словом, ничего необычного. Даже странно, что смерть шефа Барнса, грянувшая буквально пару-тройку часов назад, никак не сказалась на работе управления.

Придержав закрывающиеся створки, Тернер нехотя вышел из лифта.

— А, мужики, это вы! — воскликнул Коул, расплываясь в приветливой улыбке. — Смотрели вчера матч?

Толстяк Симмонс на мгновение оторвался от бумаг, кивнул вновь прибывшим и снова погрузился в работу.

— Не-а, — буркнул детектив, неспешно прошествовав мимо тучного сержанта. — Ты чего такой счастливый? Еще не в курсе насчет капитана?

— Да в курсе... — разом помрачнел блондин. — Просто стараюсь не думать, его-то уже не вернешь...

— Тот парень, из ФБР, — подойдя к собеседнику поближе, тихо произнес Тернер, — он, случайно, не заезжал?

— Не-а, — покачал головой Коул. — Но телефон твой звонил, это я точно помню. Может, он и звонил?

— Возможно... — задумчиво глядя на допотопный аппарат, украшающий его стол, протянул детектив.

Он посмотрел на часы над лифтом, потом на Рассела, который вразвалочку преодолел расстояние до комнаты отдыха и скрылся внутри, снова вернулся к часам.

Половина девятого вечера.

— Так а вы тут чего так задержались? — опять повернувшись к Коулу, спросил Тернер.

— Симмонс завозился с отчетами, а я бумажник в офисе забыл. — Сержант потряс в воздухе пухлым кошельком. — Вот и вернулся. Думал,

сразу и свалю, но Эван попросил подбросить его до дома, я и не отказал. Вас с Расселом, может, тоже подвезти?

— Да нет, не надо. Мы просто спешим, зашли на секунду буквально... — попытался отбрезаться детектив, но Коул не отступал.

— Да будет вам, мне разве трудно? Тем более, Симмонс уже заканчивает, так ведь, Эван?

— Ага. — Сержант пробежал глазами очередной лист и, опершись на столешницу обеими руками, с трудом поднялся из кресла. — Можно уже и ехать, в принципе. Мелочь осталась, завтра с утра добыю. Все равно теперь черт знает, кому нести на подпись. — Он с тоской покосился на дверь шефского кабинета. — И чем он помешал этому чертову подрывнику?..

Тернер невольно скривился, слышав про «подрывника», но смолчал. Переубеждать Симмонса не входило в его планы. Забрать бы флэшку да смыться отсюда, пока никто не нагрязнул... Это им еще везет, что здесь их никто не поджидал!..

Из комнаты отдыха появился Рассел с дымящейся кружкой — видимо, сделал себе кофе. Поймав взгляд детектива, он спросил:

— Тебе налить? Пока кофейник горячий?

«Нашел время!..» — с негодованием подумал Тернер, а вслух сказал:

— Нет, спасибо. Чего-то не хочется.

— Так что? — снова подал голос Коул. — Делай, ради чего приехал, да и в путь!

— Куда вы уже собрались? — вклинился в разговор негр.

— Да я твоему другу предлагаю по домам вас развезти, а он что-то упирается, — смахнув надоедливую прядь со лба, отозвался блондин.

— Так мы не домой сейчас, — покачал головой Рассел.

— А куда? — спросил Коул.

«А куда?» — спросил взгляд Тернера.

— В «Рэдлайн ДиСи», — невозмутимо произнес негр.

— А это где у нас? — нахмурился Симмонс.

— На северо-западе, в Даунтауне. На Джи-стрит.

Тернер наконец понял, куда клонит его друг. Рассел прекрасно знал, что Коул живет на юго-востоке и вряд ли захочет тащиться в противоположном направлении, чтобы отвезти их в паб.

Однако блондинистый сержант умудрился удивить обоих друзей, сказав:

— Ну так вам вдвойне везет, я-то тоже в те края.

— Зачем? — не понял Тернер.

— Племяннику надо машину показать, а то фырчит она как-то

странно...

— И охота тебе тащиться в такую даль на ночь глядя? — фыркнул Рассел. — Тебе нормальную диагностику на любом автосервисе сделать могут.

— Э, нет! — замотал головой сержант. — После всех этих взрывов черта с два ты меня в эти мастерские частные загонишь! Неохота мне что-то, чтоб меня патологоанатомы, как банкира или Барнса, по частям собирали!

— Нужен ты больно этому подрывнику, — фыркнул Симмонс. — Он, видишь, по верхам метит. Банкир — тот с самим Эдвардом якшался, ну а Барнс, вон, шеф полиции столичной...

— Да может, так совпало просто? — пожал плечами Коул. — Может, он вообще маньяк какой-то и убивает всех без разбора?

— Да не, случайно так не ткнешь, — заметил негр, подходя поближе.

Тернер решил, что лучшего момента может не представиться, и пошел к рабочему столу. Опустившись на стул, он выдвинул нижний ящик, машинально оглянулся через плечо на болтающую троицу сослуживцев и заглянул внутрь. Судя по всему, его тайник никто не раскрыл; по крайней мере, тонкий волосок, которым он соединил фальшь-панель и магнитную пластину, был на прежнем месте. Еще раз оглянувшись, детектив вытащил из кармана связку ключей и осторожно поддел фанерное дно самым тонким из них. Оно, как назло, поддалось не сразу; лишь с третьей попытки Ларри смог приподнять ее и, затаив дыхание, просунуть в образовавшуюся щель руку.

— Ну а что это, если не случайность? — продолжал разглагольствовать Коул. — Два человека, никак не связанных...

— Богатей убит из-за денег, а шеф полиции — чтобы нас запугать, — предположил Симмонс. — Мол, смотрите, если попытаетесь меня разыскать, я и вас прикончу.

Ощувив подушечками холод металлического корпуса флэшки, Тернер облегченно выдохнул: «Слава богу, на месте!..» Затем он сжал ее между указательным и средним пальцем и медленно, боясь уронить, вытащил наружу. Держа в кулаке, свободной рукой задвинул ящик, подхватил со стола первый попавшийся лист и поднялся.

— Не думаю, что он убьет еще кого-то из полицейских, — заметил Коул. — Но проверять на собственной шкуре не рискну. Пусть лучше племянник у меня под капотом лазает. Лучше я ему дам на мороженое с пивком, чем автомеханику, которого в первый раз вижу.

— Дело твое, — произнес Рассел, вопросительно глядя на детектива

— «забрал?».

— Ну что, мужики, помчали? — подал голос Тернер, ответив едва заметным кивком.

Вся троица уставилась на него.

— Надумал, стало быть, — усмехнулся блондинистый сержант. — Ну, вперед. Ты закончил, старая развалюха? — спросил он, повернувшись к толстяку.

— Закончил, крашенный щегол, — беззлобно огрызнулся тот.

Четверка полицейских устремилась к лифту. До самой стоянки они почти не разговаривали — разве что Коул припомнил старый скабресный анекдот про секретаршу, которая впервые вышла на новую работу и сразу отшила босса-извращенца, да Симмонс пожаловался на боли в суставах.

— А я и говорю — «старая развалюха», — хохотнул блондинистый сержант, усаживаясь за руль своего раритетного «форда фокуса» третьей серии.

Симмонс, который из-за давней травмы колена на заднем сиденье чувствовал себя неудобно и обычно ездил спереди, одарил его испепеляющим взглядом и проворчал:

— Доживешь до моих лет, посмотришь. Это пока молодой, кажется, никогда болеть не будешь...

— Опомнись, Эван, мне сорок восемь стукнет через пару недель, — фыркнул блондинистый сержант.

— Ну я и говорю — молодой! — кивнул Симмонс.

Рассел и Тернер молча разместились сзади. Детектив немного напрягся, когда замки во всех дверях с громким щелчком защелкнулись.

— А это обязательно? — осторожно спросил он у Коула, который завел мотор и теперь вслушивался в его прерывистый рокот.

— Увы, да, — поджав губы, признался сержант. — Это все мой племянник. Запрограммировал, стало быть, чтоб внуки наружу случайно не выпали. Так что придется мне вас потом выпускать, когда приедем.

— Ясно, — пробормотал Ларри, отворачиваясь к окну.

— Боишься, что не выпущу? — усмехнулся Коул, ища взгляд детектива в зеркале заднего вида.

— Честно, даже не думал об этом.

— Ну и правильно, — с улыбкой сказал Коул.

Он включил первую передачу и направил «форд» к выезду с подземной стоянки.

Глядя, как Коул ведет машину, Тернер думал, что знает его и Симмонса уже много лет. Кажется, сержанты были в управлении задолго до того, как

молодой Ларри Тернер поступил сюда на службу, и, что удивительно, оставались тут до сих пор. Симмонсу, правда, в следующем году на пенсию, он уже не тянет, это очевидно, таскать двести пятьдесят фунтов в тридцать и в пятьдесят шесть лет — это совершенно разные вещи, тем более что травмированное колено, мягко говоря, лучше не становится. Конечно, сам толстяк упирается до последнего, дома ему скучно, жена два года как почилла, а дочь еще в бытность студенткой вышла замуж за молодого мормона из Юты и теперь радуется своей обворожительной улыбкой жителей Солт-Лейк-Сити. Но Тернер искренне верил, что полиция — не место для пенсионеров. То, что Бог позволил копу дожить до преклонных лет, уже само по себе большая удача, так зачем и дальше испытывать судьбу? Тем более, что пенсионеры, как правило, редко вылезают из-за стола в офисе, а инстинкты имеют свойство с годами притупляться...

В общем, Ларри был обеими руками «за» скорейший выход Симмонса на пенсию. Ради его же блага.

Что до Коула, то он, в отличие от старого друга, казался куда более бодрым и, следовательно, пригодным для службы. Кто-то считал, что после того, как жена ушла от сержанта к его школьному другу, бедолага совсем помешался на собственной внешности. И пусть нелепые блондинистые кудри вместо честной седины действительно смотрелись диковато, но общее стремление продлить собственную молодость определенно не делало его хуже. Телосложением он напоминал сержанта Рассела и мог дать фору многим юным офицерам, проводившим детство за просмотром многочисленных сериалов с гамбургером в руке.

— Чего-то машин многовато! — фыркнул блондинистый сержант, оглянувшись на пассажиров, когда его авто, не успев покинуть парковку, тут же увязло в пробке. — Казалось бы — вечер, уже, можно сказать, ночь, и такой поток!..

— Город трудоголиков, — усмехнулся Симмонс.

— Думаешь, они с работы все прутся? — фыркнул Коул. — Да черта с два!

Рассел в разговор не вмешивался — молча смотрел в окно на проплывающие мимо автомобили и далекие небоскребы Даунтауна. Несмотря на то что он тоже знал всю троицу много лет, по-настоящему своим сержант в этой компании не был. Их дружба с Ларри — скорее исключение, члены ударного отряда обычно не слишком высоко жалуют «лентяев из управления», а те в свою очередь считают оперативников недостаточно умными для работы в офисе. В общем, этакая холодная война

с редкими нарушениями взаимного презрения.

Вашингтон в тот вечер действительно стоял. Спутники едва ли преодолели половину пути, а город уже погрузился в ночь; зажглись фонари, включилась подсветка витрин и неоновые вывески над дверьми баров, клубов и пабов.

«Может, вылезти прямо тут? — невольно подумал Тернер, глядя на поток машин впереди, которому, казалось, нет конца. — Все равно нам этот «Рэдлайн» не сдался...»

Но как объяснить Коулу и Симмонсу такое резкое изменение планов?

«Да просто устали в пробках стоять. Даже если в этом «Рэдлайне» подают напиток богов и самые вкусные закуски на свете, он не стоит того, чтобы тратить на него весь вечер!»

— Может, мы здесь где-нибудь выскочим? — будто прочтя мысли Тернера, спросил Рассел.

— А дальше как, пешком? — удивился Коул.

— Ну почему сразу пешком? — пожал плечами негр. — На метро. Это побыстрее будет.

— На метро, — задумчиво повторил сержант. — Ну что ж, идея, конечно, неплохая, да вот только мы на шоссе, парни. Я не могу просто взять и остановиться прямо здесь. Не говоря уже о том, чтоб вас выпустить.

— Да здесь и не надо, наверное, — повел плечом Рассел. — Какая у нас тут ближайшая станция метро?

— Честно говоря, мне проще вас отвезти в Даунтаун, чем искать вход в подземку, — признался Коул, включая поворотник и перестраиваясь в другой ряд. — Я лет пять на метро не ездил. Думаешь, помню, как до него добраться?

Рассел скрипнул зубами и сдался:

— Ладно, если тебя пробки не смущают, поехали, как хотели изначально. Нам-то с Ларри без разницы, когда пиво пить, верно, старик?

— Ага, — с фальшивой улыбкой подтвердил Тернер.

Негр многозначительно посмотрел на спутника и пожал плечами — мол, я сделал все, что мог. Детектив понимающе кивнул: если бы Рассел начал настаивать, Коул и Симмонс могли бы что-то заподозрить, а посвящать их в подробности дела «подрывника» детективу совсем не хотелось. Хватит и того, что в происходящую кутерьму вовлечены они с Расселом и Паттерсоном.

Телефон Коула внезапно взорвался коротким, но громким рингтоном — буквально строчка из какого-то молодежного хита.

— Все пытаешься надурить время? — усмехнулся Симмонс, глядя, как

блондинистый сержант вытаскивает из кармана куртки телефон и хмуро смотрит на экран.

— Ты про рингтон? — отстраненно пробормотал Коул; судя по сосредоточенному выражению лица, он читал «смс». — Да мне просто песня понравилась...

Тернер невольно вытянул шею, чтобы посмотреть на экран сержантского телефона, однако тут же себя одернул. Что еще за блажь — пялиться в чужой мобильник? Может, там что-то личное?

«Чертова паранойя».

— Надеюсь, мужики, у вас все в порядке с терпением. — Пожевав нижнюю губу, Коул спрятал телефон обратно в карман и оглянулся на пассажиров. — Мне надо заскочить к одному приятелю, буквально на пару минут, забрать у него свечи и масляный фильтр для моего боевого коня. — Он похлопал ладонями по рулевому колесу.

— Ты все еще собираешься ехать к племяннику? — удивился Рассел.

— Ну да. А почему бы мне передумать?

— Ну, допустим, потому, что снаружи уже ночь, — заметил негр.

«А ведь и впрямь...» — подумал Тернер, глядя в лохматый соломенный затылок Коула.

Когда сержант только-только заявил, что хочет заскочить починиться, они находились в управлении и как-то не задумывались о времени. Но теперь, когда снаружи царил темнота, решение заниматься автомобилем на ночь глядя казалось, как минимум, странным.

— Все вам надо знать, — снова усмехнулся Коул, однако вышло неискренне: он явно что-то скрывал.

Тернер напрягся. Нет, не может быть. Он знает блондинистого сержанта много лет, они не раз вместе сидели в пабе и за кружкой пива, смеясь, обсуждали причудливых обитателей управления — секретарей, шефов, судмедэкспертов и оперативников (привет Расселу!). Наверное, это просто дурацкая паранойя и всему есть простое и логичное объяснение...

— Завтра с утра я еду в мой загородный домик рядом с Веллингтон-Хайтс, — выдавил Коул. Каждое слово давалось ему с заметным трудом. — С одной... студенткой.

— Да ладно! — хохотнул Симмонс.

— Что «да ладно»? — буркнул Коул, с неодобрением покосившись в его сторону. — По-твоему, для студентки я слишком стар?

— Я этого не говорил, — сквозь смех ответил толстяк.

— Вот и рассказывай вам после этого, что да как! — в сердцах

воскликнул блондин.

— И где ты ее нашел? — не в силах сдержать улыбку, спросил Рассел.

— Она учится на юридическом факультете в университете Джорджа Вашингтона, где...

— Где ты ведешь курс по делопроизводству? — докончил за него Симмонс. — Ах ты старый пройдоха! Иногда, глядя на тебя, я несказанно радуюсь, что моя дочурка давно укатила в Солт-Лейк-Сити...

— Пошел ты, старая развалюха, — беззлобно бросил Коул. — На дочерей друзей я никогда не целился и целиться не собираюсь! В общем, если вкратце, я просто не хочу, чтобы мой боевой конь загдох где-нибудь на полпути к моему домику. А студентки — они, знаете ли, в музейных экспонатах и так не очень-то любят ездить, а уж если те начинают сбоить...

— Можешь не продолжать, — со знанием дела сказал Рассел.

Тернер лишь облегченно вздохнул. И как ему вообще в голову пришло, что Коул замешан в этой гнилой истории с подрывником и Эдвардом Уорреном? Все, что нужно блондину от жизни после ухода жены, это перетрахать побольше девиц, и чем моложе и красивее будут эти девицы, тем лучше. Ради же столь лакомого кусочка, как студентка юрфака, можно пойти и на куда более существенные жертвы, чем поздний визит к племяннику-автомеханику.

— Ну вот и приехали, — сказал Коул, направляя автомобиль к обочине.

За разговором детектив и не заметил, как они свернули с шоссе на куда менее оживленную улицу, а после и вовсе заехали в «спальный» район: две-три машины, припаркованные у тротуара, прохожих не видно, да и ярких светящихся вывесок тут практически нет, особенно в сравнении с тем же Даунтауном. Да что там вывесок — здесь и фонарей-то было всего два — в начале и в конце проулка.

— Я быстро, — пообещал блондинистый сержант и, заглушив мотор, вышел из машины.

Снова щелкнули замки.

— Дурацкая система, — пробормотал Тернер, глядя вслед удаляющемуся Коулу.

— Ты про что? — не понял Рассел.

— Про двери. Мы даже выйти не можем, ноги размять, пока он там забирает свои свечи и фильтры... или за чем там мы сюда приехали?

— Да уж, — со вздохом сказал Симмонс, потирая ногу. — От разминки я бы сейчас не отказался: мое треклятое колено уже порядком затекло.

Коул тем временем переминался с ноги на ногу у двери с домофоном. Оглянувшись через плечо, он приветливо улыбнулся и помахал оставшимся в машине приятелям.

— Вон, машет, — буркнул толстяк, хмуро глядя на цветущего товарища. — Иди уже! Машет он...

Словно услышав толстяка, Коул открыл дверь и скрылся внутри.

Его не было минут пять или около того, и все это время в салоне царила тишина. Тернер и Рассел общаться при посторонних не хотели, а Симмонс, судя по характерному сопению, задремал. Наконец подъездная дверь распахнулась, и наружу вышел Коул... в сопровождении тех самых хмурых типов, которых Тернер видел из окна расселовой квартиры.

— Это они, — толкнув негра локтем, прошипел детектив.

— Кто — «они»? — не понял сержант.

— Те типы, что заминировали твою дверь, — покосившись на спящего Симмонса, настойчиво прошептал Тернер.

— О, черт! — выругался Рассел. — А ты уверен, что это точно они? Темно ведь...

— На все сто процентов, — энергично кивнул детектив. — Что будем делать?

— Отбиваться, че, — пожал плечами негр.

Не успел Тернер и глазом моргнуть, а сержант уже со всего размаха обрушил рукоять пистолета на заднее стекло. Оно покрылось паутиной трещин, но устояло. Тогда Рассел ударил сильнее. Часть осколков со звоном рухнула на багажник, а остальные сержант, прошипев: «Помогай!», вытолкнул наружу. Тернер не заставил себя ждать. От шума проснулся Симмонс, оглянулся через плечо и ошарашенно уставился на коллег, увлеченно воюющих с задним стеклом.

— Вы что там дела... — начал было он, но запнулся.

Медленно повернув голову, толстяк уставился на свою рубашку, по которой стремительно расплзлось темно-багровое пятно. Затем он поднял взгляд на лобовое стекло и увидел отверстие от пули, а еще — стоящего с пистолетом в вытянутой руке незнакомца, на которого орал раскрасневшийся Коул:

— Ты совсем сдурел?!

— Да я ничего не делал!

— Твою мать... — только и сказал Тернер, когда Симмонс потерял сознание.

— Ходу, Ларри! — прошипел Рассел и первым выскользнул наружу через образовавшийся проем, грациозно, точно кошка.

Ларри с завистью наблюдал, как негр споро скатился по багажнику вниз и замер в полуприседе, держа пистолет в правой руке.

— Ну же! — поторопил детектива сержант.

Тернер, конечно, двигался куда более неловко, даже коряво. Пыхтя, он выполз из салона на багажник, однако очередная порция пуль, выпущенная в сторону автомобиля, заставила его вжаться в горячий металл и, зажмурившись, бормотать слова молитвы. Если бы не мускулистая длань Рассела, которой он сгреб детектива за шиворот и резко стащил вниз, Ларри так и остался бы лежать, не в силах пошевелить ни одним мускулом.

— Не впадай в ступор, — прорычал негр.

Эти слова подействовали на детектива отрезвляюще: кивнув, он вытащил из кобуры пистолет и приготовился поддержать друга огнем.

— Уже и зрители нарисовались... — пробормотал Рассел, с неодобрением покосившись куда-то вверх.

Тернер проследил его взгляд и увидел, как в открытое окно на третьем этаже робко выглядывает старушка. Почувствовав, что детектив на нее смотрит, она испуганно отпрянула и скрылась из виду.

— Выходите оттуда, быстро! — услышали друзья незнакомый голос — видимо, это говорил один из двух хмурых, возможно, тот самый, который прикончил беднягу Симмонса.

— Нормально они придумали, — пробормотал Рассел с глумливой улыбкой. — Одного уже убили, что мешает им убить еще двоих? Тем более, что охотятся они, как я понял, как раз за нами...

— Мужики, вам действительно лучше сдаться, — подал голос Коул. — Скоро сюда прибудет подкрепление, так что мы просто задавим вас числом.

— О чем он, черт побери, толкует? — недоуменно пробормотал Тернер.

— Какое подкрепление? — проорал Рассел так, чтобы блондинистый сержант его услышал.

— Самое обыкновенное, — продолжал вещать Коул. — Эти парни, со мной, из ОВР. У нас имеется достаточно улик, чтобы засадить вас за решетку на долгие-долгие годы...

— Каких улик? За что засадить? — не понял Рассел.

— За убийство Барнса, — веско произнес блондинистый сержант. — И соучастие в убийстве банкира Джонсона.

— Ты, похоже, окончательно сбрендил, Коул, — рассмеялся негр, — если пытаешься повесить на нас два этих взрыва.

Тернер сидел молча, но лицо его было бледным, словно у окоченевшего трупа. Он прекрасно понимал, к чему клонит блондин.

— Но все улики указывают на вас, — сообщил Коул.

— Да какие, к черту, улики?! — взорвался Рассел.

— Узнаешь, — туманно ответил сержант.

— Надо валить, — прошипел Тернер.

— Куда? И как? — огрызнулся негр: он явно сдерживался из последних сил, чтобы не взорваться.

— Для начала — подальше отсюда. Я думаю, он не врет насчет подкрепления. Судя по всему, нас хотят не убить, а подставить. Они и Симмонса на нас повесят, будь уверен. И тогда грош цена нашему видео, что бы мы там ни сказали.

— У меня заканчивается терпение, — прорычал агент ОВР.

— Но что тогда нам остается? — спросил Рассел. — Куда нам бежать, если они все уже продумали?

— Надо покинуть город и штат, да поскорее, — задумчиво произнес Тернер. — Пока нас не объявили в федеральный розыск. Если нас сейчас задержат, то упекут за решетку до суда. Ну а в камере, сам знаешь, может случиться все, что угодно, вплоть до заточки под ребро.

— Но как мы свалим? Они, — негр мотнул головой в сторону хмурых типов и Коула, которые находились по другую сторону автомобиля, — нас точно не отпустят. Может, не убьют, но ранят сто пудов. А с огнестрелом нам прямая дорога в тюрьму, любая больница тут же сообщит куда следует, что к ним поступил тип с пулевым.

— Значит, надо их стрелять, — неожиданно для самого себя сказал Тернер.

— А ты... ты в этом уверен, старик? — уточнил Рассел. — Это ведь чертовы копы, пусть и продажные. Если мы их хлопнем, пути назад уже не будет. Готов ты к этому?

— А какой у нас выбор? — грустно улыбнулся детектив.

Внезапно по ту сторону от автомобиля кто-то громко вскрикнул. И еще раз. И еще. А потом что-то упало на асфальт и покатилося — по звуку, как будто нечто увесистое и металлическое, вроде утюга... или пистолета.

— Что это было? — пробормотал Тернер.

Рассел осторожно высунулся наружу и воскликнул:

— Твою мать, Ларри! Их грохнули!

— Кого? — выпалил детектив и тут же, осмыслив, добавил:

— Как грохнули?

Друзья оторопело смотрели на три трупа — хмурых «подрывников», заминировавших квартиру Рассела, и Коула, на блондинистой шевелюре которого следы крови выглядели особенно жутко.

— Похоже, работа снайпера, — хмуро произнес негр, оглядываясь по сторонам.

— Но откуда он здесь взялся? И почему?

— Я этого не знаю, — покачал головой Рассел. — А вот что я знаю — так это то, что теперь нам точно надо срочно валить из города.

Сказав это, он на полусогнутых устремился к труп у Коула.

— Ты куда? — одернул его Тернер.

— За ключами, — прошипел негр.

— А как же снайпер?

— А как же ключи? — бросил Рассел через плечо.

Не отрывая взгляда от убитых полицейских, Тернер медленно обошел машину с другой стороны и замер у пассажирской двери. Сердце бешено колотилось о ребра, будто птица, рвущаяся на свободу из клетки; стрелок, засевший в одном из окружающих зданий, мог с легкостью снять и их тоже, но почему-то этого не делал. Может, это — часть какого-то изощренного плана, направленного против Тернера и Рассела? Но не слишком ли это сложный план? В конце концов, они всего лишь два копа, к которым в руки попал компромат на убитого приятеля Эдварда. Даже не на него самого. И ради этого перебить столько народу? Как-то чересчур... невероятно.

Тем временем Рассел опустил на корточки рядом с убитым сержантом. На то, чтобы отыскать ключи, ему потребовалось буквально несколько секунд, но Тернеру показалось, прошла целая вечность. С замиранием сердца он смотрел на друга, боясь, что очередной выстрел снайпера отбросит бездыханное тело Рассела в сторону, собрав на асфальте этакий квартет мертвецов. Но вот сержант поднялся и, походя нажав кнопку автозамка на брелоке, устремился к машине, а винтовка стрелка по-прежнему молчала.

— Давай же, старик, не тормози! — поторопил друга негр. — Поехали! Ну же!

Тернер мотнул головой, спешно распахнул дверь... и невольно отпрянул, когда грузная туша Симмонса буквально вывалилась наружу: видимо, толстяк решил на время ожидания сбросить надоевший ремень. Ухватив покойного сержанта за руку, Тернер, красный от натуги, вытащил его на тротуар и забрался в машину.

— Четыре трупа, старик, — сказал Рассел, когда детектив захлопнул дверь.

— Давай обсудим это позже? — предложил Тернер, инстинктивно посмотрев на часы.

Сержант молча утопил педаль газа в пол и погнал старый «форд

фокус» прочь от места трагедии. Тернер, как замороженный, смотрел на трупы в зеркало заднего вида, пока они не скрылись из виду. Только потом он опустил взгляд и уставился на отверстие от пули в лобовом стекле.

— Рас, — неотрывно глядя на дыру, тихо позвал он.

— Что?

— Симмонса тоже убил снайпер.

— С чего ты взял?

— Пуля вошла в стекло ближе к правой опоре. — Детектив указал пальцем на отверстие. — А Коул с друзьями находился слева. Они физически не могли сюда попасть.

— Твою мать, — только и сказал Рассел.

Они напряглись: «спальный» район заканчивался, и впереди был отвратительно освещенный район Джорджтаун, где на машинах с дырками в стекле стараются не ездить.

Но был ли у двух друзей выбор?

В тот вечер, казалось, весь мир был настроен против них.

2031 г., окрестности Эль-Бургана, Кувейт

— Ну слава богу, — облегченно пробормотал капитан Харт, когда ночной Эль-Бурган предстал перед нами во всей красе.

Поначалу мы видели слева от дороги только желтые прямоугольники горящих окон, но, чем ближе подбирались к городу, тем отчетливей видели контуры зданий. С тех пор как я покинул Эль-Бурган, прошло всего два дня, но захватчикам и этого времени вполне хватило, чтобы изрядно обеднить местный архитектурный фонд. У меня защемило сердце от мысли, что в этой разрухе частично виновен и я. Возможно, если бы я выполнил приказ Тейлора и устранил подполковника Огдена вместо «крота» Харриса, все сложилось бы по-другому... но на самом деле это конечно же был всего лишь самообман. Смерть выдающегося командира могла осложнить Синдикату жизнь, но она не заставила бы их отступить. Сражения продолжались бы и дальше, как и разрушения, им сопутствующие. И пусть финальный исход мог быть иным, горожанам от этого вряд ли стало бы легче — ведь неважно, какой флаг реет над городской ратушей, если ты обречен жить в руинах.

Я мог лишь догадываться, что сейчас происходит в Эль-Бургане. Разгромлен ли Легион окончательно, или солдаты Тейлора продолжают биться за каждый квадратный метр? Ответом на этот вопрос стал до боли

знакомый грузовик, который изможденный город буквально выплюнул из себя в распахнутые ворота.

Казалось бы, придавать этому факту значение довольно глупо: в конце концов, мы стремились на занятый Синдикатом север, а машина Легиона наверняка держала путь на юг — везла беженцев или раненых в Эль-Вафру. Однако, поскольку триумф был чертовски близок, я решил перестраховаться и направил наш многострадальный «мустанг» в Эль-Ахмади — некогда довольно развитый город, ныне обращенный в руины. Начало разрухе было положено еще сорок лет назад во время знаменитой Войны в Персидском заливе, а потом доблестные иракские террористы в начале двадцатых годов довершили начатое. Когда Объединенная Армия наконец вышибла их с территории Кувейта, от Эль-Ахмади осталось лишь жалкое подобие. Хуже всего, что развязавшаяся вскоре война Синдиката и Легиона так и не позволила восстановить город, и с тех пор здесь жили разве что юркие гекконы да прочие мелкие твари. Человек же эти развалины, как правило, обходил стороной.

— Куда это ты собрался? Эль-Бурган же вон он! — воскликнул капитан, махнув рукой в сторону раздираемого боями города.

— Так надо, — скрипнув зубами, сказал я. — Просто доверься мне.

Умом я понимал, что водитель грузовика не станет преследовать незнакомый автомобиль, ведь миссия у него совершенно иная: увезти находящихся в крытом брезентом кузове людей прочь из города. Вдобавок я сомневался, что с расстояния в несколько километров можно рассмотреть, кто сидит в машине — обычные местные жители, спешащие куда-то на ночь глядя, солдаты Синдиката или же свои собственные однополчане. Мне живо вспомнилась моя недавняя поездка из Эль-Бургана в компании Марины и прочих беженцев и достопамятный залп из «мухи», разнесший грузовик, идущий следом за нашим, в пух и прах. Думаю, подобное случилось не впервые, и, памятуя об этом, водители вряд ли станут лезть на рожон. По крайней мере, я бы не стал.

Подпрыгивая на кочках, мы покатались по разбитой дороге к руинам Эль-Ахмади. В ночном полумраке они казались не просто безжизненными, но даже зловещими. Если бы я не привык за десять с лишним лет к лазанью по таким вот заброшенным местам в любое время дня и ночи, наверняка чувствовал бы себя здесь весьма неуютно. Но я привык, и потому смотрел на развалины безо всякого трепета.

Не долго думая, я свернул за ближайшее здание, у которого уцелело больше двух стен, и, остановившись, заглушил мотор.

— Выходим, — скомандовал я.

Харт подчинился, однако, судя по хмурой физиономии и поджатой нижней губе, он снова был недоволен. Дьявол, и откуда в Кувейте взялся подобный «неженка»? Ладно еще канализация — я и сам, оказавшись там впервые, едва не заблевал собственные ботинки. Но чем тебе, воюющему среди пустыни, в стране третьего мира, не угодил обычный город-«призрак»?

— Радуйся, что в песок зарываться не пришлось, — не в силах сдержаться, усмехнулся я. — А то был у меня однажды случай...

— Да я просто смысла покидать наш драндулет не вижу, — перебил меня капитан. — Думаю, ты не хуже моего знаешь, что это был за грузовик, — Легион на таких людей из города вывозит.

— Это мне известно, — кивнул я. — Как и то, что водители стараются придерживаться маршрута и не ищут приключений на собственную задницу.

— Вот именно. Тогда зачем нам вылезать-то, если они сюда даже не поедут?

— Ты еще не понял, какого правила я стараюсь придерживаться? — выгнул я бровь. — Если вкратце, то оно звучит, как «от греха подальше». Оно помогало мне выживать на протяжении долгих лет, и я не собираюсь что-то менять сейчас. Мыждемся, пока грузовик скроется из виду, убедимся, что Легион не пошлет кого-то проверить руины, и только после этого продолжим наш путь.

— Ладно, как скажешь, — сдался Харт. — Все равно, что бы я ни сказал, ты в конце обязательно назовешь меня «грузом», с которым бессмысленно что-то там обсуждать... Плавали-знаем, ага.

Ему почти удалось меня насмешить, но я сдержался — не стоит этот тип моей улыбки, мы не друзья и никогда ими не будем.

— Цель уже близко, — сказал я без тени улыбки. — Но до последнего есть шанс на провал. А я хочу избежать провала.

— Я молчу, — заверил капитан и, демонстративно открыв дверь, первым выбрался из машины.

Я не заставил себя ждать. Покинув «мустанг», мы направились в полуразрушенное здание. Войдя, спугнули целую стаю gekkonov, которые хлынули в разные стороны, когда я наступил на валявшуюся у входа грязную картонку. Харт непроизвольно потянулся к карману, в котором лежал пистолет, однако тут же отдернул руку, поняв, что угрозы нет. Я подошел к окну и выглянул наружу: дорога на Эль-Вафру отсюда просматривалась весьма неплохо, и я сразу увидел злополучный грузовик, невольно загнавший нас в мертвый город.

— Ну что там, Сэм? — нетерпеливо поинтересовался Харт.

Машина Легиона как раз подъезжала к развилке. Я уже открыл рот, дабы сообщить, что угроза миновала... когда грузовик внезапно повернул на Эль-Ахмади.

Удивлению моему, признаться, не было предела. Что они забыли в краю развалин? Трупы тут хоронят? Как-то сомнительно. Выходит, за нами едут?

Внутри у меня стремительно зрело волнение. Поддавшись сиюминутному порыву, я вытащил пистолет и проверил обойму: после Эль-Вафры там осталось всего три патрона. Негусто...

— Так что там? — настойчиво повторил вопрос капитан, слегка оторопело наблюдая за моей возней с пистолетом. — Все плохо?

— Едут сюда, — бросил я, пряча пистолет обратно в карман.

— Что они тут забыли? — нахмурился Харт.

— Спроси что попроще. Я подозреваю, что это — конкретно за нами. Впрочем, могу ошибаться. И очень надеюсь, что действительно ошибаюсь.

— Но почему они поехали за нами? — удивлялся капитан.

— Видимо, из Эль-Вафры сообщили про наш любимый «мустанг». — Я мотнул головой в сторону стены, за которой скрывался автомобиль.

«Гэб!» — подумал я про себя.

— Надо было бросить его еще раньше, — скрипнул зубами Харт.

— И пилить пешком? Не смей меня, тут сто киломе... миль между Эль-Вафрой и Эль-Бурганом. За сколько бы мы их прошли?

— А так что, лучше?

— Слушай, все уже случилось! — прикрикнул я на него. — И теперь нам надо что-то с этим делать, а не гадать, как бы что было, если б мы сделали так или сяк! Посмотри лучше, сколько у тебя патронов в обойме.

— У меня-то полная, — сообщил он. — Я проверял.

— Ну так давай его сюда, — потребовал я, подходя к нему и протягивая руку.

— А мне что, твой отдашь? С тремя-то патронами?

— И что тебя не устраивает? — нахмурился я.

— Три чертовых патрона меня не устраивают! — разозлился капитан.

Ноздри его раздувались, словно паруса. Казалось, еще немного, и он попытается меня ударить.

— Я спасаю твою чертову задницу, Харт, — не опуская руку, процедил я. — И мне будет гораздо проще это сделать, если ты отдашь мне свой проклятый пистолет!

Некоторое время мы просто стояли и сверлили друг друга взглядами.

Никто не хотел уступать, а меж тем грузовик с каждой секундой был все ближе. И одному Богу известно, сколько людей сидит там в кузове и чем они вооружены.

— Давай же! — прорычал я. — Они уже близко!

— Черт с тобой, — сдался Харт.

Его «ремингтон» лег в мою руку. Хотелось сказать что-то вроде «Так-то лучше!» или там «Знай свое место!», но случай был явно неподходящий: Харт и без того, казалось, вот-вот лопнет от злости. Не время и не место для полноценной перепалки, увы. А так бы я, честно говоря, не отказался сосчитать косточки самодовольному офицеру Синдиката — уж больно он меня достал за неполные четыре часа нашего совместного побега.

Вручив спутнику мой пистолет, я на полусогнутых подкрался к оконному проему, прижался левым плечом к подоконнику и замер. Харту я знаком велел расположиться строго симметрично — так каждый из нас сможет контролировать противоположное окно и дверной проем. Благо здание, пусть и лишенное крыши, иных лазеек не имело. Пистолет я держал в правой руке, после недолгих сомнений приладил к стволу глушитель, благо у капитана был такой же «ремингтон», как у меня.

Не прошло и минуты, как послышался рев мотора, и полуразрушенную комнату залил яркий свет фар. Пара мгновений — и снова стало темно; видимо, грузовик проехал мимо. Я скрипнул зубами, прекрасно понимая, что дальше оставленного нами «мустанга» они не уйдут. Эх, знал бы наверняка, что они по наши души едут, спрятал бы авто получше, хотя бы подальше от нашего схрона отогнал!.. Но теперь, конечно, об этом сокрушаться было поздно. Полминуты спустя двигатель наконец-то смолк, и воцарилась гнетущая, пугающая тишина.

Я весь обратился в слух. Вот хлопнула дверь — видимо, кто-то, пассажир или водитель, покинул кабину.

— Походу, она, — несколько секунд спустя сообщил он подельнику (пodelьникам?..).

Голос доносился из противоположного окна: значит, солдат находился прямо за той стеной, у которой притаился Харт. Капитан тоже это понял и потому облизал пересохшие от волнения губы. Лицо его было напряжено, лоб блестел от пота — пожалуй, впервые с того момента, как мы покинули тюрьму Эль-Вафры, он сбросил маску беззаботности и сосредоточился.

Ну хоть теперь!..

— Внутри их нет? — спросил второй голос.

— Да вроде как... нет... — после еще одной непродолжительной паузы ответил первый.

Удивительная беспечность — болтать вот так, неприкрыто и громко, стоя у брошенной беглецами машины. А ну как они только этого и ждут — пока вновь прибывшие выдадут себя голосом? Другое дело, что огромный ревущий грузовик никак не спрячешь...

Я направил пистолет на окно, но и дверной проем из виду не упускал, понимая, что беда может прийти откуда угодно. Тем более, что «охотники» ведь неслучайно выбрали грузовик; наверняка в кузове сидит человек пять — десять, хорошо обученных и вооруженных, так что легионовцы вполне могут полезть внутрь, как тараканы, изо всех щелей разом. Эх, жаль, что, кроме пистолетов, у нас ничего нет — ни обычной гранаты, ни даже дымовой. Подорвали бы этих «непрощенных гостей» к чертям собачьим вместе с их грузовиком, и дело с концом. А так придется неслабо извернуться, чтобы выжить...

— Видимо, где-то поблизости ошиваются, — заметил водитель. — Надо оглядеться.

— Давай мы с Шиной ближайшее здание проверим, а вы тогда в другие дома загляните, вряд ли они далеко ушли, — сказал первый. — Кликни там его, пусть вылезает.

Не сказать, что услышанное меня прям обрадовало, но, в любом случае, лучше столкнуться с парочкой солдат, чем со всем скопом. Я покосился в сторону капитана: эх, был бы на его месте тот же Богут, мы бы в два счета разобрались со всеми «охотниками», хоть там их и целая дюжина. Но, увы, австралийский ликвидатор был ныне по другую сторону баррикад, вот и приходилось работать с тем, кого еще десять минут назад хотел задавить собственными руками за удивительную твердолобость.

Оставалось надеяться, что в экстренной ситуации фигляр действительно соберется и покажет все лучшее, на что способен, иначе нам обоим несдобровать. Серьезное — в кои-то веки!.. — лицо наводило на мысль, что шанс есть.

Топот ног снаружи заставил меня превратиться в натянутую пружину, готовую распрямиться при первой необходимости. Харт тоже напрягся, и я снова подивился такой неожиданной трансформации. Возможно, он все-таки действительно настоящий офицер Синдиката и все мои сомнения напрасны? Хотелось бы верить...

Слов больше не было: видимо, вновь прибывшие наконец осознали, какую опасность навлекают на себя болтовней. Еще в самом начале моей службы Богут обучал меня стрельбе «вслепую» — то есть в условиях полной темноты, ориентируясь только на голос или шум шагов, на любые звуки, которые издает крадущийся во мраке человек, вплоть до шмыганья

носом, если твой враг простужен. И «охотники», коль им дорогá жизнь, должны были предвидеть такое умение беглого ликвидатора. А если учесть, что, вкупе с этим навыком, у меня еще и прибор ночного видения имелся (заядлые геймеры вроде бы зовут подобное преимущество «читерством»), их поведение казалось, мягко говоря, непрофессиональным.

Наверное, в Эль-Бургане осталось не так много ценных кадров, если Богут решил поймать меня с помощью таких вот неосмотрительных дилетантов.

Расслабляться, впрочем, я отнюдь не собирался. Мы по-прежнему находились в полной заднице, численный перевес, судя по подслушанному диалогу, был на стороне «охотников», и нам все еще должно было очень повезти, чтобы мы вышли из этой передрыги живыми.

Поняв, откуда доносятся шаги, я первым устремился в ближайший к входу угол, чтобы не попасться на глаза раньше времени. Капитан, по счастью, додумался поступить точно так же. Я не знал, чем экипированы «охотники», поэтому изначально рассчитывал на худший расклад — примем за неоспоримый факт, что каждый из них видит в темноте, как кошка. С такой мыслью я и поджидал гостей, как зачарованный, глядя на темный дверной проем. Единственное, чего я боялся больше всего на свете, — что они решат не испытывать судьбу и просто швырнут внутрь гранату. Тогда нас с Хартом тупо посечет осколками, и на этом «приключение» закончится. Но легионеры так отчего-то не поступили — видимо, ничего взрывоопасного, кроме собственного грузовика, у них с собой все-таки не было.

И это, вероятно, стало их главной ошибкой в охоте на беглого русского ликвидатора — не прихватить с собой какое-то *солидное оружие*.

Я не нажал на спусковой крючок, когда первый «охотник» перешагнул порог, потому как сразу решил, что буду стрелять в замыкающего. Капитан, судя по всему, понял мой замысел, и секунду спустя мы почти синхронно отправили к праотцам обоих «гостей». Первый, к слову, успел меня приметить и даже чуть не ослепил фонарем, но предупредить своих о засаде капитан ему не позволил.

Итак, уже девять за одну только сегодняшнюю ночь. Как-то совсем кроваво, но, видит Бог, сейчас я всего лишь защищался!..

«Приключения» на этом, однако, только начинались — глушитель-то был лишь на моем пистолете!..

Выстрел Харта спугнул бедняжек-гекконов, которые уже вроде бы даже облюбовали себе другое убежище вместо достопамятной картонки, но теперь вынуждены были покинуть и его. Я их прекрасно понимал: мало,

что дом без окон и дверей, так еще и шумят в нем постоянно!.. Мы с капитаном, впрочем, тоже задерживаться не собирались, прекрасно понимая, что сейчас сюда сбегутся все остальные легионеры.

— Куда?! — уточнил Харт, понимая, что шептать больше не имеет смысла.

Я указал на окно слева от меня, а сам метнулся к трупам. У одного, седовласого, можно сказать, пожилого типа, был пистолет в кобуре, его я спешно и выдернул, поскольку снаружи уже доносились крики и топот доброй дюжины ног. Ланью я метнулся следом за выпрыгнувшим наружу Хартом и «рыбкой» нырнул в окно. Споро вскочив на ноги, я тут же присел и, вжавшись в стену, бочком, словно краб, пошел к дальнему углу здания. В каждой руке у меня было по пистолету. Харт же поджидал наших противников у противоположной стороны стены и периодически косился на испуганного меня.

— Притормози! — услышал я уже знакомый голос — видимо, это был водитель. — Вижу их.

Харт недоуменно покосился в мою сторону — мол, кого это он там видит? Я лишь пожал плечами. Наверное, речь шла о трупах погибших солдат. Хотя, конечно, у этих подонков мог быть тепловизор...

Нет гранат, но есть тепловизор? Сомнительно, однако возможно.

— Черт бы побрал этого Мамонта! — пробасил другой «охотник» уже из здания. — Да я с него шкуру живьем сдеру!

«Ну-ну, — подумал я про себя. — Давай, подходи по одному!»

Первого, кто высунул голову в окно, я пристрелил из пистолета с глушителем, чтобы не создавать лишнего шума. Второго, появившегося из угла, извернулся и прикончил им же, доведя счет жертв за ночь до одиннадцати. Харт тем временем сцепился с третьим «охотником» и, достаточно легко увернувшись от пули, выпущенной практически в упор, прикончил наглеца выстрелом в лоб. Будь у меня достаточно времени, я бы удивился его неожиданной сноровке, но сражение, судя по всему, только начиналось... правда, теперь оно, так сказать, «перешло в тактическую плоскость». Лезть на рожон больше никто не решался, шкуру с живого меня сдирать — тем более. Я понимал, что их цель — устранение ликвидатора, и потому был готов к любому подлому трюку, вплоть до умышленного взрыва нашего «мустанга» вместе со зданием и, собственно, нами. Я бы на их месте и грузовик не пожалел: черт с ним, лишь бы уйти отсюда живыми.

Хотя, конечно, будь я обычным солдатом, после смерти пятерых моих товарищей уже валил бы куда подальше, только меня и видели. Но, видно,

Богут хорошо промыл этим парням мозги, раз они мыслят взять цельного ликвидатора вот так бесхитростно, нахрапом.

Прямо за спиной послышался приглушенный шорох. Неужто по стене карабкаются? Я направил пистолет вверх, готовый стрелять, едва наружу покажется очередной смертник, однако на тот свет солдат благоразумно не спешил...

«Если он вообще там есть, этот солдат!..»

Может, у меня уже паранойя? В подобных условиях грех ею не обзавестись! И все же лучше, что называется, перебдеть, чем недобдеть, — во избежание незапланированной пули в голову.

За углом тоже кто-то крался — я слышал шаги «невидимки», хотя он наверняка мнил себя бесшумным, словно ниндзя. В здании тоже кто-то шуршал — нарочито громко, видимо, чтобы привлечь наше внимание. Да сколько ж вас там, мужики? Совесть поимейте, нас-то двое!..

Наверное, хотят напасть одновременно, чтобы застать врасплох. Наверняка понимают, что кто-то из оставшихся солдат все равно погибнет, но все равно лезут, не отступают, надеясь взять числом. С одной стороны, вроде бы похвальная храбрость. С другой, сейчас она граничит с подлинной глупостью, а значит, проку от нее никакого.

Впрочем, может, это их голубая мечта — завалить легендарного Мамонта? Только так можно объяснить неуступчивость «охотников». Опять же — Харта они почему-то вообще в расчет не берут, а он, меж тем, неплохо держится, особенно для распоследнего зануды.

Мы с капитаном посмотрели друг на друга. Я взглядом указал на оконный проем, он молча кивнул, с ходу поняв, о чем речь. Кажется, мы учли все.

Вот только ожидание затягивалось. Поначалу я не мог понять, почему они не спешат нападать. Из страха? Или ждут, пока мы сами подохнем? Я вертел головой из стороны в сторону, готовый среагировать на любой выпад, но «охотники» больше не спешили в атаку.

А потом я посмотрел на дорогу и увидел еще один грузовик, который споро катился по дороге. Издалека, конечно, я мог видеть только слабо светящиеся фары, остальное же просто додумал.

Что же, получается, «охотники» вызвали подмогу?

Я понял, что медлить больше нельзя. Готов спорить, во втором грузовике, помимо экипированных солдат, находится целый арсенал; почти наверняка там есть гранаты и снайперские винтовки с куда большей дальностью, чем наши унылые «ремингтоны», пригодные только для ближнего боя. Возможно, грузовик даже в Эль-Ахмади заезжать не станет:

остановится где-нибудь на полпути, чтобы снайпер мог как следует прицелиться. Единственный шанс на спасение — попытаться удрать от преследователей на нашем допотопном «мустанге».

А для этого надо было форсировать события и с боем прорваться к машине.

Ладони были влажными от пота, но рукояти сжимали крепко. Шумно выдохнув, я развернулся и, высунув из-за угла левую руку с зажатым в ней пистолетом, нажал на спусковой крючок. Невидимый солдат вскрикнул — пуля явно попала в цель, и я выстрелил снова. Судя по характерному звуку, «невидимка» упал.

Дюжина трупов. Какой плодотворный день...

Я шагнул за угол и побежал вдоль стены. У меня была в запасе пара-тройка секунд, пока парень, засевший наверху, сориентируется в ситуации и что-то предпримет.

Предполагая, что за следующим углом тоже может быть враг, я прыгнул в сторону, держа оба пистолета наготове. По счастью, никого там не было. Видимо, их осталось всего трое. Я приземлился на левое плечо, тут же взвился на ноги и, подозрительно косясь в сторону нашего «мустанга», бросился к окну. Стоящий внутри солдат успел повернуться ко мне лицом, когда я выстрелил. Он хотел меня опередить, но все, что изменилось, — пуля угодила не в затылок, а в лоб.

Дюжина стала чертовой.

Третьего легионнца я внутри не увидел, однако в следующий миг оттуда, где засел Харт, раздался звук выстрела.

Сердце замерло в моей груди.

«Только бы не капитан!»

Я перемахнул через подоконник и бросился к противоположному окну. Возле главного входа никто не дежурил — видимо, тот парень, на стене, действительно был... или же оставался последним — в зависимости от того, кто первым нажал на спусковой крючок, он или капитан.

Однако не успел я достичь окна, как из-за стены показался Харт.

— Готово, — сообщил капитан, махнув пистолетом куда-то в сторону.

Я осторожно, будто не веря его словам, выглянул наружу и увидел солдата, лежащего в луже собственной крови. Пуля капитана, судя по всему, угодила ему прямо в висок.

— Хорошая работа, — заметил я, с трудом скрывая удивление.

«Никогда бы не подумал, что этот тип умеет так метко стрелять!»

— Стараюсь от тебя не отставать, — шмыгнув носом, ответил Харт.

— Ладно, пора уходить, — сказал я и протянул руку, чтобы помочь ему

перелезть через подоконник. — А то скоро тут будет еще одна машина.

Пробежав здание насквозь, мы выскочили в другое окно и бросились к оставленному «мустангу». Второй грузовик был еще довольно далеко.

Машина, по счастью, завелась с первой попытки. Вывернув руль вправо, я сдал назад и погнал автомобиль через мертвый город, все дальше и дальше уходя от дороги, по которой несли проклятый грузовик. К счастью, я неплохо знал Эль-Ахмади; едва приехал в Кувейт, тут же устроил себе экскурсию по здешним местам — так, на всякий случай. Как выяснилось, не зря бродил среди развалин: теперь я точно знал, когда и куда свернуть, чтобы запутать следы и спокойно вернуться на дорогу, ведущую к северным воротам Эль-Бургана.

— Слышал, солдат тебя упомянул? — спросил Харт, отвлекая меня от размышлений.

— А то, — буркнул я, резко входя в поворот и едва не врезаясь в покосившийся заборчик одной из тутошних ферм. — Конечно слышал.

— Так они, получается, знали, кто сидел в «мустанге»?

— Ну конечно. Ты еще сомневаешься!.. Восемь бойцов, вооруженных пистолетами-автоматами, среди ночи покидают Эль-Бурган. Куда они могут ехать? В грузовик бы влезло человек тридцать, двадцать точно. А тут — всего восемь.

— Но откуда они про нас узнали?

— Ты меня удивляешь. Двадцать первый век на дворе, у всех телефоны-компьютеры. С Эль-Вафры позвонили да предупредили.

— А это к ним подкрепление едет? — Харт мотнул головой назад, в сторону города.

— Ну да, похоже на то. — Я бросил взгляд в зеркало: грузовик пока что скрылся из виду, но я не сомневался, что скоро он снова покажется на горизонте.

— И с чего столько внимания двум беглецам? — пробормотал капитан.

— Наверное, все дело во мне, — усмехнулся я.

После того, что мы пережили вместе, Харт стал раздражать меня чуточку меньше. В конце концов, что еще может сблизить двух людей на войне, как не парочка врагов, убитых совместно?

— Ну да, ты ведь их предал, — без обиняков заявил капитан.

Я одарил его недовольным взглядом.

Нет, все-таки бывшее раздражение никуда не делось... к счастью.

Мы свернули раз, второй, третий — и вот уже впереди замаячила дорога, ведущая к заветным северным воротам. Я прибавил газа. Подозрительный грузовик с неизвестной начинкой все еще был где-то

поблизости, и я хотел поскорее спрятаться от сидящих в нем солдат за городской стеной. Впервые в жизни я буквально мечтал оказаться под крылом ненавистного Синдиката, и это было весьма странное, необычное чувство. Капитан же предвкушал возвращение в родной лагерь: он даже стянул китель Легиона, чтобы привратники случайно не приняли его за врага.

— Придержи руль, — попросил я и тоже «сбросил шкуру», оставшись в черной майке с коротким рукавом. Уж лучше так, чем в цветах главных противников Синдиката.

Дорога была отвратная — убитая грунтовка, на которой где не кочка, там яма, а где не яма, там целая колея, оставленная, судя по глубине, колесами грузовика с полным кузовом свинца. Я петлял, как заяц, но это не могло спасти нас от зубодробительной тряски. Правда, проклинал я дорогу лишь до того момента, как очередная яма буквально спасла нам жизнь: резко затормозив перед ней, я услышал, как пуля с характерным звуком отскочила от капота и срикошетила в сторону, оставив на металле солидную вмятину.

— Пригнись! — рявкнул я и, сам скрючившись в три погибели, утопил педаль газа в пол.

Думать о подвеске больше не приходилось — тут бы самим спастись, черт с ним, с «мустангом». Благо до северных ворот уже, фактически, рукой подать — километр по прямой, потом свернуть налево и там еще метров двести от силы... Но их ведь еще надо проехать!

Больше я не высовывался — только передачи переключал правой рукой, ну и руль левой придерживал, чтобы с дороги не слететь. И правильно сделал: следующая же пуля разнесла окно с моей, водительской, стороны, и на меня посыпались крупные и не очень осколки.

— Да когда они уже от нас отцепятся, — прокричал Харт из положения «голова между ног».

— Видимо, когда подохнем, — отозвался я.

Еще пара пуль, судя по всему, ушла в молоко, по крайней мере, наш «мустанг» они не задели. Продолжая рулить, я мимоходом отметил, что на месте «охотников» целил бы не по сидящим внутри беглецам, а по колесам — пусть до города нам ехать осталось с гулькин нос, но скорость-то большая, пробьешь покрышку — скорее всего, слетим с дороги. Хотя, может, они и стреляли, но просто не попадали — из-за тех же ухабов и ям, по которым мы двигались.

Тут вдребезги разлетелось уже заднее стекло, и я понял, что они наконец покинули мертвый город и повисли у нас на хвосте. Это принесло

некоторое облегчение — ведь легионовцы существенно отстали, дорога из Эль-Ахмади к северным воротам идет одна-единственная, не срежешь.

Однако уже в следующий миг снайпер, будто прочтя мои недавние мысли, наконец пробил левое заднее колесо, и «мустанг» пошел юзом. Мне пришлось забыть о безопасности и, выправившись, спешно выкрутить руль до упора вправо. Мысленно я проклинал треклятый задний привод и всю Кувейтскую кампанию.

К счастью, удержать машину на дороге мне все-таки удалось, однако зад занесло вправо, и я потерял немало драгоценных секунд, прежде чем вернулся на дорогу. До Эль-Бургана было рукой подать, но наш увеченный «мустанг» еле плелся, все время норовя свернуть влево. Преследователи стремительно нас догоняли, а я буквально затылком чуял оптический прицел снайперской винтовки.

Казалось, время замедлило свой ход. Словно замороженный, я смотрел в зеркало заднего вида на приближающийся грузовик. Странно, но думал я в тот момент не о собственной жизни и не о грядущей смерти, которая казалась практически неминуемой, а о детстве, проведенном в компании вечно улыбающейся Джулии, и, как ни странно, о Марине. За считанные мгновения я прокрутил в голове ту ночь, точнее, четверть часа, когда мы с Эм буквально слились воедино, и с грустью подумал, что, увы, скорее всего, уже никогда не испытаю подобного блаженства.

А потом я внезапно увидел, как от участка высоченной стены рядом с воротами отделилась странная гигантская фигура, лишь отдаленно напоминающая человеческую. Приглядевшись, я понял, что это одна из механизированных боевых машин, о которых так любил рассказывать на пресс-конференциях Уоррен. Стальной Эдвард всерьез считал, что со временем сможет заменить всех людей этими устрашающими громадинами, однако пока что их пилотировали мастера из плоти и крови.

Я подобных «малюток» в действии прежде не видел, но вот у Богута, когда он вспоминал недавнюю встречу с механическим монстром, голос всегда так дрожал, будто австралиец заглянул в глаза собственной смерти. Тогда одна-единственная машина Синдиката едва не перебила всю роту Легиона.

Чудовищная, нереальная мощь, которую людям и давать-то не стоит!

С замиранием сердца я смотрел, как робот вскидывает некое подобие руки. Показалось, огромное дуло смотрит прямо на нас. Я уже даже представил, как он разносит наш бедовый «мустанг» на куски.

Далее последовал залп, от которого сам «МЕХ» содрогнулся так, что едва не развалился. Я невольно зажмурился...

И услышал взрыв.

Но если я его услышал, значит, взорвались не мы?..

— О господи, — прошептал Харт, и я наконец отважился открыть глаза.

Все, что осталось от преследовавшего нас грузовика, — это обугленные останки. Правда, я очень сомневался, что дело было только в мощи выпущенного снаряда, — скорее, в кузове имелось какое-то количество пластида либо тротила. Иначе объяснить взрыв такой силы было невозможно.

Я в ужасе посмотрел на боевую машину. Надо полагать, следующая цель — это наш «мустанг»?

Но робот, к нашей вящей радости, стоял неподвижно.

— Может быть, нам остановиться? — прошипел я, обеспокоенно глядя на чудовищный агрегат, который сейчас больше напоминал памятник с научно-фантастическим уклоном, чем всамделишную машину смерти.

— Не думаю, что это хорошая идея, — покачал головой Харт.

— Ты разве не видел, что он сделал с тем грузовиком?

— Видел. Поэтому и предлагаю ехать, как ни в чем не бывало. Я, если помнишь, офицер Синдиката, — сказал капитан, с трудом отрываясь от созерцания металлического гиганта и поворачивая голову ко мне. — Так что они меня в лицо знают прекрасно, а ты — мой спаситель... назовем тебя, допустим... сержант Пэйн...

— Какой еще Пэйн?

— Был такой сержант. Оказал сопротивление при аресте и поймал пулю... Неважно, в общем. Главное, что весь его тридцать третий взвод погиб, и тебя никто не уличит во лжи. Помни, в общем, что ты Синдикату не враг, а значит, и вести себя должен соответственно.

— Ты знал про робота? — уточнил я, мысленно подивившись, как небрежно он рассказывает о трагичной смерти сержанта.

— Я знал, что он есть, — оговорился капитан. — Но не думал, что он за нас... вступится.

Я пожал плечами и промолчал. Пэйн так Пэйн, какая, если вдуматься, разница? Поскорее бы доставить Харта в штаб Синдиката да свалить из осточертевшего Кувейта обратно в Штаты, к Джулии.

Когда мы свернули налево, чтобы подъехать к воротам, боевая машина ожила и потопала нам наперерез.

— Черт... — тихо выругался я.

— Все в норме, — заверил капитан. — Едем дальше.

Вскоре, однако, нам все-таки пришлось остановиться, потому что

«МЕХ» нагло встал на пути «мустанга».

— Дальше что? — спросил я у Харта, придавливая педаль тормоза.

— Сейчас разберемся, — сказал он и, к моему удивлению, тут же распахнул дверь.

Не обращая внимания на мой удивленный взгляд, он вылез из автомобиля и поднял вверх правую руку, видимо, в попытке привлечь внимание пилота.

— Эй, там, в кабине! — проорал мой спутник. — Я — капитан Мэтт Харт! Мы бежим от Легиона! Можете проверить, если хотите!

Некоторое время робот стоял, даже не шелохнувшись, — наверное, пилот сверял лицо стоящего перед ним человека с фотографией в досье капитана Харта. Я все ожидал, что мой спутник эту сверку не пройдет и нас попросту уничтожат вслед за грузовиком Легиона.

Однако приключения, судя по всему, действительно закончились.

— Проезжайте, — внезапно прохрипела наша рация.

Я от неожиданности слегка опешил — значит, там, внутри «МЕХ», тоже стоит перехватчик частот? Впрочем, в свете прочих умений боевой машины наличие подобного прибора казалось сущей мелочью.

А пилот тем временем решил меня окончательно успокоить, сказав:

— Добро пожаловать назад, капитан Харт.

Офицер расплылся в улыбке и вернулся в машину. Робот освободил дорогу, и мы продолжили наш путь к северным воротам.

Моя миссия была практически завершена.

Глава 3. Впотьмах

2031 г., Вашингтон, США

Открывать глаза было мучительно больно, словно кто-то подвесил на веки два рыболовных грузила, однако Паттерсон все-таки справился, пусть и с немалым трудом. Увиденное его, мягко говоря, поразило: правая нога, закованная в гипс, висит на растяжке, зареванная жена сидит на стуле у дальней стены — смотрит жалобно, тушь размазана по щекам, руки подрагивают. Поймав взгляд мужа, девушка выпучила глаза и на некоторое время, кажется, просто зависла. А потом, осознав, наконец, что случилось, бросилась к кровати, улыбаясь и плача одновременно.

— Очнулся... — прошептала она, схватив его за руку и сжав ее в миниатюрных ладонях.

Такой радушный прием даже немного смутил Паттерсона. Слезы, трепет, взгляд, полный любви, слова благодарности Господу, которые шептала Клара, плюс больничный антураж...

«Не слишком ли много новых исходных данных?» — подумал агент, рассматривая изможденное лицо жены.

— Где я? — хрипло спросил он вслух.

Голос был какой-то чужой, дикция оставляла желать лучшего, но, кажется, Клара поняла его.

— В больнице, — ответила она, проглотив набежавший в горле ком. — Ты ничего не помнишь?

— Помню, как домой... спешил, — с трудом выдавил Паттерсон. Язык ворочался с трудом, будто на него тоже грузик прицепили. — Но... не доехал. Потом — мрак. — Последнее слово прозвучало, как «млак», — звук «эр» ему отчего-то не давался. — Что со мной было?

— Ты попал в аварию, Стэн, — пролепетала Клара. — В тебя на полном ходу врезался огромный грузовик...

Сказав это, она снова заплакала.

Паттерсон с трудом облизал пересохшие губы. Потом окинул взглядом свои руки, торс и то, что ниже... Судя по всему, в гипсе только нога. На конечностях еще многочисленные ссадины, но, кажется, ничего катастрофического.

— Я... что со мной было? Я смогу... ходить? — спросил он,

затравленно посмотрев на жену исподлобья.

Девушка улыбнулась сквозь слезы и отрывисто кивнула.

— Врачи говорят, тебе очень повезло, — прошептала она, поглаживая его руку. — Перелом... и кончик языка откусил, придется оперировать... а так — лишь куча царапин, но все это не... не смертельно, понимаешь? — Клара сжала его кисть и встряхнула, будто благодаря мужа за то, что он не отдал Богу душу.

— Уже неплохо... — слабым голосом произнес Паттерсон. — А где... где Нэнси?

— Я отвезла ее к матери и сразу прилетела к тебе, — объяснила Клара. — Не думаю, что ей стоит тут находиться.

— Нет... конечно нет... — пробормотал «федерал».

Он хотел спросить, сколько пробыл в отключке, но в этот момент в дверь постучали.

— Ты знаешь, кто там? — напрягся Паттерсон, видя, как помрачнела Клара.

— Наверное, кто-то из твоих сослуживцев, — угрюмо ответила она. — Один парень... Он называл имя, но я не запомнила... знаю только, что у него значок, как у тебя.

Дверь приоткрылась, и внутрь заглянул незнакомый Паттерсону мужчина в черном костюме-«тройке». Каштановые усы чуть тронуты сединой, маленькие зеленые глаза смотрят пристально, а пухлые губы постоянно прищмокивают, словно что-то ищут, — известная привычка заядлых курильщиков и грудных младенцев.

«Почему же я его не помню? — подумал «федерал», хмуро глядя на вновь прибывшего. — Может, частичная амнезия из-за аварии? Но, будь у меня сотрясение, Клара наверняка сразу бы об этом сказала...»

— С пробуждением, агент Паттерсон, — мягко произнес усач. — Миссис Паттерсон, если позволите, я бы хотел поговорить с вашим мужем наедине.

— Но он же еще так слаб... — попыталась возразить женщина, однако «федерал» требовательно сжал ее кисть:

— Клала, я лазбелусь.

«Проклятье... — подумал он про себя. — Пока не прооперирую язык, буду чувствовать себя неловко...»

— Но ты только пришел в себя...

— Не забывай, где я лаботаю. Некотолые дела не телпят отлагательств.

— Ты мог умереть, — раздраженно напомнила жена. — Что бы они тогда делали?

— Милая... — протянул агент с вымученной улыбкой. — Увелен, это не займет много времени.

Женщина закусилла нижнюю губу, потом с явной неохотой кивнула и устремилась к двери. Усач спешно проскользнул внутрь, чтобы не загоразивать проход, и благодарно улыбнулся Кларе, когда она проходила мимо, но та в ответ лишь презрительно фыркнула. По ее мнению, ничего важнее жизни собственного мужа не было и быть не могло, что бы там ни случилось — вплоть до убийства действующего президента и атаки пришельцев из соседней галактики. Усач отнесся к недовольству Клары с пониманием: дверь за ней он закрывал с прежней улыбкой на губах. Однако стоило ему повернуться к агенту, и от бывшего радушия не осталось и следа. Более того — усач смотрел на коллегу с плохо прикрытой неприязнью.

Паттерсон, впрочем, решил пока не придавать этому особого значения. Мало ли, за что агент на него обижен? Может, однажды он случайно пролил на него горячий кофе?

— Плостите, что сплашиваю, — прошамкал агент с виноватой улыбкой, — но... мы с вами знакомы вообще? Не могу вас вспомнить...

— Нет, прежде мы не встречались, — покачал головой усач.

— Вы даже не пледставляете, как меня успокоили, — облегченно произнес травмированный «федерал». — А то я лешил уже, что у меня частичная потеля памяти... или что-то влоде того!

— Меня зовут Нейтан Микс, — сообщил вновь прибывший, не обращая никакого внимания на слова пациента. — Руководство прислало меня, чтобы задать вам несколько вопросов.

С этими словами он продемонстрировал собеседнику коричневую папку, которую, похоже, все это время прятал, произвольно или нарочно, за спиной.

— Что это? — спросил Паттерсон, когда агент Микс прошел к тумбочке рядом с изголовьем кровати.

— Несколько снимков, несколько документов... — туманно ответил усач. — Точнее, копий документов, оригиналы я не рискнул вывозить из Бюро.

Открыв папку, он извлек наружу пару листов и протянул их Паттерсону:

— Руки ведь не пострадали?

— Нет, — ответил «федерал», принимая распечатки из рук гостя.

Он соврал: любое, даже самое ничтожное движение правой рукой отдавалось болью в плече. Впрочем, Микс явно спрашивал скорее из вежливости, нежели из-за живого интереса, так что никаких зазрений по

поводу собственной крохотной лжи Паттерсон не испытывал.

На первом листе была распечатка двух фотографий. На одной три трупа в разных позах лежат на асфальте, один из убитых — лицо кажется смутно знакомым, но имени, опять же, не вспомнить — сжимает в правой руке пистолет, рядом с правым бедолагой валяется еще один «ствол». Судя по обшарпанным зданиям на фоне, это один из неблагополучных районов Вашингтона. На втором снимке — еще одна знакомая физиономия! — толстяк лежит на боку, смотрит стеклянным взглядом в камеру, на груди огромное багровое пятно. Пуля неизвестного стрелка, судя по всему, попала в самое сердце.

— Кто все эти люди? — спросил Паттерсон. — И почему вы мне их показываете?

— Взгляните на второй лист, — посоветовал агент Микс, — прежде чем задавать вопросы.

Паттерсон подчинился. Отложив в сторону первую распечатку, он уставился на другую. Двое мужчин в машине. Тот, что за рулем, был Паттерсону не знаком, а вот второй...

— Вы знаете кого-то из этих двоих? — спросил усач.

— Да, — подтвердил Паттерсон.

— Обоих?

— Нет.

— Тогда которого?

— Вот этого. — Палец уткнулся в физиономию мужчины с растрепанными темными волосами, который сидел на пассажирском сиденье.

— Вы можете назвать его имя? — продолжал допытываться агент Микс.

— Вы налочно? — усмехнулся Паттерсон. — Я сейчас, как вы могли заметить, плохо сплавляюсь с буквой «л», а в его имени. — Он снова ткнул пальцем в фото мужчины. — Таких звуков уйма.

— Я не собирался ставить вас в неловкое положение, агент. Просто прошу назвать имя.

— Лалли Телнел, — пожевав нижнюю губу, прошепелявил бедняга.

— Детектив полиции Ларри Тернер, — кивнул Микс. — Все верно. А за рулем, если вам интересно, глава ударного отряда сержант Пол Рассел.

— Не интелесно, — признался Паттерсон. — Я, честно говоря, вообще не пойму, зачем вы показали мне этот снимок. Два копа едут в машине... куда-то. Я знаю одного из них. И что дальше?

— А вы подумайте, почему я показал вам сначала трупы, а потом —

этих копов. Поймете, какая между ними связь.

Паттерсон побледнел. Он прекрасно помнил тот ролик, который ему показал Тернер буквально пару дней назад. Помнил, можно сказать, в мельчайших подробностях.

«Неужели они до тебя добрались? — глядя на снимок детектива, думал Паттерсон. — Неужели взялись за тебя всерьез?»

— Не хотите ведь вы сказать... — медленно начал он.

— Ваш знакомец в компании сержанта Рассела покидает место преступления, — холодно заявил Микс. — Двое из убитых тоже были сержантами и работали в том же самом управлении, что и Тернер с Расселом.

— А другие двое? — проглотив набежавший в горле ком, спросил Паттерсон.

— Агенты Бюро, — выдержав паузу, ответил гость. — Из отдела внутренних расследований.

— Вы думаете, что их... что детектив и его... спутник... убили этих четвельх? — с трудом подбирая слова, уточнил Паттерсон.

— По крайней мере, все на это указывает, — мрачно ответил Микс.

— Но это же... это какая-то... чушь. — Паттерсон поднес фото с Тернером и Расселом поближе к глазам, прищурился. — Это что... дылка от пули? В лобовом стекле?

— Судя по всему, да. Мы не можем восстановить цепочку событий, поскольку из шестерых находившихся в переулке четверо мертвы, а двое скрылись. Скрылись, к слову, на машине сержанта Коула — это блондин с первого снимка, он единственный лежит с пистолетом в руке.

— А откуда вообще взялось это фото?

— Снимок сделан судмедэкспертами, приехавшими...

— Я о втолом. — Паттерсон потряс в воздухе фотографией Тернера и Рассела в машине.

— Их сняла одна из уличных камер, когда они двигались по Файрфакс в западном направлении. К сожалению, мы пока не можем найти беглецов, но, думаю, это лишь вопрос времени.

— Ну а ко мне вы пришли... для чего? — спросил Паттерсон. — Плосто, чтобы сплосить, не знаком ли я с детективом? Вам ведь и так это было известно.

— Мне плевать, что вы знакомы. Я хочу знать, что именно связывает вас с ним, — пристально глядя собеседнику в глаза, процедил гость. — Насколько мне известно, ваша связь возникла на фоне смерти банкира Джонсона, близкого друга Эдварда Уоррена...

«Федералу» стоило большого труда сохранить невозмутимое выражение лица. Микс продолжал говорить, а у Паттерсона перед глазами мелькали кадры из того шокирующего ролика, который «подрывник» передал Тернеру на флэшке.

— Мы плосто ласследовали одно дело, — откашлявшись, произнес Паттерсон вслух. — Вот и плишлось волей-неволей пообщаться. Но мы не были... длузьями там... или плиятелями.

— Однако я знаю, что вы навещали детектива Тернера уже после того, как вернули ему дело.

— Детективу понадобился мой совет, только и всего. Или вы что же, — Паттерсон потряс в воздухе снимками, — думаете, я к этому как-то пличастен? Когда это вообще случилось? Я уже, навелное, в отключке был...

— Никто не пытается вас связать с этими убийствами, — терпеливо произнес Микс. — Но вот с убийством капитана Рональда Барнса, бывшего шефа полицейского управления, все куда сложнее...

С этими словами он вручил растерянному Паттерсону еще один снимок. Дом с раскуроченным фасадом, лужайка, усыпанная кровавыми ошметками...

— Это... что это такое?!

— Дом покойного капитана Барнса. Его дверь была заминирована. Когда хозяин попытался войти, ключ замкнул цепь, сработал взрыватель, и — бац! — Микс взглядом указал на снимок. — Все, что от него осталось. Ничего не напоминает?

Паттерсон не смог ответить — на какое-то время он попросту утратил дар речи, только лежал и замороженно смотрел на последний снимок.

Он практически не сомневался, что передрягу, в которую попали детектив Тернер и сержант Рассел (этот-то откуда вообще взялся?!), спровоцировал Эдвард Уоррен. Вполне возможно, убитые агенты и сержанты были наняты им, чтобы устранить чересчур любопытных копов. Вот только зачем ему понадобилось убивать Барнса? Или это дело рук таинственного «подрывника», скрывающегося под именем «Курт Шервуд»? Почерк явно схож, но, опять же, какой смысл в этом убийстве? Или капитан тоже как-то связан с той автокатастрофой, в которой погиб достопамятный инженер-биолог?

«Вопросов — куча, ответов — ноль».

— Мы подозреваем, что детектив Тернер имеет непосредственное отношение к обоим взрывам, — внезапно заявил Микс.

Вытаращив глаза, Паттерсон ошалело уставился на гостя.

— При попытке проникнуть в квартиру Тернера погибло двое оперативников, — безжалостно продолжал Микс. — Дверь была заминирована, агент Паттерсон.

— Не может быть... — пролепетал «федерал» одними губами.

— А уже внутри были обнаружены все необходимые компоненты для создания бомбы. Их отправили на экспертизу, но уже по предварительным результатам ясно, что «ингредиенты» идентичны той бомбе, которую подложили в дом Барнса.

У Паттерсона от волнения закружилась голова. Микс беспощадно выбил почву из-под его ног, а самого агента свалил навзничь.

— И в этой связи мы очень хотели бы знать, агент Паттерсон, какая роль во всем этом отведена именно вам, — закончил Микс.

Это был «контрольный» выстрел в голову, который агент произвел, даже не изменившись в лице.

Паттерсон с трудом разлепил ссохшиеся губы и робко сказал:

— Я... ничего не знаю...

Судя по скептическому взгляду Микса, он ему не поверил.

— Поправляйтесь скорее, — произнес агент, забирая у Паттерсона снимки и вновь укладывая их в папку. — Нам еще многое предстоит прояснить.

Он двинулся к выходу, однако у самой двери остановился и, одарив Паттерсона еще одним неприязненным взглядом, предупредил:

— И не пытайтесь уезжать куда-то без нашего ведома, этим вы только усложните ситуацию. Тем более, что Бюро отрядило в клинику полдюжины агентов, и шансы на побег у вас изначально невелики.

С этими словами он вышел из палаты, оставив Паттерсона наедине с мрачными мыслями о детективе Тернере, бомбах и Эдварде Уоррене с его чертовым Синдикатом. Впрочем, побыть в одиночестве сколь-либо долго Паттерсону не дали: не успел он и глазом моргнуть, как внутрь юркнула обеспокоенная Клара.

— Ты в порядке, Стэн? — спросила она, подойдя к кровати.

— Да, милая, — соврал агент.

— Что он от тебя хотел? Почему такая срочность?

— Служба, солнце, — виновато развел руками «федерал». — Никаких деталей.

— Все, как обычно... — проворчала Клара.

И, растрепав его волосы, с улыбкой добавила:

— И слава богу.

— Добро пожаловать назад, капитан, — сказал подполковник Огден, когда мы вошли в его кабинет.

Он встал из-за стола, обогнул его и крепко пожал руку сначала Харту, а потом и мне. Я старался не пялиться на него, однако получалось плохо, ведь передо мной стояла первоначальная цель, на устранении которой так настаивал Тейлор. По его мнению, это был корень всего зла, происходящего в Кувейте: хотя формально армией командовал полковник Чейз, ни для кого не было секретом, что большинство решений (если не все) исходили как раз от Роберта Огдена. Так что, получалось, перед нами сейчас стоял злой гений Легиона, бестактно и стремительно отобравший у них большую часть Эль-Бургана.

— Здравствуйте, сэр, — ответил Харт.

Я эхом повторил его слова.

— Значит, это вам мы обязаны счастливым возвращением капитана? — спросил Огден, с интересом меня рассматривая.

— Именно так, — ответил Харт за меня. — Сержант Пэйн проявил недюжинную отвагу и спас нас обоих.

Я скромно молчал.

— Вы далеко пойдете, сержант, — заверил меня Огден. — Мы здесь ценим подобных смельчаков.

— Благодарю, сэр, — сдержанно ответил я.

— Сержант очень устал, — снова подал голос Харт, красноречиво глядя на меня. — Позвольте ему вернуться в лагерь и отдохнуть до утра. А мы с вами пока обсудим кое-какую информацию, которой мне довелось разжиться, пока я находился в плену.

— О, разумеется, сержант может идти, — закивал подполковник. — Скажите рядовому, дежурящему снаружи, чтобы проводил вас.

— Да я и сам дойду, — попытался возразить я, но Огден покачал головой:

— Не дойдете. То здание, где ваш взвод располагался прежде, разрушено.

— Вот оно что...

— Ничего, обошлось без жертв. Идите. Рядовой все вам покажет. И помните, Пэйн, — я слов на ветер не бросаю. Гарантирую, что в самое ближайшее время вы получите повышение.

— Даже не знаю, что сказать.

Я попытался разыграть смущение. Получилось скверно, слишком уж туго я соображал после богатой на события ночи, но он, кажется, купился. По крайней мере, заострять внимание на моей фальши не стал и переключился на капитана:

— А насчет информации — конечно же давайте обсудим. Не сегодня, так завтра мы окончательно выкурим Легион из города и, если господин Уоррен распорядится, двинемся на Эль-Вафру.

Я невольно вздрогнул. Значит, они действительно решили не ограничиваться Эль-Бурганом и прибрать к рукам все кувейтские месторождения? Планы, мягко говоря, наполеоновские.

Впрочем, меня происходящая в Кувейте заварушка уже волновала едва ли. Все, о чем я мечтал, поскорее сбежать из несчастной страны, невольно ставшей площадкой столкновения Уоррена и Тейлора.

— Сэр. И вы, сэр. — Я отдал под козырек, однако Огден лишь поморщился и махнул рукой в сторону двери — мол, иди уже, не трать наше время понапрасну.

Пожав плечами, я покорно устремился к выходу.

— Это вы — сержант Пэйн? — тут же спросил худосочный рядовой, стоящий снаружи.

— Он самый, — нехотя признал я.

— Мне велено вас проводить, сэр.

— Ну так... пойдём? — спросил я и, не дожидаясь ответа, первым устремился к двери.

На улице уже потихоньку светало. Уличные фонари ярко светили, и мы неспешно брели между ними по смутно знакомой улочке, а многочисленные патрульные, проходящие мимо, с интересом косились в мою сторону. Впрочем, я не особо переживал на этот счет: лицо благодаря декодеру вряд ли могло показаться кому-то знакомым, а характерных наколок у меня сроду не водилось.

— Далеко нам еще? — спросил я у рядового.

— Еще два квартала, — закатив глаза, припомнил мой провожатый. — Там многоэтажный дом будет, четыре, кажется, этажа, а номер... восемь. Нет, девять. Ну и этаж ваш — третий.

— Ага, понятно...

Честно сказать, в глубине души я чувствовал себя неважнецки. Возможно, тому виной была вбитая в голову, точно огромный гвоздь, идея, что Синдикат — наши враги. Умом понимаешь — люди как люди, просто цели преследуют иные, — однако стоит тебе увидеть парня в форме Синдиката, и невольно стискиваешь зубы, а ладони твои сами собой

сжимаются в кулаки. Порой мне кажется, что Тейлор и старшие офицеры обладают даром убеждения на каком-то запредельном, аномальном уровне или даже гипнозом.

Идиотское предположение, не правда ли?

С такими мыслями я протопал обещанные два квартала и увидел тот самый четырехэтажный дом под номером девять.

— Ну, стало быть, пришли? — спросил я, покосившись на рядового.

— Да, сэр.

— Спасибо, что проводили.

— Не за что, сэр.

— Счастливо, — бросил я и побрел к дому.

На крыльце сидели два зрелых солдата без кителей и курили старые добрые бумажные сигареты. Когда я подошел к ним, в нос ударил густой табачный дым. Глаза моментально наполнились слезами, и я против воли закашлялся.

Один из старожилов окинул меня скептическим взглядом и горестно вздохнул, а второй лишь покачал головой и отвернулся. Видно, сочли меня слабаком. Ну, в общем-то, в вопросах курения мне с ними действительно было не тягаться — последнюю свою сигарету я выкурил еще в Иране, лежа в кузове пикапа, уносящего меня из безжизненной пустыни в Бендер-Аббас, и глядя в голубое небо сквозь сизое облако табачного дыма.

Я все же кивнул этой парочке и, не дождавшись никакой ответной реакции, нырнул внутрь.

Здание, некогда явно бывшее общежитием, ныне превратилось в подобие казармы. Я миновал комнату, отведенную под прачечную, где одинокий рядовой, восседая верхом на машинке, ковырялся в мобильнике. Заслышав шаги, он равнодушно посмотрел на меня и снова уткнулся в телефон. Ничего необычного, просто еще один мужик в майке с коротким рукавом и сине-черных штанах Синдиката. Подобных типов тут явно имелось в достатке.

В остальных комнатах, которые встречались мне по дороге к лестнице, находились двухъярусные койки для личного состава. Некоторые кровати были идеально заправлены, другие — кое-как; видимо, с дисциплиной в рядах Синдиката имелись некоторые проблемы.

Поднимаясь на второй этаж, я снова и снова ловил себя на простой, логичной, но ранее отчего-то не посещавшей мою голову мысли — армия везде одинаковая. Кто бы что ни говорил, но везде есть неряшливые солдаты и солдаты ответственные, солдаты способные и солдаты, отстающие от прочих. И не столь важно, о какой армии идет речь, частной

или государственной, любая идеальной не будет. Уж насколько опытен генерал Тейлор, а в его воинстве тоже хватает разгильдяев, вроде Ральфа с дружками или караульного на западных воротах Эль-Вафры. Встреть я их «на гражданке», мы бы, возможно, с удовольствием поиграли на бильярде или пропустили по кружечке пива. Но служить вместе с подобными безответственными типами для меня было сущим наказанием. В конечном счете, война — это то место, где сдохнуть куда проще, чем выжить, а потому, если тебе прикрывает спину такой вот сослуживец, лучше заранее подготовить завещание — так, на всякий случай.

На втором этаже было шумно илюдно. Задерживаться я не стал, но обратил внимание, что в коридоре, несмотря на столь ранний час, полно людей в полном обмундировании. Встретившись с одним из солдат взглядом, я кивнул ему и продолжил подъем.

И вот я — на третьем, который оказывается полной противоположностью второго. Здесь, кажется, вообще никого нет и царит тишина, словно в древнем склепе. Это сводит с ума: ты почему-то ждешь, что здесь должно бытьлюдно, но вместо этого обнаруживаешь полное запустение. Кровати заправлены все до единой. В изножье каждой — табличка с именем. «Джонсы», «Джексоны», «Смиты»...

Я потратил около четверти часа на то, чтобы найти нужную койку. Как и следовало ожидать, у настоящего сержанта Пэйна оказалось едва ли не лучшее место в казарме — стоящая боком одноярусная кровать рядом с окном. Не долго думая, я плюхнулся на койку и, к собственному удивлению, едва не отключился. Усталость навалилась на меня, словно борец-тяжеловес, у которого открылось второе дыхание, и буквально припечатала к матрасу. Мне не слишком-то хотелось признавать это, но я действительно был выжат, что тот лимон. Последние несколько дней пришлось работать в режиме «нон-стоп»: я брался за одно дело, успешно его выполнял и, позволив себе ночь на передышку, вынужденно соглашался на иное. И вот теперь, когда я наконец впервые за два дня опустился на настоящую кровать (пусть и не самую роскошную), мое тело просто отказалось мне подчиняться.

Я закрываю глаза.

Хотелось бы верить, что все закончилось, но треклятое шестое чувство смотрит на происходящее чересчур настороженно. Дабы убедиться, что все в порядке, мне нужно несколько дней, чтобы полностью привыкнуть к обстановке. Но столько времени у меня нет. В этом я совершенно уверен.

Все, что я могу себе позволить, это короткая передышка перед новым забегом... который, надеюсь, станет последним.

Мои глаза по-прежнему закрыты.

* * *

— До сих пор не могу поверить, что вам удалось выбраться из этого ада, — признался подполковник Огден.

Они сидели друг напротив друга, а на столе между ними дымились две чашки с кофе. Харт намекнул, что не прочь выпить и чего-то покрепче, но Огден мягко ему отказал — подполковник считал, что алкоголю на войне не место.

— О, сэр, да я и сам не очень-то в это верю, — с улыбкой произнес капитан. — Как жаль, что спаслись только мы двое.

— Возможно, есть шанс, что остальные тоже выжили? — робко предположил Огден.

— Сомневаюсь, сэр, — покачал головой Харт. — Не хочется хоронить их раньше времени, но... там, как вы очень верно подметили, действительно был ад.

— Ох уж мне эта война... — Огден подался вперед и, облокотившись на стол, уставился на лист бумаги перед ним. — Будь моя воля, я бы умерил аппетиты Эль-Бурганом и в Вафру даже не совался, но, увы, я здесь решаю не так уж много...

— Я, наверное, все пропустил, сэр, — осторожно произнес Харт, — потому что совсем не помню — разве по штурму Эль-Вафры была конкретика еще пару дней назад?

— Конечно не было, — подтвердил Огден. — Но буквально вчера вечером появилась. Мы ждали отмашки не раньше, чем выдавим остатки Легиона за южную границу города и сообщим об этом мистеру Уоррену, но он ждать не захотел.

— То есть, сэр? — нахмурился Харт. — Сделайте, пожалуйста, небольшую скидку на то, что последнюю ночь я улепетывал от людей генерала Тейлора и потому могу туго соображать.

— Что именно вам не понятно? — пожал плечами Огден. — Мистер Уоррен хочет, чтобы мы не останавливались на достигнутом. Проще говоря, он желает, чтобы мы преследовали отступающих до самой Эль-Вафры, а потом, не медля, взяли город приступом, как мы это уже проделали с Эль-Бурганом.

— Странно рассуждает мистер Уоррен, уж простите мне мою откровенность, сэр, — сухо заметил капитан.

— Честно говоря, так же считает большинство людей в командном штабе, — понизив голос, сознался подполковник. — Все здесь опытные вояки, не раз бывавшие в пекле. И нынешняя операция по сравнению с другими войнами, в которых нам довелось поучаствовать, это, что лукавить, легкая прогулка. Море техники, эти жуткие боевые машины... — Он взял чашку за ручку двумя пальцами, поднес ко рту и смело отхлебнул из нее дымящегося кофе. Скривившись — горячо!.. — вернул чашку на место и продолжил:

— И-и-эх... В общем, если поначалу все было не так радужно и бои были весьма ожесточенными, то после прибытия подкрепления из Штатов мы их просто задавили. Впрочем, вы и сами об этом знаете прекрасно.

— Знаю, сэр, — кивнул Харт.

— А потом начались все эти распоряжения... странные... и очень жестокие. Чего только стоит приказ уничтожать грузовики, в которых противник перевозит раненых... — Огден поморщился, видимо представив, как выглядит взрыв такого грузовика. — Все это, мягко говоря, противоречит неписаным армейским законам. Наша изначальная цель ведь не истребить армию Тейлора, а захватить важное нефтяное месторождение.

— Ну, видимо, мистер Уоррен изначально держал в голове мысль о том, что вслед за Бурганом нам понадобится месторождение Вафры, — предположил капитан. — Вот он и ослабляет противника заранее.

— Это все понятно, — сказал подполковник. — И определенная логика в его приказах, конечно, присутствует. Но убиваем-то мы не пешек и ферзей, а живых людей!..

«Ты посмотри, какой совестливый!» — усмехнулся Харт про себя.

Благородство подполковника могло показаться выдающимся только тем, кто отчего-то позабыл, что война в Кувейте — не освободительная, не гражданская. Просто две частные армии сражаются за богатые нефтяные месторождения. Ничего необычного, просто двадцать первый век, эра безработицы в странах Европы и США и контрактная служба как один из способов заработать на хлебный ломоть... и маслицо... и икорку...

«Не нравятся такие порядки — расторгай контракт и езжай домой. В конце концов, ты знал, на что шел, так что нечего из себя корчить святошу, вынужденно сошедшего с тропы добродетели!»

Харта так и подмывало обрушить гневную обвинительную речь на лицемерного подполковника, но он сдержался — мало, что статус не позволял заявлять такое в открытую, так еще и момент был явно не подходящий. Поэтому вслух он сказал лишь:

— Полностью с вами согласен, сэр. Но что мы можем поделать с

приказом мистера Уоррена? В конце концов, это всего лишь наша работа.

— Что верно, то верно, капитан... — задумчиво закивал Огден. — Что верно, то верно...

Он, казалось, выпал из окружающего мира, с головой погрузившись в размышления. Харта это конечно же не устраивало. Он пригубил из чашки, громко кашлянул в кулак и, поймав ошалелый взгляд подполковника, нетерпеливо спросил:

— Так что с атакой на Эль-Вафру, сэр? Не введете меня в курс дела?

— А? О, да, конечно-конечно... Просто... что-то голова кружиться начала... — Огден со слабой улыбкой кивнул на чашку. — Будто мне коньяку туда щедро подлили.

— А по мне, так обычный кофе, сэр, — пожал плечами Харт. — Хотя ваш я, конечно, не пробовал, может, вас секретарь и порадовал...

— Не думаю. Такие шутки ему... не свойственны.

И все же Огден действительно стал куда более заторможенным, чем буквально две минуты назад. Он спотыкался на каждом втором слове, язык плохо его слушался, а веки при очередном моргании, казалось, закроются навсегда.

— Так что с Эль-Вафрой? — напомнил Харт.

— Ну... — Огден потер виски и мотнул головой. — Мистер Уоррен пообещал к завтрашнему утру прислать еще несколько пробных летучих роботов... к этому времени мы, вероятно, выкурим остатки сопротивления и двинем на Эль-Вафру.

— Летучих? — переспросил капитан, не веря своим ушам.

— Экспериментальная разработка, — с трудом выговорил подполковник. — Согласно проекту, которым поделился мистер Уоррен, помимо возможности летать, у этих... есть еще одно существенное преимущество перед другими...

— Какое? — видя, что Огден практически вырубился, повысил голос Харт.

— Пилот находится не в кабине, а снаружи и управляет роботом дистанционно. Это сделано, чтобы минимизировать потери в случае поражения машины противником... — Огден закашлялся и рухнул на стол, опрокинув чашку. Кофе брызнул во все стороны, полился на пол.

— Не рассчитал... — процедил Харт и тихо чертыхнулся.

Впрочем, сокрушаться не было времени: оглянувшись на дверь, капитан вскочил с места и, обогнув стол, начал по одному выдвигать ящик за ящиком.

Кофе продолжал литься на пол.

Шаг, второй, третий...

Усталости в молодых ногах нет, но в голове, увы, слишком много ненужных мыслей. Глупые мечты о миллиардах долларов, новом мотоцикле, яхте (чем черт не шутит?) и цыпочках, загорающих прямо на палубе в неглиже.

Рядовой настолько погрузился в грезы, что споткнулся о ступеньку на входе в штаб и едва не растянулся на полу — благо дежуривший у входа солдат подхватил, не дал упасть.

— Под ноги ж смотри, — укоризненно проворчал спаситель.

— Задумался просто, — буркнул рядовой, стыдливо пряча глаза.

— Ну-ну, — сказал дежурный. — Куда вообще собрался? Чего не докладываешь?

— А то ты меня уже не выучил, — фыркнул парень. — Я тут за гонца последнюю неделю, мотаюсь туда-сюда по сто раз на дню, новости на хвосте, как сорока, таскаю.

— Правила есть правила, — строго заявил дежурный.

— Ты каждый раз так и говоришь.

— Потому что с течением времени правила не меняются, — веско пояснил собеседник.

Дежурный был тем еще занудой. Рядовой понял это, когда впервые появился в штаб, дабы передать подполковнику Огдену срочное сообщение от старшего лейтенанта Рэнджа. Тогда дежурный прямо заявил, что никакая срочность его не волнует, и впустил «гонца» внутрь только после соблюдения всех идиотских формальностей.

И сейчас, кажется, происходило нечто подобное — с той лишь разницей, что сегодня рядовой не очень-то и спешил. Сообщение было важным, да, но не срочным. Наверное, именно поэтому «гонец» позволил себе удариться в рассуждения:

— Слушай, ну мы ведь одно дело делаем, разве нет? Служим в одной армии...

— Вот именно. В армии.

— Что ж ты мне палки в колеса-то вставляешь тогда?

— Какие палки? — выгнул бровь дежурный. — Я от всех требую по уставу действовать, иначе тут не армия у нас будет, а разброд сплошной.

— Черт с тобой, — сдался рядовой.

Вытянувшись в струнку, он отдал дежурному под козырек и

воскликнул:

— Срочное сообщение для подполковника Огдена! Разрешите войти?

Дежурный ответил тем же жестом и милостиво дозволил:

— Разрешаю!

Когда рядовой прошествовал мимо горделиво задравшего подбородок дежурного, он услышал тихое бормотание последнего:

— Ну что, неужто так сложно сразу так сделать?

Псих какой-то, подумал рядовой, шагая по коридору штаба в направлении к уже знакомой двери, где находилась временная резиденция подполковника Огдена. Подобные «правильные» типы искренне верят, что вся армия держится только на их стремлении к дисциплине. И рядовой, конечно, не думал, что они в корне не правы, — просто считал, что есть и куда более необходимые на войне вещи, вроде отваги, смекалки и тактики. Но дежурный, услышь он это, наверняка бы лишь презрительно фыркнул.

«Муштра, муштра, муштра».

Рядовой уже был в считанных футах от двери кабинета, когда она распахнулась и наружу вышел незнакомый мужчина в мятой форме Синдиката. Смерив вновь прибывшего оценивающим взглядом, он спросил:

— Ты к Огдену?

Рядовой, резонно предположив, что абы кто из кабинета подполковника не выходит, решил не фамильярничать и отозвался:

— Да, сэр. К нему.

— Ну, тогда, скажем так, ты немного... не вовремя, — оглянувшись через плечо, тихо произнес незнакомец. — Подполковник весьма неважно себя чувствует. Так что тебе б его лучше не беспокоить.

— Я понял, сэр, — ответил рядовой, наблюдая, как мужчина медленно закрывает дверь кабинета.

Однако уходить посыльный отчего-то не спешил — стоял, уткнувшись взглядом в пол.

— Чего ж ты тогда ждешь, если понял? — удивился мужчина.

— Мне надо передать ему важное сообщение, — нехотя признался рядовой.

Он до сих пор не знал, кто перед ним, и потому не решался откровенничать. Все хорошо помнили, как четыре дня назад незнакомец с капитанскими погонами проник в штаб, отправил к праотцам майора Харриса и благополучно смылся. Так почему бы Легиону не послать на территорию врага еще одного... а может, и *того же самого* киллера? Пусть на поле брани преимущество Синдиката очевидно, это не мешает Тейлору

и компании пощипывать командный состав точечными ударами исподтишка.

— А тебя не смущает, рядовой, что он только что заснул? — раздраженно уточнил мужчина. — Говорю тебе — подполковнику плохо. А там действуй на свое усмотрение.

С этими словами незнакомец быстрым шагом устремился прочь, оставив рядового в одиночестве.

Посыльный, в нерешительности переминаясь с ноги на ногу, посмотрел на дверь кабинета. Войти? Или действительно не стоит? Незнакомый мужчина (по замашкам — явно старший офицер) недвусмысленно дал понять, что Огдену нездоровится. Но ведь у рядового приказ от капитана Моргана, пусть не срочное, но важное сообщение.

Как же поступить? По уставу? Но подполковник, если только заснул, явно будет не в лучшем расположении духа. Так стоит ли с ним конфликтовать? Или лучше отправиться напрямую к полковнику Чейзу, а там пусть сам решает, беспокоить Огдена или нет?

Рядовой снова вспомнил об убийстве майора Харриса, и лицо его посуровело.

Нет уж. Нельзя уходить, не убедившись, что с подполковником все в порядке. Нельзя нарушать приказ капитана Моргана.

Проглотив набежавший в горле ком, рядовой робко постучал в дверь, приоткрыл ее и заглянул внутрь:

— Подполковник, сэр?

Кресло Огдена было повернуто к окну, так что виден был только его затылок, чуть выступающий из-за спинки. Медленно, теребя в руках козырек кепки, рядовой подступил к столу и повторил:

— Сэр?

Казалось, Огден крепко спит... или, все же, убит? По крайней мере, на слова он не реагирует вовсе.

Рядовой ломал голову, подойти ли поближе или же оставить беднягу в покое, когда увидел разлитый по столу кофе и небольшую коричневую лужицу на полу, которая еще не успела высохнуть. Зрелище это немало удивило посыльного, и он все же решился: обойдя стол, уставился на Огдена.

Глаза зажмурены, рот, напротив, чуть приоткрыт, пальцы рук сплетены на животе. Вроде бы действительно спит, беспробудно.

Но разлитый кофе...

Что-то здесь не так.

Взгляд скользил по неподвижному телу подполковника, пока не

остановился на его ладонях. Рядовой, сощурившись, наклонился, дабы получше их рассмотреть, и едва не ахнул, когда увидел, что пальцы испачканы красным.

Кровь.

Он с трудом разъединил руки и уж тут не сдержался — вскрикнул испуганно: из живота подполковника торчал нож, а ладони скрывали его миниатюрную рукоятку.

Рядовой пятился до тех пор, пока не уткнулся в стену. Тогда он вздрогнул и, шумно сглотнув, бросился из кабинета прочь.

— Тревога! Тревога! — заорал он, вырвавшись в коридор.

— Чего орешь? — требовательно спросил давешний дежурный, заглянув внутрь.

— Подполковник Огден убит, — сообщил рядовой.

— Как убит? — Дежурный страшно побледнел, и солдат невольно решил, что он тотчас двинет кони.

— От него тип какой-то мятый только что вышел, а я следом, а он сидит там с ножом в брюхе... — затараторил рядовой.

— Капитан Харт? — оторопело пробормотал дежурный.

Осененный страшной догадкой, он спешно поднес рацию к губам и проорал:

— Всем! Всем! Всем! Срочно! Подполковник Огден убит! Задержите капитана Харта и... — Он запнулся, припоминая, как же звали второго хмурого типа, прибывшего в город вместе с офицером. — Сержанта Пэйна! Срочно!

Сообщение ошеломило весь лагерь Синдиката: подполковник Огден был всеобщим любимцем и главной «звездой» военной кампании в Кувейте. В эфире только и слышно было:

— Не может быть!

— О господи!

— Это неправда!

Сидевшие на крыльце девятого дома старожилы переглянулись и, затушив сигареты, вскочили на ноги.

— Это на третьем они, получается? — спеша по коридору к лестнице, спросил один.

Другой, пыхтя, кивнул.

Вверх они неслись сломя голову, однако, очутившись между вторым и третьим этажом, замедлились и вытащили пистолеты — мало ли что?

— Как он вообще выглядит? — шепотом осведомился первый.

— Да чтоб я знал, — фыркнул второй. — Говорят, он единственный

выжил из всего взвода, так что, кого увидим, всех мордой в пол, и вся недолга. А там уж разберемся, он или не он...

На третьем царила гробовая тишина. Старожилы заглядывали во все комнаты по очереди, пока не увидели кровать у окна, на которой, судя по всему, кто-то лежал, укрывшись с головой. Наружу торчали только ботинки, которые неизвестный снимать не стал то ли от лени, то ли от усталости. Солдаты переглянулись. Первый продолжил держать спящего на мушке, второй обогнул кровать и прочел именную табличку, закрепленную в изножье.

«Сержант Гарольд Пэйн, тридцать третий вз.».

— Он, — в ответ на вопросительный взгляд товарища одними губами произнес солдат и, дождавшись одобрительного кивка, резко откинул одеяло в сторону.

* * *

— Куда он делся? — прохрипел мой наушник гундосо.

Я невольно поморщился и огляделся по сторонам — не обратил ли кто внимание на шипение? Но в баре, кроме меня, был лишь одинокий пьяница, да и тот сидел слишком далеко, чтобы слышать голос в моем ухе.

— Да я ж откуда знаю... — ответил ему второй голос, куда более благозвучный.

— Это надо же... — проворчал Гундосый. — Кто б мог подумать, что капитан Харт окажется засланным убийцей? Вечно такой улыбчивый, во, думаю, хоть один нормальный офицер... Ага! Нормальный!

— Да ты его там знал особо, чтобы рассуждать? — фыркнул Благозвучный.

— Ну, хоть как-то же пересекались...

— Офицеры все себе на уме, я это давно усвоил. Помню, я еще в армии США служил...

Дальнейший разговор я слушал вполуха, с трудом преодолевая желание совсем отключить наушник. Главное я, в принципе, уже узнал: весь этот сыр-бор был затеян лишь с той целью, чтобы капитан Харт расправился с подполковником Огденом... которого — какое знатное совпадение! — мне совсем недавно поручал устранить генерал.

«Получается, Харт изначально работал на Тейлора? — гадал я, пока Благозвучный рассказывал дружку о некоем замечательном старшем лейтенанте, с которым познакомился еще в бытность рядовым. — Но зачем

его тогда держали в тюрьме, среди прочих заключенных? Зачем вообще вывозили из Эль-Бургана, если его цель находится здесь? И, самое главное, откуда тогда Харт знает про Гопкинса?»

Последний факт, собственно, сбивал с толку больше прочих. Я не был готов поверить в то, что люди генерала умышленно держали своего ликвидатора (настолько тайного, что ни я, ни Богут о нем не слышали) в плену. Однако еще меньше — в то, что Гопкинс спустя несколько дней моими силами высвободил наружу убийцу, чтобы тот устранил подполковника, которого я и так намеревался прикончить пару дней назад.

Ум за разум заходит, ей-богу.

Какая тут вообще может быть логика?

Единственное объяснение этим причудам Гопкинса могло скрываться лишь в истории самого Огдена. Если предположить, что подполковник изначально тоже кормился из рук Гопкинса, а потом решил взбрыкнуть...

«Интересно, зачем я ломаю себе голову теперь, когда все позади?»

Новая внешность, новый наряд, даже новые ботинки — ничто не напоминало меня прежнего. Собственно, я так часто примерял другие шкуры, что уже немного подзабыл, как выгляжу на самом деле.

И как меня Джулия узнает?..

Мимолетный взгляд на часы. С минуты на минуту должен подойти мой старый приятель Саид, занимающийся подделкой документов. После того как Саид изготовит для меня новый паспорт, я навсегда покину Кувейт и первым делом отправлюсь в Штаты, чтобы разыскать мою любимую сестру раньше, чем это сделают Гопкинс и Жук.

Телефон в кармане ожил: судя по рингтону, пришло «смс». Недоумевая, кто бы это мог быть, я запустил руку в карман и вытащил мобильник.

Увиденное насторожило еще больше: это было уведомление о новом письме, пришедшем на мой секретный ящик, да притом подписанное «От Гэба».

Внутри у меня похолодело.

Откуда Богут знает адрес моей тайной почты? Я ведь никогда не отправлял ему писем с этого ящика! И получить сообщение сейчас, когда мы мечтаем убить друг друга... Это было очень, очень странно.

И страшно, что уж греха таить.

Дрожащими пальцами я открыл почтовый клиент, а затем и само письмо. Текста в нем было кот наплакал — всего лишь пресловутое «С наилучшими пожеланиями», которое в свете нашей вражды казалось скорее ядовитым, едким, чем вежливым. Но слова в том сообщении были не

главным. Главным был видеоролик, который Богут прикрепил к письму.

Еще даже не открыв его, я уже весь истек потом. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что рядом никто не ошивается, я нажал кнопку воспроизведения и уставился на экран. Хрипкое приветствие Богута вырвалось из динамика, и я спешно переключился на гарнитуру, чтобы не привлекать к себе внимание.

«Здравствуй, Сэм!» — прогремело в ухе.

А уже в следующий миг я, выпучив глаза, смотрел на возникших из темноты... Марину и Джулию!

«Нет, нет, этого просто не может быть!..»

Девушки, связанные и даже, кажется, слегка потрепанные, сидели спина к спине на двух стульях, поэтому камера снимала их сбоку — чтобы я мог видеть обеих. Они определенно были живы: пытались высвободиться и активно косились в объектив, Марина — с ненавистью, а Джулия — испуганно, будто не понимая, как оказалась в этой темной комнате и что за люди бесцеремонно притащили ее сюда?

«Думаю, тебе знакомы эти девушки? — продолжал голос за кадром. — Одну ты недавно трахал, вторая тебе сестра — я ничего не перепутал?»

Богут говорил спокойно, ровно, без всякого намека на сарказм или злобу — как обычно, шикарный самоконтроль. Я же думал, сотру зубы до десен: стиснул их, словно окоченевший покойник, и скрежетал, глядя то на сестру, то на Марину. Как, как они умудрились разыскать их? Ладно моя русская пассия, с которой мне пришлось расстаться, она была у них под самым носом. Но Джулия? Откуда, откуда Гэб узнал про нее?!

«Вероятно, откуда же, откуда и адрес моего ящика».

Мистер Гопкинс знал про мою тайную почту. Мистер Гопкинс присылал мне на нее фотографии Джулии. Мистер Гопкинс был единственным, кто мог поделиться с Богутым этой информацией... но, черт возьми, зачем ему это делать?! Зачем сдавать меня, блестяще выполнившего обе его миссии, австралийскому ликвидатору? Зачем подставлять моих девочек?

«Я уверен, ты очень хочешь, чтоб они остались живы, — произнес Богут. — Но для этого тебе придется приехать в Эль-Вафру и сдать. Не буду врать: я тебя убью. Заказ есть заказ. Но ты можешь, по крайней мере, спасти своих девушек. В общем, если ровно в восемь вечера завтрашнего дня ты не будешь стоять у парадного входа в гостиницу «Корона Плаза», один и без оружия, твои девушки умрут. Твоя жизнь в обмен на их жизни, Сэм. Ответь, что думаешь на этот счет. До связи».

Когда он умолк, комната на экране снова погрузилась во тьму и ролик

закончился. Медиаплеер предложил проиграть видео еще раз, а я сидел и тупо смотрел на эту надпись, не в силах пошевелиться.

Готов ли я расстаться со своей жизнью, если это может спасти Джулию и Марину? Да, безусловно. Но, хоть я и верил слову Богута, у меня имелись огромные сомнения насчет Тейлора. А поскольку австралийский ликвидатор был предан генералу до мозга костей, поступать он будет по его указке и никак иначе. То есть факту — никаких гарантий, что Глен действительно сдержит слово. Это ведь армия, пусть и частная, тут собственная порядочность нередко нивелируется приказом сверху.

Конечно, на первый взгляд в смерти девушек нет никакой нужды, они ведь всего лишь приманка для меня, Сергея Мамонтова, предателя и дезертира. Но оставлять их в живых тоже не очень-то разумно: у Джулии, насколько мне известно, есть связи в среде банкиров, может, с самим Эдвардом она и не знакома, но совершенно точно ведет дела со многими из окружения Стального Эдварда. Еще расскажет им ненароком о варварских методах ненавистного генерала Тейлора. Нет, с такими «свидетельницами» проще расправиться сразу, пока труп Мамонта еще не успел остыть.

Выходит, единственный выход — идти напролом. Но, если меня заметят (а Богут, надо думать, на сей раз постарается предусмотреть *абсолютно все*), девушек сразу убьют.

Как же поступить?

— Еще воды, сэр? — на ломаном английском поинтересовался подошедший к столику официант.

— Да, пожалуй, — покосившись на него исподлобья, кивнул я.

Он забрал пустой стакан и скрылся в кухне, а я, откинувшись на спинку дивана, открыл каталог отелей Кувейта и вбил в поиск «Корона Плаза».

Надо было убедиться, что моих девочек держат в хорошем номере.

2031 г., ранчо «Эстрелла», Финикс, Аризона

— Ты думаешь, это хорошая идея? — скептически поинтересовался Тернер, глядя через мутное стекло на очертания ранчо «Эстрелла».

— У тебя есть получше, старик? — спросил Рассел.

Они сидели за рулем подержанного «кадиллака», который приобрели взамен брошенного «форда» сержанта Коула, слишком дырявого, чтобы на нем ехать через три штата. Глаза беглецов были красными от вечного недосыпа, руки дрожали, как у больных Паркинсоном, а любое упоминание

по радио о двух продажных копах из Вашингтона заставляло их сердца замирать. Они все ждали, что кто-то нападет на их след, и потому старались не останавливаться ни в придорожных мотелях, ни тем более в гостиницах на территории городов. В итоге спали в дороге, редко и мало, по очереди: пока один вел, второй в позе эмбриона маялся в полудреме. Тернера вдобавок преследовали кошмары; в каждом сне их с Расселом непременно убивали свои же коллеги из Вашингтона, и потому детектив старался лишний раз не смыкать глаз, боясь снова увидеть тот же ужасный сюжет.

Рассел храбрился, но без толку: друзья прекрасно понимали, что оказались в полной заднице. Паттерсону детектив больше не звонил; собственно, они вообще выкинули оба мобильника еще до того, как покинули Вашингтон, — в ту же самую реку, где уже почтили достопамятные ключи от квартиры Тернера, оставленные его бывшей женой.

Вот и получалось, что легендарный лидер Легиона Джон Тейлор — это их последняя надежда на спасение от электрического стула. Уж генерал-то наверняка не упустит возможности насолить Эдварду Уоррену, а заодно и их из петли вытащить.

Судьба, видимо, сжалилась над потрепанными копами, на чью долю и без того выпало немало испытаний, и все-таки позволила им достичь заветной резиденции генерала в Аризоне.

— Даже не знаю, — шумно выдохнув, произнес Тернер.

Рассел предлагал, не мудрствуя лукаво, постучаться в переднюю дверь и попросить их выслушать, но детектив отчего-то сомневался, что им стоит идти напрямик. Возможно, дело было в том, что они в последнее время держались тише воды, ниже травы и шарахались даже от собственной тени.

— А если его, допустим, нет дома? — предположил Тернер. — Думаешь, они позволят нам его дождаться? Нам, двум опальным полицейским, которых подозревают в восьми убийствах?

— Что еще за «они»?

— Его люди, которых там наверняка целая рота.

— Я еще раз спрашиваю, старик, — у тебя есть идея получше? — терпеливо повторил Рассел. — Если да — давай обсудим, может, поступим, как ты хочешь. А если идей нет, то и разговаривать особо не о чем. Или ты думаешь, если мы сами проникнем в дом, без спросу, они поведут себя как-то иначе?

— Не знаю, черт бы их побрал, — прошипел Тернер. — Я не знаю, как быть, но мне почему-то кажется, что генерал вряд ли захочет болтать с

преступниками.

— Мы не преступники, — машинально поправил его негр.

— Кому он больше поверит — тебе или десяткам СМИ? Мы в ауте, Рассел. В глубоком ауте. Нам крупно повезет, если он вообще станет нас слушать.

— Речь об Эдварде Уоррене. Тейлор с ним воюет вовсю. Скажем, что у нас есть на него солидный компромат, он и выслушает.

— Что-то я уже сомневаюсь, что компромат наш на что-то годен, — признался Тернер с грустной улыбкой. — Они-то, по сути, все на нас повесили. А даже если ролик всплывет, Эдвард всегда может сослаться на банальную судебную ошибку или еще что-то, главное, теперь есть повод все развернуть против нас — вроде «да, Джонсон поступил низко, но вы посмотрите, что с ним сделали эти двое?».

— И все же надо попробовать, — твердо произнес Рассел. — Иного выхода у нас все равно нет. Разве что в Мексику сбежать. Но тогда все это — зря. Все, из-за чего мы затеяли эту авантюру, просто потеряет всякий смысл. Никто так и не узнает о том, какой мразью был этот Джонсон, любимчик треклятого Эдварда. Получится, что мы просто растоптали наши жизни и вышвырнули их на помойку.

— Уже, видимо, так и получилось, — пробормотал Тернер.

— Мы к этому близко, — кивнул негр, — но у нас есть еще один крохотный шанс. Пошли?

Детектив окинул ранчо тоскливым взглядом и на выдохе ответил:

— Пошли.

Они покинули «кадиллак» и устремились к парадной двери. Рассел старался держаться непринужденно, а вот Тернер постоянно озирался по сторонам и ничего не мог с собой поделать — после перестрелки в том темном переулке паранойя завладела им, и с каждым днем состояние его только ухудшалось.

Остановившись у двери, негр откашлялся, облизал пересохшие губы и постучал. Некоторое время они неуверенно переминались с ноги на ногу, а когда уже решили, что никто не откликнется, замок внезапно ожил. Рассел оглянулся на Тернера, который невольно втянул голову в плечи, и одними губами произнес:

— Все в порядке.

Дверь приоткрылась, и в грудь сержанту уставилось дуло автомата. Увидев его, негр невольно застыл.

— Интересно, вы всех гостей так встречаете? — пробормотал он негромко.

— Только тех, кто находится в федеральном розыске, — ответили изнутри.

Дверь открылась еще шире, и друзья увидели, что автомат держит в руках бородатый мужчина лет пятидесяти пяти с глубоким шрамом через весь лоб.

— Вы нас, значит, узнали? — произнес Рассел, держа руки на виду, чтобы у автоматчика не возникло и мысли о неподчинении.

— В последнее время ваши фотки до того часто по телеку показывали, что вас слепой бы узнал, — фыркнул мужчина. — Давайте, входите. И без глупостей. — Он взглядом указал на выглядывающую из-под толстовки сержанта кобуру. — А то пристрелю. Это и тебя касается, детектив.

Тернер, впрочем, даже не думал хвататься за ствол. Появление человека с автоматом в руках его окончательно деморализовало. Не так он себе представлял встречу с людьми Тейлора, совсем не так... хотя на самом деле такой прием казался в высшей степени логичным: речь ведь шла о двух беглых преступниках, отправивших на тот свет восьмерых. А что сами преступники признавать вину отказываются, так такое сплошь и рядом происходит. Их послушать, так в тюрьмах вообще одни невинные сидят.

В прихожей было еще двое вооруженных мужчин, а в гостиной и вовсе полдюжины — кто с пистолетом, а кто и с автоматом, как Бородач. Такое ощущение, что в резиденции Джона Тейлора вечно царит военное положение. Видимо, бурная армейская карьера и нынешний статус «главного врага Синдиката» вынуждал со всей серьезностью относиться к вопросу собственной безопасности.

— Что вы тут забыли-то? — спросил Бородач, когда друзья вошли в гостиную.

— Есть дело к генералу Тейлору, — ответил Рассел.

Тернер лишь нервно оглядывался по сторонам. Обстановка донельзя напоминала его последние сны, в которых они с чернокожим сержантом неизменно погибали, — те же вооруженные мужчины с хмурыми лицами, то же напряжение в воздухе и ощущение безысходности в душе.

— Интересно, какие у вас могут быть дела с нашим шефом? — Бородач смерил беглецов оценивающим взглядом.

— Мы будем говорить только с генералом, — заявил Рассел.

Бородач заметно напрягся, как и большинство присутствующих.

— А вы, я погляжу, с характером, — медленно произнес он, нахмутив густые брови.

Если его угрюмый взор хоть как-то тронул Рассела, то он предпочел не показывать этого окружающим — как стоял, так и продолжил стоять,

снисходительно глядя на собеседника с высоты своего немаленького роста.

— Дайте-ка гостям пару стульев, — добавил Бородач.

Телохранители стали переглядываться.

— Я разве непонятно выразился? — чуть повысил голос автоматчик.

Двое молодых парней с пистолетами нехотя вынесли на центр комнаты два стула.

— Присаживайтесь, — сказал Бородач.

— Мы постоим, — ответил на это Рассел.

— Ты не понял, — покачал головой вояка. — Это не предложение, а приказ. Садитесь. А вы сходите за веревками, чтобы их связать. Ну же, сержант, детектив. — Он водил стволом из стороны в сторону. — Не нужно выводить меня из себя.

— Ну, по крайней мере, нас выслушают, — опускаясь на стул, заметил Рассел в ответ на вопросительный взгляд Тернера.

— Не факт, — пробормотал детектив, опасливо косясь на Бородача.

Вернулись парни с веревками. Автоматчик равнодушно наблюдал за тем, как его подопечные привязывают беглецов к стульям.

— Может, вы уже позовете генерала? — подал голос Рассел.

— Не раньше, чем вы перестанете представлять для него угрозу, — отозвался Бородач.

Негр скрипнул зубами, но смолчал.

Вскоре они были надежно связаны, однако автоматчик все еще не спешил браться за рацию.

— Ну так что? — хрипло осведомился Тернер. — Зовите Тейлора.

— Вы так спешите с ним увидеться, — хмыкнул Бородач, — как будто от этого зависят ваши жизни.

«Можно и так сказать!» — хотел ответить детектив, но сдержался: откровенничать с заурядным телохранителем, пусть и старшим среди прочих, он вовсе не собирался.

Наконец, выдержав театральную паузу, автоматчик снял с пояса рацию.

— Шеф, прием. К вам тут гости, — сказал он в микрофон.

Некоторое время динамик молчал, а потом из него вырвался хриплый голос:

— Я не жду гостей.

— Это непрощенные, — пояснил Бородач. — Вы не поверите, если скажу, кто это.

— Говори, — потребовала рация.

— Беглые копы из Вашингтона, детектив полиции Тернер и сержант

Рассел, — сообщил автоматчик. — Говорят, у них к вам дело имеется.

И снова воцарилась тишина. Казалось, все даже дышать перестали, чтобы не пропустить ответ Тейлора. Детектив невольно поймал себя на мысли, что боится. Воображение готовило его к самому худшему.

«Сейчас генерал скажет: «Убейте их», нас пристрелят и заруют на заднем дворе. А что? Некоторые ему за это еще и спасибо скажут — мы ведь, если верить СМИ, убийцы, подрывники, продажные копы и вообще чуть ли не террористы...»

— Спускаюсь, — прохрипела рация наконец. — Отбой.

— Кажется, ему стало интересно, — сообщил Бородач с ухмылкой. — Вам везет, господа.

Тернер едва удержался от нервного смешка. Говорить о везении двумя полицейским, по которым плачет смертная казнь, как-то уж слишком жестоко. Впрочем, Бородач им не друг и не брат, чтобы думать об их чувствах. Автомат в его руках только подтверждает, что они по разные стороны баррикад. По крайней мере, до тех пор, пока Тейлор не убедит своих «псов» в обратном.

От невеселых мыслей детектива отвлекли шаги, которые донеслись с лестницы. Как и следовало ожидать, это был легендарный Джон Тейлор.

Генерал пристально смотрел на них сверху вниз, и Тернер невольно почувствовал себя крошечным и незначительным, точно песчинка, одна из миллиардов, триллиардов прочих, в то время как фигура генерала была монументальной, как древняя скала, бывшая здесь с самого начала времён. Такие люди рождены, чтобы вести за собой, собственным примером вдохновлять ведомых на подвиги во имя общей цели. Стать Тейлора вызвала благоговейный трепет, а голос его резонировал, как у матерого оперного певца.

— И что же от меня понадобилось двум полицейским из далекого Вашингтона? — прогремел он, хмуро глядя то на детектива, то на чернокожего сержанта.

Один из телохранителей хотел было ответить, но Тейлор поднял руку, призывая его к тишине, — и вправду, зачем нужен «испорченный телефон», если все можно узнать из первых уст?

Рассел вопросительно посмотрел на друга, и тот едва заметно кивнул: мол, выкладывай, за этим же и ехали.

— Мы бежим от Эдварда Уоррена, — ответил негр, глядя на генерала исподлобья.

— У меня здесь разве приют для всех, обиженных Синдикатом? — выгнул бровь Тейлор.

Он смерил сержанта скептическим взглядом, и тому стоило больших усилий, чтобы не отвернуться.

— Я слышал, что вас подозревают в восьми убийствах, — сказал генерал.

— Клевета, — отозвался Рассел.

— Как и то, что в квартире твоего спутника нашли взрывчатку и материалы для изготовления бомб?

— Нас подставили, — продолжал упираться негр.

— То есть, ты предлагаешь поверить тебе, а не фактам? Я правильно понял?

— У нас есть компромат на Эдварда, — заявил сержант. — Точнее, на его любимца, мистера Джонсона, которого грохнули пару дней назад... Ну вы наверняка слышали, о нем все СМИ трубят без умолку.

Тернер хранил молчание — лишь смотрел на генерала угрюмо, будто уже даже не надеялся, что хозяин ранчо им поверит. Ну а, собственно, с чего б ему верить? Вторглись на его ранчо — пусть невольно, но все-таки. На всех новостных ресурсах их клеймят убийцами; сообщается о восьмерых погибших, причем семь из восьми — копы, а двое из этих семи и вовсе коллеги Тернера, с которыми он служил бок о бок два десятка лет. В его собственной квартире нашлись взрыватели и пластид, и этот факт уже никак не оспорить — он задокументирован в протоколах и растиражирован в СМИ.

Если они опубликуют свой ролик теперь, никто не поверит, что их подставил «злой Эдвард Уоррен». Скорее, люди заподозрят в них диверсантов, подкупленных главным противником Синдиката — генералом Тейлором.

Лидер Легиона, надо думать, понимал это, как никто другой. И потому его совсем не радовал визит двух опальных копов в его аризонское логово.

Следующие слова Джона только подтвердили опасения Тернера.

— И какой прок от вашего компромата после всего, что произошло? — спросил Тейлор, строго глядя на негра. — Вы сами себя давно скомпрометировали, вам никто не поверит.

— Но они могут поверить вам, — заметил Рассел.

— Если я поддержу двух беглых преступников? Мне кажется, ты ошибаешься. Причем крупно. Скорее, я просто опорочу собственное имя.

— Но вы даже не знаете, о чем идет речь!

— А мне и не надо, — равнодушно пожал плечами хозяин ранчо. — Не хочу, чтобы в прессу просочилась информация о том, что генерал Тейлор, де, спонсировал все эти убийства. Мы с вами не заодно.

В этот момент у Тернера будто что-то внутри оборвалось. Он наконец-то понял, что надежды нет... да, в общем-то, и не было никогда. Выходит, что все действительно напрасно. Выходит, зря они крались потаенными тропами, скрывались от патрулей, прятали лица от случайных прохожих, способных их опознать. Тейлору, как и прочему миру, оказалась не нужна правда. Все, о чем он думал, это собственная репутация.

В конечном счете получалось, что генерал мало чем отличается от своего злейшего врага, и разочарование, вызванное этим фактом, словно опытный боксер, буквально выбило дух из легких детектива.

Странно, что за окном еще не воют полицейские сирены, с какой-то невероятной отрешенностью подумал Тернер. Впрочем, теперь он не сомневался, что появление копов — всего лишь вопрос времени. Просто до ранчо Тейлора долго добираться из центра, вот и все объяснение.

— Да как же «не заодно»?! Вы же, как и мы, в открытую воюете с Эдвардом! — раздраженно воскликнул Рассел. Он то ли не понял еще, что ждет их с Тернером, то ли отчаянно пытался воззвать к совести генерала.

— Что ты подразумеваешь под этими словами, сынок? — спросил Джон таким тоном, которым обычно седобородый профессор отчитывает юного студента, позволившего себе ввернуть в лекцию остроумный комментарий. — Открытые войны в нынешней Америке невозможны. Последняя подобная, видишь ли, привела к тому, что мы с тобой теперь говорим на равных. И, к сожалению, с тех пор Штаты не слишком стремятся к самоочищению. То, что происходит сейчас, у меня, человека, большую часть жизни посвятившего защите своей родины, язык не поворачивается назвать «войной». В былые времена мы называли это «конкуренцией», не более того. Дебаты на телевидении, попытка завоевать аудиторию, различные ресурсы в интернете, агитационные плакаты... — Он скривился, будто разом проглотил лимон. — Мрак! Люди все равно гибнут, да. Но так далеко от камер, что обычные граждане даже не подозревают об этом. Как будто и не происходит ничего. Как будто и нет этих смертей, будто все только в красноречии соревнуются.

Тернер увидел, как при этих словах Тейлора многие находящиеся в комнате потупили взгляды, погрузились. Наверняка вспоминают тех, кто уже лежит в земле, и гадают, сколько еще погибнет в этой странной войне, которой, как верно заметил генерал, для рядового жителя США вроде и нет вовсе.

А люди тем временем мрут.

Беседу прервал долгожданный вой сирен. Поначалу Тернер решил, что ему показалось, но звук с каждой секундой становился все громче, и вскоре

последние сомнения отпали: к ранчо «Эстрелла» стремительно приближалась патрульная машина.

— То есть на этом... все? — спросил Рассел со странной улыбкой в линии губ. — Ты вот так запросто отдашь нас ему?

— Я отдаю вас не ему, а властям, — пожал плечами Тейлор. — Вы — беглые преступники, а я — законопослушный гражданин.

— И трус, — внезапно для самого себя произнес Тернер.

Телохранители заметно напряглись, взгляды их из равнодушных превратились в ненавистные. Grimаса негодования перекосила лицо самого Тейлора, но продержалась всего секунду. Один несчастный миг — и от нее не осталось и следа.

— В безрассудной смелости нет ничего выдающегося, — сказал генерал без тени злости и обиды. — Куда важнее оставаться в игре любыми способами, чтобы набраться сил и нанести решающий удар раньше оппонента. Если я пожертвую собой ради вас двоих, кто будет противостоять Эдварду?

В дверь постучали.

— Пойдите откройте, — велел генерал своим людям.

Бородач отыскал взглядом лупоглазого паренька в потертой куртке «Сан-Антонио Рэмпэйдж» и, одарив его красноречивым взглядом, мотнул головой в сторону двери. Тот спорить не стал; спрятав пистолет в кобуру, молча пошел открывать.

На пороге стояли двое патрульных в гражданском. Их принадлежность к органам правопорядка подтверждали только блестящие бляхи, закрепленные на лацканах нагрудных карманов серых пиджаков. Увидев торчащий из кобуры пистолет, копы заметно напряглись, однако Глазастый, проследив их взгляды, поспешил успокоить гостей:

— Разрешение есть, не беспокойтесь.

Патрульные переглянулись. Один, худющий блондин со старомодными пшеничными усами, пожал плечами, второй, коренастый и коротко стриженный брюнет, хмуро поинтересовался:

— Где подозреваемые?

— В гостиной, — сказал Глазастый, отступая в сторону. — Проходите.

Полицейские нерешительно перешагнули порог и вслед за телохранителем прошли в комнату.

— Здравствуйте, офицеры, — поприветствовал патрульных генерал. — Вот ваши подозреваемые.

— И как они здесь оказались? — осведомился усач.

— Шастали по округе, — пожал плечами Тейлор. — Мои изловили да

связали.

— А вы не могли бы их теперь... развязать? — неуверенно поинтересовался Коренастый.

— Давай же, Стю, уважь гостей, — сказал Бородатый, глядя на Глазастого.

«Может, попробовать дать деру? — подумал Тернер, равнодушно наблюдая за тем, как телохранитель воюет с веревками. — Вряд ли люди генерала решатся стрелять в нас на глазах у копов...»

Но, даже если им удастся целыми и невредимыми покинуть дом, что делать дальше? Снова бежать, прячась от всех и вся, куда подальше, желательно — в Канаду, а то и в Европу... А ведь чтобы отправиться туда, нужны фальшивые документы или, еще лучше, частный самолет, но ни на то, ни на другое денег у них с Расселом нет даже близко.

— Вставай, — велел Коренастый.

Тернер нехотя подчинился.

— Руки перед собой.

На запястьях детектива защелкнулись наручники, и Коренастый повел его к двери, кивнув на прощание Тейлору. Тернер оглянулся через плечо и увидел, как Глазастый кружится вокруг Рассела, а Худющий нетерпеливо притопывает ногой и периодически смотрит на часы.

— Давай шагай, — проворчал Коренастый, подталкивая детектива к выходу.

Снаружи была глубокая ночь. Если бы не лампа, закрепленная над крыльцом, Тернер наверняка оступился бы и скатился вниз по ступенькам.

Машина была гражданская, старый «порш» с синей мигалкой на крыше. Коренастый запихнул детектива на заднее сиденье, захлопнул дверь и, окинув дом Тейлора тоскливым взглядом, закурил. Ларри запрокинул голову назад и, зажмурившись, устало выдохнул. Мысленно он уже смирился с происходящим... по крайней мере, на сегодняшний день точно. Пусть их доставят уже в камеру, дадут адвоката, а дальше будь что будет.

Обидно лишь, что Джон Тейлор не просто не оценил их подвиг, но даже и самолично сдал властям. Единственный человек, который мог дать делу ход, предпочел отступить в сторону.

Из дома показались Рассел и сопровождающий его Худющий.

— Подвинься, — буркнул полицейский, заглянув внутрь.

Тернер нехотя подчинился — до того пригрелся, что совсем не хотел покидать насиженное место.

— Ну вот и конец, Рас, — сказал он, когда негр плюхнулся рядом. — Печальный, нелепый конец...

— Будь спок, старик, — ободряюще подмигнул сержант, — выберемся. Где наша не пропадала!..

— Боюсь, сейчас не тот случай, — кисло улыбнулся Тернер.

— Время покажет, тот или не тот.

Сержант продолжал храбриться, и детектив был благодарен другу за это. Они попробовали бросить вызов системе, но проиграли. Ничего необычного. В отличие от многих они хотя бы *попытались*. И теперь могут подниматься на эшафот с гордо задранными подбородками — ведь они не трусили, в отличие от того же самого Тейлора.

— Спасибо, — сказал Тернер тихо.

— За что? — удивился негр.

— За все. Что прошел со мной этот путь до конца.

— Заканчивай, я тебе говорю. Вот увидишь, мы еще повоюем. Назло всем.

— Поехали, — бросил Коренастый, забираясь на переднее пассажирское.

Худющий завел мотор. Долго прогревать не стал — выкрутив руль до упора влево, он дал газу и с пробуксовкой выскочил на дорогу.

Стоящий у окна в прихожей Тейлор провожал машину задумчивым взглядом. Внешне он казался спокойным, но в душе у него царило смятение. Он не гордился своим поступком, но иначе поступить просто не мог. Это был один из тех непростых выборов, когда ты жертвуешь малым, чтобы выиграть войну.

«Надо же, какая ирония, — подумал генерал. — Бедняги хотели показать мне тот же самый ролик, который им по моему приказу подкинул Гэб!..»

Дождавшись, пока машина скроется за горизонтом, генерал задернул шторы и отступил от окна.

Тейлору было искренне жаль Рассела и Тернера, но он не мог позволить, чтобы симпатия к двум жертвам обстоятельств порушила все его планы. Он немного лукавил, когда говорил, что противостояние Легиона и Синдиката нельзя назвать войной. На самом деле это конечно же была именно война, просто иного рода — тут не всегда решала пролитая кровь.

Куда важнее, кто первым сможет повесить эту кровь на другого.

Снаружи вновь послышался вой сирены. Это немного удивило генерала.

«Неужто копы решили вернуться? — думал он, снова возвращаясь в прихожую и подходя к окну. — Но зачем?»

Однако это была уже другая машина, патрульная, размеченная по всем правилам. И копы из нее вышли в форме, а не в штатском.

Когда они позвонили в дверь, Тейлор медленно потянул ручку на себя.

— Добрый вечер, сэр, — сказал один из офицеров, поправляя фуражку. — От вас поступил звонок в службу «девять-один-один». Где подозреваемые?

Что на это ответить, Тейлор сообразил далеко не сразу.

2031 г., Эль-Вафра, Кувейт

Полумрак успокаивал, даже немного расслаблял.

Глен Богут сидел в старом громоздком кресле и скользил взглядом по многочисленным мониторам, которые занимали все свободное пространство от столешницы до самого потолка. Это напоминало сцену из старого киберпанковского фильма — за тем лишь исключением, что из электроники на главном герое были разве что громоздкие часы на левом запястье, металлический браслет которых блестел в тусклом свете единственной закрепленной под потолком люминесцентной лампы.

Каждый монитор отвечал за три камеры, и потому таймер приложения каждые две секунды синхронно переключался с одной на другую, чтобы у Богута была возможность следить за всеми закутками старой гостиницы. Лишь на том экране, что находился в самом центре, картинка не менялась. Эта камера была направлена на «виновниц торжества» — Марину и Джулию. То, что сестра Мамонта жива, выдавала лишь ритмично вздымающаяся и опускающаяся грудь. А вот русская непоседа совершенно точно была в сознании — хлопая длинными ресницами, она отчаянно грызла выдавший виды кляп.

«Завидное упорство. Пусть и бессмысленное...»

Австралийский ликвидатор посмотрел на часы: без четверти семь. У Мамонта в запасе еще пятнадцать минут, но Богут не сомневался, что русский ликвидатор уже ошивается в окрестностях гостиницы. От осознания этого факта даже столь опытному солдату, как Глен, становилось немного не по себе. Кроме того, из головы не выходило донельзя лаконичное сообщение, которое Мамонт прислал в ответ на видеообращение Богута.

«Буду». На русском.

И все. Ни пометок, ни подписей, ни постскриптума, ни даже знаков препинания.

Казалось бы, Глен ясно дал понять, что без тени сожаления прикончит обеих девушек, если Мамонт хотя бы попытается обмануть судьбу. Но ведь озвученная цена за освобождение Марины и Джулии — жизнь русского ликвидатора, а этот факт вряд ли мог устроить Сергея... Богут раз за разом прокручивал в голове план операции в попытке отыскать изъяны, которыми может воспользоваться Сэм, но так ничего и не нашел. В кои-то веки алгоритм из головы удалось практически без потерь перенести в реальность.

Щелчком пальцев включив миниатюрный микрофон, закрепленный на мочке левого уха, Богут потребовал:

— Доложить обстановку в порядке очередности!

— Первый — чисто, — отозвался шарик наушника. — Второй — чисто. Третий...

— Отбой, — удовлетворенно подытожил австралийский ликвидатор, когда отчитался последний пост.

В полнейшей тишине было слышно лишь, как шагает по кругу секундная стрелка наручных часов.

* * *

Надо сказать, Сэм ей не понравился сразу.

Точнее, понравился, что греха таить, но веяло от него какой-то недосказанностью, проще говоря — брехней. Однако Марина пошла на поводу у сердца и открылась ему, а он... он ей врал. Как и многие другие мужики, которые девушке встречались до этого.

Вот только те ввали в мелочах, а этот — по-крупному.

С момента, как вскрылась правда насчет погибшей жены Сэма, Марина денно и ночью проклинала себя за внезапный порыв, приведший к их близости в темном переулке Эль-Вафры. Разве могла она предположить, что это была лишь малая, даже крохотная ложь в сравнении с тем, о чем ей днем позже поведал тот хмурый и страшный мужчина, майор Гэбстон? Нет, конечно же, не могла. Да знала б она, чем все это кончится, никогда б с ним и не заговорила даже! Но Марина, увы, не знала. И теперь ее судьба и судьба сестры Сэма, Джулии, зависит от его пунктуальности. Не придет он ровно в восемь — и обе они умрут.

А Сэм ведь может не прийти. Запросто. Бросил ведь он уже сестру много лет назад, состряпав фиктивный некролог, над которым Джулия наверняка часами рыдала, пока все слезы не выплакала. С Мариной Сэм,

конечно, поступил не так скверно, но ей и тех крупниц лжи хватило, чтобы ненавидеть его всем сердцем.

«Чертов негодяй!..»

Дурацкий кляп вонял рыбой, но девушка ничего не могла с этим поделать. Сходя с ума от бессилия, она с ненавистью смотрела в камеру под потолком, будто всерьез надеялась взглядом убить наблюдающего за ней живодера. Пусть сдохнет, пусть сгорит на месте, обратится в горстку пепла!.. А с ним — и проклятый обманщик Сэм. Два сапога пара, как говорят в России.

Джулия во сне вздрогнула и что-то пробормотала, на английском, еле слышно — Марина, по крайней мере, не разобрала. Вот уж кого больше всего жалко, так это бедняжку сестру, решила девушка, выворачивая шею в попытке заглянуть спящей пленнице в лицо. В отличие от Марины, которая к лишениям уже привыкла, Джулия явно была растением тепличным, домашним. У таких дамочек сломанный каблук — трагедия всей жизни, а если уж любимый «каен» не завелся, можно сразу в гроб ложиться... Марина и сама была такой когда-то — пока судьба не врезала ей кованым ботинком прямо в холеную мордашку.

Радовало одно — все это в самом ближайшем времени должно закончиться, так или иначе.

Только этим предвкушением развязки Марина и жила в те томительные минуты ожидания.

* * *

Без двух восемь в затылок Богуту уперлось нечто твердое и теплое. Австралиец буквально обмер; брови его моментально взлетели на лоб, а ладони вспотели.

— Обидно, наверное, — тихо произнес до боли знакомый голос, — когда твой идеальный план трещит по швам?

* * *

Он сидел передо мной, такой напряженный, такой беззащитный и жалкий, — насколько вообще может быть жалок загнанный в угол ликвидатор с сорокалетним стажем и блестящим послужным списком. Кажется, Гэб даже не дышал — куда там отвечать на мой ироничный

вопрос по поводу плана!..

— Мне следовало сразу догадаться, что Гэбстон — это ты, — продолжал я, рассматривая его бледный профиль. — Но мне с самого детства не очень-то даются ребусы и анаграммы...

— Может, ты уже заткнешься? — процедил австралиец.

По его интонации я понял, что он в бешенстве. Что ж, оно и не удивительно — ведь это я приставил к его затылку пистолет, а не наоборот.

— Не очень-то ты рад старому другу, — заметил я.

— Мы не друзья, — холодно проскрипел Глен.

— Но были ими.

— Главное не то, что было, а то, что есть сейчас. — Он наконец совладал с эмоциями и говорил теперь бесстрастным, унылым голосом престарелого университетского лектора. — Ты предал Легион. А я готов идти под знаменами Тейлора до самого конца. Тебе это ясно, сопляк?

С этими словами он резко встал, и я машинально нажал на спусковой крючок.

Грянул выстрел. Мозги брызнули во все стороны, и Глен Богут рухнул на пол, свалив кресло своим мускулистым телом. Я попятился назад, ошарашенно глядя на труп австралийского ликвидатора. Разумеется, я прекрасно понимал, что его в любом случае придется убить, и даже вроде бы умудрился морально подготовить себя к этому, но на деле все оказалось куда сложнее, чем мне представлялось.

К горлу подкатил ком, рука с пистолетом повисла плетью, а сам я сгорбился и, кажется, даже стал меньше ростом. Богут был настоящей глыбой, одним из могучих китов, на котором держалась громадина под названием Легион... и вот теперь он мертв. Я с трудом сдерживал тошноту, казалось, меня вот-вот вырвет прямо на его бездыханное тело.

Преодолевая сиюминутный порыв, я поднял мутный взгляд на мониторы. Отыскать Марину и Джулию удалось не сразу — картинка расплывалась перед глазами, подергивалась рябью, словно озерная гладь в ветреный день. Когда же я наконец сфокусировался на нужном экране, то первые полминуты лишь недоуменно рассматривал изображение, решив даже, что оно зависло. Прошла будто целая вечность, прежде чем из груди моей вырвался вопль боли и отчаяния, от которого, казалось, полопаются стекла в мониторах.

Я со всего размаха опустил оба кулака на столешницу, заставив пульт и прочие лежащие на ней предметы подпрыгнуть, и бессильно зарычал.

Две главные девушки в моей жизни, сестра и... и Эм, обе они сидели в одинаковых позах (подбородок уперт в грудь, глаза закрыты) и не

шевелились. То есть, от слова «совсем». Грудь не вздымалась при вздохе, не опускалась при выдохе, никакого намека на мимику, свойственную спящим. Собственно, поэтому я и решил изначально, что кадр завис, — ведь картинка с течением времени ни капли не менялась.

Но как же так? Я ведь убил Богута прежде, чем он успел их отравить... или нет? Каким образом старый пройдоха умудрился меня обмануть?

Я снова повернулся к Гэбу. Страсти немного улеглись, и теперь передо мной было всего лишь еще одно бездыханное тело, коих я на своем веку повидал весьма и весьма немало. Опустившись на корточки, я обшарил карманы Богута. Ничего. Никаких тебе крохотных пультов дистанционного управления, никаких секретных пуговиц, ключей и прочей мишуры — только пистолет да несколько мятых купюр достоинством в пять динаров.

Разозленный и даже оскорбленный, я заставил себя снова хорошенько осмотреть мертвеца. Упорство мое оказалось вознаграждено сполна: на сей раз я обратил внимание на часы, чей браслет опоясывал левое запястье покойного ликвидатора. Что-то щелкнуло в моем мозгу.

«Он ведь никогда не носил часов!..»

Схватив Богута за руку, я поднес циферблат к глазам и придирчиво осмотрел.

На первый взгляд — ничего особенного. Но где-то я подобные уже видел прежде, сто процентов.

Вопрос только — где?

Медленно повернувшись к экранам, я сощурился, надеясь углядеть нужную деталь с дальнего расстояния, однако зрение мое было не настолько идеальным. Пришлось подойти поближе — и лишь огромным усилием воли подавить рвущийся наружу крик: у Марины на запястье были точно такие же часы, как у австралийца. К сожалению, рук моей бедной сестрицы Джулии с выбранного ракурса я увидеть не мог, однако этого уже, по сути, и не требовалось.

«И почему я до сих пор стою здесь? — запоздало спросил себя я. — Почему до сих пор не рядом с ними?»

Потому что силы оставили меня. Все, на что я был способен в те мгновения, — это беспомощно пялиться на экран, пытаюсь понять, как умерли две важнейшие женщины в моей жизни...

«Умерли...» — гулким эхом разнеслось по черепной коробке.

Я мотнул головой, отгоняя эту крамольную мысль. Нет, нет, этого просто не может быть! Неужели все напрасно, все, что я пережил, дабы спасти проклятого капитана Харта, вернуться в Эль-Вафру и убить своего вчерашнего друга, ставшего злейшим врагом? Я зарекался соваться в этот

город вновь, мой план не мог сработать во второй раз...

И, похоже, действительно не сработал.

Богут оказался хитрее. Наверное, это шестое чувство, помноженное на опыт, стаж и выучку. Сам он всегда звал это лаконично и емко — «чуйка». Он не мог знать наверняка, что мне по силам обойти все предложенные ловушки и камеры видеонаблюдения. Но «чуйка» подсказала, что это не *невозможно*, а просто *крайне маловероятно*. Тогда-то он, видимо, и связал собственную жизнь в тугой узел с двумя другими — моей сестры и Марины, — чтобы забрать их на тот свет вместе с собой.

До чего же низко, Глен, до чего же мерзко — таким образом портить мне триумф. Ты все-таки куда более толковый ученик Тейлора, чем я, — тот тоже вечно твердит, что «на войне все средства хороши», и нередко гробит своих, чтобы чужие боялись.

Краем глаза я заметил движение на экране слева от центрального. На него, судя по всему, транслировалось видео с одной из уличных камер. Присмотревшись, я увидел, что к зданию гостиницы потихоньку стягиваются солдаты в форме Легиона. Пара секунд — и на прочих экранах, связанных с уличными камерами, тоже стали появляться бойцы Тейлора. Они уверенно шагали к парадному входу, толпились у задней двери и забирались в окна со стороны проулка. Вот самые юркие уже шествуют по коридору, на ходу снимая с предохранителей автоматы. Я удивленно смотрю на них.

С чего это они внезапно поперли сюда из своих укрытий? Время только три минуты восьмого! Или у них приказ — если через две Мамонт не объявится, подниматься наверх, к Богуту?

Я опустил взгляд и уставился на часы на руке убитого австралийца. На крохотном электронном циферблате горели нули.

Вот это, пожалуй, и есть код ко всему. Это и ничто иное.

Я прильнул к экрану, пытаюсь рассмотреть часы на запястье Марины. На сей раз меня интересовали цифры. Если у нее тоже по нулям, можно уже не спешить — все кончено. Но если там хоть какие-то другие цифры присутствуют...

Есть!

Неужели мне хоть в чем-то повезло?!

Если моя догадка верна, то эти хитрые часы показывают пульс человека, на руку которого они надеты. У мертвого Богута пульса, естественно, нет, поэтому и «ноль». Но у Марины на циферблате «пятерка»!..

Я пробежал взглядом по мониторам, старательно рассматривая

каждый. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы воссоздать модель гостиницы в собственной голове и прикинуть, где находится комната с пленницами. Хорошей подсказкой стал крохотный экран в углу, на котором была дверь с номером «пятьдесят восемь».

Наверняка там-то я и найду моих несчастных девочек.

Солдаты, меж тем, уже медленно поднимались по лестницам. Они наслышаны были о старине Мамонте и потому, несмотря на колоссальный численный перевес, на рожон не лезли.

Никто ведь не хочет умирать, даже ради общего блага.

Ну, кроме Богута.

Когда первые смельчаки поднялись на мой этаж, я понял, что медлить больше нельзя.

И первым делом выключил свет, погрузив всю гостиницу во мрак.

2031 г., Нью-Йорк, США

Бледный худосочный джентльмен в нежно-голубой сорочке и темно-синих брюках сидел за столом в позе прилежного ученика — ноги согнуты, спина прямая, ладони лежат на коленях. Перед джентльменом был огромный монитор, на который он смотрел, казалось, совершенно равнодушно.

Однако когда экран стал черным, физиономию Бледного перекосила гримаса раздражения. Правда, он живо собрался и стер эмоции с лица, но факт оставался фактом: случившееся немало его разозлило.

Пожевав нижнюю губу, Бледный сухо поинтересовался:

— Проблемы ведь не на нашей стороне, Искин?

— Нет, сэр, — монотонно отозвался искусственный интеллект.

— В такие моменты я искренне жалею, что нахожусь в сотне километров от места событий, — признался Бледный.

Искин молчал. Вопросы хозяин не озвучивал, а значит, ответов не ждал.

— Посчитай мне вероятность выживания, — подумав немного, сказал джентльмен.

— Десять процентов, сэр, — тут же ответил Искин.

— Много, — задумчиво пробормотал Бледный.

Он снова взялся за нижнюю губу — признак крайней задумчивости.

— Отправь сообщение Харту, — наконец произнес джентльмен. — Напиши «Сэм, ЭВ, жив».

— Как пометить, сэр?

— От мистера Гопкинса, — не задумываясь, ответил Бледный.

После небольшой паузы Искин сообщил:

— Сообщение доставлено адресату.

Джентльмен закрыл глаза и веско кивнул.

Теперь оставалось только ждать.

Эпилог

2031 г., Ларедо, США

Лохматый бродяга в потертой куртке с поднятым воротом, черной бейсболке и в черных же солнцезащитных очках с поцарапанными стеклами стоял у витрины магазина и смотрел на экран огромного телевизора, низкая цена которого должна была завлечь народ на проходящую внутри распродажу. Духота в Ларедо царила страшная, и одетый не по погоде мужчина явно изнывал в своем наряде, однако, судя по всему, даже не помышлял о том, чтобы расстегнуть или вовсе снять куртку. Видимо, слишком увлечен был выпуском новостей, который транслировался по уцененному телевизору. И хотя слышать голос диктора через толстенное стекло мужчина не мог, картинку и бегущую строку внизу экрана он видел прекрасно.

На фото в правом верхнем углу был запечатлен накачанный негр, ничком лежащий на проселочной дороге. Разглядеть его физиономию не представлялось возможным, однако бродяга в потертой куртке и так знал, кем был этот парень.

Его единственным другом.

Вчера бездомный уже наблюдал выступление агента Паттерсона, который, как сообщалось, попал в аварию в тот самый день, когда погиб капитан Барнс. «Федерал» с грустью сообщал журналистам, что действительно был знаком с беглым детективом Тернером, и выражал крайнее удивление тем, что его приятель пошел по скользкой дорожке беззакония. Умом Тернер понимал, что Паттерсон говорит так лишь для того, чтобы самому не попасть за решетку. Но сердцем он не мог простить агенту такой поступок.

Читать текст сегодняшней новости было еще больнее. Бегущая строка гласила: «Сержант Пол Рассел, глава ударного отряда из полицейского управления Вашингтона, подозреваемый в восьми убийствах, обнаружен мертвым неподалеку от ранчо «Эстрелла», принадлежащего генералу ВВС в отставке Джону Тейлору. Предположительно, убит своим подельником, детективом Ларри Тернером, который по-прежнему находится в розыске».

Следом на экране появилось фото темноволосого мужчины чуть за сорок с гладко выбритым подбородком. Под снимком была надпись

крупными буквами «Разыскивается», а чуть ниже, помельче, «Ларри Тернер, детектив полицейского управления Вашингтона, округ Колумбия».

Завидев портрет опального копа, бродяга невольно съежился и втянул голову в плечи.

— Надо же, — вырвалось у него, — как я был хорош...

Проходившая мимо молодая брюнетка одарила его брезгливым взглядом и проворчала в гарнитуру:

— Ой, да все в порядке, мам, просто тут мужик какой-то, вонючий, лохматый... Ужас... Когда уже мистер Уоррен наведет порядок в наших Соединенных Штатах?.. Это же невозможно просто...

Тернер зло зыркнул девушке вслед, но тут же себя одернул. Чем меньше внимания он обращает на окружающих, тем меньше они приглядываются к нему. Мексика была вон она, рукой подать. Единственная насущная проблема — тайком пересечь границу, все остальное его уже не касается. Отвернувшись от экрана, детектив устремился вверх по улице. До нужного ему проулка было рукой подать, но это не значило, что нужно идти вразвалочку, не спеша. Лучше поторопиться и лишний раз не мозолить глаза прохожим, а то мало ли, попадется ему какой-нибудь не в меру ответственный гражданин... вроде генерала Тейлора или Уоррена.

Тернер невольно поежился, вспомнив, как они болтались на заднем сиденье полицейского «порша» с мигалкой, ожидая, что их отвезут в ближайший участок.

Однако колымага не проехала и пары миль, когда Худющий, сидевший за рулем, заглушил мотор, а Коренастый, пыхтя, вылез наружу.

— Что происходит? — пробормотал Ларри, недоуменно наблюдая за происходящим.

Коренастый открыл дверь и буквально выволок Рассела наружу. То же самое Худющий проделал с Тернером парой мгновений позже.

— Что происходит? — испуганно воскликнул детектив, не понимая, что происходит.

Худющий достал пистолет, вытянул руку и направил его на Рассела.

— Эй, что за дела?! — вскинув брови, рявкнул сержант. — Вы что тут, самосуд решили устроить?

— Стой не рыпайся, — велел Худющий.

Коренастый споро расстегнул наручники Рассела и спрятал их в карман. Негр хотел помассировать затекшие запястья, однако Худющий его одернул:

— Руки опусти, ты че, тупой?

Рассел скрипнул зубами, но подчинился.

Коренастый тем временем освободил Тернера и отступил к напарнику, который продолжал держать пистолет в вытянутой руке. Друзья переглянулись, до сих пор не понимая, почему с них сняли наручники.

— И что... что же дальше? — хриплым от волнения голосом осведомился детектив.

— А дальше — бегите, — сказал Коренастый. — Вы свободны.

— Свободны? — не поверил ушам Рассел. — Но... почему? Это типа такой розыгрыш или что?

— Подарок от хозяина. Бегите, пока мы не передумали, — посоветовал Худющий.

Друзья, продолжая растерянно переглядываться, повернулись к копам спиной и медленно устремились прочь.

— Шустрой, шустрой! — прикрикнул на них Коренастый и тоже схватился за пистолет.

Тернер и Рассел перешли на бег. Негр, конечно, мог запросто обогнать менее подготовленного к кроссу товарища, но предпочел семенить рядом с пыхтящим детективом. На губах беглецов сами собой возникли робкие улыбки. Оба никак не могли поверить в свое счастье. Они пока не знали, куда пойдут, у них не было ни оружия, ни транспорта, но, по крайней мере, были их жизни...

А потом грянул выстрел.

В ночной тишине, нарушаемой только сверчками да приглушенным гулом далекой гидростанции, он прозвучал особенно ярко, словно мощнейший взрыв. Тернер испуганно скосил глаза на собственную грудь, но ничего не увидел. Он был цел и невредим.

А вот сержанту повезло меньше.

— Рас! — воскликнул Ларри. Выпучив глаза, он смотрел, как негр падает на дорогу, захлебываясь кровью. Он умер еще до того, как тело коснулось земли; пуля убила его практически мгновенно.

— Бежать! — брызжа слюной, рявкнул Худющий. — Или тоже хочешь?!

И детектив бросился наутек, забыв про усталость. Перед глазами застыло удивленное лицо умирающего Рассела. Тернер так и не смог убрать тело с дороги: поначалу он долго бежал, надеясь, что за ним не станут гнаться, а когда надумал вернуться, над трупом уже суетились настоящие копы.

Сколько прошло с той поры? Неделя? Шесть бессонных ночей, большую часть из которых он либо шел, либо прятался по закоулкам от

любопытных глаз, стараясь сойти за бездомного, на которого у людей успешных смотреть не принято. Борода за эту неделю стала еще более лохматой, а шевелюра, некогда аккуратно постриженная, больше смахивала на огромное гнездо сказочной птицы Рух. Узнать в бродяге детектива Ларри Тернера с того замечательного снимка смогла бы, пожалуй, только родная мать (уже почившая) да, может, бывшая жена. Но та еще несколько лет назад канула в Вайоминге, а это почти на три тысячи миль севернее...

В то время как Тернер не сегодня-завтра покинет страну и отправится в Мексику.

Собственно, решение тайно пересечь границу пришло к нему в тот самый злополучный вечер, когда погиб Рас. Ему приписывали восемь убийств (а после смерти чернокожего сержанта — и все девять), а за это в Аризоне полагалась смертная казнь. Вот потому-то Тернер и надумал валить за границу.

Подарок от хозяина?

На кого работала парочка Коренастый — Худющий — на Уоррена? Или на Тейлора? Стал бы генерал устраивать целый спектакль с мигалкой на крыше старого «порша» и фальшивыми полицейскими бляхами?

А может, все дело в том, что в происходящей кутерьме, помимо лидеров Синдиката и Легиона, замешана какая-то третья сторона, о которой детективу ничего не известно?

Голова Тернера едва ли не лопалась от миллиарда мыслей, которые он постоянно прокручивал в голове, рискуя сойти с ума на почве домыслов и параной. Ему бы о побеге в Мексику больше думать, а он все пытается определить, кто на кого работал...

Погруженный в мысли, он свернул в проулок, где возле бордового мусорного бака его дожидался завернутый в газету остывший хот-дог.

Надо было набираться сил перед грядущим побегом из Штатов, в которых честным людям стало слишком трудно жить.

2015 г.